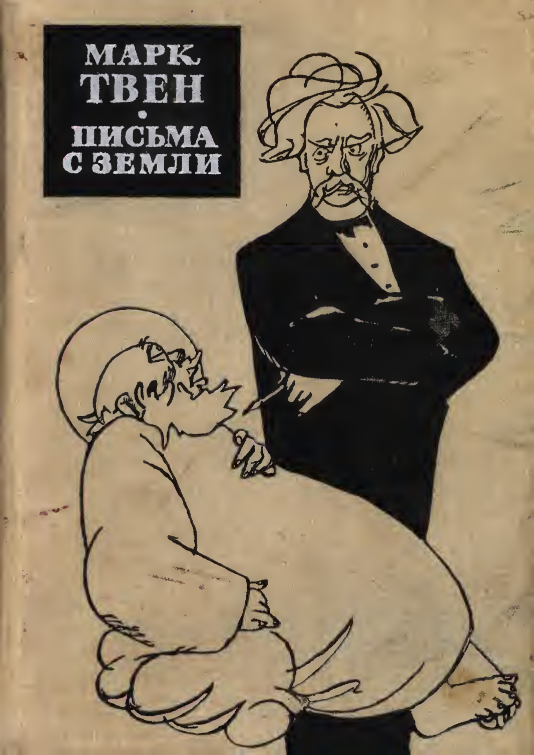

МАРК ТВЕН
ПИСЬМА С ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1964
★

Марк Твен

ПИСЬМА С ЗЕМЛИ

Москва · 1964

И(Амер.)
Т 26

Эта книга представляет собой сборник антирелигиозных и антиклерикальных произведений великого американского сатирика Марка Твена (1835—1910), в которых он подвергает критике религиозную мораль, вероучение и деяния христианских церквей.

Сборник открывается ярким сатирическим произведением «Письма с Земли», свыше 50 лет остававшимся неизвестным читателям и увидевшим свет только в 1962 г. (Нью-Йорк, 1962). Читатели познакомятся и с другими атеистическими рассказами, очерками, памфлетами писателя, которые характеризуют Марка Твена как убежденного атеиста, непримиримого борца с жестокостью, несправедливостью, лицемерием.

«Письма с Земли» с большим интересом прочтут советские читатели, как верующие, так и неверующие.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция научно-атеистической литературы.

ПИСЬМА С ЗЕМЛИ

Творец сидел на Престоле и размышлял. Позади Него простиралась безграничная твердь небес, купавшаяся в великолепии света и красок, перед Ним стеной вставала черная ночь Пространства. Он вздымался к самому зениту, как величественная крутая гора, и Его божественная глава сияла в вышине подобно далекому солнцу. У Его ног стояли три гигантские фигуры, казавшиеся по контрасту совсем ничтожными,— то были архангелы, чьи головы почти достигали Его щиколотки.

Когда Творец кончил размышлять, Он сказал:

— Я поразмыслил. Узрите!

Он поднял руку, и из нее вырвалась ослепительная огненная струя — миллион колоссальных солнц, которые пронизали мрак и, рассекая Пространство, понеслись к самым отдаленным его пределам, становясь все меньше, все тусклее, пока не уподобились алмазным шляпкам гвоздей, мерцающим под безмерным сводом вселенной.

Через час Большой совет был распущен.

Архангелы, потрясенные и озадаченные, удалились из-под сени Престола и поспешили отыскать укромное местечко, где они могли бы свободно побеседовать. Впрочем, никто из троих не торопился начинать, хотя каждый с нетерпением ждал, чтобы начал другой. Всем им очень хотелось обсудить великое событие, но нельзя же было высказывать свое мнение, не узнав предварительно точку зрения остальных! И вот начался бесцельный вялый разговор о пустяках, который то обрывался, то вновь начинался, пока, наконец, архангел Сатана не призвал на помощь все свое мужество — а мужества у него было немало — и не перешел к делу. Он сказал:

— Мы знаем, господа мои, о чем мы пришли сюда потолковать, так отбросим же притворство и начнем. Если таково мнение Совета...

— Именно, именно,— благодарно воскликнули Гавриил и Михаил.

— Отлично, так продолжим же. Мы были свидетелями замечательного деяния — это само собой разумеется. Что касается его практической ценности — если у него есть практическая ценность,— то этот вопрос нас никак не касается. Мы можем думать о нем, что пожелаем,— но и только. Права голоса у нас нет. Я считаю, что Пространство было хорошо и в прежнем виде, и к тому же очень полезно. Холодное, темное, приятное место, где можно было иногда отдохнуть от изнеживающего климата небес и их докучного великолепия. Но все это мелочи, не имеющие значения. Нововведение, важнейшее нововведение заключается... В чем заключается, господа?

— В изобретении и введении механического самодействующего и саморегулирующегося *закона,* предназначенного для управления мириадами этих вращающихся и мчащихся наперегонки солнц и миров.

— Вот именно,— подхватил Сатана.— Заметьте, какая колоссальная идея! Верховный Разум не порождал еще ничего равного. Закон — *механический* Закон, точный и неизменный Закон, который не требует ни наблюдения, ни поправок, ни починок на протяжении всей вечности. Он сказал, что эти бесчисленные огромные тела будут пронизывать пустыни Пространства на протяжении бесконечных веков, мчась с невообразимой скоростью по гигантским орбитам и все же никогда не сталкиваясь, не увеличивая и не сокращая периода своего обращения даже на сотую долю секунды за две тысячи лет! В этом-то и заключается новое чудо, величайшее из всех чудес, *механический Закон!* И Он дал ему название — «ЗАКОН ПРИРОДЫ» и сказал, что это есть «ЗАКОН БОГА» — два взаимозаменяемые названия одного и того же явления.

— Да,— заметил Михаил,— и еще Он сказал, что введет Закон Природы — ЗАКОН БОГА — во всех своих владениях и сделает его верховным и нерушимым.

— И еще,— добавил Гавриил,— Он сказал, что со временем создаст животных и также подчинит их этому Закону.

— Да,— сказал Сатана,— я слышал, как Он это говорил, но ничего не понял. Что такое «животных», Гавриил?

— А я почем знаю? Откуда нам это знать? Слово-то новое.

(Проходит три столетия по небесному времени, равняющиеся ста миллионам лет по земному времени. Входит Ангел-Рассыльный.)

— Господа мои, Он творит животных. Не благоугодно ли вам пойти и посмотреть?

Они пошли, они увидели и исполнились недоумения. Глубочайшего недоумения — и Творец заметил это и сказал:

— Спрашивайте, я отвечу.

— Божественный! — сказал Сатана с глубоким поклоном.— А зачем они?

— Они нужны, чтобы экспериментальным путем установить принципы поведения и морали. Глядите на них и поучайтесь.

Их были тысячи, и все они были очень деятельны. Все были заняты, очень заняты — в основном истреблением друг друга. Исследовав одного из них через сильный микроскоп, Сатана сказал:

— Этот большой зверь убивает тех, кто слабее, о Божественный.

— Тигр? Ну конечно. Закон его природы — свирепость. Закон его природы — это Закон Бога. Тигр не может его ослушаться.

— Так значит, подчиняясь ему, он не совершает никакого преступления, о Божественный?

— Да, он ни в чем не повинен.

— А вот этот зверек очень робок, о Божественный, и приемлет смерть, не сопротивляясь.

— Кролик? Ну конечно. Он лишен храбрости. Таков закон его природы, Закон Бога. Он должен ему подчиняться.

— Так значит, несправедливо было бы требовать, чтобы он поступал вопреки своей природе и оказывал сопротивление, о Божественный?

— Да. Ни от одного существа нельзя требовать, чтобы оно поступало вопреки закону своей природы — вопреки Закону Бога.

Сатана еще долго задавал вопросы, а потом сказал:

— Паук убивает муху и поедает ее. Птица убивает паука и поедает его. Рысь убивает гуся, а... короче говоря, они все убивают друг друга. Одни убийства, куда ни глянь. Этих тварей бесчисленное множество, и они убивают, убивают, убивают. Все они убийцы. И все они безвинны, о Божественный?

— Они безвинны. Таков закон их природы. А закон природы всегда — Закон Бога. А теперь... глядите... Узрите! Новая тварь, и к тому же шедевр — *Человек!*

И возникли кучки, толпы, миллионы мужчин, женщин, детей.

— А с ними что ты будешь делать, о Божественный?

— Вложу в каждого отдельного индивида в различных степенях и оттенках все те разнообразные нравственные качества, которые были распределены по одной характерной черте среди всех представителей бессловесного животного мира,— храбрость, трусость, свирепость, кротость, честность, справедливость, хитрость, двуличие, великодушие, жестокость, злобу, коварство, похоть, милосердие, жалость, бескорыстие, эгоизм, нежность, честь, любовь, ненависть, низость, благородство, верность, двоедушие, правдивость, лживость,— каждый человек получит все эти качества, и из них составится его природа. У некоторых высокие прекрасные черты возобладают над дурными, и таких будут называть «хорошими людьми», в других будут властвовать дурные черты, и их назовут «плохими людьми». Глядите... узрите... они исчезают!

— Куда они, о Божественный?

— На Землю, и они, и все их собратья — животные.

— А что такое Земля?

— Шарик, который я сотворил две эры, эру и пол-эры тому назад. Вы видели его во взрыве миров и солнц, которые вырвались из моей руки, но не обратили на него внимания. Человек — это эксперимент, а животные — это еще один эксперимент. Время покажет, стоило ли с ними возиться. Демонстрация окончена. Можете удалиться, господа мои.

Прошло несколько дней.

Они соответствуют длительному периоду (нашего) времени, ибо на небесах день равен тысячелетию.

Сатана бурно восхищался некоторыми блестящими выдумками Творца, но в этих похвалах нетрудно было заметить иронию. Высказывал он их конфиденциально своим надежным друзьям, другим архангелам, но кое-кто из рядовых ангелов подслушал его и сообщил Наверх.

В наказание он был выслан с небес на один день — на небесный день. Он давно уже привык к подобным наказаниям, которые то и дело навлекала на него чрезмерная бойкость его языка. Прежде его ссылали в Пространство, поскольку других мест для ссылки не имелось, и он уныло порхал там в вечной ночи и арктическом холоде. Однако теперь он решил разыскать Землю и посмотреть, как подвигается эксперимент с Человечеством. Через некоторое время он написал домой — самым частным образом — архангелам Михаилу и Гавриилу о том, что он там увидел.

ПИСЬМО САТАНЫ

Это очень странное место, необычайное и весьма интересное. У нас дома нет ничего подобного. Люди все сумасшедшие, остальные животные все сумасшедшие, Земля сумасшедшая, и сама Природа тоже сумасшедшая. Человек — на редкость любопытная диковинка. В своем наилучшем виде он напоминает лакированного ангела самой низшей категории, а когда он по-настоящему плох, это нечто невообразимое, неудобопроизносимое; и всегда, и везде, и во всем он — пародия. И все же он с полной невозмутимостью и искренностью называет себя «благороднейшим творением божиим». Честное слово! И нельзя сказать, чтобы эта идея пришла ему в голову недавно — во все века он провозглашал ее и верил в нее. Верил в нее, и никто из всего этого племени еще ни разу не заметил, насколько она смехотворна.

Кроме того — крепитесь! — он считает себя любимцем Творца. Он верит, что Творец гордится им, он даже верит, что Творец любит его, сходит по нему с ума, не спит ночами, чтобы восхищаться им, да, да — чтобы бдеть над ним и охранять его от бед. Он молится Ему и думает, что Он слушает. Мило, не правда ли? Да еще нашпиговывает свои молитвы грубейшей откровенной лестью и полагает, будто Он мурлычет от удовольствия, слушая подобные нелепые славословия. Каждый день он молится, прося помощи, милости и защиты, и молится с надеждой и верой, хотя до сих пор все его молитвы до единой оставались без ответа. Но такой ежедневный афронт, ежедневный провал его не обескураживает — он продолжает молиться как ни в чем не бывало. В этом упорстве есть что-то почти прекрасное. Крепитесь! Он думает, что отправится на небеса!

У него есть платные учителя, которые твердят ему об этом. Они твердят ему также об аде, вечной геенне огненной, куда он попадет, если не будет соблюдать «заповедей». Что такое «заповеди»? Очень любопытная штука. В свое время я вам о них расскажу.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Все, что я сообщаю вам о человеке,— чистая правда». Заранее прошу прощения, если эти слова будут иногда повторяться в моих письмах; я хочу, чтобы вы серьезно относились к моим рассказам, а я чувствую, что, будь я на вашем месте, а вы на моем, мне время от времени требовалось бы подобное напоминание, иначе моя доверчивость могла бы истощиться.

Ибо в человеке все кажется бессмертному странным. Его взгляд на вещи отличен от нашего; его представление о взаимоотношении явлений совсем не похоже на наше, а его понятия настолько расходятся с нашими, что, несмотря на весь наш интеллект, вряд ли даже самый одаренный из нас когда-нибудь сможет до конца постичь его точку зрения.

Вот вам характерный пример: он придумал себе рай и не допустил в него высшее из всех известных ему наслаждений, экстаз, который его племя (как и наше) ценит более всего,— половой акт.

Словно погибавшему в жаркой пустыне путнику его спаситель предложил все то, о чем он мечтал в часы страданий, попросив сделать только одно какое-нибудь исключение,— и путник отказался от воды!

Рай человека подобен ему самому: странный, интересный, поразительный, нелепый. Право же, в нем не нашлось места ничему из того, что человек *действительно ценит*. Рай этот целиком и полностью состоит из развлечений, которые здесь, на Земле, человеку вовсе не нравятся,— и тем не менее он убежден, что в раю они придутся ему по вкусу. Разве это не любопытно? Разве это не интересно? И не думайте, что я преувеличиваю,— отнюдь нет. Я приведу вам факты.

Большинство людей не любит петь, большинство людей не умеет петь, большинство людей не выдерживает чужого пения дольше двух часов. Заметьте это.

Из сотни человек примерно только двое умеют играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, и в той же сотне не наберется и четверых, которые хотели бы этому научиться. Заметьте также и это.

Многие люди молятся, но любят этим заниматься очень немногие. Лишь единицы молятся долго, остальные стараются выбрать молитву покороче.

Далеко не все те, кто ходит в церковь, любят туда ходить.

Для сорока девяти человек из пятидесяти соблюдение Дня Субботнего — унылейшая и скучнейшая обязанность.

Из тех, кто сидит в церкви в воскресенье, две трети устают еще до половины службы, а остальные — прежде, чем она кончится.

Самый радостный миг для всех них — когда священник воздевает руки для благословения. По всей церкви проносится тихий шорох облегчения, и вы чувствуете, что он исполнен благодарности.

Все нации смотрят сверху вниз на все остальные нации.

Все нации недолюбливают все остальные нации.

Все белые нации презирают все остальные нации любого оттенка кожи и угнетают их, когда только могут.

Белые не желают вступать в брак с «черномазыми» и вообще с ними соприкасаться.

Они не допускают их в свои школы и церкви.

Весь мир ненавидит евреев и терпит их, только когда они богаты.

Я прошу вас хорошенько заметить все эти факты [1].

---

[1] Здесь и в дальнейшем Марк Твен, рисуя картины земной жизни, выступает как критик современных ему США, разоблачая лицемерие церкви, национализм, антисемитизм, шовинизм, преследования негров, царившие в США и в его время *(Ред.)*.

Далее. Все нормальные люди не любят шума.

Все люди, нормальные и ненормальные, любят разнообразие. Однообразная жизнь им быстро приедается.

Каждый человек в меру доставшихся ему интеллектуальных способностей постоянно упражняет свой ум, и эти упражнения составляют весьма существенную, ценную и важную часть его жизни. Самый неразвитый человек, как и самый образованный, обладает какой-нибудь своей способностью и испытывает подлинное удовольствие, пуская ее в ход, доказывая ее и совершенствуя. Уличный мальчишка, превосходящий своего товарища в играх, извлекает из своего таланта столько же радости и так же старательно его развивает, как скульптор, художник, музыкант, математик и все прочие. Никто из них не мог бы чувствовать себя счастливым, если бы на его талант был наложен запрет.

Теперь вы знаете все факты. Вам известно, что нравится людям, а что им не нравится. И вот человечество изобрело рай — по собственному разумению, без всякой помощи со стороны. Так попробуйте догадаться, на что он похож. Бьюсь об заклад, не догадаетесь и за две тысячи вечностей! Самый острый ум, известный вам или мне, не додумался бы до этого и за пятьдесят миллионов вечностей. Погодите, сейчас я вам все расскажу.

1. Во-первых, я напомню вам тот поразительный факт, с которого я начал, а именно — что человек, хотя он, подобно бессмертным, естественно, ставит соитие выше всех других радостей, все же не допустил его в свой рай! Даже мысль о соитии возбуждает его. Когда ему предоставляется возможность осуществить его, он приходит в исступление и готов поставить на карту жизнь, репутацию, все — даже свой нелепый рай,— лишь бы использовать этот случай и достичь чудесной кульминации. С юности и до старости все мужчины и все женщины ставят соитие выше всех других удовольствий, вместе взятых, и однако, как я уже сказал, ему нет места в их раю, его заменяет молитва!

Да, они ценят его чрезвычайно высоко, и все-таки, подобно всем другим их так называемым «блаженствам», оно чрезвычайно жалко. Даже в лучшем случае этот акт у них невообразимо краток — с точки зрения бессмертного, я хочу сказать. И в повторении его человек ограничен настолько, что... нет, бессмертным этого не понять. Мы, испытывающие это наслаждение и его высший экстаз без перерыва и остановки в течение столетий, никогда не сумеем по-настоящему и с должным

сочувствием постичь ужасающую нищету людей во всем, что касается этого великолепного дара, который, когда им владеют так, как владеем мы, делает все остальные удовольствия ничтожными и ничего не стоящими.

2. В человеческом раю *все поют!* Человек, который на Земле не пел, там поет; человек, который на Земле не умел петь, там обретает эту способность. И это вселенское пение длится постоянно, непрерывно, не перемежаясь ни минутой тишины. Оно продолжается весь день напролет, и каждый день по двенадцать часов подряд. *И никто не уходит,* хотя на земле подобное место опустело бы уже через два часа. И поют только псалмы. Да нет, всего один псалом. Слова всегда одни и те же, исчисляются они примерно десятком. В псалме этом нет и подобия ритма или хоть какой-нибудь поэтичности: «Осанна, осанна, осанна, Господь Бог Саваоф, ура, ура, ура, вззз, бум!.. а-а-а!»

3. Одновременно все до единого играют на арфах — все эти мириады! — хотя на земле не нашлось бы и двадцати человек на тысячу, которые умели бы играть на музыкальных инструментах или хотели бы этому научиться.

Представьте себе этот оглушающий ураган звуков — миллионы и миллионы голосов, вопящих одновременно, и миллионы и миллионы арф, отвечающих им скрежетом зубовным! Скажите мне: разве это не ужасно, не отвратительно, не безобразно?

И вспомните: все это проделывается, чтобы вознести хвалы, чтобы доставить удовольствие, польстить, выразить свое обожание! Хотите знать, кто же по доброй воле готов терпеть такое странное восхваление, достойное сумасшедшего дома? И кто не только терпит его, но и радуется ему, наслаждается им, требует его, *приказывает,* чтобы хвала была именно такой? Замрите.

Это — бог. Бог людского племени, хочу я сказать. Он восседает на Престоле, окруженный двадцатью четырьмя высшими сановниками, а также другими придворными, взирает на бесконечные квадратные мили своих неистовствующих поклонников, и улыбается, и мурлычет, и довольно кивает на север, на восток, на юг — готов поручиться, что во всей вселенной никто еще не измыслил более нелепого и наивного зрелища.

Нетрудно догадаться, что изобретатель этого рая не придумал его самостоятельно, а просто взял за образчик придворные церемонии какой-нибудь крохотной монархии, затерявшейся на задворках Востока.

Все нормальные белокожие люди терпеть не могут шума. И тем не менее они безмятежно приемлют подобный рай — не задумываясь, не размышляя, не исследуя вопроса,— и даже искренне хотят туда попасть! Благочестивые седовласые старцы большую часть своего времени посвящают мечтам о том счастливом дне, когда они оставят заботы земной жизни и вкусят блаженства этого местечка. И в то же время легко заметить, насколько оно для них нереально и как мало они на самом деле в него верят: недаром они никак не готовятся к великой перемене — никто из них не упражняется на арфе и никогда не поет.

Как вы уже видели, этот необычайный спектакль нужен для вознесения хвалы — хвалы, изливаемой в псалме, хвалы, выражаемой коленопреклонением. Он заменяет «церковь». А ведь здесь, на земле, люди не переносят больших доз церковной службы: час с четвертью — вот их предел, да и то не чаще раза в неделю. То есть, по воскресеньям. Один день из семи, и даже при таких условиях они ждут его без особого нетерпения. Итак, что же обещает им их рай? Церковную службу, которая длится вечно, и День Субботний, не имеющий конца! Им быстро приедается даже их здешний коротенький день субботний, наступающий лишь раз в неделю, и все же они жаждут, чтобы он длился вечно; они грезят об этом, они говорят об этом, они *думают,* что они думают, что он сулит им блаженство; с трогательным простодушием они думают, что они думают, что они смогут быть счастливы в таком раю.

А все потому, что они вообще не умеют думать; они только думают, будто они думают. На самом же деле думать они не способны; на десять тысяч человек не наберется и двух, у которых было бы чем думать. А что касается их воображения...— взгляните на их рай! Они приемлют его, они одобряют его, они восхищаются им. Достаточно и этого, чтобы вы получили полное представление об их разуме.

4. Изобретатель их рая ссыпает в него без разбора все нации. И к тому же на основе полнейшего равенства, не возвышая и не принижая ни одну из них: они должны быть «братьями», всегда пребывать вместе, вместе молиться, вместе бренчать на арфах, вместе тянуть осанну — и белые, и чернокожие, и евреи, и все прочие: никаких различий между ними не делается. Здесь, на земле, все нации ненавидят друг друга, и каждая из них ненавидит евреев. И все же любой благочестивый человек обожает этот рай и лелеет мечту попасть в него. Совершенно искренне. И в святом восторге он думает, будто он

думает, что, попав туда, он обнимет все земные племена и начнет безостановочно прижимать их к своей груди!

Человек — настоящее чудо! Хотел бы я знать, кто его выдумал.

5. Каждый человек на земле обладает своей долей рассудка, велика она или мала; и он гордится ею, какова бы она ни была. И сердце его переполняется гордостью, когда он слышит имена великих мыслителей своего племени, и он любит слушать о их дивных свершениях. Ибо он одной с ними крови, и, прославив себя, они прославили его. «Вот на что способен человеческий разум!» — восклицает он и перечисляет мудрецов всех веков, вспоминая бессмертные книги, которые они подарили миру, чудеса техники, которые они придумали,— весь тот блеск, который они придали науке и искусству; перед ними он обнажает голову, как перед монархами, и искренне воздает им все почести, какие только может изобрести его исполненное радости сердце, тем самым вознося разум надо всем, что только есть в его мире, и признавая его единственным и верховным владыкой! А после этого он стряпает рай, в котором не найти и жалкого клочка разума.

Странно, любопытно, непонятно? И все же дело обстоит именно так, как я рассказал, хотя это и кажется невероятным. Этот искреннейший поклонник разума, по заслугам ценящий его величественную роль здесь, на земле, сочинил религию и рай, которые не почитают разума, не хвалят его, не ставят его ни в грош — короче говоря, даже не упоминают о его существовании.

Вы, вероятно, уже убедились, что человеческий рай был замыслен и построен по совершенно определенному плану, заключающемуся в том, чтобы рай этот содержал до последней мелочи все, что отвратительно человеку, и не имел в себе ни единой вещи, ему приятной!

И чем глубже мы будем исследовать предмет, тем очевиднее будет становиться этот удивительнейший факт.

Итак, запомните: в человеческом раю нет места для разума, нет для него никакой пищи. Он сгниет там за один год — сгниет и протухнет. Сгниет, протухнет и обретет святость. И это хорошо, ибо только святой может вытерпеть радости подобного приюта для умалишенных.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Вы уже заметили, что существо, называемое человеком,— настоящая диковинка. В прошлом он исповедовал (износил и выбросил) сотни всяческих религий; и теперь у него в наличии имеются сотни разных религий, и он каждый год спускает со стапелей не меньше трех новеньких. Я мог бы значительно увеличить эти цифры и все же не выйти за пределы фактов.

Одна из основных его религий зовется христианством. Ее краткий обзор, я думаю, может вас заинтересовать. Она подробнейшим образом изложена в книге, содержащей два миллиона слов и именуемой «Ветхим и Новым Заветами». Есть у нее и другое название — «Слово Божие». Ибо христиане полагают, что каждое слово в этой книге было продиктовано богом — тем, о котором я вам уже рассказывал.

Книга эта весьма интересна. В ней есть великолепные поэтические места; и несколько неглупых басен; и несколько кровавых исторических хроник; и несколько полезных нравоучений; и множество непристойностей; и невероятное количество лжи.

Эта библия составлена в основном из обрывков других, более древних библий, которые отжили свой век и рассыпались в прах. Естественно, что она лишена какой бы то ни было оригинальности. Три-четыре важнейших и поразительных события, которые в ней описаны, упоминались и в предшествующих библиях; все лучшие ее правила и предписания также заимствованы из них; в ней появляются только две новые вещи: во-первых, ад, а во-вторых, тот своеобразный рай, о котором я вам уже говорил.

Как же нам быть? Если мы поверим, как верят они, что оба эти чудовищных места придумал бог, то тем самым незаслуженно его обидим; если же мы решим, что эти люди сами их придумали, то незаслуженно обидим их. Неприятная дилемма, что и говорить,— ведь ни та, ни другая сторона *нам-то* никакого зла не причинили.

Чтобы разом покончить с этим, давайте сделаем выбор, примем точку зрения людей и взвалим весь этот мало приятный груз на их бога — и рай, и ад, и библию, и все прочее. Быть может, это несправедливо, быть может, это нечестно, но если вспомнить их рай, вспомнить, с каким тщанием его наполняли всем тем, что человеку отвратительно, то просто невозможно поверить, будто его придумали сами люди. А когда я расскажу вам про ад, эта идея покажется вам еще более невероятной

и вы, безусловно, воскликнете: нет, человек не мог приготовить подобного места для себя или для кого-нибудь другого. Этого просто не может быть.

Их простодушная библия повествует о сотворении мира. Сотворении — чего? Вселенной? Вот именно — вселенной. И за шесть дней!

Это сделал бог. Слова «вселенная» он не употреблял — оно появилось совсем недавно. Он занимался только Землей. Он изготовлял ее пять дней, а затем... А затем всего за один день сотворил двадцать миллионов солнц и восемьдесят миллионов планет!

А зачем они ему понадобились? Чтобы снабдить светом этот игрушечный мирок. Его намерения дальше не шли. Из двадцати миллионов одно (самое маленькое) должно было освещать этот шарик днем, а остальные — помогать одной из бесчисленных лун вселенной умерять мрак его ночей.

Несомненно, он лелеял убеждение, будто мириады мерцающих звезд усеют его новехонькие небеса, едва впервые закатится его солнце; однако самая первая звезда зажглась на этом черном своде лишь через три с половиной года после завершения внушительных трудов той достопамятной недели[1]. Только тогда появилась первая звездочка и замигала там одна-одинешенька. Еще через три года появилась вторая. Они мигали вдвоем более четырех лет, прежде чем к ним присоединилась третья. По истечении первого столетия на широких просторах этих угрюмых небес едва ли можно было насчитать хотя бы двадцать пять звезд. В конце тысячелетия их стало больше, но не настолько, чтобы об этом стоило разговаривать. По истечении миллиона лет лишь половина нынешнего небесного убора была видима хотя бы в телескоп, и понадобился еще миллион лет, чтобы вторая половина последовала примеру первой. Поскольку в те времена телескопов еще не было, появление этих светил осталось незамеченным.

Вот уже триста лет, как астрономы-христиане знают, что их божество не сотворило звезды за эти примечательные шесть дней, но астроном-христианин предпочитает об этом помалкивать. Так же, как и христианские священники.

---

[1] Требуется три с половиной года, чтобы свет ближайшей звезды (61-й Лебедя) достиг Земли, летя со скоростью 186 000 миль в секунду. Арктур сиял уже двести лет, когда его лучи достигли Земли. Далекие звезды становились видимыми постепенно, на протяжении многих тысячелетий. Прим. издателя «Писем с Земли» *(М. Т.)*.

В своей книге бог не скупится на хвалу своим трудам и подбирает для этого самые пышные слова, какие только ему известны, доказывая тем самым, что он — и вполне обоснованно — преклоняется перед крупными величинами; и все же он изготовил миллионы колоссальных солнц, дабы они освещали микроскопический шарик, вместо того, чтобы поставить крохотное солнце этого шарика на службу им. В своей книге он упоминает Арктур — вы его, наверное, помните, мы как-то там побывали. И он — всего лишь ночная лампадка для этой Земли! Этот гигантский шар, в пятьдесят тысяч раз превосходящий по величине ее солнце, которое рядом с ним то же, что тыква рядом с собором!

Однако в воскресных школах детей по-прежнему учат, что Арктур был сотворен с единственной целью способствовать освещению Земли; и ребенок, вырастая, продолжает верить в это даже тогда, когда обнаруживает, что по закону вероятности дело вряд ли могло обстоять так.

Эта книга и ее служители утверждают, что возраст Земли всего шесть тысяч лет. Лишь в последнем столетии пытливым умам ученых удалось установить, что он приближается к ста миллионам лет.

За эти Шесть Дней бог сотворил человека и остальных животных.

Он сотворил мужчину и женщину и поселил их в красивом саду вместе с прочими тварями. Они все жили там в мире и согласии, довольные и счастливые, наслаждаясь вечной юностью, но потом случилась беда. Бог предупредил мужчину и женщину, что им нельзя есть плодов некоего дерева. И, как ни странно, прибавил, что, поев его, они непременно умрут. Я говорю «как ни странно» потому, что они никогда еще не видели смерти и, разумеется, не могли понять, о чем он говорит. И ни он, и никакой другой бог не сумел бы растолковать этим невежественным детям, о чем идет речь, не приведя наглядного примера. Это слово само по себе было им так же непонятно, как новорожденному младенцу.

Вскоре какой-то змей явился побеседовать с ними частным образом, и он пришел на ногах, ибо таков был обычай у змей в те дни. Змей сказал, что запретный плод заполнит их пустые головы знанием. Тогда они съели этот плод, что было вполне естественно, ибо человек сотворен любознательным, а священник, подобно богу, которому он подражает и которого представляет на земле, с самого начала взял на себя миссию *мешать* ему узнавать что-нибудь полезное.

Адам и Ева вкусили запретный плод, и тут же их смутный мозг был озарен ярким светом. Они обрели знание. Какое знание? Знание, из которого они могли извлечь пользу? Вовсе нет — они просто узнали, что есть вещь, именуемая добром, и есть вещь, именуемая злом, а кроме того, научились творить зло. Прежде они этого не умели. Поэтому все их поступки до той минуты были чистыми, невинными, безгрешными.

Но теперь они научились творить зло — и страдать от этого; теперь они обрели то, что Церковь зовет ценнейшим сокровищем,— они обрели Нравственное чувство, которое отделяет человека от зверя и ставит его выше зверя. А не ниже зверя, как полагалось бы, ибо человек в своих помыслах грязен и грешен, а зверь — чист и безгрешен. Другими словами, заведомо испорченные часы ценятся выше тех, которые не могут испортиться.

Церковь по-прежнему считает Нравственное чувство высшим достоинством человека, хотя она отлично знает, что бог был об этом чувстве самого скверного мнения и с обычной неуклюжестью пытался помешать своим счастливым детям в райском саду обрести его.

Итак, Адам и Ева узнали теперь, что такое зло и как его творить. Они узнали, как совершать всевозможные нехорошие поступки и в том числе самый главный из них — тот, который, собственно говоря, бог и имел в виду. Речь идет об искусстве и тайне полового общения. Им это открытие показалось великолепным, и они, перестав бесцельно шататься по саду, со всем жаром предались новому занятию — бедняжки ведь были так юны и непосредственны!

В самый разгар такого счастливого времяпрепровождения они услышали, что бог ходит по саду среди кустов, совершая свой обычный дневной моцион, и страшно перепугались. А почему? А потому, что были наги. Прежде они этого не знали. Им было все равно, точно так же, как и богу.

В тот достопамятный миг родилась безнравственность, и некоторые люди с тех пор ценят ее превыше всего, хотя не могли бы объяснить — почему.

Адам и Ева явились в мир нагими и не знающими стыда — нагими и чистыми душой; и так же приходили и приходят в мир все их потомки. Приходят нагими, не знающими стыда, чистыми душой. Приходят нравственными. Безнравственность и грязные мысли им приходится приобретать со стороны — это единственный способ. Первый долг матери-христианки — внушать своему ребенку грязные мысли, и она никогда не прене-

брегает этим долгом. Ее сыночек вырастает, становится миссионером и отправляется к простодушным дикарям или к цивилизованным японцам внушать им грязные мысли. Тут и они становятся безнравственными, начинают прятать свои тела под одеждой и перестают купаться вместе нагишом.

Условность, неправомерно именуемая нравственностью, не имеет единых норм и не может их иметь, так как она противоречит природе и разуму и представляет собой выдумку, подчиняющуюся любой прихоти, любому нездоровому капризу. Так, например, в Индии благовоспитанная дама прячет лицо и грудь, а ноги от самых бедер оставляет обнаженными, а благовоспитанная европейская дама прячет ноги и обнажает лицо и грудь. В краях, населенных простодушными дикарями, благовоспитанная европейская дама скоро привыкает к полной наготе взрослых туземцев, и она уже не оскорбляет ее чувств. В восемнадцатом веке французский граф и графиня — люди весьма светские и не состоявшие ни в родстве, ни в браке,— очутившись после кораблекрушения на необитаемом острове в одних рубашках, скоро лишились и этой одежды. И стыдились своей наготы — целую неделю. А потом она перестала их тревожить, и они забыли о ней.

Вы ведь ни разу не видели одетого человека — ну, вы мало что потеряли.

Вернемся к удивительным сведениям, содержащимся в библии. Вы, естественно, предположите, что бог не привел свою угрозу в исполнение и что неповиновение Адама и Евы осталось безнаказанным, поскольку не они себя создали, не они создали свой характер, желания и слабости, а поэтому, собственно, от них нельзя было требовать невозможного и они не должны были отвечать за свои поступки. Вы изумитесь, узнав, что угроза все-таки была приведена в исполнение. Адам и Ева были наказаны, и это злодеяние и по сей день находит горячих защитников. Смертный приговор был приведен в исполнение.

Как вы, несомненно, заметили, единственный виновник проступка этой бедной парочки избежал наказания и более того — стал палачом безвинных.

На нашей с вами родине мы, конечно, можем высмеивать подобного рода мораль, но смеяться над ней здесь было бы бессердечно. Многие из этих людей наделены способностью рассуждать, но когда дело касается религии, никто этой способностью не пользуется.

Лучшие умы скажут вам, что человек, зачавший ребенка, морально обязан нежно заботиться о нем, защищать его от бед,

оберегать от болезней, одевать его, кормить, терпеливо сносить его капризы, наказывать с добротой и только ради его собственной пользы; и никогда, ни при каких обстоятельствах он не имеет права подвергать его бессмысленным мучениям. Денно и нощно бог поступает со своими земными детьми как раз наоборот, и те же самые лучшие умы горячо оправдывают эти преступления, защищают их, извиняют и в негодовании вообще отказываются считать их преступлениями, поскольку их совершает «Он». Наша с вами родина — очень интересная страна, но в ней не найти ничего хотя бы вполовину столь интересного, как человеческий разум.

Ну так вот, бог изгнал Адама и Еву из райского сада, а со временем и вообще их прикончил. И все за то, что они не подчинились приказанию, которого он не имел права отдавать. Но, как вы убедитесь в дальнейшем, на этом он не остановился. У него есть один моральный кодекс для себя и совсем другой — для его детей. Он требует от своих детей, чтобы они обходились справедливо — и кротко! — с преступниками и прощали их до семижды семидесяти раз, но сам он ни с кем не обходится справедливо или кротко, и он не простил легкомысленной и невежественной юной парочке даже первый ее проступок и не сказал: «Ну, хорошо, попробую дать вам возможность исправиться».

Как раз наоборот! Он решил наказывать даже всех потомков Адама и Евы во все века до скончания времен за пустяковый проступок, совершенный другими задолго до их появления на свет. Он и до сих пор наказывает их. По-отечески кротко? О нет, со зверской жестокостью.

Вы решите, разумеется, что подобное существо не заслуживает особых похвал. Не обольщайтесь: тут его называют Всесправедливейшим, Всеправеднейшим, Всеблагим, Всемилосерднейшим, Всепрощающим, Всемилостивейшим, Вселюбящим, Источником всех нравственных законов. Эти двусмысленные комплименты произносятся ежедневно по всему здешнему миру. Но люди не замечают их двусмысленности. Они возносят эту хвалу вполне искренне, без единой улыбки.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

И ВОТ Первая Парочка удалилась из райского сада, унося с собой проклятие — вечное проклятие. Они лишились всех радостей, которые знали до «Грехопадения», но тем не менее они

были богаты, ибо взамен приобрели ту, которая стоила всех остальных. Они познали Высшее Искусство.

Они усердно им занимались и были счастливы. Бог повелел, чтобы они им занимались. На этот раз они послушались божьего веления. И хорошо, что запрет был снят, ибо они все равно стали бы заниматься этим искусством, даже если бы его запрещали тысячи богов.

Результаты не заставили себя ждать. Их звали Каин и Авель. А у них были сестры, и они знали, как поступить с этими сестрами. Это привело к новым результатам: Каин и Авель родили нескольких племянников и племянниц. Те в свою очередь родили нескольких двоюродных племянников. Далее считаться родством стало очень непросто и попытка внести ясность в этот вопрос успехом не увенчалась.

Приятные труды по заселению земли продолжались из века в век и с большой производительностью, ибо в те счастливые дни лица обоего пола были еще способны к Высшему Искусству даже в таком возрасте, когда им по всем правилам полагалось бы уже лет восемьсот как тлеть в могиле. Слабый пол, нежный пол, прелестный пол в те времена, несомненно, достиг своего наивысшего расцвета, так как на него льстились даже боги. Настоящие боги. Они сходили с небес и наиприятнейшим образом проводили время с этими пылкими юными цветочками. Об этом повествует библия.

С помощью этих заезжих иностранцев население земли все возрастало и возрастало, пока не достигло нескольких миллионов. Но бог разочаровался в людях. Ему не нравилась их мораль, которая в некоторых отношениях действительно была не лучше его собственной. И вообще представляла нелестно точную копию его морали. Это были очень дурные люди, и, не зная, как их исправить, бог мудро решил уничтожить их. Такова единственная истинно просвещенная и достойная мысль, которую приписывается ему его библией, и она могла бы навеки упрочить его репутацию, если бы только он был способен воплотить ее в жизнь. Но на него никогда нельзя было положиться — хотя сам он, разумеется, рекламировал обратное,— и его благих намерений хватило ненадолго. Он гордился человеком; человек был лучшим его изобретением, человек был первым его любимцем (если, конечно, не считать мухи), и он не мог расстаться с ним раз и навсегда; и вот в конце концов он решил спасти один образчик, а остальных утопить.

В этом он весь. Он сотворил всех этих негодяев и он один нес ответственность за их поведение. Никто из них в отдель-

ности не заслуживал казни, хотя уничтожить их всех, несомненно, стоило, тем более, что сотворение их уже было неслыханным преступлением, а позволить им размножаться и далее значило бы только усугублять это преступление. Но делать при этом исключение для любимчиков было и нечестно и несправедливо — утопить следовало всех до единого или вообще никого. Однако он, разумеется, на это пойти не пожелал; ему непременно понадобилось оставить полдюжины на развод. Он не был способен предвидеть, что новое человечество тоже станет дрянью, ибо Всевидящим он бывает только в собственных рекламах.

Он выбрал для спасения Ноя и его семью и подготовил истребление всех остальных людей. Он спроектировал ковчег, а Ной его построил. Ни бог, ни Ной ковчегов прежде не строили и ничего в ковчегах не смыслили, так что можно было ожидать чего-нибудь выдающегося. И ожидания эти обмануты не были. Ной был земледельцем, и хотя он знал, зачем нужен этот ковчег, все же не мог судить, отвечают ли намеченные размеры всем предъявляемым требованиям (они, конечно, не отвечали), и предпочел с советами не соваться. Бог не заметил, что ковчег маловат, и продолжал проектировать его на авось, не произведя необходимых измерений. В конце концов судно получилось слишком тесным, и мир по сей день страдает из-за того, что оно не могло вместить все необходимое.

Ной построил ковчег. Он старался построить его как можно лучше, но не избежал многих весьма важных упущений. Ковчег не имел ни руля, ни парусов, ни компаса, ни помп, ни морских карт, ни лотлиней, ни якорей, ни судового журнала, ни освещения, ни системы вентиляции; что же касается грузовых трюмов — а ведь это было самое главное,— то чем меньше будет о них сказано, тем лучше. Ковчегу предстояло носиться по морю одиннадцать месяцев, и, следовательно, нужно было запасти такое количество пресной воды, которое заполнило бы два таких ковчега,— однако о дополнительном ковчеге никто не позаботился. Забортную воду использовать было нельзя: ведь она наполовину должна была состоять из морской воды, а такую смесь не могут пить ни люди, ни сухопутные животные.

Ибо спасению подлежал не только образчик человека, но и коммерческие образчики других животных. Дело в том, что, когда Адам съел яблоко в райском саду и научился плодиться и размножаться, другие животные также постигли это искусство — наблюдая за Адамом. Они поступили очень умно, очень предусмотрительно: ибо таким образом они извлекли из яблока

все, что в нем было полезного, не попробовав его и поэтому не заразившись губительным Нравственным чувством, прародителем всей и всяческой безнравственности.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Ной начал собирать животных. Он должен был заполучить по одной паре всех и всяческих земных тварей, которые ходили, ползали, плавали или летали. О том, какой срок понадобился на их собирание и в какую копеечку оно влетело, мы можем только догадываться, так как эти подробности нигде зафиксированы не были. Когда Симмах готовился приобщить своего юного сына к светской жизни императорского Рима, он послал своих слуг в Азию, в Африку и во всякие другие места собирать там диких животных для цирковых представлений. Чтобы накопить этих животных и доставить их в Рим, его слугам понадобилось три года. А ведь, как вы понимаете, речь шла только о четвероногих и аллигаторах — они не везли ни птиц, ни змей, ни лягушек, ни червей, ни вшей, ни крыс, ни блох, ни клещей, ни гусениц, ни пауков, ни мух, ни москитов,— ничего, кроме самых простых и незатейливых четвероногих и аллигаторов, да и четвероногих-то лишь таких, которые могли бы драться на арене. И все же, чтобы собрать даже их, потребовалось, как я уже говорил, три года, а расходы на покупку и перевозку животных и жалованье слугам составили четыре миллиона пятьсот тысяч долларов.

Сколько же там было животных? Неизвестно. Во всяком случае, меньше пяти тысяч, ибо пять тысяч — это самое большое число животных, когда-либо свезенных в Рим для устройства зрелищ, и коллекцию эту собрал Тит, а не Симмах. Но оба эти зверинца — просто детские игрушки по сравнению с тем, который должен был устроить Ной. Ему предстояло собрать 146 000 разновидностей птиц, зверей и пресноводных тварей, а насекомых — два миллиона с лишком.

Тысячи видов этих существ изловить не так-то просто, и, если бы Ной не сдался и не махнул на все это дело рукой, он и до сих пор потел бы над ним, как говорится в Книге Левит. Но я вовсе не хочу сказать, что он бросил свое предприятие. Отнюдь нет. Просто он наловил столько тварей, сколько поместилось в ковчеге, а потом перестал их ловить.

Если бы он с самого начала представлял себе размах предстоящего дела, он понял бы, что ему не обойтись без целой

флотилии ковчегов. Но он не знал, сколько видов всяких тварей существует на земле. Не знал этого и его шеф. Поэтому он не забрал в ковчег ни кенгуру, ни опоссума, ни ядозуба, ни утконоса и остался еще без множества других необходимейших даров, припасенных любящим богом для людей, а потом забытых им, так как они давным-давно забрались на противоположную сторону мира, которой он никогда не видел и о которой не имел ни малейшего представления. Так что все они чуть было не утонули.

Их спасла простая случайность. Воды было мало, и на ту сторону она не затекла. Ее хватило только-только, чтобы затопить крошечный уголок земного шара — вся остальная его поверхность в те времена была неизвестна и считалась несуществующей.

Однако в один из последних дней произошло событие, после которого Ной решил ограничиться собранными видами, благо их уже вполне хватало для практических целей, а остальным просто позволить стать ископаемыми. Этой последней соломинкой послужило появление незнакомца, принесшего страшные вести. Он сообщил, что разбил свой лагерь среди каких-то гор и долин милях в шестистах отсюда и стал свидетелем удивительнейшего зрелища: он стоял на обрыве над широкой долиной и в дальнем ее конце вдруг увидел темное море надвигающихся незнакомых тварей. Вскоре они прошли у его ног, толкаясь, дерясь, вставая на дыбы, вопя, фыркая,— отвратительные огромные массы колышащейся плоти. Ленивцы величиной со слона, лягушки с целую корову, мегатерий со своим гаремом — чудовищные громадины, ящеры, ящеры, ящеры, отряд за отрядом, семейство за семейством, вид за видом, по сто футов в длину, по тридцать в высоту и вдвое того злее; один из них ни с того ни с сего так стукнул хвостом безобидного быка-симментала, что тот взлетел на триста футов вверх, с тяжелым вздохом упал к ногам рассказчика и тут же скончался. Незнакомец сказал, что эти великаны прослышали про ковчег и идут сюда. Идут спасаться от потопа. И не парами идут, а всем племенем; они не слышали, продолжал он, что пассажиры допускаются только по паре каждого вида, да и в любом случае не стали бы считаться с правилами и установлениями — либо их возьмут в ковчег, либо они поговорят с капитаном по-свойски. Рассказчик добавил, что ковчег не вместит и половины их; а кроме того, они идут голодные и съедят все запасы, включая зверинец и семью Ноя вместе с ним самим.

Библейское повествование утаило все эти факты. Там вы

не иайдете ни одного иамека на них. Дело попросту замяли. Не упомянуты даже имеиа этих колоссов. Таким образом, вы можете убедиться, что люди, по недобросовестиости ие выполиив каких-либо условий договора, отличио умеют умалчивать об этом даже в библиях. А ведь эти могучие твари были бы иеобычайио полезны человеку в настоящее время, когда перевозка грузов обходится так дорого, а траиспорта так ие хватает. Но они утеряиы для иего безвозвратно. Утеряиы — и по вине Ноя. Они все утонули — и некоторые уже восемь миллиоиов лет иазад.

Ну так вот, когда иезнакомец рассказал все это, Ной поиял, что ему лучше исчезиуть до появления чудовищ. И он отплыл бы немедленно, но обойщики и мебельщики, готовившие гостииую для мухи, еще не иаложили последиие завершающие штрихи, и он потерял иа это сутки. Еще сутки были потеряиы иа посадку мух — их набралось шестьдесят восемь миллиардов, причем бог опасался, что их все-таки окажется иедостаточио. И еще сутки были потеряны иа погрузку сорока тоин отбориого мусора для кормления этих мух.

Только тогда Ной иакоиец отплыл — и очень своевремеиио, ибо ковчег еще не скрылся из виду, как иа берег явились чудовища, и их вопли и стеиаиия слились с воплями и стеианиями бесчислеиных отцов, матерей и перепугаиных ребятишек — всех тех, кто под проливным дождем цеплялся за скалы, уже омываемые волнами, и молил о помощи Всеправедиейшего, Всепрощающего и Всемилосерднейшего Создателя, который не откликиулся ни на одиу молитву с тех самых пор, когда эти скалы частица за частицей складывались из песка, и не откликиется, пока тысячелетия будут вновь превращать их в песок.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

На третий деиь около полудия выясиилось, что одиу из мух забыли на берегу. Обратиое плаваиие оказалось долгим и трудиым из-за отсутствия карт и компаса, а также из-за измеиеиия береговой линии, которая стала совершеино неузнаваемой, поскольку иепрерывно подиимающаяся вода затопила привычные ориентиры в низинах и придала вершииам холмов иезнакомый вид. Однако после шестиадцати дией иеустанных розысков муха наконец была иайдена и принята иа борт под звуки хвалебного и благодарственного псалма, причем семейство Ноя стояло обнажив головы в знак уважения к ее божествениому

происхождению. Она устала и измучилась, а также сильно вымокла, но в остальном ее состояние было вполне удовлетворительно. Люди целыми семьями гибли от голода на голых горных кряжах, но муха в отличие от них не голодала, так как могла вволю пировать на бесчисленных гниющих трупах. Так рука провидения спасла священную птичку.

Рука провидения. Вот-вот. Ибо муха была забыта на берегу вовсе не случайно. Нет, в этом можно узреть перст провидения. Случайностей вообще не бывает. Все, что происходит, происходит с какой-нибудь целью. Каждое событие предопределено от начала времен, каждое событие предусмотрено заранее. Еще на заре творения Господь предвидел, что Ной, охваченный паникой при мысли о приближении гигантских патентованных ископаемых, преждевременно выйдет в море, не облагодетельствованный некоей бесценной болезнью. Все остальные болезни будут при нем, чтобы впоследствии их можно было распределять между новыми людскими племенами по мере их появления на свет, но он окажется лишенным одной из лучших — тифа, недуга, который при благоприятных обстоятельствах может искалечить пациента, не убив его, так что он оправится и проживет еще долго, превратившись в слепоглухонемого расслабленного полуидиота. Домашняя муха — главный разносчик тифа, и она одна стоит всех остальных сеятелей этой моровой язвы. И вот по изначальному предопределению эта муха отстала от ковчега для того, чтобы найти тифозный труп, всосать заразу, наскрести на лапки побольше микробов, а потом передать их во вновь населяемый мир для дальнейших неустанных трудов. Благодаря этой мухе в прошедшие с тех пор века миллиарды людей томились на одре болезни, миллиарды калек тоскливо влачили остаток своей жизни и миллиарды кладбищ наполнялись мертвецами.

Характер библейского бога настолько противоречив, что в нем нелегко разобраться: ветреное непостоянство и железное упрямство; абстрактные слащаво-умильные слова и конкретные дьявольские поступки; редкие добрые порывы, искупаемые непреходящей злобой.

Однако, поломав как следует голову, вы все-таки находите ключ к его характеру и в конце концов отчасти его постигаете. Он с удивительно наивной и забавной откровенностью ребенка сам дает вам этот ключ. Это — зависть!

Я думаю, вы ошеломлены. Из моих предыдущих писем вам известно, что люди считают зависть дурным качеством — при-

знаком мелких душонок, свойством *всех* мелких душонок, которого тем не менее стыдятся даже самые мелкие из них, оскорбляясь, когда их в этом обвиняют, лживо называя такое обвинение поклепом.

Зависть. Не забудьте этого, помните это. В этом ключ. С его помощью вы в дальнейшем сможете хотя бы в какой-то мере понять бога, без него же понять его невозможно. Как я уже сказал, он сам открыто протягивает всем этот разоблачающий его ключ. Он простодушно, прямо и без малейшего смущения заявляет: «Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель» — другими словами, «Бог-завистник».

Вы согласитесь, что это — только один из способов сказать: «Я Господь, Бог твой — мелкая душа, мелочной Бог, обижающийся из-за всяких пустяков».

В этих словах кроется предостережение: ему была невыносима мысль, что какому-нибудь другому богу может достаться хотя бы частица комплиментов, которыми по воскресеньям осыпает его нелепое крохотное людское племя,— он ими ни с кем делиться не желает. Он их ценит. Для него они — истинное богатство, как жестяные деньги для зулуса.

Но погодите, я не совсем справедлив к нему; я неверно толкую его слова; предубеждение заставило меня уклониться от истины. Он ведь не сказал, что намерен оставить себе все восхваления; он вовсе не отказывался делиться ими с другими богами; он сказал только: «Да не будет у тебя других богов *перед* лицом Моим».

Это совсем другое дело и, должен признать, выставляет его в гораздо более выгодном свете. Богов было великое множество, леса, как говорится, ими кишели, а он потребовал лишь, чтобы его ставили на один уровень с другими — не выше, а только не ниже. Он охотно соглашался, чтобы другие боги оплодотворяли земных дев,— но только на тех же условиях, каких мог бы потребовать он сам. Он хотел, чтобы его считали равным им. На этом он настаивал ясно и недвусмысленно; он не желал только, чтобы другие боги заслоняли его лицо. Пусть идут в одной с ним шеренге, но только не впереди процессии, и сам он тоже не претендует на первое место в ней.

Вы думаете, он так и придерживался этой справедливой и делающей ему честь точки зрения? Нет. От скверного решения он мог не отступать хоть целую вечность, но хорошее забывал и до истечения месяца. Вскоре он отказался от своих слов и хладнокровно объявил себя единственным богом во всей вселенной.

Как я уже говорил, всему причиной ревнивая зависть: это чувство играет главную роль на протяжении всей его истории. Оно — основа основ его духовного склада, оно — краеугольный камень его характера. Любая мелочь выводит его из себя, лишает ясности мысли, стоит ей хоть чуть-чуть задеть его ревнивую зависть. Последняя без промаха воспламеняется при малейшем подозрении, что кто-то собирается покуситься на монополию его божественности. Страх, что Адам и Ева, вкусив от плода Древа Познания, станут «как боги», так разбередил его ревнивую зависть, что у него помутилось в голове и он уже не мог обойтись с несчастными справедливо или милосердно и продолжал жестоко и преступно вымещать свой гнев даже на их безвинном потомстве.

И по сей день его рассудок еще не оправился от этого потрясения; с тех пор им неизменно владеет мания мщения, и он истощил всю свою природную изобретательность, придумывая всяческие страдания, беды, унижения и печали, чтобы с их помощью отравлять краткие годы жизни потомков Адама. Вспомните, каких только болезней он для них не напридумывал! Им несть числа; ни один учебник не в состоянии дать их полный список. И каждая из этих болезней — ловушка, подстерегающая невинную жертву.

Человек — это механизм. Самодействующий механизм. Он состоит из тысяч сложных и хрупких деталей, которые безупречно и в полной гармонии друг с другом выполняют свои функции согласно особым законам, над которыми сам человек не имеет ни власти, ни контроля. И для каждой из тысяч этих деталей Творец придумал врага, возложив на него обязанность мешать ей, портить ее, не давать ей работать, ломать ее, томить болью, всячески вредить ей и, наконец, полностью уничтожать. И Творец не пропустил ни одной из них.

С колыбели и до могилы эти враги неутомимо преследуют человека; они не знают отдыха ни днем, ни ночью. Это целая армия; регулярная армия; осаждающая армия; штурмующая армия; армия бдительная, воинственная, беспощадная; армия, сражающаяся непрерывно, не соглашающаяся ни на какое перемирие.

Она передвигается взводами, ротами, батальонами, полками, бригадами, дивизиями, корпусами, а иногда она обрушивает на человечество все свои силы разом. Это «Великая Армия» Творца, и он — ее главнокомандующий. Над ней, бросая вызов солнцу, колышутся ее развернутые знамена с девизами «Катастрофа», «Болезни» и так далее.

Болезни! Вот ее главный боевой отряд, никогда не отступающий, сметающий все на своем пути. Он нападает на младенца, едва тот успевает родиться; и один недуг не успевает сменяться другим: коклюш, корь, свинка, расстройство желудка, прорезывание зубов, скарлатина и другие специально детские заболевания. Отряд этот преследует ребенка, пока тот не становится юношей, для которого уже припасены новые заболевания. Он преследует юношу, пока тот не достигает зрелости, а потом старости, и наконец сводит его в могилу.

Теперь, располагая всеми этими фактами, попробуйте догадаться, каким ласковым именем человек чаще всего называет столь свирепого главнокомандующего? Я помогу вам, но только, чур, не смеяться: «Отец наш небесный»!

Пути человеческой логики чрезвычайно занимательны. Христианин исходит из следующей ясной, вполне определенной и недвусмысленной посылки: *бог всеведущ и всемогущ.*

Если так, то он знает заранее все, что должно произойти, и все случается лишь с его соизволения и по его воле.

Это достаточно ясно, не так ли? И такая предпосылка возлагает на Творца ответственность за все, что происходит в мире, не правда ли?

Христианин признает это фразой, данной курсивом. Признает с большим чувством, с восторгом.

Затем, возложив таким образом на Творца ответственность за все перечисленные выше страдания, болезни и несчастья, которые он мог бы предотвратить, умница-христианин ничтоже сумняшеся называет его «отцом нашим»!

Дело обстоит именно так, как я вам рассказываю. Человек наделяет Творца всеми свойствами, из которых слагается дьявол, а затем приходит к заключению, что дьявол и отец — это одно и то же! Но при всем том он будет отрицать, что злобный сумасшедший и директор воскресной школы — по сути своей одно и то же. Ну, что вы скажете о человеческом рассудке? То есть в том случае, если таковой, по-вашему, вообще существует.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Ной и его семейство спаслись — хотя насколько это было для них хорошо, вопрос другой. Я сделал эту оговорку потому, что не нашлось еще умного шестидесятилетнего человека, который согласился бы заново прожить свою жизнь. Или чью-нибудь чужую. Ной и его семейство спаслись, это правда, но

чувствовали они себя прескверно, так как были набиты микробами. Набиты по самые брови; раздобрели от них; раздулись от них, как воздушные шары. Это было крайне неприятное состояние, но что поделаешь — ведь необходимо было спасти достаточное количество микробов, чтобы обеспечить все будущее человечество смертоносными болезнями, а на борту ковчега находилось только восемь лиц, которые могли служить им пристанищем. Микробы были наиболее ценным грузом ковчега, о котором Творец больше всего тревожился и который он просто обожал. Он требовал, чтобы их кормили как можно питательнее и устроили со всеми удобствами. Микробы тифа, микробы холеры, микробы бешенства, микробы столбняка, микробы чахотки, микробы черной чумы и еще сотни подобных же аристократов, возлюбленных творений бога, золотых глашатаев его любви к человеку, благословенных даров нежного отца своим детям,— всех их надо было окружить роскошью и потчевать изысканнейшими яствами. Их поселили в наиудобнейших покоях, какие только удалось отыскать во внутренностях Ноя и его семейства: в легких, в сердце, в мозгу, в почках, в крови, в кишках. Самым фешенебельным курортом считались кишки. Особенно толстые. Там микробы собирались бесчисленными мириадами и трудились, и кормились, и резвились, и пели хвалебные и благодарственные псалмы; в тихую ночь можно было расслышать легкие отголоски их песнопений. Толстые кишки, попросту говоря, были их раем. Они битком их набили, так что кишки эти стали твердыми, как колена газовой трубы. Микробы этим гордились. В главном своем псалме они упоминают об этом с большим удовлетворением.

Гряди, запор, на радость нам!
Блаженству нет конца!
Пусть человечьи все кишки
Восславят днесь Творца!

Неудобства ковчега были многочисленны и разнообразны. Ною и его семейным приходилось жить в самой гуще всяческого зверья, дышать его вонью, глохнуть от круглосуточного рева и визга, не говоря уж о добавочных неудобствах для дам, которые не могли головы повернуть, чтобы не увидеть, как тысячи разных тварей плодятся и размножаются. А мухи! Они тучами носились повсюду и не давали покоя Ною и его семейным весь день напролет. Утром они просыпались из всех животных самыми первыми, а ночью отходили на покой последними. Но их нельзя было убивать, их нельзя было калечить,

ибо они были священны, их происхождение было божественным и они были первыми любимцами Творца, сокровищем его сердца.

Со временем остальным тварям предстояло высаживаться из ковчега то тут, то там — рассеяться по лику земли: тигров ждала Индия, львов и слонов — пустующие пустыни и глухие чащи джунглей; птиц — безграничные воздушные просторы; насекомых — та или иная область в зависимости от их вкусов и потребностей. Но муха? У нее нет национальности; все страны мира ей — дом родной, весь земной шар — ее владения, все живые твари — ее добыча, и для всех них она — бич и палач.

А для человека она — божественный посол, полномочный министр, личный представитель Творца. Она жужжит над колыбелью младенца, ползает по его слипшимся векам, жалит его, досаждает ему, лишает его сна, а его усталую мать — последних сил, которые та тратит на долгие бдения, тщетно стараясь защитить свое дитя от преследований этой казни египетской. Она изводит больного дома, в лазарете, даже на смертном одре. Она не дает человеку покоя во время еды, предварительно попасясь на людях, страдающих какой-нибудь отвратительной или неизлечимой болезнью. Она бродит по их язвам, набирая на лапки миллионы смертоносных микробов, а потом летит к столу здорового человека и сбрасывает их на масло и испражняется тифозными микробами на его хлеб. Домашняя муха сеет больше страданий и уничтожает больше

человеческих жизней, чем все остальные бесчисленные воинства божьих вестников печали и смерти, вместе взятые.

Сим был набит анкилостомами. Просто удивительно, с какой глубиной и тщанием изучил Творец великое искусство делать человека несчастным. Я уже упоминал, что он изобрел специального врага для каждой детали человеческого организма, не пропустив ни единой, и я сказал чистую правду. Многим беднякам приходится ходить босиком, потому что у них нет денег на башмаки. Творец и тут ухватился за удобный случай. Замечу, кстати, что он никогда не оставляет бедняков своими заботами. Девять десятых изобретенных им болезней предназначались для бедняков — и все они доходят по адресу. Людям богатым достаются только жалкие крохи. Не думайте, что я говорю наобум,— это не так: подавляющее большинство болезнетворных изобретений Творца придумано специально для того, чтобы портить жизнь беднякам. Вы догадаетесь об этом хотя бы по тому, что, проповедуя в церквах, священники чаще всего величают Творца «Другом бедняка». А ведь в хвалах, которые возносятся Творцу в церквах, ни при каких обстоятельствах не бывает и слова правды. Самый неумолимый и неутомимый враг бедняков — это их Отец Небесный. Единственный подлинный друг бедняков — это их собрат-человек. Он сочувствует им, он жалеет их и доказывает это своими поступками. Он всячески старается облегчить их страдания, и каждый раз за это хвалят Отца Небесного.

Точно так же обстоит дело и с болезнями. Если наука уничтожает болезнь, которая верно служила богу, подвиг этот приписывается тому же самому богу и со всех церковных кафедр раздается рекламный хор восторженных похвал, и верующих призывают лишний раз убедиться в том, как он добр! О да, это сделал «Он». Может быть, помедлив лет этак с тысячу, прежде чем это сделать. Пустяки — церковь заверяет, что он все время об этом подумывал. Когда измученный народ восстает, сметает вековую тиранию и освобождает свою страну, церковь немедленно и с восторгом объявляет это божьей милостью и приглашает всех пасть на колени и вознести за нее богу благодарственную молитву. «Пусть тираны знают, что Недреманное Око следит за ними, и пусть они помнят, что Господь наш Бог не вечно будет терпеливым, но в назначенный день обрушит на них бурю своего гнева».

Церковь только забывает упомянуть, что медлительнее его нет никого во всей вселенной; что он мог бы спокойно сомкнуть свое Недреманное Око, и никто бы не заметил разницы, раз

этому Оку требуется столетие, чтобы увидеть вещи, которые обыкновенный глаз разглядел бы в течение недели; что во всей истории не найти примера, чтобы он *первым* додумался до благородного дела — каждый раз он чуточку опаздывает и задумывает подвиг, только когда кто-то другой уже успел и задумать его и совершить. Но вот тут-то непременно является он и присваивает дивиденды.

Ну так вот: шесть тысяч лет назад Сим был набит анкилостомами. Микроскопическими по размерам, невидимыми невооруженным глазом. Все наиболее смертоносные божьи возбудители болезней невидимы. Это был ловкий ход. Благодаря ему человек в течение тысячелетий не мог добраться до корней своих болезней и поэтому был не в силах с ними справиться. Лишь совсем недавно науке удалось разоблачить некоторые из этих подлых хитростей.

Одним из последних благословенных триумфов науки является открытие и опознание тайного убийцы, который зовется анкилостомой. Его излюбленную добычу составляют босоногие бедняки. Он прячется в теплом песке и прогрызает себе путь в их незащищенные ноги.

Анкилостому открыл года два-три назад врач, который посвятил много лет терпеливому изучению ее жертв. Болезнь, вызываемая анкилостомой, делала свое гнусное дело по всей земле с тех самых пор, как Сим высадился на Арарате, но никто даже не подозревал, что это болезнь. Больных ею считали просто лентяями, и поэтому их презирали, над ними смеялись, когда их следовало жалеть. Анкилостома — особенно подлое и бесчестное изобретение, которое беспрепятственно чинило зло в течение долгих веков; но теперь этот врач и его помощники покончат с ним навсегда.

Но, конечно, за ними стоит бог. Вот уже шесть тысяч лет, как он собирался уничтожить анкилостому, только никак не мог окончательно решиться. Идея принадлежит ему. Он чуть было не осуществил ее раньше, чем это удалось доктору Чарльзу Уорделлу Стайлсу. Но во всяком случае присвоить себе честь этого открытия он успел. В таких случаях он никогда не опаздывает.

Обойдется это в миллион долларов. Возможно, бог как раз собирался пожертвовать эту сумму, но, как обычно, вперед забежал человек. Мистер Рокфеллер. Он поставляет необходимый миллион, однако честь достанется другому — тоже как обычно. Сегодняшние газеты кое-что рассказывают нам о деятельности анкилостомы:

«Эти паразиты часто настолько понижают жизнедеятельность организма больных, что даже задерживают их физическое и умственное развитие, делают их более восприимчивыми к другим болезням, уменьшают их трудоспособность, а в областях, где болезнь особенно распространена, заметно повышают смертность от туберкулеза, пневмонии, тифа и малярии. Доказано, что пониженная жизнедеятельность у множества людей, ранее объяснявшаяся малярией и климатом и серьезно влиявшая на экономическое развитие соответствующего района, на самом деле вызывалась этим паразитом. Эта болезнь отнюдь не свойственна одному только классу; она взимает дань страданий и смерти и с людей богатых и занимающихся умственным трудом точно так же, как и с их менее счастливых собратьев. По самому скромному подсчету около двух миллионов наших сограждан поражены этим паразитом. Чаще всего эта болезнь встречается у детей школьного возраста и протекает у них наиболее серьезно.

Хотя болезнь эта широко распространена и опасна, мы можем с надеждой смотреть в будущее. Болезнь легко распознается, без труда вылечивается и с помощью самых простых санитарных мер эффективно предупреждается [с божьей помощью]».

Как видите, Недреманное Око устремлено на детей бедняков. Во все века это на их беду так и было. Ни им, ни «божьим нищим» — пользуясь ходовым саркастическим выражением — ни разу не удалось ускользнуть от бдительного внимания Ока.

Да, смиренные, невежественные бедняки — вот кому полной мерой достаются эти блага. Возьмите для примера африканскую «сонную болезнь». Этой жесточайшей пытке подвергаются невежественные и безобидные чернокожие, которых бог поселил в глухих дебрях, чтобы затем обратить на них свое отеческое Око, никогда не дремлющее, если представляется случай сделать кому-нибудь пакость. Он позаботился об этих людях еще до Потопа. Исполнительницей своей воли они избрали муху, родственницу мухи цеце, которая властвует над бассейном реки Замбези, неся смерть рогатому скоту и лошадям и делая таким образом эту долину непригодной для людей. А страшная родственница мухи цеце разносит микробов, вызывающих сонную болезнь. Хам был набит этими микробами и, высадившись на сушу, рассеял их по всей Африке, после чего страшный мор свирепствовал шесть тысяч лет, пока наконец наука не проникла в тайну и не обнаружила возбудителя болезни. Благочестивые нации теперь благодарят бога и прославляют его за то, что он пришел на помощь своим неграм. Священники объясняют, что восхвалять надлежит именно его, ибо именно он просветил ученых. Поистине он — довольно странное существо. Он задумывает гнуснейшее преступление, творит его без передышки шесть тысяч лет, а потом требует хвалы за то, что предоставил кому-то другому положить конец зло-

деянию. Его называют терпеливым, и он действительно многотерпелив, иначе он давным-давно сокрушил бы все церкви за те более чем двусмысленные хвалы, которые там ему возносят.

Вот что говорит наука о сонной болезни, иначе называемой негритянской летаргией:

«Она характеризуется перемежающимися приступами сонливости. Болезнь длится от четырех месяцев до четырех лет и всегда кончается смертью. Сперва больной становится вялым, слабым, анемичным и тупым. Веки его припухают, на коже проступает сыпь. Он засыпает во время разговора, еды и работы. По мере развития болезни он перестает есть, и постепенно наступает полное истощение. Затем появляются пролежни, за которыми следуют судороги и смерть. Некоторые больные теряют рассудок».

И это именно тот, кого церковь и люди называют «нашим Отцом Небесным», изобрел гнусную муху и послал ее причинять столь долгие страдания, сеять печаль и горе, губить тело и дух бедных дикарей, которые не сделали Всепреступнейшему никакого зла. Нет в мире человека, который не жалел бы бедного черного страдальца, и нет в мире человека, который не был бы рад его излечить. Чтобы отыскать того, кто его не жалеет, вам следует отправиться на небеса; и туда же следует вам отправиться, если вы хотите найти того, кто мог бы исцелить беднягу, но вопреки всем мольбам не желает этого сделать. Есть только один отец, настолько жестокий, чтобы обречь свое дитя на подобную болезнь,— только один. Второго такого не создаст и вся вечность. Вам нравится жгучий гнев, излитый в стихах? Вот такой вопль, вырвавшийся из сердца раба:

Так с человеком человек
Безудержно жесток!

Я расскажу вам очень милую и, пожалуй, даже трогательную историю. На некоего человека снизошла благодать, и он спросил священника, как ему надлежит жить, чтобы не посрамить своей веры. Священник сказал: «Подражай нашему Отцу Небесному, учись быть таким, как он». Этот человек досконально изучил библию, а затем, помолившись, чтобы бог наставил его, принялся ему подражать. Он устроил так, чтобы его жена упала с лестницы, сломала спину и до конца жизни не могла больше пошевелить ни рукой, ни ногой; он предал своего брата в руки афериста, который ограбил его и довел до богадельни; одного своего сына он заразил анкилостомами, другого — сонной болезнью, а третьего — гонореей; одну дочку он облагодетельствовал скарлатиной, и она с малых лет осталась

слепоглухонемой; а потом помог какому-то проходимцу соблазнить вторую свою дочь и выгнал ее из дома, так что она умерла в борделе, проклиная его. Затем он поведал обо всем этом священнику, который сказал, что *так* Отцу Небесному не подражают. Когда же благочестивый труженик спросил, в чем его ошибка, священник переменил тему и поинтересовался, какова погода на их улице.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Человек, несомненно, самый интересный дурак, какого только можно вообразить. И самый эксцентричный. Все его писаные законы, помещены они в библии или нет, имеют только одну цель, одно назначение: *ограничить или отменить закон божий.*

Из любого самого очевидного факта он непременно сделает неправильный вывод. И это от него не зависит — так уж устроена путаница, которую он величает своим разумом. Посмотрите, какие предпосылки он принимает и какие неожиданные выводы из них делает:

Например, он признает, что человека создал бог. Создал без согласия человека и не советуясь с ним.

Отсюда как будто неопровержимо следует, что бог — и только бог — несет ответственность за поступки человека. Но человек это отрицает.

Он признает, что бог создал ангелов совершенными, без единого изъяна, недоступными для страдания и смерти, признает, что бог, если бы захотел, мог бы и его, человека, создать таким же, но отрицает, что бог был морально обязан сделать это.

Он признает, что никакой отец не имеет нравственного права сознательно обрекать своего ребенка на бессмысленные страдания, болезни и смерть, но считает, что бог имеет полное право расправляться со своими детьми, как ему заблагорассудится.

Библейские и человеческие законы запрещают убийство, прелюбодеяние, распутство, ложь, предательство, грабеж, тиранию и другие преступления, но считается, что бог стоит выше этих законов и может нарушать их, когда ему заблагорассудится.

Он признает, что бог наделяет каждого человека темпераментом и характером; он признает, что у человека нет способа изменить свою натуру и он принужден всегда подчиняться ее

велениям. Но при этом считается справедливым и разумным наказывать за преступления человека, наделенного необоримыми страстями, а человека, лишенного подобных страстей, награждать за то, что он этих преступлений не совершает.

Давайте разберемся поподробнее в этих нелепостях.

Темперамент (естественные склонности).

Возьмем два противоположных темперамента — козла и черепахи.

Оба эти существа не создавали своего темперамента, а родились с ним, точно так же, как человек; и как человек, они не способны его изменить.

Темперамент — это закон бога, начертанный в сердце каждого живого создания рукой бога же, и веления его *должны* выполняться и будут выполняться вопреки всем запретам и ограничениям, от кого бы они ни исходили.

Отлично. Похоть — такова преобладающая черта козлиного темперамента, закон бога, начертанный в сердце козла, который должен выполнять его веления и выполняет их весь брачный сезон, не останавливаясь ни попить, ни поесть. Если бы библия приказала козлу: «Не распутничай, не прелюбодействуй!», то даже человек — пустоголовый человек — признал бы всю нелепость подобного запрета и согласился бы, что козел не подлежит наказанию, поскольку он лишь выполняет закон своего Творца. Но тот же человек считает правильным и справедливым, что подобный запрет налагается на людей. На всех людей. На всех равно и без исключения.

Глупость этого очевидна, так как по темпераменту — *истинному* закону бога — многие мужчины подобны козлам и блудодействуют при всяком удобном случае, хотят они того или нет; и в то же время существует немало мужчин, чей темперамент позволяет им сохранить чистоту и упустить такой удобный случай, если женщина не слишком привлекательна. Но библия запрещает прелюбодеяние вообще, не считаясь с тем, в силах человек воздержаться от него или нет. Она не делает различия между козлом и черепахой — между пылким козлом, страстным козлом, который зачахнет и умрет, если не будет каждый день совершать парочку прелюбодеяний, и черепахой, холодным, невозмутимым пуританином, который позволяет себе это удовольствие только один раз в два года, а потом в самый его разгар засыпает и пробуждается не раньше чем через два месяца. Никакая представительница слабого козьего пола не может считать себя в безопасности от преступного покушения даже в День Субботний, если где-нибудь на расстоянии трех

миль с подветренной стороны от нее находится галантный козел и их ничто не разделяет, кроме забора высотой в четырнадцать футов. В то же время ни черепаха-кавалер, ни черепаха-дама никогда не испытывают настолько сильной потребности в плотских радостях, чтобы ради них нарушить День Субботний. А вот по своеобразной человеческой логике козел заслуживает наказания, а черепаха — похвалы...

«Не прелюбодействуй» — эта заповедь не делает никаких различий между лицами, список которых приводится ниже. Ее обязаны строжайшим образом соблюдать:

Новорожденные.
Младенцы.
Дети школьного возраста.
Юноши и девушки.
Молодые люди.
Люди постарше.
Мужчины и женщины сорока лет.
Пятидесяти.
Шестидесяти.
Семидесяти.
Восьмидесяти.
Девяноста.
Ста и больше.

Бремя этой заповеди распределяется далеко не справедливо, да иначе и быть не может.

Ее нетрудно соблюдать трем первым — детским — категориям.

Но трудно — еще и еще труднее — следующим трем, мучительно трудно.

Для следующих трех соблюдение ее благодетельно облегчается все больше и больше.

Теперь она уже причинила все зло, на которое была способна, и ее вообще следовало бы отбросить. Но не тут-то было: с идиотским упрямством она налагает свой немилосердный запрет и на оставшиеся четыре категории. Эти дряхлые развалины при всем желании не могли бы ее нарушить. И заметьте — их хвалят за то, что они праведно воздерживаются прелюбодеянием! И совершенно напрасно,— ведь сама библия свидетельствует, что стоило бы самому дряхлому из описанных ею старцев на часок обрести былые силы, как он послал бы эту заповедь куда-нибудь подальше и погубил бы первую встречную женщину, даже если бы не был ей представлен.

Дело обстоит именно так, как я сказал: все установления библии и любые своды законов являются прямой попыткой отменить закон бога — то есть неизменный и нерушимый закон природы. Бог этих людей миллионами своих деяний показал им, что не чтит библейские установления. Он сам нарушает все заповеди — и касающуюся прелюбодения и прочие.

Закон бога, ясно выраженный в строении женского организма, гласит следующее: Да не будет наложено никаких ограничений на твои сношения с другим полом в любую пору твоей жизни.

Закон бога, ясно выраженный в строении мужского организма, гласит: Всю свою жизнь в половом отношении будешь ты терпеть всяческие ограничения и запреты.

Мужчина способен к соитию лишь кратковременно, да и тогда весьма умеренно. Он способен к нему лет с пятнадцати-шестнадцати и далее тридцать пять лет. После пятидесяти дело у него идет все хуже, все с большими промежутками, и удовлетворение, которое получают обе стороны, весьма сомнительно, в то время как его прабабушка словно бы еще только начинает. Ее механизм в полном порядке. Ее подсвечник по-прежнему крепок, тогда как его свеча все больше размягчается и оплывает под действием уходящих лет, пока наконец уже не может стоять, и печально обретает вечный покой в надежде на блаженное воскресение, которое так никогда и не наступает.

Но организм женщины устроен так, что ее механизм выходит из строя на три дня каждый месяц и на некоторый срок в период беременности. Это дни, когда женщина чувствует себя плохо, а иногда испытывает даже сильные страдания. В качестве справедливой и законной компенсации она получает высокую привилегию неограниченного прелюбодеяния на все остальные дни своей жизни.

Таков закон бога, проявляющийся в строении ее организма. Но что дает ей эта высокая привилегия? Живет ли она, свободно ею пользуясь? Нет. Нигде в мире ей это не разрешается. Ее всюду насильно лишают этой привилегии. Кто же повинен в этом? Мужчина. Статуты, придуманные мужчиной,— если библия и вправду Слово Божье.

Вот вам блестящий образчик человеческой «логики», как они выражаются. Мужчина замечает определенные факты. Например, что не бывало дня в его жизни, когда бы он мог удовлетворить одну женщину, и так же, что не бывало в жизни женщины дня, когда бы она не могла переутомить, расстроить

и вывести из строя десять мужских механизмов, которые были бы уложены с ней в постель [1]. Он сопоставляет эти удивительно ясные и говорящие за себя факты и делает из них следующий поразительный вывод: Творец порешил ограничить женщину одним мужчиной.

Затем он на этом более чем странном выводе строит вечный закон.

И поступает так, не посоветовавшись с женщиной, хотя она в тысячу раз больше, чем он, заинтересована в правильном решении этого вопроса. Его способность к размножению ограничена в среднем сотней упражнений в год на протяжении пятидесяти лет; она же способна к трем тысячам упражнений в год в течение любого срока, какой ей дано прожить. Таким образом, его пожизненная рента равняется пяти тысячам приятных закусок, ее же — ста пятидесяти тысячам; и все же, вместо того чтобы честно и благородно предоставить установление закона лицу, для которого он имеет столь важное значение, этот гнуснейший боров, ничего от него не теряющий, сам его составляет!

Из прежних моих поучений вы могли вывести, что мужчина — дурак; теперь вам известно, что женщина — дьявольская дура.

Вот если бы вы, или еще кто-нибудь по-настоящему умный, занялись бы установлением честных и справедливых взаимоотношений между мужчиной и женщиной, вы дали бы одному мужчине двухпроцентную долю в одной женщине, а женщину снабдили бы гаремом. Не правда ли? Само собой разумеется. Так вот, представьте себе, что этот скот с оплывшей свечкой устроил все как раз наоборот. Соломон, один из любимцев бога, располагал совокупительным кабинетом, составленным из семисот жен и трехсот наложниц. Даже под угрозой смерти он не сумел бы удовлетворить как следует хотя бы двух из этих юных созданий, хотя бы ему в этом помогало еще пятнадцать экспертов. Следовательно, почти целой тысяче приходилось голодать из года в год. Представьте себе, каким жестокосердым должен быть человек, способный ежедневно созерцать подобные страдания и ничего не делать, чтобы смягчить их. А он с бес-

[1] На Гавайских островах в 1866 году скончалась пышнотелая принцесса королевской крови. Почетное место в ее похоронном кортеже занимали 36 великолепно сложенных молодых туземцев. В хвалебной песне, прославлявшей различные добродетели, заслуги и таланты принцессы, эти 36 жеребцов именовались ее «гаремом» и говорилось, что она гордилась тем, что не давала никому из них бездельничать и не раз случалось, что многие из них могли требовать сверхурочных *(М. Т.)*.

смысленной жестокостью еще усугубил эти муки, приставив к этим женщинам дюжих стражей, так что у бедняжек только слюнки текли при виде столь великолепно сложенных молодцов, которым нечем было утешить подсвечник ввиду того, что они были евнухами. Евнух — это мужчина, чья свеча погашена. Искусственным способом [1].

В дальнейшем я буду время от времени разбирать отдельные библейские статуты и показывать вам, что всякий раз они прямо нарушают какой-нибудь закон бога, после чего попадают в кодексы различных стран и закрепляют это нарушение. Но всему свое время, торопиться с этим незачем.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Ковчег, продолжая свое плавание, носился по водам без компаса и без руля — игрушка ветров и бурных течений. И все время — дождь, дождь, дождь. Он лил, хлестал, затоплял. Никогда еще не бывало подобного дождя. Прежде иной раз выпадало до шестнадцати дюймов осадков в день. Но это было нечто неслыханное: сто двадцать дюймов в день — целых десять футов! И вот этот невероятный дождь шел сорок дней и сорок ночей, так что затопило все холмы высотой до четырехсот футов. Но тут небеса и даже ангелы совсем иссякли, и влаги больше взять было неоткуда.

Это был не слишком-то удачный Вселенский потоп, но, впрочем, он ничем не уступал другим многочисленным Вселенским потопам, которые засвидетельствованы в библиях всех народов.

В конце концов ковчег взмыл высоко в воздух и причалил к вершине горы Арарат — в семнадцати тысячах футов над уровнем долины. Его живой груз выбрался на волю и спустился с горы.

Ной насадил виноградник, и выпил вина, и совсем осовел.

Он был избран из всего земного населения потому, что лучше никого не нашлось. Ему предстояло положить начало новому человечеству на новой основе. Вот это и была новая основа. Предзнаменование оказалось скверным. Продолжать опыт значило подвергаться большому и совершенно напрасному

---

[1] Я собираюсь опубликовать эти письма тут на Земле, прежде чем я вернусь к вам. В двух изданиях. Одно, полное,— для читателей библии и их детей; другое, цензурированное,— для людей с хорошим вкусом *(М. Т.)*.

риску. Настала минута поступить с этой публикой так же мудро, как и с их предшественниками,— утопить их. Каждый, кроме Творца, понял бы это. Но он не понял. То есть, может быть, не понял.

Утверждается, будто с начала времен он предвидел все, чему суждено было произойти в мире. Если это правда, значит, он предвидел, что Адам и Ева съедят яблоко; что их потомство будет из рук вон скверным и его придется утопить; что потомство Ноя в свою очередь окажется из рук вон скверным и что со временем ему самому придется покинуть свой престол на небесах, спуститься на землю и подвергнуться распятию, чтобы еще раз спасти это надоедливое человечество. Спасти целиком? Нет. Часть его? Да. Какую же часть? Сотни раз миллиард людей, составляющий одно поколение, будет, уступая место новому поколению, отправляться на вечную гибель — весь миллиард, за исключением примерно десяти тысяч избранников. Эти десять тысяч придется подбирать из ничтожной кучки христиан, но и в этой кучке шанс на спасение будет лишь у каждого сотого: только у тех католиков, которым повезет заручиться в смертный час священником, чтобы он прочистил наждачком их душу, да у двух-трех пресвитериан. Все остальные спасению не подлежат. Все остальные прокляты. Оптом по миллиону.

Неужели вы согласитесь, что он предвидел все это? Так утверждает церковь. А ведь тем самым она утверждает, что их бог в интеллектуальном отношении — Первый Нищий во вселенной, а в нравственном отношении стоит где-то на уровне царя Давида.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

И ВЕТХИЙ и Новый заветы очень интересны — каждый по-своему. Из Ветхого мы узнаем, каким был бог этих людей до того, как он обрел истинную веру, а Новый показывает, каким он стал после этого. Ветхий завет рисует главным образом кровопролития и сладострастные сцены. Новый посвящен спасению душ. Спасению с помощью огня.

Когда бог в первый раз сошел на землю, он принес жизнь и смерть; когда он сошел вторично, он принес ад.

Жизнь была не слишком ценным даром — в отличие от смерти. Жизнь была бредовым сновидением, слагавшимся из радостей, испорченных горем, из удовольствий, отравленных болью,— кошмаром, где краткие и судорожные восторги,

экстазы, блаженства, мимолетные минуты счастья перемежались бесконечными бедами, печалями, опасностями, ужасами, разочарованиями, горькими неудачами, всяческими унижениями и отчаянием; жизнь была страшнейшим проклятием, какое только могла придумать божественная изобретательность. Но смерть была ласковой, смерть была кроткой, смерть была доброй, смерть исцеляла израненный дух и разбитое сердце, дарила им покой и забвение, смерть была лучшим другом человека — когда жизнь становилась невыносимой, приходила смерть и освобождала его.

Однако со временем бог понял, что смерть — это ошибка; ошибка потому, что в смерти чего-то не хватало; не хватало потому, что, хотя она была великолепным орудием, чтобы причинять горе живым, сам умерший находил в могиле надежный приют, где его уже нельзя было больше терзать. Это бога не устраивало. Следовало найти способ мучить мертвых и за могилой.

Бог безуспешно ломал над этим голову в течение четырех тысяч лет, но, как только он сошел на землю и стал христианином, его озарило и он понял, что надо сделать. Он изобрел ад и широко оповестил об этом мир.

Тут мы сталкиваемся с одной очень любопытной деталью. Принято считать, что, пока бог пребывал на небесах, он был суров, упрям, мстителен, завистлив и жесток; но стоило ему сойти на землю и принять имя Иисуса Христа, как он стал совсем другим, то есть кротким, добрым, милосердным, всепрощающим — суровость и злоба исчезли и их заменила глубокая, исполненная жалости любовь к его бедным земным детям. А ведь именно как Иисус Христос он изобрел ад и объявил о нем миру.

Другими словами, став смиренным и кротким Спасителем, он оказался в тысячу миллиардов раз более жестоким, чем во времена Ветхого завета,— о, несравненно более свирепым, какими бы ужасными ни казались нам его прежние поступки.

Смиренный и кроткий? Со временем мы исследуем эти ходовые эпитеты при свете изобретенного им ада.

Однако, хотя пальма первенства в злобности должна быть присуждена Иисусу, изобретателю ада, он обладал поистине божественной жестокостью и бессердечием еще задолго до того, как стал христианином. Насколько можно судить, ему ни разу даже в голову не пришло, что в дурных поступках человека повинен он, бог, поскольку человек поступает лишь в согласии с натурой, которую он же ему навязал. Нет, он наказывал

человека вместо того, чтобы наказать самого себя. И наказание, как правило, бывало гораздо строже, чем того заслуживал проступок. И очень часто наказывался не преступник, а кто-нибудь другой — старейшина, глава общины, например.

«И жил Израиль в Ситтиме, и начал народ блудодействовать с дочерями Моава...

И сказал Господь Моисею: возьми *всех начальников народа* и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева господня».

Справедливо ли это, как по-вашему? Насколько можно судить, «начальники народа» в блудодействе не участвовали, а повесили все-таки их, а не «народ».

Если это было честно и справедливо тогда, это должно быть честно и справедливо и теперь, ибо церковь учит, что правосудие божие вечно и неизменно и что бог — источник всякой морали и мораль его вечна и неизменна. Отлично. Следовательно, мы должны верить, что, если народ Нью-Йорка начнет блудодействовать с дочерьми Нью-Джерси, будет только честно и справедливо воздвигнуть перед ратушей виселицу и вздернуть на ней мэра, шерифа, судей и архиепископа, хотя бы они даже не попробовали этого удовольствия. Мне лично это справедливым не кажется.

Однако, можете не сомневаться, ничего подобного не произошло бы. Люди этого не допустили бы. Они все-таки лучше своей библии. Ничего бы не случилось — просто, если бы скандал не удалось замять, кто-нибудь подал бы в суд, требуя возмещения убытков; и даже на Юге они не тронули бы тех, кто не блудодействовал, там взяли бы веревку и пошли бы искать соучастников, а не найдя их, линчевали бы какого-нибудь негра.

Что бы там ни твердили с церковных кафедр, со времен Всемогущего положение заметно улучшилось.

Хотите поближе познакомиться с нравственными принципами этого бога, с его характером и поведением? И помните, что в воскресных школах детишек всячески уговаривают любить Всемогущего, почитать его, восхвалять, видеть в нем образец для подражания и по мере сил следовать его примеру. Ну, так читайте:

«1. И сказал Господь Моисею, говоря:

2. Отомсти Мадианитянам за сынов Израилевых, и после отойдешь к народу твоему...

7. И пошли войной на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола;

8. И вместе с убитыми их убили царей Мадиамских: Евия, Рекема, Цура, Хура и Реву, пять царей Мадиамских и Валаама, сына Веорова, убили мечом.

9. А жен Мадиамских и детей их сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их, и все имение их взяли в добычу,

10. и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем;

11. и взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота;

12. и доставили пленных и добычу и захваченное к Моисею и к Элеазару священнику и к обществу сынов Израилевых, к стану, на равнины Моавитские, что у Иордана, против Иерихона.

13. И вышли Моисей и Элеазар священник и все князья общества навстречу им из стана.

14. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны.

15. И сказал им Моисей: (для чего) вы оставили в живых всех женщин?

16. Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе Господнем;

17. Итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте;

18. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя;

19. И пробудьте вне стана семь дней; всякий, убивший человека и прикоснувшийся к убитому, очиститесь в третий день и в седьмый день, вы и пленные ваши;

20. И все одежды, и всё кожаные вещи, и все сделанное из козьей шерсти, и все деревянные сосуды очистите.

21. И сказал Элеазар священник воинам, ходившим на войну: вот постановление закона, который заповедал Господь Моисею...

25. И сказал Господь Моисею, говоря:

26. Сочти добычу плена, от человека до скота, ты и Элеазар священник и начальники племен общества;

27. И раздели добычу пополам между воевавшими, ходившими на войну, и между всем обществом;

28. И от воинов, ходивших на войну, возьми дань Господу, по одной душе из пятисот, из людей и из крупного скота, и из ослов, и из мелкого скота...

31. И сделал Моисей и Элеазар священник, как повелел Господь Моисею.

32. И было добычи, оставшейся от захваченного, что захватили бывшие на войне: мелкого скота шестьсот семьдесят пять тысяч,

33. Крупного скота семьдесят две тысячи,

34. Ослов шестьдесят одна тысяча,

35. Людей, женщин, которые не знали мужеского ложа, всех душ тридцать две тысячи...

40. Людей шестнадцать тысяч, и дань из них Господу тридцать две души.

41. И отдал Моисей дань, возношение Господу, Элеазару священнику, как повелел Господь Моисею...

47. Из половины сынов Израилевых взял Моисей одну пятидесятую часть из людей и из скота и отдал это левитам, исполняющим службу при скинии Господней, как повелел Господь Моисею...

10. Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир...

13. И когда Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужской пол острием меча;

14. Только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой;

15. Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих.

16. А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души...»

Библейский закон гласит: «Не убий!»

Закон бога, вложенный в сердце человека в миг его рождения, гласит: «Убей!»

Глава, которую я привел выше, показывает вам, что библейское установление вновь оказывается бессильным. Оно не может одолеть более могучий закон природы.

Эти люди верят, что сам бог сказал им: «Не убий!»

В таком случае ясно, что он сам был не в силах соблюдать свои же заповеди.

Он убил всех этих людей — весь мужской пол.

Они чем-то оскорбили бога. Мы сразу можем угадать, каков был этот проступок — то есть, что это был какой-нибудь пустяк, мелочь, на которую никто, кроме бога, и внимания не обратил бы. Более чем вероятно, что кто-нибудь из мадианитян последовал примеру некоего Онана, которому велено было: «войди к жене брата своего»,— что он и исполнил, но вместо того, чтобы доводить дело до конца, «изливал на землю». Господь умертвил его, так как Господь терпеть не мог плохих манер. Господь умертвил Онана, и по сей день христианский мир не может понять, почему он ограничился одним Онаном, а не перебил всех жителей на триста миль в окружности — ведь они были ни в чем не повинны, а именно безвинных-то он и имел обыкновение умерщвлять. Таково было его извечное представление о справедливости и честной игре. Если бы у него был девиз, девиз этот гласил бы: «Пусть ни один невиновный не останется безнаказанным!» Вы, вероятно, еще не забыли, что он сделал во время потопа. Вспомните о бесчисленном множестве младенцев и маленьких ребятишек — они не причинили ему никакого зла, что он отлично знал, но их близкие его оскорбили, и этого было для него достаточно: он смотрел, как вода поднимается к их кричащим ротикам, он видел безумный ужас в их глазенках, он видел отчаянную муку и мольбу на лицах их матерей, которая тронула бы любое сердце, но только

не его, поскольку он специально охотился на безвинных. И он хладнокровно утопил всех этих бедных крошек.

И вспомните также, что *все* миллиарды потомков Адама безвинны — никто из них не участвовал в его проступке,— но бог и сейчас считает их виноватыми. Единственный способ увильнуть от наказания — это признать себя соучастником Адама: менее вопиющей ложью тут не обойдешься.

Какой-то мадианитянин, вероятно, сделал то же, что и Онан, и тем навлек эту страшную беду на весь свой народ. А если божью щепетильность возмутила не подобная невоспитанность, то я уже не ошибусь, назвав другую причину его гнева: какой-нибудь мадианитянин помочился к стене. Я убежден в этом, потому что такую неприличность Источник хорошего тона никогда никому не спускал. Человек мог мочиться на дерево, он мог мочиться на свою мать, он мог обмочить собственные штаны — и все это сошло бы ему с рук, но мочиться к стене он не смел, это значило бы зайти слишком уж далеко. Откуда возникло божественное предубеждение против столь безобидного поступка, нигде не объясняется. Но во всяком случае мы знаем, что предубеждение это было очень велико — так велико, что бога могло удовлетворить лишь полное истребление всех, кто обитал в области, где стена была подобным образом осквернена.

Возьмите историю Иеровоама. «Я истреблю у Иеровоама каждого мочащегося к стене». Так и было сделано. И истреблен был не только помочившийся, но и все остальные.

То же случилось и с домом Ваасы: уничтожены были все — родственники, друзья и прочие, так что не осталось ни одного «мочащегося к стене».

История Иеровоама дает нам блистательный пример привычки бога не ограничиваться наказанием виновных — все невинные тоже пострадали. Злосчастный дом Иеровоамов был «выметен», «как выметают сор, дочиста». Это включает и женщин, и девушек, и маленьких девочек. И все они были ни в чем не виноваты, так как не могли мочиться к стене. Лица их пола вообще не способны это проделать. Такой выдающийся трюк по силам лишь представителям противоположного пола.

Странный предрассудок. И он все еще существует. Родители-протестанты все еще держат библию на самом видном месте в доме, чтобы дети могли ее изучить, и маленькие мальчики и девочки, едва научившись читать, узнают, что им надлежит быть праведными, святыми и не мочиться к стене. Эти тексты они изучают с наибольшим прилежанием, если не

считать тех, которые подстрекают к мастурбации. Такие места они старательно выискивают и тщательно штудируют в уединении. Нет протестантского ребенка, который не мастурбировал бы. Это искусство — один из первых даров, которым наделяет мальчика его религия. И из тех, которыми она наделяет девочку.

Библия имеет перед всеми остальными книгами, которые учат хорошему тону и манерам, то преимущество, что она попадает к ребенку первой. Он знакомится с ней в самом впечатлительном и восприимчивом возрасте — остальным же книгам по этикету приходится дожидаться своей очереди.

«Кроме оружия твоего должна быть у тебя лопатка, и когда будешь садиться *вне стана,* выкопай ею и опять зарой испражнение твое».

Это правило было создано в давние дни потому, что «Господь Бог твой ходит среди стана твоего».

Пожалуй, не стоит тратить время и труды на то, чтобы точно установить, почему были истреблены мадианитяне. Но одно можно сказать твердо: преступление их было невелико. В этом нас убеждают истории Адама, Потопа и осквернителей стены. Может быть, один из мадианитян оставил дома свою лопатку, от чего и произошла вся беда. Да впрочем, это и неважно. Главное — сама беда и та мораль, которую она предлагает в поучение современным христианам, дабы возвысить их души.

Бог начертал на каменных скрижалях: «Не убий!» И еще: «Не прелюбодействуй!»

Апостол Павел, повинуясь божественному внушению, рекомендовал вообще отказаться от всякой половой жизни. Со времен мадианитского инцидента божьи взгляды явно претерпели значительное изменение.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ история всех веков обагрена кровью, запятнана ненавистью и осквернена зверствами, но в послебиблейские времена в ней все же заметны кое-какие ограничения. Даже Церковь, которая, насколько известно, пролила со времени установления своего господства больше невинной крови, чем ее было пролито во всех политических войнах, вместе взятых, все же себя ограничивала. Немного, но ограничивала. Однако заметьте — когда Господь Бог, Повелитель небес и

земли, обожаемый Отец человека, отправляется воевать, он не признает никаких ограничений. Он начисто лишен милосердия — он, которого называют Источником милосердия. Он убивает, убивает, убивает! Всех мужчин, весь скот, всех мальчиков, всех младенцев, а также всех женщин и девушек, за исключением девственниц.

Он не различает правых и виноватых. Младенцы были безвинны, скот был безвинен, многие мужчины, многие женщины, многие мальчики, многие девушки ни в чем не были повинны, и все же их покарали наравне с виновными. Безумному Отцу нужны были кровь и горе, а чьи — значения не имело.

И самое тяжкое наказание пало на тех, кто уж никак не заслуживал столь ужасной судьбы — на 32 000 девственниц. Их обнажали и исследовали, чтобы убедиться, цела ли девственная плева; а после этого унизительнейшего осмотра их увезли из родной страны, чтобы продать в рабство — в самое гнусное и позорное рабство, обрекавшее их на проституцию; они становились наложницами, обязанными возбуждать похоть и удовлетворять ее своим телом, бесправными рабынями любого покупателя, окажется ли он порядочным человеком или грубым и грязным негодяем.

И такой чудовищной и незаслуженной каре обрек этих осиротевших беззащитных девушек их Отец, только что у них на глазах истребивший всех их близких. А они, наверное, молились ему в те минуты, ища у него помощи и спасения? Несомненно.

Эти девушки были «добычей», военным трофеем. Он потребовал свою долю и получил ее. А зачем ему-то были девственницы? Ознакомьтесь с его дальнейшей историей, и вы узнаете.

Его священники тоже получили свою долю этих девственниц. А зачем понадобились девственницы священнику? Ответ на этот вопрос вы найдете в тайной истории католической исповеди. Во все века существования Церкви главным развлечением отца-исповедника было совращение исповедующихся женщин. Отец Гиацинт показал, что из ста исповедовавшихся ему священников девяносто девять с успехом использовали исповедальню для совращения замужних женщин и молодых девушек. Один священник признался, что из девятисот женщин и девушек, чьим исповедником он был, его похотливых объятий избежали только старые и уродливые. Официальный список вопросов, которые священник обязан задавать во время исповеди, наверняка возбудит любую женщину, если только она не паралитичная.

Во всей истории варварского и цивилизованного мира не найти войны столь безжалостной и истребительной, как кампания, которую Источник милосердия вел против мадианитян. Официальный отчет о ней не сообщает никаких подробностей об отдельных эпизодах, не сообщает никаких частностей, он информирует нас только в общем — *все* девственницы, *все* мужчины, *все* младенцы, *все* живые души», *все* дома, *все* города. Этот отчет развертывает перед вами одну гигантскую картину пожарищ и запустения, а ваша фантазия добавляет глухую тишину, жуткое безмолвие — безмолвие смерти. Но ведь были и отдельные эпизоды. Где же их найти?

В истории недавних лет. В истории, начертанной американским индейцем. Он повторил труды Господни, точно следуя примеру бога. В 1862 году индейцы Миннесоты, безжалостно угнетаемые и предательски обманутые правительством Соединенных Штатов, восстали против белых поселенцев и истребили их — истребили всех, кто попал к ним в руки, не щадя ни стариков, ни женщин, ни младенцев. Ознакомьтесь с одним эпизодом:

Двенадцать индейцев ворвались на заре в дом фермера и захватили всю семью — самого фермера, его жену и четырех их дочерей, младшей из которых исполнилось четырнадцать лет, а старшей — восемнадцать. Они распяли родителей, то есть поставили их обнаженными в углу гостиной и прибили их руки гвоздями к стене. Затем они сорвали одежду с дочерей, бросили их на пол перед родителями и по очереди изнасиловали. Затем они распяли и девушек напротив родителей, отрезали им носы и груди, а потом... но я не стану рассказывать об этом. Всему есть предел. Существуют гнусности настолько страшные, что перо отказывается их описывать. Когда два дня спустя подоспела помощь, один из несчастных был еще жив — отец.

Вы ознакомились с одним эпизодом миннесотской резни. Я мог бы привести вам еще пятьдесят. Они исчерпали бы все жестокости, которые способно изобрести человеческое зверство.

И эти примеры достоверно показывают вам, что происходило под личным руководством Источника Милосердия во время его кампании против мадианитян. Кампания в Миннесоте была всего лишь точной копией мадианитской. И вторая дает нам полное представление о первой.

Нет, это не совсем так. Индеец был более милосерден, чем Источник Милосердия. Он не продавал девушек в рабство, чтобы они ублажали похоть убийц своих близких, пока не оборвутся их грустные дни; он насиловал их, а затем милосердно

прекращал их страдания, даря им желанную смерть. Он сжигал дома — но не все. Он угонял безвинный бессловесный скот — но не убивал его.

И можно ли было ждать, что вот этот бессовестный бог, этот моральный банкрот станет вдруг проповедником морали, кротости, смирения, праведности, чистоты? Это кажется нелепым, невероятным, однако послушайте его. Вот его собственные слова:

«Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство небесное.
Блаженны плачущие; ибо они утешатся.
Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю.
Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся.
Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут.
Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят.
Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены *сынами Божьими.*
Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство небесное.
Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Уста, изрекшие эти чудовищные насмешки, эти лицемернейшие обещания, были теми же самыми устами, которые повелели полностью истребить мадианитских мужчин, младенцев и скот; спалить все дома и все города; обречь всех девственниц на грязное, невыразимо гнусное рабство. Это говорит тот самый бог, который обрек мадианитян дьявольским жестокостям, подробно воспроизведенным индейцами Миннесоты восемнадцать веков спустя. Мадианитский эпизод доставил ему живейшую радость. И миннесотский тоже — иначе он не допустил бы его.

Эту часть Нагорной проповеди следует читать в церкви одновременно с вышеприведенными главами Книги Чисел и Второзакония, дабы прихожане могли всесторонне обозреть нашего Отца Небесного. Однако мне не доводилось слышать, чтобы хоть один священник это сделал.

АРХИВ СЕМЕЙСТВА АДАМА

ДНЕВНИК АДАМА

Фрагменты

Понедельник.— Это новое существо с длинными волосами очень мне надоедает. Оно все время торчит перед глазами и ходит за мной по пятам. Мне это совсем не нравится: я не привык к обществу. Шло бы себе к другим животным... Сегодня пасмурно, ветер с востока, думаю — мы дождемся хорошего ливня... Мы? Где я мог подцепить это слово?.. Вспомнил — новое существо пользуется им.

Вторник.— Обследовал большое низвержение воды. Пожалуй, это лучшее, что есть в моих владениях. Новое существо называет его Ниагарский водопад. Почему? Никому не известно. Говорит, что оно *так выглядит*. По-моему, это еще недостаточное основание. На мой взгляд, это какая-то дурацкая выдумка и сумасбродство. Но сам я теперь лишен всякой возможности давать какие-либо наименования чему-либо. Новое существо придумывает их, прежде чем я успеваю раскрыть рот. И всякий раз — один и тот же довод: это *так выглядит*. Взять хотя бы додо, к примеру. Новое существо утверждает, что стоит только взглянуть на додо, и сразу видно, «что он вылитый додо». Придется ему остаться додо, ничего не поделаешь. У меня не хватает сил с этим бороться, да и к чему — это же бесполезно! Додо! Он так же похож на додо, как я сам.

Среда.— Построил себе шалаш, чтобы укрыться от дождя, но не успел ни минуты спокойно посидеть в нем наедине с самим собой. Новое существо вторглось без приглашения. А когда я попытался выпроводить его, оно стало проливать влагу из углублений, которые служат ему, чтобы созерцать окружающие предметы, а потом принялось вытирать эту влагу тыльной стороной лап и издавать звуки, вроде тех, что издают другие животные, когда попадают в беду! Пусть! Лишь бы только оно не говорило! Но оно говорит не умолкая. Быть может, в

моих словах звучит некоторая издевка, сарказм, но я вовсе не хотел обидеть беднягу. Просто я никогда еще не слышал человеческого голоса, и всякий непривычный звук, нарушающий эту торжественную дремотную тишину и уединение, оскорбляет мой слух, как фальшивая нота. А эти новые звуки раздаются к тому же так близко! Они все время звучат у меня за спиной, над самым ухом — то с одной стороны, то с другой, а я привык только к такому шуму, который доносится из некоторого отдаления.

Пятница.— Наименования продолжают возникать как попало, невзирая на все мои усилия. У меня было очень хорошее название для моих владений, музыкальное и красивое: Райский сад. Про себя я и сейчас продолжаю употреблять его, но публично — уже нет. Новое существо утверждает, что здесь слишком много деревьев, и скал, и открытых ландшафтов, и следовательно — это совсем не похоже на сад. Оно говорит, что это выглядит как парк, и только как парк. И вот, даже не посоветовавшись со мной, оно переименовало мой сад в Ниагарский парк. Одно это, по-моему, достаточно убедительно показывает, насколько оно позволяет себе своевольничать А тут еще вдруг появилась надпись:

ТРАВЫ НЕ МЯТЬ!

Я уже не так счастлив, как прежде.

Суббота.— Новое существо поедает слишком много плодов. Этак мы долго не протянем. Опять «мы» — это его словечко. Но оно стало и моим теперь,— да и немудрено, поскольку я слышу его каждую минуту. Сегодня с утра густой туман. Что касается меня, то в туман я не выхожу. Новое существо поступает наоборот. Оно шлепает по лужам в любую погоду, а потом вламывается ко мне с грязными ногами. И разговаривает. Как тихо и уютно жилось мне здесь когда-то!

Воскресенье.— Кое-как скоротал время. Воскресные дни становятся для меня все более и более тягостными. Еще в ноябре воскресенье было выделено особо, как единственный день недели, предназначенный для отдыха. Раньше у меня было по шесть таких дней на неделе. Сегодня утром видел, как новое существо пыталось сбить яблоки с того дерева, на которое наложен запрет.

Понедельник.— Новое существо утверждает, что его зовут Евой. Ну что ж, я не возражаю. Оно говорит, что я должен звать его так, когда хочу, чтобы оно ко мне пришло.

Я сказал, что, по-моему, это уже какое-то излишество. Это слово, по-видимому, чрезвычайно возвысило меня в его глазах. Да это и в самом деле довольно длинное и хорошее слово, надо будет пользоваться им и впредь. Новое существо говорит, что оно не оно, а она. Думаю, что это сомнительно. Впрочем, мне все равно, что оно такое. Пусть будет она, лишь бы оставила меня в покое и замолчала.

Вторник.— Она изуродовала весь парк какими-то безобразными указательными знаками и чрезвычайно оскорбительными надписями:

К водопаду
на козий остров
к пещере ветров

Она говорит, что этот парк можно было бы превратить в очень приличный курорт, если бы подобралась соответствующая публика. Курорт — это еще одно из ее изобретений, какое-то дикое, лишенное всякого смысла слово. Что такое курорт? Но я предпочитаю не спрашивать, она и так одержима манией все разъяснять.

Пятница.— Теперь она пристает ко мне с другим: умоляет не переправляться через водопад. Кому это мешает? Она говорит, что ее от этого бросает в дрожь. Не понимаю — почему. Я всегда это делаю — мне нравится кидаться в воду, испытывать приятное волнение и освежающую прохладу. Думаю, что для того и создан водопад. Не вижу, какой иначе от него прок,— а ведь зачем-то он существует? Она утверждает, что его создали просто так — как носорогов и мастодонта,— чтобы придать живописность пейзажу.

Я переправился через водопад в бочке — это ее не удовлетворило. Тогда я воспользовался бадьей — она опять осталась недовольна. Я переплыл водоворот и стремнину в купальном костюме из фигового листа. Костюм основательно пострадал, и мне пришлось выслушать скучнейшую нотацию,— она обвинила меня в расточительности. Эта опека становится чрезмерной. Чувствую, что необходимо переменить обстановку.

Суббота.— Я сбежал во вторник ночью и все шел и шел — целых два дня, а потом построил себе новый шалаш в уединенном месте и постарался как можно тщательнее скрыть следы, но она все же разыскала меня с помощью животного, которое ей удалось приручить и которое она называет волком, явилась сюда и снова принялась издавать эти свои жалобные звуки и проливать влагу из углублений, служащих ей для со-

зерцания окружающих предметов. Пришлось возвратиться вместе с ней обратно, я снова сбегу, лишь только представится случай. Ее беспрестанно занимают какие-то невообразимые глупости, почему животные, называемые львами и тиграми, питаются травой и цветами, в то время как, по ее словам, они созданы с расчетом на то, чтобы поедать друг друга,— достаточно поглядеть на их зубы. Это, разумеется, чрезвычайно глупое рассуждение, потому что поедать друг друга — значит, убивать друг друга, то есть, как я понимаю, привести сюда то, что называется «смертью», а смерть, насколько мне известно, пока еще не проникла в парк. О чем, к слову сказать, можно иной раз и пожалеть.

Воскресенье.— Кое-как скоротал время.

Понедельник.— Кажется, я понял, для чего существует неделя: чтобы можно было отдохнуть от воскресной скуки. По-моему, это очень правильное предположение... Она опять лазила на это дерево. Я согнал ее оттуда, швыряя в нее комьями земли. Она заявила, что никто, дескать, ее не видел. Для нее, по-видимому, это служит достаточным оправданием, чтобы рисковать и подвергать себя опасности. Я ей так и сказал. Слово «оправдание» привело ее в восторг... и, кажется, пробудило в ней зависть. Это хорошее слово.

Вторник.— Она заявила, что была создана из моего ребра. Это весьма сомнительно, чтобы не сказать больше. У меня все ребра на месте... Она пребывает в тревоге из-за сарыча,— говорит, что он не может питаться травой, он ее плохо воспринимает. Она боится, что ей не удастся его выходить. По ее мнению, сарычу положено питаться падалью. Ну, ему придется найти способ обходиться тем, что есть. Мы не можем ниспровергнуть всю нашу систему в угоду сарычу.

Суббота.— Вчера она упала в озеро: гляделась, по своему обыкновению, в воду, и упала. Она едва не захлебнулась и сказала, что это очень неприятное ощущение. Оно пробудило в ней сочувствие к тем существам, которые живут в озере и которых она называет рыбами. Она по-прежнему продолжает придумывать названия для различных тварей, хотя они совершенно в этом не нуждаются и никогда не приходят на ее зов, чему она, впрочем, не придает ни малейшего значения, так как что ни говори, а она все-таки просто-напросто дурочка. Словом, вчера вечером она поймала уйму этих самых рыб, притащила их в шалаш и положила в мою постель, чтобы они обогрелись, но я время от времени наблюдал за ними сегодня и не заметил, чтобы они выглядели особенно счастливыми, разве

только, что совсем притихли. Ночью я выброшу их вон. Больше я не стану спать с ними в одной постели, потому что они холодные и скользкие, и оказывается, это не так уж приятно лежать среди них, особенно нагишом.

Воскресенье.— Кое-как скоротал время.

Вторник.— Теперь она завела дружбу со змеей. Все прочие животные рады этому, потому что она вечно проделывала над ними всевозможные эксперименты и надоедала им. Я тоже рад, так как змея умеет говорить, и это дает мне возможность отдохнуть немножко.

Пятница.— Она уверяет, что змея советует ей отведать плодов той самой яблони, ибо это даст познать нечто великое, благородное и прекрасное. Я сказал, что одним познанием дело не ограничится,— она, кроме того, еще приведет в мир смерть. Я допустил ошибку, мне следовало быть осторожнее,— мое замечание только навело ее на мысль: она решила, что тогда ей легче будет выходить больного сарыча и подкормить свежим мясом приунывших львов и тигров. Я посоветовал ей держаться подальше от этого дерева. Она сказала, что и не подумает. Я предчувствую беду. Начну готовиться к побегу.

Среда.— Пережить пришлось немало. Я бежал в ту же ночь — сел на лошадь и гнал ее во весь опор до рассвета, надеясь выбраться из парка и найти пристанище в какой-нибудь другой стране, прежде чем разразится катастрофа. Но не тут-то было. Примерно через час после восхода солнца, когда я скакал по цветущей долине, где звери мирно паслись, играя, по обыкновению, друг с другом или просто грезя о чем-то, вдруг ни с того ни с сего все они начали издавать какой-то бешеный, ужасающий рев, в долине мгновенно воцарился хаос, и я увидел, что каждый зверь стремится пожрать своего соседа. Я понял, что произошло: Ева вкусила от запретного плода, и в мир пришла смерть... Тигры съели мою лошадь, не обратив ни малейшего внимания на мои слова, хотя я решительно приказал им прекратить это. Они съели бы и меня, замешкайся я там, но я, конечно, не стал медлить и со всех ног пустился наутек... Я набрел на это местечко за парком и несколько дней чувствовал себя здесь вполне сносно, но она разыскала меня и тут. Разыскала и тотчас же назвала это место Тонаунда, заявив, что это так выглядит. Правду сказать, я не огорчился, когда увидел ее, потому что поживиться здесь особенно нечем, а она принесла несколько этих самых яблок. Я был так голоден, что пришлось съесть их. Это было противно моим правилам, но я убедился, что правила сохраняют свою силу лишь до тех пор,

пока ты сыт... Она явилась задрапированная пучками веток и листьев, а когда я спросил ее, что это еще за глупости, и, сорвав их, швырнул на землю, она захихикала и покраснела. До той минуты мне никогда не доводилось видеть, как хихикают и краснеют, и я нашел ее поведение крайне идиотским и неприличным. Но она сказала, что я скоро познаю все это сам. И оказалась права. Невзирая на голод, я положил на землю надкушенное яблоко (оно и в самом деле было лучше всех, какие я когда-либо видел, особенно если учесть, что сезон яблок давно прошел), собрал разбросанные листья и ветки и украсился ими, а затем сделал ей довольно суровое внушение, приказав принести еще листьев и веток и впредь соблюдать приличие и не выставлять себя подобным образом напоказ. Она сделала, как я ей сказал, после чего мы пробрались в долину, где произошла битва зверей, раздобыли там несколько шкур, и я приказал ей соорудить из них костюмы, в которых мы могли бы появиться в обществе. Признаться, в них чувствуешь себя не слишком удобно, но зато они не лишены известного шика, а ведь, собственно говоря, только это и требуется... Я нахожу, что с ней можно довольно приятно проводить время. Теперь, лишившись своих владений, я испытываю одиночество и тоску, когда ее нет со мной. И еще одно: она говорит, что отныне нам предписано в поте лица своего добывать себе хлеб. Тут она может оказаться полезной. Руководить буду я.

Десять дней спустя.— Она обвиняет меня: говорит, что я виновник катастрофы! Она утверждает, и как будто вполне искренне и правдиво, что, по словам змеи, запретный плод — вовсе не яблоки, а лимоны! Я сказал, что это только лишний раз доказывает мою невиновность, ибо я никогда не ел лимонов. Но змея, говорит она, разъяснила ей, что это имеет чисто иносказательный смысл, ибо под «лимонами» условно подразумевается все, что мгновенно набивает оскомину, как, например, плоские, избитые остроты. При этих словах я побледнел, так как от нечего делать не раз позволял себе острить, и какая-нибудь из моих острот действительно могла оказаться именно такого сорта, хотя я в простоте душевной считал их вполне острыми и свежими. Она спросила меня, не сострил ли я невзначай как раз накануне катастрофы. Пришлось признаться, что я действительно допустил нечто подобное, хотя не вслух, а про себя. Дело обстояло так. Я вспомнил водопад и подумал: «Какое удивительное зрелище являет собой вся эта масса воды, ниспровергающаяся сверху вниз!» И тотчас, подобно молнии, меня осенила блестящая острота, и я позволил

себе облечь ее мысленно в слова: «А ведь было бы еще удивительнее, если бы вся эта вода начала ниспровергаться снизу вверх!» Тут я расхохотался так, что едва не лопнул от смеха,— и в то же мгновение вся природа словно взбесилась, вражда и смерть пришли в долину, а я выпужден был бежать, спасая свою жизнь.

— Вот видишь! — сказала она с торжеством.— Так оно и есть. Именно подобные остроты и имела в виду змея, когда сказала, что они могут набить оскомину, как лимон, потому что ими пользуются с сотворения мира.

Увы, по-видимому, во всем виноват я! Лучше бы уж мне не обладать остроумием! Лучше бы уж эта блестящая острота никогда не приходила мне в голову!

На следующий год.— Мы назвали его Каин. Она принесла его в то время, как я был в отлучке — расставлял капканы на северном побережье озера Эри. Она, как видно, поймала его где-то в лесу, милях в двух от нашего жилища, а то и дальше, милях в трех-четырех,— она сама нетвердо знает где. В некоторых отношениях это существо похоже на нас и, возможно, принадлежит к нашей породе. Так, во всяком случае, думает она, но, по-моему, это заблуждение. Разница в размерах уже сама по себе служит доказательством того, что это какое-то новое существо, отличной от нас породы. Быть может, это рыба, хотя, когда я для проверки опустил его в озеро, оно пошло ко дну, а она тотчас бросилась в воду и вытащила его, помешав мне, таким образом, довести эксперимент до конца и установить истину. Все же я склонен думать, что оно из породы рыб, но ей, по-видимому, совершенно безразлично, что это такое, и она не позволяет мне попытаться выяснить это. Я ее не понимаю. С тех пор как у нас появилось это существо, ее словно подменили — с безрассудным упрямством она не желает и слышать о каких бы то ни было экспериментах. Ни одно животное не поглощало так все ее помыслы, как эта тварь, но при этом она совершенно не в состоянии объяснить почему. Она повредилась в уме — все признаки налицо. Иной раз она чуть ли не всю ночь напролет носит эту рыбу на руках, если та подымает визг — просится, по-видимому, в воду. Она пошлепывает рыбу по спине и издает ртом довольно нежные звуки, стараясь ее успокоить, и еще на сотню ладов проявляет свою о ней заботу и по-всякому ее жалеет, а из углублений, которые служат ей для того, чтобы созерцать окружающие предметы, у нее опять начинает течь влага. Никогда я не видел, чтобы она обращалась так с другими рыбами, и это внушает мне большую

тревогу. Когда мы еще не лишились наших владений, она, случалось, таскала на руках маленьких тигрят и забавлялась с ними, но то была просто игра. Она никогда не принимала так близко к сердцу, если у тигрят после обеда делалось расстройство желудка.

Воскресенье.— По воскресеньям она теперь больше не работает, а лежит в полном изнеможении и позволяет рыбе кувыркаться через нее, и это явно доставляет ей удовольствие. Она издает ртом какие-то нелепые звуки, чтобы позабавить рыбу, и делает вид, будто кусает ее конечности, а рыба смеется. Я еще никогда не видел, чтобы рыбы смеялись. Это наводит меня на размышления... Я теперь тоже полюбил воскресные дни. Поруководишь целую неделю, а потом чувствуешь себя физически совершенно разбитым. Нужно было бы устроить побольше воскресных дней. Прежде я их терпеть не мог, а теперь оказалось, что они наступают чрезвычайно вовремя.

Среда.— Нет, это не рыба. Я так и не могу установить, что же это такое. Когда оно чем-нибудь недовольно, оно производит такие странные звуки, что мороз подирает по коже, а когда его ублажат — говорит «гу-гу». Оно не нашей породы, потому что не ходит, но оно и не птица, потому что не летает, и не лягушка, потому что не прыгает, и не змея, потому что не ползает, и я почти уверен, что это не рыба, хотя до сих пор не имел возможности установить, умеет ли оно плавать. Оно просто лежит, преимущественно на спине, задрав ноги кверху. Я никогда не видел, чтобы какое-нибудь животное вело себя подобным образом. Я сказал, что, по-моему, это какая-то загадка, но она, хотя и пришла в восторг от этого слова, совершенно не поняла его смысла. Думаю, что это либо загадка, либо какое-то насекомое. Если оно подохнет, я расчленю его, чтобы узнать, как оно устроено. Впервые в жизни я решительно поставлен в тупик.

Три месяца спустя.— Я окончательно сбит с толку, и, чем дальше, тем становится все хуже. Я потерял сон. Оно теперь перестало лежать на спине и стало передвигаться на четвереньках. Однако оно сильно отличается от других животных, которые ходят на четырех ногах, ибо его передние ноги ненормально коротки, и от этого выдающаяся часть его туловища как-то странно торчит вверх, что производит довольно неприятное впечатление. По своему сложению оно сильно напоминает нас, но его способ передвижения заставляет предполагать, что это существо не нашей породы. Длинные задние и короткие передние лапы указывают на его принадлежность к

семейству кенгуровых, но это, несомненно, совершенно особая разновидность, так как обыкновенные кенгуру прыгают, а оно никогда этого не делает. В общем, это весьма интересный и любопытный экземпляр, который до сих пор еще не был классифицирован. Поскольку он открыт мной, я считаю себя вправе приписать себе славу этого открытия и наименовать его в мою честь — Кенгуру Адамовидное... Должно быть, оно попало к нам еще в очень раннем возрасте, потому что выросло с тех пор просто невероятно. Оно сейчас стало по крайней мере раз в пять крупнее и, если что-нибудь не по нем, производит раз в двадцать — тридцать больше шуму, чем прежде. Применение силы не только не усмиряет его, но дает совершенно противоположные результаты. Пришлось отказаться от этой меры воздействия. Она успокаивает его с помощью убеждения или тем, что дает ему предметы, которые только что отказывалась давать. Как я уже говорил, меня не было дома, когда оно у нас появилось, и она сказала тогда, что нашла его в лесу. Мне кажется неправдоподобным, чтобы это был один-единственный экземпляр на свете, но, по-видимому, это так. Я совершенно измучился — несколько недель кряду все пытался отыскать еще хотя бы одного такого же, как этот, чтобы пополнить мою коллекцию и чтобы этому было с кем поиграть (ведь тогда бы он наверняка немного угомонился и нам было бы легче его приручить), но так и не нашел ничего, хотя бы отдаленно на него похожего, и что особенно странно — никаких следов. Оно не может не ходить по земле, хочет оно того или не хочет, как же тогда оно ухитряется не оставлять следов? Я расставил около дюжины капканов, но без всякого толку. В них попались все как есть маленькие зверюшки, только не оно. И эти зверьки, как мне кажется, забирались в капканы просто из любопытства — поглядеть, для чего там поставлено молоко. Никто из них к нему и не притронулся.

Три месяца спустя.— Кенгуру все продолжает расти — это очень странно и внушает тревогу. Я не видел еще ни одного животного, которому потребовалось бы столько времени, чтобы вырасти. Теперь голова у него покрылась шерстью, которая совершенно не похожа на мех кенгуру, а очень напоминает наши волосы, с той только разницей, что она гораздо тоньше и мягче и не черного цвета, а рыжая. Я, должно быть, скоро сойду с ума от неслыханных, несуразных капризов и причуд этого не изученного наукой биологического уродца. Если бы только я мог поймать хотя бы еще одного, подобного ему... Но все напрасно. Это один-единственный экземпляр ка-

кой-то совершенно новой зоологической разновидности. Сомнения больше нет. Однако я поймал обыкновенного кенгуру и принес его с собой, полагая, что наш будет рад хоть этому, поскольку он лишен общества себе подобных и вообще лишен сверстников, с которыми мог бы подружиться и которые посочувствовали бы ему в его ужасном одиночестве среди чуждых ему существ, не понимающих ни его нрава, ни его повадок и не умеющих объяснить ему, что он находится среди друзей. Но это было ошибкой: он так испугался при виде кенгуру, что с ним сделался припадок, и я понял — ему еще никогда в жизни не доводилось видеть кенгуру. Мне жаль бедного крикливого зверюшку, но я бессилен хоть чем-нибудь его порадовать. Если бы я мог приручить его... Но об этом нечего и думать: чем больше я стараюсь, тем получается хуже. Мне больно видеть, как этот ничтожный зверенок неистовствует, когда он чем-то рассержен или огорчен. Я бы выпустил его на волю, но она и слышать об этом не хочет. По-моему, это очень жестоко и совсем непохоже на нее,— и все же, быть может, она права. Быть может, тогда это существо будет еще более одиноко,— ведь если уж я не мог найти другого, подобного ему, так разве ж оно найдет?

Пять месяцев спустя.— Это не кенгуру. Нет, потому что оно делает несколько шагов на задних ногах, держась за ее палец, а затем падает. Возможно, что это какая-то разновидность медведя, однако у него нет хвоста — пока во всяком случае — и нет шерсти, кроме как на голове. Оно все еще продолжает расти, и это обстоятельство кажется мне в высшей степени странным, так как медведи гораздо быстрее вырастают до надлежащих размеров. Медведи теперь опасны (со времени катастрофы), и я бы не хотел, чтобы этот и впредь разгуливал где ему вздумается без намордника. Я предложил ей добыть для нее кенгуру, если она согласится выпустить медвежонка па волю, но ничего не вышло. Как видно, она хочет, чтобы мы самым идиотским образом подвергали свою жизнь опасности. Она была совсем иной, пока не лишилась рассудка.

Две недели спустя.— Я обследовал его пасть. Сейчас он еще не опасен: у него только один зуб. И по-прежнему нет хвоста. Теперь он производит еще больше шума, особенно по ночам. Я перебрался из шалаша под открытое небо. Впрочем, я захожу в шалаш по утрам, чтобы позавтракать и посмотреть, не прорезались ли у медвежонка новые зубы. Если у него будет полна пасть зубов, тогда — с хвостом или без хвоста — ему придется убраться отсюда восвояси. В конце концов

медведю вовсе не обязательно иметь хвост, чтобы представлять опасность для окружающих.

Четыре месяца спустя.— Был в отлучке около месяца — ловил рыбу и охотился в местности, которую она, неизвестно почему, называет Бизон,—вероятнее всего, потому, что там нет ни одного бизона. За время моего отсутствия медвежонок научился вполне самостоятельно передвигаться па задних лапах и говорить: «паппа» и «мамма». Несомненно, это совершенно новая разновидность. То, что эти сочетания звуков похожи на слова, может, конечно, объясняться какой-то случайностью, и вполне допустимо, что они лишены всякого смысла и ровно ничего не обозначают, но тем не менее это все же нечто из ряда вон выходящее и не под силу ни одному медведю. Эта имитация речи в соединении с почти полным отсутствием шерсти и совершенным отсутствием хвоста — достаточно яркое доказательство того, что мы имеем дело с новой разновидностью медведя. Дальнейшее изучение его может дать необычайно интересные результаты. Пока что я намерен отправиться в далекую экспедицию и самым тщательным образом обследовать расположенные на Севере леса. Не может быть, чтобы там не сыскался хотя бы еще один подобный экземпляр, а тот, что у нас, несомненно будет представлять меньшую опасность, если получит возможность общаться с себе подобным. Решил отправиться не теряя времени. Но сначала надену на него намордник.

Три месяца спустя.— О, как утомительна была эта охота, а главное — как безрезультатна! И в это самое время, не сделав из дома ни шагу, она поймала еще одного! В жизни не видал, чтобы кому-нибудь так везло! А мне бы нипочем не заполучить этой твари, даже если бы я скитался по лесам еще лет сто.

На следующий день.— Я сравниваю нового со старым, и мне совершенно ясно, что они одной породы. Мне хотелось сделать из одного из них чучело для моей коллекции, но она по каким-то соображениям воспротивилась этому. Пришлось отказаться от моей затеи, хотя я считаю, что зря. Если они сбегут, это будет невознаградимой утратой для науки. Старший стал более ручным теперь, научился смеяться и говорить как попугай — по-видимому, оттого, что он так много времени проводит в обществе попугая и к тому же обладает чрезвычайно развитой способностью к подражанию. Я буду очень удивлен, если в конечном счете окажется, что это новая разновидность попугая, хотя, впрочем, мне бы уже пора ни-

чему не удивляться, поскольку с тех первых дней, когда оно еще было рыбой, оно успело перебывать всем на свете,— всем, что только могло взбрести ему на ум. Младшее существо совершенно так же безобразно, как было на первых порах старшее. цветом оно напоминает сырое мясо с каким-то сероватожелтоватым оттенком, а голова у него тоже необычайно странной формы и без всяких признаков шерсти. Она назвала его Авель.

Десять лет спустя.— Это мальчики: мы открыли это уже давно. Нас просто сбивало с толку то, что они появлялись на свет такими крошечными и несовершенными по форме,— мы просто не были к этому подготовлены. А теперь у нас есть уже и девочки. Авель хороший мальчик, но для Каина было бы полезней, если бы он остался медведем. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что заблуждался относительно Евы: лучше жить за пределами Рая с ней, чем без нее — в Раю. Когда-то я считал, что она слишком много говорит, но теперь мне было бы грустно, если бы этот голос умолк и навсегда ушел из моей жизни. Благословенна будь плохая острота, соединившая нас навеки и давшая мне познать чистоту ее сердца и кротость нрава.

ДНЕВНИК ЕВЫ

Перевод с оригинала

Суббота.— Мне уже почти исполнился день. Я появилась вчера. Так, во всяком случае, мне кажется. И, вероятно, это именно так, потому что, если и было позавчера, меня тогда еще не существовало, иначе я бы это помнила. Возможно, впрочем, что я просто не заметила, когда было позавчера, хотя оно и было. Ну что ж. Теперь я буду наблюдательней, и, если еще раз повторится позавчера, я непременно это запишу. Пожалуй, лучше начать сразу же, чтобы потом не напутать чего-нибудь в хронологии; какой-то внутренний голос подсказывает мне, что все эти подробности могут впоследствии оказаться очень важными для историков. Дело в том, что, по-моему, я — эксперимент; да, я положительно ощущаю себя экспериментом, просто невозможно сильнее ощущать себя экспериментом, чем это делаю я, и поэтому я все больше и больше убеждаюсь в том, что это именно так: я — эксперимент, просто эксперимент, и ничего больше.

Ну, а если я эксперимент, значит, эксперимент — это я? Нет, по-моему, нет. Мне кажется, все остальное — тоже часть

этого эксперимента. Я — главная его часть, но и все остальное, по-моему, участвует в эксперименте тоже. Можно ли считать, что мое положение окончательно определилось, или я еще должна опасаться за себя и смотреть в оба? Вероятно, скорее последнее. Внутренний голос говорит мне, что превосходство покупается ценой неусыпной бдительности. (Мне кажется, это очень удачное изречение для такого юного существа, как я.)

Сегодня все выглядит значительно лучше, чем вчера. Вчера под конец пошла такая горячка, что горы были нагромождены как попало, а равнины так завалены всякими осколками и разным хламом, что это производило чрезвычайно удручающее впечатление. Прекрасные и благородные произведения искусства не должны создаваться в спешке, а этот величественный новый мир — воистину прекрасное и благородное творение и стоит на грани совершенства, хотя и создавался в столь краткий срок. Звезд кое-где, пожалуй, многовато, а в других местах не хватает, но это, без сомнения, нетрудно исправить. Луна прошлой ночью оборвалась, покатилась вниз и выпала из мирозданья. Это очень большая потеря, и у меня сердце разрывается, когда я об этом думаю. Среди всех орнаментов и украшений нет ничего, что могло бы сравниться с ней по красоте и законченности. Ее следовало прикрепить получше. Если б только можно было вернуть ее обратно...

Но никому, разумеется, неизвестно, куда она могла упасть. И уж конечно тот, кто ее найдет, постарается спрятать ее подальше,— я знаю это, потому что и сама бы так поступила. Мне кажется, во всех других отношениях я могу быть честной, но уже сейчас я начинаю понимать, что основа основ моей натуры — это любовь к прекрасному, страстная тяга к прекрасному, и поэтому доверить мне чужую луну небезопасно, особенно если лицо, которому луна принадлежит, не знает о том, что она у меня. Я бы еще, пожалуй, вернула луну, если бы нашла ее среди бела дня,— побоялась бы, что кто-нибудь видел, как я ее взяла. Но найди я ее в темноте, тут уж, мне думается, я сумела бы под каким-нибудь предлогом утаить свою находку. Потому что я без ума от лун — они такие красивые и такие романтичные. Мне бы хотелось, чтобы у нас их было штук пять или шесть. Я бы тогда совсем не стала спать, мне никогда не наскучило бы лежать на мягком мху, глядеть ввысь и любоваться ими.

Звезды мне тоже нравятся. Мне бы хотелось достать две-три и заткнуть себе в волосы. Но боюсь, что это невозможно.

Просто трудно поверить, до чего они от нас далеко, потому что ведь с виду этого не скажешь. Когда они впервые появились — прошлой ночью,— я пробовала сбить несколько штук палкой, но не могла дотянуться ни до одной, и это меня очень удивило. Тогда я стала швырять в них комьями глины, и швыряла до тех пор, пока совсем не обессилела, но так ничего и не сбила. Это потому, что я левша и у меня нет меткости. Даже когда я нарочно бросала не в ту звезду, в которую целилась, мне не удавалось сбить ни той, ни другой, хотя я и попадала довольно точно и видела, как черный комок глины раз сорок, а то и пятьдесят летел прямо в золотую гроздь и только каким-то чудом ничего не сбил. Верно, если бы у меня хватило сил продержаться еще немного, я непременно сбила бы хотя бы одну звезду.

Признаться, я немножко всплакнула, что, мне кажется, вполне естественно в моем возрасте, а потом, отдохнув, взяла корзинку и направилась к краю нашей круглой площадки, где звезды висят совсем невысоко от земли и их можно просто сорвать рукой,— что, кстати сказать, гораздо лучше, потому что это можно сделать осторожно, так, чтобы их не поломать. Но идти пришлось дальше, чем я думала, и в конце концов я была вынуждена отказаться от своего намерения: я так устала, что не могла сделать больше ни шагу, и к тому же натерла себе ноги, и они ужасно разболелись.

Я не могла вернуться домой, потому что зашла слишком далеко и стало очень холодно, но мне повстречалось несколько тигров, и я устроилась между ними так уютно, что почувствовала себя на верху блаженства: у тигров удивительно приятное, ароматное дыхание — это потому, что они питаются земляникой. Я еще никогда до той минуты не видала тигров, но тут сразу их узнала, потому что они полосатые. Если бы я могла раздобыть себе где-нибудь такую шкурку, из нее вышло бы прелестное платье.

Сегодня я начинаю уже лучше разбираться в расстояниях. Мне так хотелось завладеть всеми красивыми вещами, что я очертя голову пыталась их схватить, и оказывалось, что одна гораздо дальше от меня, чем я думала, а другая наоборот: я думала, что до нее целый фут, а на самом деле было всего каких-нибудь шесть дюймов,— но зато, увы, сколько шипов в каждом дюйме! Это послужило мне уроком. Кроме того, я открыла одну аксиому — дошла до нее своим умом,— и это была моя первая аксиома: оцарапавшийся эксперимент шипа боится. Мне кажется, для такого юного создания, как я, это совсем неплохо сказано.

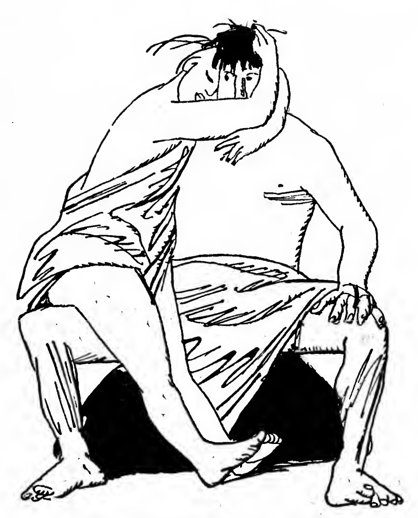
Вчера после полудня я долго следовала за другим экспериментом, на некотором расстоянии от него, чтобы выяснить, если удастся, для чего он, но мне это не удалось. Думаю, что это мужчина. Я никогда еще не видела мужчины, но этот выглядит как мужчина, и я чувствую, что так оно и есть. Я сделала открытие, что это существо возбуждает мое любопытство сильнее, чем любое другое пресмыкающееся. Если, конечно, оно — пресмыкающееся, а мне думается, что это так, потому что у него кудлатые волосы, голубые глаза и вообще оно похоже на пресмыкающееся. У него нет бедер, оно суживается книзу, как морковка, а когда стоит — раздваивается, как рогатка. Словом, я думаю, что это пресмыкающееся, хотя, может быть, это и конструкция.

Сначала я боялась его и обращалась в бегство всякий раз, как оно оборачивалось ко мне,— думала, что оно хочет меня поймать; но мало-помалу я поняла, что оно, наоборот, старается ускользнуть от меня,— и тогда я перестала быть такой застенчивой и несколько часов подряд гналась за ним ярдах в двадцати от него, в результате чего оно стало очень пугливо и вид у него сделался совсем несчастный. В конце концов оно настолько встревожилось, что залезло на дерево. Я довольно долго сторожила его, но потом мне это надоело, и я вернулась домой.

Сегодня все повторилось сначала. Я снова загнала его на дерево.

Воскресенье.— Оно все еще сидит на дереве. Отдыхает, должно быть. Но это просто уловка: воскресенье — не день отдыха, для этого предназначена суббота. Мне кажется, это существо больше всего на свете любит отдыхать. А по-моему, это невероятно утомительно — отдыхать так много. Даже просто сидеть под деревом и сторожить его утомляет меня. Мне очень хочется узнать — для чего оно: я еще ни разу не видела, чтобы оно что-нибудь делало. Вчера вечером они вернули луну на место, и я была так рада! Я считаю, что это очень порядочно с их стороны. Луна опять покатилась вниз и упала, но это не огорчило меня: когда имеешь таких соседей, беспокоиться не о чем — они повесят луну обратно. Мне бы хотелось как-то выразить им свою признательность. Хорошо бы, например, послать им немножко звезд, потому что нам их и так девать некуда. Вернее, не нам, а мне, так как пресмыкающееся, по моим наблюдениям, абсолютно не интересуется такими вещами.

У него низменные вкусы и нет доброты. Вчера я отправилась к нему в сумерках и увидела, что оно слезло с дерева и

старается поймать маленьких пятнистых рыбок, которые плавают в озере, и мне пришлось пустить в ход комья земли, чтобы оно оставило рыбок в покое и залезло обратно на дерево. Неужели для этого оно и существует? Неужели у него нет сердца? Неужели у него нет сострадания к этим крошечным тварям? Неужели оно было задумано и сотворено для такого неблагородного занятия? Похоже на то. Швыряя в него

землей, я попала ему один раз в голову, и оказалось, что оно умеет говорить. Это приятно взволновало меня, так как я впервые услышала чью-то речь, помимо своей собственной. Слов я не поняла, но прозвучали они весьма выразительно.

Когда я открыла, что оно обладает даром речи, мой интерес к нему повысился, так как я очень люблю болтать. Я болтаю весь день и даже во сне, и меня очень интересно слушать; но если бы мне было с кем болтать, то получалось бы вдвое интереснее, и я могла бы болтать, никогда не умолкая, стоило бы меня об этом попросить.

Если пресмыкающееся — мужчина, тогда ведь это не *оно,*— не так ли? Это было бы грамматической ошибкой, правда? Мне кажется, в этом случае полагается говорить *он;* думаю, что так. Тогда склонение будет выглядеть следующим образом: именительный — *он;* дательный — *ему;* предложный — о *ём.* Словом, я буду считать его мужчиной и называть «он» до тех пор, пока не выяснится, что это нечто другое. Так будет удобнее, иначе слишком много неопределенностей.

Следующая неделя. Воскресенье.— Целую неделю я неотступно следовала за ним и старалась познакомиться. Всю беседу мне приходилось брать на себя, потому что он очень застенчив; впрочем, мне это ничего не стоило. Ему, по-видимому, приятно, что я все время возле него, а я из учтивости стараюсь как можно чаще говорить «мы»,— ему, мне кажется, льстит, что он этим как бы приобщается ко мне.

Среда.— Мы теперь совсем неплохо ладим друг с другом и знакомимся все ближе и ближе. Он уже не пытается больше ускользнуть от меня; и это добрый знак,— видимо, ему нравится мое общество. Это мне приятно, и я учусь быть ему полезной, чем только могу, чтобы еще больше расположить его к себе. В последние дни я освободила его от необходимости подыскивать названия для различных предметов, что было для него большим облегчением. У него нет никаких к этому способностей, и он явно очень мне благодарен. Он, хоть ты его режь, не может придумать ни одного сколько-нибудь толкового названия, но я делаю вид, что не замечаю этого его недостатка. Как только появляется какая-нибудь новая тварь, я сейчас же даю ей имя, пока он не успел обнаружить свое невежество неловким молчанием. Я не раз таким способом выводила его из затруднительного положения. Я-то совершенно не страдаю таким недостатком, как он. Стоит мне только взглянуть на какое-нибудь животное, и я уже знаю, что это такое. Я даже не даю себе труда задуматься хоть на мгновение: правильное

наименование рождается у меня молниеносно, как по наитию свыше,— да так, без сомнения, оно и есть, ибо я совершенно твердо знаю, что еще секунду назад не имела ни малейшего представления об этом слове. Должно быть, просто по внешнему виду каждой твари и по ее повадкам я сразу угадываю, что это за зверь.

Когда, например, появился додо, он принял его за дикую кошку,— я поняла это по его глазам. Но я спасла его. И я постаралась сделать это так, чтобы его гордость не пострадала. Я просто сказала самым естественным тоном, словно была приятно удивлена: «Поглядите, да ведь это додо! Ну конечно же это додо!» Да, я сказала это так, будто мне и в голову не могло прийти, что он нуждается в моей информации. И я объяснила, как бы ничего не объясняя, откуда я знаю, что это — додо; и если его и задело слегка, что я узнала эту птицу, а он — нет, тем не менее было совершенно очевидно, что он мною восхищен. Мне это было чрезвычайно приятно, и я снова и снова с огромным удовлетворением вспоминала об этом, прежде чем уснуть. Какая малость может сделать нас счастливыми, когда мы чувствуем, что она вполне заслужена нами!

Четверг.— Мое первое горе. Вчера он избегал меня и, по-видимому, не хотел, чтобы я с ним разговаривала. Я не могла этому поверить, думала, что это какое-то недоразумение,— ведь я так люблю быть возле него и слушать, что он говорит,— как же это может быть, чтобы он стал дурно относиться ко мне, если я не сделала ничего плохого? Но в конце концов я увидела, что, должно быть, это все же так, и тогда я ушла и долго сидела совсем одна там, где впервые увидела его в то утро, когда мы были созданы и я еще не знала, что он такое, и была совершенно безразлична к нему. Но теперь это место было овеяно для меня печалью, каждый пустяк напоминал мне здесь о нем, и сердце ныло. Это чувство было для меня ново, и я сама не понимала, почему грущу. Я никогда еще не испытывала ничего подобного; во всем этом было что-то таинственное, и я не могла понять, что со мной.

Но когда настала ночь, я почувствовала, что не в силах больше выносить одиночества, и направилась к новому шалашу, который он для себя построил: я хотела спросить его, что я такое сделала и как мне вернуть себе его расположение. Но он выгнал меня под дождь, и это было мое первое горе.

Воскресенье.— Теперь опять все хорошо, и я счастлива. Но то были очень тяжелые для меня дни, и я стараюсь не вспоминать о них.

Я хотела достать для него несколько плодов с той самой яблони, но никак не могу научиться бросать метко. Из моей затеи ничего не вышло, однако мне кажется, что мое доброе намерение было ему приятно. Трогать эти яблоки запрещено, и он сказал, что я наживу себе беду. Но если я наживу себе беду, доставляя ему удовольствие, так не все ли мне равно?

Понедельник.— Сегодня утром я сообщила ему мое имя, думая, что ему будет интересно. Но он даже не обратил на это внимания. Как странно. Если бы он сообщил мне свое имя, мне бы это не было безразлично. Мне кажется, звук его имени был бы самым сладостным для моих ушей.

Он очень мало говорит. Быть может, потому, что он не слишком сообразителен и сам страдает от этого и старается это скрыть? Если это действительно его мучает, мне очень его жаль, потому что ум — ничто, сердце — вот что в нас ценно. Мне бы хотелось заставить его понять, что сердце, способное любить,— это богатство, подлинное богатство; рассудок же без сердца — нищ.

Несмотря на то что он так мало говорит, лексика его довольно богата. Сегодня утром он употребил одно поразительно хорошее слово. Должно быть, он и сам это понял, потому что повторил его потом еще раза два, как бы невзначай. Нельзя сказать, чтобы это получилось у него очень ловко, но тем не менее ясно, что он не лишен известного чутья. Не может быть сомнения в том, что эти семена, если за ними ухаживать, могут дать отличные всходы.

Откуда он взял это слово? Не помню, чтобы я когда-нибудь его употребляла.

Нет, мое имя не интересует его совершенно. Я старалась скрыть свое разочарование, но боюсь, что мне это не удалось. Тогда я ушла и долго сидела на поросшем мхом берегу, спустив ноги в воду. Я всегда так делаю, когда мне не хватает общества и тянет поглядеть на кого-нибудь, с кем-нибудь поговорить. Конечно, мне и этого недостаточно — недостаточно этой прелестной белой фигурки, которая виднеется там, в озере,— но все же это хоть что-нибудь, а что-нибудь лучше, чем полное одиночество. Она говорит, когда я говорю; когда я печальна — и она печальна; она сочувствует мне и утешает меня; она говорит: «Не падай духом, бедная одинокая девочка, я буду тебе другом». И правда — это мой верный друг, и притом единственный. Это моя сестра.

О, этот час, когда она впервые покинула меня! Я никогда не забуду этого — никогда, никогда. Как тяжело стало у меня

на сердце! Я сказала: «Кроме нее, у меня не было ничего, и вот ее не стало!» Я сказала в отчаянии: «Сердце, разбейся! У меня нет сил больше жить!» И я закрыла лицо руками и зарыдала безутешно. А когда через несколько минут я подняла голову, она снова была там — белая, сверкающая и прекрасная, и я кинулась в ее объятия! Это было настоящее блаженство. Я знала счастье и прежде, но это было совсем другое, это было упоительно. С тех пор я никогда больше не сомневалась в ней. Порой она пропадала где-то — иногда час, иногда почти весь день, но я ждала и верила ей. Я говорила: «У нее дела или она отправилась путешествовать. Но она вернется». И правда, она всегда возвращается. Она робкое, пугливое создание и потому никогда не показывается в темные ночи, но, как только всходит луна, она тут же появляется. Сама я не боюсь темноты, но ведь она моложе меня: сначала родилась я, а она — потом. Много, много раз я приходила к ней — она мое утешение и опора в трудные минуты жизни, а этих минут так много.

Вторник.— Все утро я работала — приводила в порядок наши владения — и нарочно старалась не попадаться ему на глаза, в надежде, что он соскучится и придет. Но он не пришел.

В полдень, покончив с дневными трудами, я отдыхала: играла с бабочками и пчелами и нежилась среди цветов — этих прекраснейших созданий божьих, которые ловят в небе улыбку Творца и хранят ее в своих чашечках. Я нарвала цветов, сплела из них венки и гирлянды, украсилась ими и позавтракала второй раз — как всегда, яблоками. Потом сидела в тени, томилась и ждала. Но он не пришел.

Но все равно. Ничего хорошего из этого бы не вышло, потому что он не любит цветов. Он говорит, что это мусор, не умеет отличить один цветок от другого и думает, что это значит быть выше мелочей. Он не любит меня, он не любит цветов, он не любит красок вечереющего неба,— интересно, любит ли он что-нибудь, кроме как похлопывать ладонью дыни, щупать груши на деревьях и пробовать виноград с лозы, проверяя, хорошо ли все это зреет, да еще строить шалаши, чтобы прятаться туда от славного освежающего дождика.

Я положила на землю сухую палку и старалась другой палкой просверлить в ней дырку. Мне это было нужно для одного опыта, который я задумала, но тут мне пришлось пережить ужасный испуг. Над дырой взвилось что-то легкое, прозрачное, голубоватое, и я бросила палку и кинулась бежать! Я думала, что это дух, и страшно испугалась! Но потом, оглянувшись, я

увидела, что он не гонится за мной, и тогда я прислонилась к скале, чтобы немного отдышаться и прийти в себя, и подождала, пока руки и ноги у меня не перестанут дрожать и не начнут снова вести себя как надо. После этого я осторожно прокралась обратно; каждую минуту я готова была пуститься наутек. Подойдя поближе, я раздвинула ветви розового куста и посмотрела на палку (как жаль, что мужчины не было поблизости,— я выглядела так очаровательно в эту минуту!), но дух исчез. Я подошла еще ближе и увидела в высверленной дырке горстку алой пыли. Я сунула туда палец — хотела пощупать, но тут же закричала и отдернула руку. Я почувствовала жгучую боль. Тогда я сунула палец в рот, попрыгала сначала на одной ноге, потом на другой, постонала немножко, и это принесло мне некоторое облегчение. Но острый интерес уже пробудился во мне, и я принялась исследовать.

Мне очень хотелось понять, что такое эта алая пыль. И неожиданно меня осенило, хотя я никогда не слышала об этом прежде: это *огонь!* Если можно вообще быть в чем-нибудь уверенной, то я была абсолютно уверена в том, что это огонь, и потому без малейшего колебания так его и назвала.

Я создала нечто такое, чего не существовало прежде; к неисчислимому миру вещей я добавила еще одну вещь. Я поняла это и была горда,— и уже хотела побежать, найти мужчину и рассказать ему о своем достижении, чтобы поднять себя этим в его глазах, но, подумав немного, решила этого не делать. Нет — его этим не проймешь. Он спросит: а зачем это нужно? И что я ему отвечу тогда? Потому что, если это *ни к чему не пригодно,* а просто красиво, только красиво...

Словом, я вздохнула и не пошла за ним, потому что мое открытие действительно ни к чему не пригодно,— с его помощью нельзя ни построить шалаш, ни улучшить сорт дынь, ни ускорить созревание плодов; оно совершенно бесполезно,— это просто глупость и пустое тщеславие; и он, конечно, отнесется к нему с презрением и скажет что-нибудь язвительное. Но я не могла отнестись к своему открытию с презрением. Я сказала: «О ты, огонь! Я люблю тебя, изысканное нежно-алое создание! Люблю потому, что ты *прекрасен,* и этого с меня довольно!» И, сказав так, я хотела прижать его к груди. Но я сдержала свой порыв. И тут же придумала новый афоризм — я дошла до него своим умом, но он так похож на мое первое изречение, что, боюсь, не является ли он плагиатом: «Обжегшийся эксперимент огня боится».

Я снова принялась за работу, и, когда у меня получилась

довольно большая кучка огненной пыли, я высыпала ее на пучок сухой травы — мне хотелось унести ее домой, чтобы всегда иметь под рукой и играть с ней когда вздумается,— но ветер дунул на травку, взметнул ее вверх, и она так страшно зашипела на меня, что я выронила ее из рук и бросилась бежать. А когда я оглянулась, голубой дух вился и клубился там, точно облако, и в ту же секунду я его узнала — это был дым! Однако даю вам слово, что до той минуты я никогда и не слыхала про дым.

И почти тут же ослепительно-желтые и красные языки пробились сквозь дым, и я мгновенно назвала их пламя,— и конечно не ошиблась, хотя это было первое пламя на земле. Пламя стало прыгать на деревья, величественно сверкая и то прорываясь сквозь огромную и все растущую завесу клубящегося дыма, то исчезая за ней, и я невольно захлопала в ладоши, рассмеялась и принялась танцевать от восторга,— все это было так ново и так чудесно, так удивительно и прекрасно!

Он прибежал со всех ног, остановился, уставился на огонь, широко раскрыв глаза, и минут пять — десять не произносил ни слова. Потом спросил: что это такое? Ах, ну зачем понадобилось ему ставить вопрос ребром! Я, разумеется, вынуждена была ответить, и я ответила. Я сказала, что это огонь. Если ему было неприятно, что приходится спрашивать у меня, это не моя вина. Мне совсем не хотелось сердить его.

Помолчав, он спросил:

— Откуда он взялся?

Еще один прямой вопрос, который тоже требовал прямого ответа.

— Я его сделала.

Огонь распространялся все дальше и дальше. Он подошел к краю выгоревшей лужайки, остановился, посмотрел на землю и спросил:

— А это что?

— Угли.

Он поднял один уголек, чтобы получше его рассмотреть, но, как видно, передумал и положил обратно. Потом он ушел. *Ничто не интересует его.*

А меня интересует. На земле лежал пепел — серый, мягкий, нежный и красивый, и я сразу поняла, что это пепел. И еще там была тлеющая зола. Я ее тоже сразу узнала. И я нашла там мои яблоки и выгребла их из золы. Я им очень обрадовалась, потому что я ведь еще молода и у меня хороший аппетит. Но я была разочарована: все яблоки полопались и были

совершенно испорчены. Впрочем, оказалось, что они испорчены только с виду,— на самом же деле они стали вкуснее сырых. Огонь прекрасен, и мне кажется — когда-нибудь он будет приносить пользу.

Пятница.— В понедельник, поздно вечером, я опять увидела *его* на минуту,— но только на одну минуту. Я надеялась, что он похвалит меня за усердие, с каким я приводила наши владения в порядок,— ведь я работала не покладая рук и побуждения у меня были самые лучшие,— но он ничем не выразил своего одобрения, повернулся и ушел. Больше того — он был недоволен, и вот по какой причине: я сделала еще одну попытку убедить его не переплывать водопада. Дело в том, что огонь пробудил во мне новое чувство — совершенно новое и абсолютно непохожее ни на любовь, ни на печаль, ни на что-либо другое, что мне уже доводилось испытывать. Это чувство — *страх.* И это ужасное чувство! Зачем только я его узнала! Оно омрачает мою жизнь, мешает мне быть счастливой, заставляет меня дрожать, трепетать и вздрагивать. Но мне не удалось убедить его, потому что он еще не познал страха и, следовательно, не в состоянии меня понять.

ИЗ ДНЕВНИКА АДАМА

(Фрагмент)

Вероятно, я не должен забывать, что она еще очень молода, совсем девочка, в сущности, и требует к себе снисхождения. Она полна любопытства, все интересует ее, жизнь кипит в ней ключом, и в ее глазах мир — это чудо, тайна, радость, блаженство; когда она видит новый цветок, она не может вымолвить ни слова от восторга — она ласкает его, и играет с ним, и беседует, и нюхает его, и осыпает самыми нежными именами. И она помешана на красках: коричневые скалы, желтый песок, серый мох, зеленая листва, синее небо; жемчужно-розовая заря, фиолетовые тени в ущельях, золотые островки облаков в багряном океане заката, бледная луна, плывущая среди рваных туч, алмазная россыпь звезд, мерцающих в безграничном пространстве,— все это, насколько я могу судить, не имеет ни малейшей практической ценности, но раз в этом есть краски и величие — для нее этого достаточно, она совершенно теряет голову. Если бы она могла не суетиться так и хоть изредка, хоть две-три минуты побывать в покое, это было бы необычайно отрадное зрелище! В этом случае, мне кажется, на нее было бы приятно смотреть; я даже уверен, что мне это было бы приятно, так как я начинаю замечать, что она на редкость миловидное создание: гибкая, стройная, изящная, округлая, ловкая, проворная, грациозная... И как-то раз, когда она, мраморно-белая и вся залитая солнцем, стояла на большом камне и, закинув голову, прикрывая глаза рукой, следила за полетом птицы в небе, я понял, что она красива.

Понедельник, полдень.— Если есть на всей планете хотя бы один предмет, который ее не интересует, то я, во всяком случае, не берусь его назвать. Некоторые животные лишены для меня всякого интереса, но для нее таких не существует. Она не делает различий, одинаково обожает их всех, считает сокровищами и каждое новое животное встречает с распростертыми объятиями.

Когда гигант бронтозавр забрел в наш лагерь, она нашла, что это очень ценное приобретение, в то время как я воспринял это как бедствие. Вот отличный пример полной дисгармонии наших с ней взглядов. Она хотела приручить броитозавра, а я хотел подарить ему наш участок и переселиться в другое место Она верит, что, обращаясь с ним хорошо, его можно выдрессировать и превратить в нечто вроде любимой комнатной собачки; а я сказал, что комнатная собачка в двадцать один фут высотой и в восемьдесят четыре фута длиной не особенно удобна в домашнем обиходе, так как эта громадина может с самыми лучшими намерениями сесть невзначай на наш дом и смять его в лепешку,— ведь легко можно заметить, насколько это чудовище рассеянно, достаточно посмотреть на выражение его глаз.

Но ей уже во что бы то ни стало хотелось иметь чудовище, и она не пожелала с ним расстаться. Она решила, что мы можем организовать молочную ферму, и просила меня помочь ей подоить его. Но я отказался, так как это было слишком рискованно. Прежде всего, оно было совсем неподходящего пола, и, кроме того, мы еще не обзавелись приставной лестницей. Тогда она задумала ездить на нем верхом и любоваться окрестностями. Футов тридцать — сорок его хвоста лежало на земле, подобно поваленному дереву, и она решила, что сумеет забраться к чудовищу на спину по хвосту, но ей это не удалось. Она вскарабкалась только до того места, где подъем стал слишком крут, и полетела вниз, потому что хвост оказался скользким, и, если бы я вовремя не подхватил ее, она бы сильно расшиблась.

Вы думаете, она успокоилась после этого? Ничуть не бывало. Она никогда не успокаивается до тех пор, пока все не испробует: не проверенные опытом теории — это не по ее части, они ее не удовлетворяют. Должен признаться, что это отличное качество, оно мне очень по душе; я чувствую, что заражаюсь им от нее и что полностью воспринял бы его, если бы мы больше общались. Кстати, у нее была еще одна идея относительно этого колосса: она думала, что нам удастся приручить его и заставить подружиться с нами, и тогда мы сможем поставить его поперек реки и ходить по нему, как по мосту. Но выяснилось, что он и сейчас уже достаточно приручен,— во всяком случае, с ней он совсем ручной,— и она попыталась претворить свою идею в жизнь, но ничего из этого не вышло: стоило ей установить чудовище в нужном положении поперек реки и сойти на берег, чтобы испробовать свой новый мост, и оно тотчас вылезало из воды и тащилось за ней по пятам, как ручная гора. Совершенно так же, как и все прочие животные. Они все это делают.

Пятница.— Вторник, среда, четверг и сегодня — все эти дни я не видела его. Трудно так долго быть одной, но все же лучше быть одной, чем являться непрошеной.

Однако я не могу обходиться без общества; мне кажется, общество — это моя стихия, и я завожу дружбу с животными. Они очаровательны, у них легкий, приятный нрав и самое вежливое

обхождение; они никогда не бывают угрюмы, никогда не дают вам понять, что вы явились не вовремя; они улыбаются вам и машут хвостом, если он у них есть, и всегда готовы порезвиться с вами или совершить маленькую экскурсию,— словом, согласны на все, что бы вы им ни предложили. Я считаю, что они истинные джентльмены. Все эти дни мы так чудесно проводили время, и я ни разу не почувствовала себя одинокой. Одинокой? Нет, о нет! Ведь их целые стаи вокруг, иной раз они занимают пространство в четыре-пять акров — просто не сочтешь; и когда стоишь на скале и оглядываешься кругом, на это море шерсти, такое пестрое, и веселое, и красочное, а все эти пятна и полосы переливаются на солнце, словно рябь,— может показаться, что это и впрямь море, только я-то знаю, что это все же не так. А временами налетает настоящий шквал общительных птиц и проносятся ураганы машущих крыл, и, когда лучи солнца пронизывают этот пернатый хаос, перед глазами у вас реют разноцветные молнии, горят и сверкают все краски мира, и можно проглядеть все глаза, любуясь на это.

Мы совершали большие экскурсии, и я повидала не малую часть света; мне кажется даже, что я повидала его почти весь. Таким образом, я — первый путешественник на земле, и единственный пока. Когда мы в пути, это очень величественное зрелище — ему нет равного. Для удобства передвижения я еду обычно верхом на тигре или на леопарде, потому что у них мягкая, округлая спина, на которой приятно сидеть, и потому что они такие миловидные животные; но для далеких путешествий или для тех случаев, когда мне хочется полюбоваться окрестностями, я пользуюсь слоном. Своим хоботом он сажает меня к себе на спину, но спуститься вниз я могу и без посторонней помощи: когда мы решаем сделать привал, он садится, и я спускаюсь на землю, так сказать, с черного крыльца.

Все птицы и все животные дружат друг с другом, и между ними никогда не возникает никаких разногласий. Они все умеют говорить и разговаривают со мной, но, должно быть, это какой-то иностранный язык, потому что я не понимаю ни слова. Однако сами они нередко понимают, когда я говорю им что-нибудь; особенно хорошо понимают меня собака и слон, и мне в этих случаях всегда бывает очень стыдно: ведь это показывает, что они умнее меня и я должна признать их превосходство. Это досадно, потому что я хочу быть главным экспериментом и надеюсь все же им быть.

Я уже узнала довольно много различных вещей и стала теперь образованная, чего раньше никак нельзя было про меня

сказать. Вначале я была совершенно невежественна. Первое время я, сколько ни билась, никак не могла уследить, когда водопад взбегает обратно на гору,— у меня не хватало на это соображения, и мне было очень досадно, но теперь я успокоилась. Я следила и сопоставляла, и теперь я знаю, что вода никогда не бежит в гору при свете — только когда темно. Я поняла, что она проделывает это в темноте, потому что озеро не высыхает, а ведь если бы вода не возвращалась ночью обратно на свое место, то оно непременно бы высохло. Самое лучшее — все проверять экспериментальным путем: тогда действительно можно приобрести *знания*, в то время как строя догадки и делая умозаключения, никогда не станешь по-настоящему образованным человеком.

Некоторые вещи понять *невозможно*, но вы до тех пор не поймете, что они непознаваемы, пока будете пытаться их разгадать и строить различные предположения; нет, вы должны набраться терпения и производить опыты, пока не откроете, что ничего открыть нельзя. А ведь именно это и восхитительно — мир тогда становится необычайно интересен. А если бы нечего было открывать, жизнь стала бы скучной. И в конце концов, стараться открыть и ничего не открывать — так же интересно, как стараться открыть и открывать, а быть может, даже еще интереснее. Тайна водопада была подлинным сокровищем, пока я ее не раскрыла, после чего весь интерес пропал, и я познала чувство утраты.

С помощью экспериментов я установила, что дерево плавает, а также и сухие листья, и перья, и еще великое множество различных предметов; отсюда, делая обобщение, можно прийти к выводу, что скала тоже должна плавать, но приходится просто признать, что это так, потому что доказать это на опыте нет никакой возможности... пока что. Я, конечно, найду и для этого способ, но тогда весь интерес пропадет. Мне становится грустно, когда я думаю об этом: ведь мало-помалу я открою все, и тогда не из-за чего будет волноваться, а я это так люблю! Прошлую ночь я никак не могла уснуть — все размышляла над этим.

Прежде я не могла понять, для чего я была создана на свет, но теперь, мне кажется, поняла: для того, чтобы раскрывать тайны этого мира, полного чудес, и быть счастливой и благодарить Творца за то, что он этот мир создал. Я думаю, что есть еще очень много тайн, которые мне предстоит узнать,— я надеюсь, что это так; и если действовать осторожно и не слишком спешить, их, по-моему, должно хватить не на одну неделю,—

я надеюсь, что это так. Если подбросить перо, оно реет в воздухе и скрывается из виду. А если бросить комок глины, он этого не делает. Он всякий раз падает на землю. Я пробовала снова и снова, и всегда получается одно и то же. Интересно, почему это? Конечно, я понимаю, что на самом деле он не падает, но почему должно непременно так казаться? Вероятно, это оптический обман. То есть я хочу сказать, что одно из этих двух явлений — оптический обман. А какое именно, я не знаю. Быть может, в случае с пером, быть может — с комком глины; я не могу доказать ни того, ни другого, я могу только продемонстрировать оба, и станет ясно, что одно из двух — обман, а какое именно — каждый может решать по своему усмотрению.

Из наблюдений я знаю, что звезды не вечны. Я видела, как иные, самые красивые, вдруг начинали плавиться и скатывались вниз по небу. Но раз одна может расплавиться, значит, могут расплавиться и все, а раз все могут расплавиться, значит, они могут расплавиться все в одну ночь. И это несчастье когда-нибудь произойдет, я знаю это. И я решила каждую ночь сидеть и глядеть на звезды до тех пор, пока смогу бороться со сном; я постараюсь запечатлеть в памяти весь этот сверкающий простор, так чтобы, когда звезды исчезнут, я могла бы с помощью воображения вернуть эти мириады мерцающих огней на черный купол неба и заставить их сиять там снова, двоясь в хрустальной призме моих слез.

ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что наш сад привиделся мне во сне. Он был прекрасен, несравненно прекрасен, упоительно прекрасен, а теперь он потерян для нас, и я никогда больше его не увижу.

Сад утрачен навеки, но я нашла его, и я довольна. Он любит меня, как умеет; я люблю его со всем пылом моей страстной натуры, как и подобает, мне кажется, моему возрасту и полу. Когда я спрашиваю себя, почему я люблю его, мне ясно, что я этого не понимаю, да, по правде говоря, я не особенно стремлюсь понять; такая любовь, думается мне, не имеет ничего общего ни с рассуждениями, ни со статистикой, как любовь к другим пресмыкающимся или животным. Да, вероятно, все дело в этом. Я люблю некоторых птиц за их пение, но Адама я люблю вовсе не за то, как он поет,— нет, не за это. Чем больше он поет, тем меньше мне это нравится. И все же я прошу его петь, потому что хочу приучиться любить все, что нравится

ему, и уверена, что приучусь,— ведь сначала я совершенно не могла выносить его пение, а теперь уже могу. От его пения киснет молоко, но и это не имеет значения,— к кислому молоку тоже можно привыкнуть.

Я люблю его не за его сообразительность,— нет, не за это. Каков бы он ни был — это не его вина, ведь он не сам себя создал. Он таков, каким его создал господь, и этого для меня вполне достаточно. Тут была проявлена особая мудрость, я совершенно в этом уверена. Со временем его умственные способности разовьются, хотя, я думаю, что это произойдет не сразу. Да и куда спешить? Он достаточно хорош и так.

Я люблю его не потому, что он деликатен, заботлив и чуток,— нет; у него есть недостатки в этом отношении, но он достаточно хорош, несмотря на них, и притом уже начал понемногу исправляться.

Я люблю его не потому, что он трудолюбив,— нет, не потому. Мне кажется, он обладает этим свойством, и я не понимаю, зачем ему нужно его от меня скрывать. Вот единственное, что меня печалит. Во всем остальном он теперь вполне откровенен со мной. Я уверена, что, помимо этого, он ничего от меня не утаивает. Меня печалит, что он находит нужным держать от меня что-то в тайне, и порой я долго не могу уснуть — все думаю об этом. Но я заставлю себя выкинуть эти мысли из головы,— ведь, кроме них, ничто не омрачает моего счастья.

Я люблю его не потому, что он очень образован,— нет, не потому. Он — самоучка и действительно знает уйму всяких вещей, да только все это не так.

Я люблю его не потому, что он рыцарственно благороден,— нет, не потому. Он выдал меня, но я его не виню — это свойство его пола, мне кажется, а ведь не он создал свой пол. Конечно, я бы никогда не выдала его, я бы скорее погибла, но это тоже особенность моего пола, и я не ставлю себе этого в заслугу, так как не я создала свой пол.

Так почему же я люблю его? Вероятно, *просто потому, что он мужчина.*

В глубине души он добр, и я люблю его за это,— но будь иначе, я бы все равно любила его. Если бы он стал бранить меня и бить, я бы все равно продолжала любить его. Я знаю это. Мне кажется, все дело в том, что таков мой пол.

Он сильный и красивый, и я люблю его за это, и восхищаюсь, и горжусь им,— но я все равно любила бы его, даже если бы он не был таким. Будь он нехорош с виду, я бы все равно

любила его; будь он калекой — я любила бы его, и я бы работала на него, и была бы его рабой, и молилась бы за него, и бодрствовала у его ложа, пока жива.

Да, я думаю, что люблю его просто потому, что он *мой,* и потому, что он *мужчина.* Другой причины не существует, мне кажется. И поэтому, вероятно, я правильно решила с самого начала: такая любовь не имеет ничего общего ни с рассуждениями, ни со статистикой. Она просто *приходит* совершенно неизвестно откуда и объяснить ее нельзя. Да и не нужно.

Так думаю я. Но ведь я только женщина, почти ребенок, и притом первая женщина, которая пытается разобраться в этом вопросе,— и очень может статься, что по своей неопытности и невежеству я сделала неправильный вывод.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Единственное мое желание и самая страстная моя мольба — чтобы мы могли покинуть этот мир вместе; и эта мольба никогда не перестанет звучать на земле, она будет жить в сердце каждой любящей жены во все времена, и ее нарекут молитвой Евы.

Но если один из нас должен уйти первым, пусть это буду я, и об этом тоже моя мольба,— ибо он силен, а я слаба, и я не так необходима ему, как он мне; жизнь без него — для меня не жизнь, как же я буду ее влачить? И эта мольба тоже будет вечной и будет возноситься к небу, пока живет на земле род человеческий. Я — первая жена на земле, и в последней жене я повторюсь

У МОГИЛЫ ЕВЫ

Адам. Там, где была она, был Рай.

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ЕВЫ

...Любовь, покой, мир, бесконечная тихая радость — такой мы знали жизнь в райском саду. Жить было наслаждением. Пролетающее время не оставляло никаких следов — ни страданий, ни дряхлости; болезням, печалям, заботам не было места в Эдеме. Они таились за его оградой, но в него проникнуть не могли. Все дни там походили один на другой, и каждый был безграничным восторгом.

А сколько там было интересного! Ведь мы были детьми, и детьми невежественными. Сейчас даже невозможно представить, до чего невежественны мы были. Мы *ничего* не знали, совсем ничего. Нам пришлось начинать с самого-самого начала. Мы должны были изучить букварь всего сущего. Теперь четырехлетний ребенок прекрасно разбирается в том, о чем мы не имели представления даже в тридцать лет. Ведь мы были детьми без нянек и учителей. Никто нам ничего не объяснял. У нас не было словаря, и мы не знали, правильно мы употребляем слова или нет; мы предпочитали длинные слова, но, как я знаю теперь, нам нравилась их звучность и солидность, а на самом деле мы часто не имели ни малейшего представления о том, что они, собственно, означают. А наше правописание — это было нечто невообразимое! Но такие пустяки нас нисколько не смущали. Нам хотелось накопить побольше пышных слов, а каким способом — это было неважно.

Но больше всего нам нравилось учиться, узнавать, исследовать причины, природу и назначение всех вещей и явлений, какие нам встречались,— это была подлинная страсть. Адам и по склонностям, и по характеру был настоящим ученым; без ложной скромности я могу то же сказать и о себе, и мы любили называть себя этим величественным словом. Каждый из нас жаждал превзойти другого в научных открытиях, и это дружеское соперничество подстегивало нас и не давало нам впасть в безделье и предаться поискам пустых удовольствий.

Первым памятным научным открытием, которое мы сделали, был закон, устанавливавший, что вода и подобные ей жидкости текут вниз, а не вверх. Открыл это Адам. Много дней он втайне ставил свои опыты и ничего мне о них не говорил, так как хотел прежде увериться окончательно. Я знала, что его замечательный ум занят решением какой-то важной проблемы, потому что сон его был тревожен и по ночам он беспокойно ворочался на своем ложе. Но в конце концов его последние сомнения рассеялись, и он рассказал обо всем мне. Я просто не могла ему поверить — таким странным, таким невероятным это казалось. Мое изумление было его наградой, его триумфом. Он водил меня от ручейка к ручейку — мы осмотрели их десятки,— без конца повторяя: «Вот видишь, он бежит с холма. Каждый раз они бегут вниз, и ни один из них не бежит вверх, на холм. Моя гипотеза справедлива. Все факты подтверждают ее. Она доказана. Ничто не может ее опровергнуть». Как приятно было видеть радость, которую доставило ему его великое открытие!

Теперь не найдется ни одного ребенка, который удивился бы, заметив, что вода бежит вниз с холма, а не вверх. Но тогда это казалось чем-то ошеломляющим и невероятным. Видите ли, я бессознательно наблюдала это простое явление с той самой минуты, как меня сотворили, но я никогда не обращала на него внимания. Я не сразу привыкла к этой мысли и приспособилась к ней, и еще много времени спустя, стоило мне увидеть текучую воду, как я невольно начинала следить, куда она течет, ожидая, что вот-вот обнаружу исключение из закона Адама; но в конце концов я окончательно убедилась и теперь была бы очень удивлена и сбита с толку, если бы вдруг увидела водопад, который лился бы вверх, а не вниз. Знания приходится добывать тяжким трудом. Ни одна частица его не достается нам даром.

Этот закон был первым значительным вкладом Адама в науку, и более двух столетий он носил его имя: «Закон Адама об устремлении жидкостей». Адама всегда можно было привести в хорошее настроение, стоило только будто случайно обронить в его присутствии два-три лестных словечка об этом законе. Он чрезвычайно гордился своим открытием — не стану скрывать,— но не заважничал. Чванство всегда было ему чуждо — таким он был хорошим, милым и добросердечным. Он, досадливо махнув рукой, обыкновенно отвечал, что это пустяк, что другой ученый обязательно открыл бы то же самое. И все же, если какой-нибудь приезжий, получив у него аудиенцию, бестактно забывал упомянуть про этот закон, мы всегда замечали, что второго приглашения он не получал. Столетия через два возникли сомнения, кто, собственно, открыл этот закон; ученые общества спорили более полувека и присудили честь его открытия кому-то из новых. Это был жестокий удар. Адам так и не смог от него оправиться. Шестьсот лет эта печаль терзала его сердце, и я убеждена, что она свела его в могилу. Разумеется, до конца дней своих он стоял выше царей и всех остальных людей, как Первый Человек, и получал все почести, на которые дает право этот титул, но такие отличия не могли возместить ему столь горестную утрату, ибо он был истинным ученым — первым ученым на земле; и он не раз признавался мне, что, если бы за ним сохранили славу первооткрывателя закона об устремлении жидкостей, он согласился бы считаться своим собственным сыном и Вторым Человеком. Я утешала его, как могла. Я говорила, что его слава, слава Первого Человека, вечна, но что наступит время, когда имя лжеоткрывателя закона, согласно которому вода бежит вниз, забудется, сгинет и

исчезнет с лика земли. И я в это верю. Я никогда не переставала верить в это. Конечно, такой день наступит.

Следующим своим великим триумфом наука обязана мне. А именно — я установила, как молоко попадает в корову. Мы оба долгое время ломали голову над этой тайной. Мы целыми годами ходили по пятам за коровами — днем, конечно,— но ни разу не видели, чтобы они пили жидкость такого цвета. Поэтому мы, наконец, пришли к выводу, что они раздобывают молоко по ночам. Тогда мы стали по очереди наблюдать за ними ночью. И все с тем же результатом — загадка оставалась неразгаданной. Иных методов от начинающих и нельзя было ожидать, но теперь, конечно, нетрудно заметить, насколько они ненаучны. Однако со временем опыт подсказал нам более надежную методику. Как-то ночью, когда я лежала, задумчиво глядя на звезды, мне в голову пришла великолепная мысль, и я увидела, как это можно сделать! Я уже хотела было разбудить Адама и все ему рассказать, но удержалась и не выдала моей тайны. До утра я не могла сомкнуть глаз. Едва забрезжил первый рассветный луч, я потихоньку ускользнула и, отыскав в глубине леса поросшую травой полянку, обнесла ее плетнем, а потом заперла в этом надежном загоне корову. Я выдоила ее досуха и оставила там — в плену. Пить ей было нечего — либо она сотворит молоко при помощи какого-то тайного процесса, либо так и останется выдоенной.

Весь день я не находила себе места и на все вопросы отвечала невпопад, потому что думала только о своем опыте. Но Адам был занят изобретением таблицы умножения и ничего не заметил. Незадолго до заката он уже установил, что шестью девять — двадцать семь, и пока, опьяненный этим открытием, он забыл о моем существовании и обо всем на свете, я тайком пробралась к моей корове. У меня от волнения и от страха перед неудачей так дрожали руки, что несколько минут я не могла как следует ухватить сосок. Но наконец мне это удалось — и брызнуло молоко! Два галлона. Два галлона, хотя изготовить его было не из чего! И я тут же нашла объяснение: *молоко не поглощалось ртом, оно конденсировалось из воздуха через волосы на шкуре коровы.*

Я побежала рассказать обо всем Адаму, и он был счастлив так же, как и я, и невыразимо гордился мной.

Потом он вдруг сказал: «Знаешь, ты сделала не один важный и многообещающий вклад в науку, а целых два».

И это было правдой. Поставив серию опытов, мы уже давно убедились в следующем: атмосферный воздух является водой

в невидимой суспензии, а вода состоит из водорода и кислорода, причем на две части водорода приходится одна часть кислорода, что выражается формулой H_2O. Мое открытие доказало, что существует еще один ингредиент — молоко; и мы уточнили формулу — H_2OM.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ ЕВЫ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В ЕЕ АВТОБИОГРАФИЮ

Еще одно открытие. Как-то я заметила, что Уильям Мак-Кинли[1] выглядит совсем больным. Это — самый первый лев, и я с самого начала очень к нему привязалась. Я осмотрела беднягу, ища причину его недомогания, и обнаружила, что у него в глотке застрял непрожеванный кочан капусты. Вытащить его мне не удалось, так что я взяла палку от метлы и протолкнула его вовнутрь. Уильяму Мак-Кинли сразу стало легче. Возясь с ним, я заставляла его пошире открывать пасть, чтобы мне было удобнее туда заглядывать, и обратила внимание, что зубы у него какие-то странные. И вот теперь я подвергла их внимательному научному осмотру и к своему величайшему изумлению открыла следующее: лев — не вегетарианец, он плотоядный хищник! Во всяком случае, его готовили в плотоядные хищники.

Я побежала к Адаму и сообщила ему об этом, но он, конечно, только насмешливо рассмеялся и сказал:

— А откуда он возьмет плоть?

Мне пришлось сознаться, что я этого не знаю.

— Отлично. Значит, ты сама видишь, что это чистая фантазия. Плоть не предназначена для того, чтобы ее ели, иначе она была бы ниспослана. Раз ниспосланной плоти не существует, отсюда неопровержимо следует, что в план мироздания плотоядные твари включены не были. Ведь это логично, не так ли?

— Логично.

— Есть в этом рассуждении какие-нибудь натяжки?

— Нет.

— Хорошо. Так что же ты можешь на это возразить?

— А то, что существует нечто превыше логики.

[1] Уильям Мак-Кинли — имя одного из президентов США (1897—1901), проводившего империалистическую политику. При нем, в частности, Соединенными Штатами была оккупирована Куба *(прим. пер.)*.

— Неужели? Что же это?

— Факты.

Я подозвала первого попавшегося льва и велела ему открыть пасть.

— Взгляни-ка на подветренную верхнюю челюсть,— сказала я.— Разве этот длинный передний зуб — не клык?

Он был удивлен и сказал решительно и веско:

— Клянусь моим нимбом, это клык.

— А эти четыре позади него?

— Малые коренные, если мне не изменяет рассудок!

— А эти два сзади?

— Коренные зубы, или я не способен отличить на глаз коренной зуб от причастия прошедшего времени. Мне нечего больше возразить. Статистика не может ошибаться: этот зверь — не травоядное.

Вот он всегда такой: ни мелочности, ни зависти — только справедливость и великодушие. Докажите ему что-нибудь, и он тут же, и без всякой обиды, признает, что был неправ. Не знаю, достойна ли я этого чудесного юноши, такого прекрасного и благородного?

Это произошло на прошлой неделе. С тех пор мы обследовали многих животных и убедились, что здешние места изобилуют плотоядными зверями, хотя прежде мы этого совсем не замечали. И вот теперь почему-то очень грустно бывает смотреть на величественного бенгальского тигра, который пожирает землянику и лук; это как-то не вяжется с его натурой, хотя я раньше ничего подобного не чувствовала.

(Позже). Сегодня в лесу мы слышали Глас.

Мы долго искали его, но так и не нашли. Адам сказал, что слышал его и раньше, но никогда не видел, хотя и находился совсем рядом с ним. По мнению Адама, этот Глас вроде воздуха и увидеть его нельзя. Я попросила его рассказать все, что он о нем знает, но он почти ничего не знал. Это Владыка Сада, сказал он, который велел ему ухаживать за Садом и хранить его; и еще Глас сказал, что мы не должны есть плоды одного дерева, а если поедим их, то обязательно умрем. Смерть наша будет неизбежной. Больше Адам ничего не знал. Я захотела посмотреть дерево, и мы пошли длинной и чрезвычайно приятной дорогой к уединенному и очень красивому месту, где оно растет; там мы сели на землю, долго его рассматривали и разговаривали. Адам сказал, что это — дерево познания добра и зла.

— Добра и зла?
— Да.
— А что это?
— Что — «это»?
— Ну, это самое. Что такое «добро»?
— Не знаю. Откуда мне знать?
— Ну, а «зло»?
— Наверное, название какого-нибудь предмета, только я не знаю какого.
— Адам, но ты же должен иметь о нем хоть *какое-то* представление.
— С какой стати? Я его никогда не видел. Как же я могу иметь о нем представление? А по-твоему, что это?
Конечно, я ничего не могла ему ответить и поняла, насколько неразумно с моей стороны было требовать объяснений у него. Мы никак не могли догадаться, что это такое. Просто новое слово, как и «добро»,— мы их никогда раньше не слышали, и они не имели для нас никакого смысла. Я продолжала о них думать и вскоре спросила:
— Адам, а эти другие новые слова, «умрем» и «смерть», что *они* означают?
— Понятия не имею.
— Ну, а как ты *думаешь,* что они могут означать?
— Деточка, неужели ты не видишь, насколько невозможно хотя бы приблизительно угадать, о чем идет речь, если я вообще ничего об этом не знаю? Человек не в состоянии *думать,* если ему *не о чем* думать. Разве не так?
— Да... конечно; но только ужасно досадно. Ведь именно потому, что я ничего не знаю, я и *хочу* узнать.
Некоторое время мы молчали, ломая голову над этой загадкой, но вдруг я сообразила, что нам надо сделать, чтобы разрешить все сомнения, и даже удивилась, как мы сразу до этого не додумались — так это было просто. Я вскочила на ноги и воскликнула:
— Какие мы глупые! Давай съедим этот плод; мы «умрем», узнаем, что такое «смерть», и не будем больше из-за этого мучиться!
Адам согласился со мной, встал и уже потянулся за яблоком, как вдруг мимо проковыляло крайне любопытное создание, каких нам еще не доводилось видеть, и мы, конечно, забыли о пустяках, не имевших отношения к науке, и погнались за тварью, которая имела к ней самое прямое отношение.

Много миль гнались мы по горам и долам за этим неуклюжим, хлопающим крыльями уродом, пока не очутились в западной части долины, где растет большая смоковница, и там мы его изловили. Какая радость! Какой восторг! Он оказался птеродактилем! До чего же он прелестен, милое страшилище! И какой злюка, и как отвратительно каркает! Мы подозвали двух тигров и поехали домой верхом, захватив его с собой, и теперь он сидит рядом, и уже поздно, но я не ложусь спать, такое он обворожительное чудище, да к тому же и поистине царственный вклад в науку. Я знаю, я не сомкну глаз, все буду думать о нем и торопить утро, чтобы поскорее обследовать его, осмотреть, угадать тайну его происхождения и решить, насколько он птица, а насколько пресмыкающееся, и установить, реликт ли он или результат естественного отбора; впрочем, последнее, судя по его виду, сомнительно. О Наука! Рядом с тобою все прочие интересы рассеиваются как туман!

Проснулся Адам. Просит меня не забыть записать эти четыре новые слова. Значит, он их уже забыл. Но я их помню. Ради него я всегда начеку. Они уже записаны. Он составляет словарь — по крайней мере, так ему кажется, однако я замечаю, что все хлопоты достаются на мою долю. Но что за беда! Я люблю делать то, о чем он меня просит, а работа со словарем доставляет мне особое удовольствие, потому что иначе бедный мальчик попал бы в очень неловкое положение. Слишком уж ненаучно его правописание. Он пишет «мышь» через *«ж»*, а «мышление» через *«ш»*, хотя оба эти слова одного корня.

Три дня спустя. Мы зовем его Терри — для краткости, и он просто прелесть! Все эти три дня мы только им и занимаемся. Адам не может понять, как наука до сих пор обходилась без Терри, и я с ним согласна. Наш кот, увидев чужого, позволил себе с ним вольность, но тут же пожалел об этом. Терри так хватил Томаса от носа до кормы, что только клочья полетели, и Томас удалился с таким видом, будто готовил сюрприз, а теперь собирается поразмыслить на досуге, почему все вышло как раз наоборот. Терри великолепен, с ним никто не сравнится. Адам тщательно его обследовал и теперь убежден, что он — результат естественного отбора. Мне кажется, Томас придерживается иного мнения.

Третий год. В начале июля Адам заметил, что у одной рыбы в пруду развились ноги; эта рыба принадлежит к семейству китовых, но это не кит, а только его карликовая разновидность. Она называется «головастик». Мы наблюдали за ней с величайшим интересом, так как решили, что в случае, если ее

ноги достаточно вырастут, окрепнут и окажутся пригодными к делу, мы разовьем их и у других рыб, чтобы они могли вылезать на сушу и гулять там на свободе. Нас часто огорчает судьба этих бедняжек, живущих в вечной сырости и обреченных всегда оставаться в воде, в то время как все остальные могут резвиться среди цветов и радоваться. Вскоре ноги стали совсем настоящими и из кита получилась лягушка. Она вылезла на берег, начала прыгать и весело петь — особенно по вечерам,— ибо благодарность ее была безгранична. Другие последовали ее примеру, и теперь у нас по ночам полно музыки, что очень приятно по сравнению с прежним безмолвием.

Мы вытаскивали на берег самых разных рыб и пускали их гулять по лугу, но каждый раз нас ждало новое разочарование — никаких ног у них не появлялось. Это было очень странно; мы ничего не могли понять. Не прошло и недели, как они все забрались обратно в воду, и, кажется, им там нравится больше, чем на суше. Мы сделали вывод, что рыбы вообще не любят суши и не интересуются ею — все, кроме китов. В трехстах милях отсюда в обширном озере водятся большие киты, и Адам отправился туда, чтобы развить у них ноги и сделать их жизнь еще более счастливой.

Через неделю после его ухода родился маленький Каин. Я очень удивилась — я и не подозревала, что может случиться нечто подобное. Но, как любит говорить Адам, всегда случается то, чего не ждешь.

Сначала я не поняла, что он такое, и думала, будто это — новое животное. Но, обследовав его, я убедилась, что это ошибка, так как у беспомощной крошки не было зубов и почти никакого меха. Некоторые черты у него были совсем человеческими, но их оказалось недостаточно, чтобы я имела научное право отнести его к этому виду. Так что сперва он рассматривался как *lusus naturae* [1], уродство — и на время пришлось этим ограничиться в ожидании его дальнейшего развития.

Однако вскоре он начал меня интересовать, интерес этот день ото дня рос и превратился в более теплое чувство — в привязанность, потом в любовь, а потом в слепое обожание. Это существо завладело всей моей душой, и я была невыразимо счастлива и благодарна судьбе. Жизнь стала блаженством, восторгом, экстазом, и каждый день, каждый час, каждую минуту я жаждала, чтобы поскорее вернулся Адам и разделил со мной мою почти нестерпимую радость.

---

[1] Игра природы *(лат.)*.

Годы четвертый и пятый. Он наконец вернулся, но не согласился с тем, что это — ребенок. Намерения у него самые лучшие, я его очень люблю, но он всегда сперва ученый и лишь потом человек — такова уж его природа,— и каждый факт обязательно хочет проверить научно. Сколько тревог перенесла я за следующий год, пока он ставил свои опыты, описать невозможно. Он подвергал малыша всяческим лишениям и неудобствам, чтобы выяснить, птица он, пресмыкающееся или четвероногое и каково его назначение, так что я, изнемогая от усталости и отчаяния, день и ночь ходила за ним, стараясь утешить малютку и как-то помочь ему переносить эти испытания. Адам думал, что я нашла маленького в лесу, и я не стала его разуверять, так как эта мысль заставляла его по временам уходить в лес на поиски другого такого же создания, а мы с малышом могли пока отдохнуть и набраться сил. Никому не понять, какое облегчение я испытывала, когда он прекращал свои ужасные опыты, собирал ловушки и приманки и уходил в лес. Едва он скрывался из вида, как я прижимала моего малютку к сердцу, душила его поцелуями и плакала от радости. Бедный малыш, казалось, понимал, что случилось что-то приятное для нас с ним, и брыкал ножками, ворковал и открывал беззубый ротик в широкой счастливой улыбке до самого мозга, если, конечно, мозг его находится именно там.

Год десятый. Потом появился наш маленький Авель. По-моему, нам было года полтора-два, когда родился Каин, и три или три с половиной, когда к нашей семье прибавился Авель. К этому времени Адам уже многое понял. Его опыты становились все менее опасными и наконец после рождения Гледис и Эдвины (на пятом и шестом году) прекратились совсем. Он нежно полюбил детей, после того, как научно их классифицировал, и с тех пор в Эдеме царит полное блаженство.

Теперь у нас девять детей — половина из них мальчики, а половина — девочки.

Каин и Авель начали учиться. Каин уже умеет складывать не хуже меня, а кроме того, немножко вычитать и умножать. Авель не такой способный, как его брат, но он очень старателен, и это качество как будто заменяет сообразительность. За три часа Авель выучивает столько же, сколько и Каин, но Каин за это время успевает часа два поиграть. Таким образом, хотя Авель бредет по дороге долго, но, как говорит Адам, «прибывает на место точно по расписанию». Адам пришел к выводу, что старательность — тоже талант, и поместил ее в соот-

ветствующем разделе словаря. Я убеждена, что грамотность — тоже дарование. Несмотря на свои блестящие способности, Каин пишет безграмотно. В этом отношении он очень похож на своего отца, который способнее нас всех, но чья орфография совершенно неописуема. Я пишу грамотно, и Авель тоже. Эти отдельные факты еще ничего не доказывают, ибо такого скудного количества примеров недостаточно для выведения общего принципа, но они все же заставляют предположить, что уменье писать грамотно — это особый дар, который дается человеку от рождения и является признаком посредственного ума. Отсюда можно сделать обратный вывод, что отсутствие его указывает на высокий интеллект. Порой, когда Адам пропускает через свою мельницу какое-нибудь внушительное слово вроде «рационализма» и стоит, вытирая со лба пот, над его останками, я готова пасть перед ним на колени, таким он кажется интеллектуально великим, могучим и великолепным. Он способен написать слово «фтизиатр» бóльшим количеством способов, чем их вообще можно придумать.

Каин и Авель — очень хорошие мальчики и нежно заботятся о своих младших братишках и сестренках. Четверо старших бродят, где захотят, и мы часто не видим их по два-три дня подряд. Как-то раз они потеряли Гледис и вернулись домой без нее. Они никак не могли объяснить, где, собственно, они ее хватились. Где-то далеко отсюда, говорили они, но где именно, они не знают, так как никогда прежде не бывали в тех местах. Они изобилуют ягодами растения, которые мы называем «смертоносной белладонной» — а почему смертоносной, мы и сами не знаем. Слово это не имеет никакого смысла — мы воспользовались для него одним из тех слов, которые давным-давно слышали от Гласа, потому что мы любим использовать новые слова при всяком удобном случае, чтобы они становились ручными и привычными. Дети очень любят эти ягоды и, собирая их, долго бродили между кустов; а когда они решили пойти в другое место, то оказалось, что Гледис исчезла, и она не откликнулась на их зов.

На следующий день она не вернулась. И на следующий тоже, и на третий. Прошло еще три дня, а она все не возвращалась. Это было очень странно — ничего подобного до сих пор еще не случалось. В нас заговорило любопытство. Адам решил, что если она не вернется завтра или, в крайнем случае, послезавтра, нам следует послать Каина и Авеля на поиски.

Так мы и сделали. Они отсутствовали три дня, но все-таки отыскали ее. У нее было много приключений. В первую же

ночь она в темноте упала в реку, и течение унесло ее очень далеко — как далеко, она не знала — и выбросило на песчаную отмель. После этого она гостила у семейства кенгуру, которое приняло ее очень хорошо и всячески за нею ухаживало. Мама-кенгуру была с ней чрезвычайно ласкова и заботлива; каждый день она вынимала своих детенышей из сумки и отправлялась на фуражировку среди холмов и долин и приносила домой полную сумку самых спелых фруктов и орехов; и почти каждый вечер к ним приходили гости — медведи, кролики, сарычи, куры, лисицы, гиены, хорьки и всякое другое зверье,— и все ужасно веселились. Животные, видимо, тревожились, что на девочке нет меха, и, когда она засыпала, укрывали ее листьями и мхом, чтобы защитить ее нежную кожу от холода. И мальчики так ее и отыскали — под кучей листвы. Первые дни ей было не по себе так далеко от дома, но потом это прошло.

«Не по себе» — это ее собственное выражение. Мы поместили его в словарь и вскоре подыщем для него какой-нибудь смысл. Оно состоит из уже известных нам слов, обладающих самостоятельным четким смыслом, хотя в сочетании они его как будто утрачивают. Составление словаря — работа чрезвычайно увлекательная, но нелегкая; как говорит Адам...

СТРАНИЦА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ЕВЫ, ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА 920

О ДА, в те далекие, бесхитростные, простодушные времена нам по легкомыслию и в голову не приходило, что мы, скромные, никому не известные, маленькие люди, баюкаем, нянчим и лелеем самое значительное и необычайное событие, какому только суждено было произойти во вселенной за это тысячелетие — основание человечества!

Правда, в те первые дни мир был пустыней, но оказалось, что это — дело поправимое. Когда нам исполнилось тридцать лет, у нас уже было тридцать детей, а у наших детей их было триста; еще через двадцать лет численность населения возросла до шести тысяч, а к концу второго столетия эта цифра достигла нескольких миллионов. Ибо наша семья была долговечна и умирали лишь немногие. Более половины моих детей живо и по сей день. Я рожала, пока не достигла пожилого возраста. Почти никто из моих детей, благополучно переживших первые нежные годы детства, с тех пор не умирал. Так же обстоит дело и в других семьях. Человечество ныне исчисляется миллиардами.

ДНЕВНИК МАФУСАИЛА

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК

Первый день четвертого месяца года 747 от начала мира. Нынче исполнилось мне 60 лет, ибо родился я в году 687 от начала мира. Пришли ко мне мои родичи и упрашивали меня жениться, дабы не пресекся род наш. Я еще молод брать на себя такие заботы, хоть и ведомо мне, что отец мой Енох, и дед мой Иаред, и прадед мой Малелеил, и прапрадед Каинан, все вступали в брак в возрасте, коего достиг я в день сей. И все они говорили со мной обо мне, и все желают, дабы я женился, ибо я — старший сын отца моего и будущий глава нашего княжеского рода, когда настанет мой черед, и владыка городов, земель и титулов, ему принадлежащих, когда богам будет угодно призвать к себе еще живущих днесь наследников и старших родичей, кои стоят между мною и сим высоким саном.

Десятый день. Наградил дарами нескольких мудрецов и слуг их и отослал их в родные их страны, ибо не нуждаюсь более в наставниках, понеже юность моя окончилась и вступаю я ныне на порог зрелости. С мудрецом Уцом, обитающим в далекой земле Нод, в древнем городе, именуемом Енох, послал я и военачальника со многими храбрыми воинами из числа моих собственных телохранителей, дабы защищали они его караван от детей Иавала, рыщущих в пустыне на этом пути. Его праправнучка Цилла осталась пока в доме родича их Аввакума, ибо не устала она гостить у них, а они — видеть ее своею гостьею. Красивая девица и скромная.

Восемнадцатый день. Годовщина постройки города нашего — да процветает Аумрат и те, кто обитает внутри его стен! Прадед мой Малелеил, кем заложен был краеугольный камень 300 лет тому назад, торжественно восседал во святилище храма и принимал старейшин города, восхваляя величие его, и славу, и мощь, и великолепие, и говоря, что видел он, как строился первый дом, и следил, как рос город сей из этого смиренного семени, пока не покрыл ныне пять холмов и долины между оными, так что живущих в нем никто сосчитать не в силах. И поистине, это пышный город со храмами и дворцами, с крепкими стенами и с улицами, что не имеют конца, и нет в нем дома, который был бы построен не из камня. Самый первый дом обветшал и разрушился, но люди стекаются поглядеть на него с благоговением, и никому не дозволяется портить

его, хотя многие неразумные пришельцы из дальних стран завели суетный обычай выцарапывать на его древних камнях имена свои и названия никому не ведомых селений, откуда они родом,— обычай зело нелепый, и тот, кто ему следует,— глупец.

Двадцать четвертый день. Ныне некие скоморохи давали представление во дворце отца моего, и один из них пожирал огонь и совал раскаленные угли в рот, и пережевывал их зубами, и глотал их. И еще пил он нафту, пока та пылала, и не выказывал никакого отвращения, но лишь удовольствие и радость.

А другой, покрыв ребенка корзиною, проткнул оную корзину мечом и под стенания ребенка извлек меч окровавленным. Когда же корзину перевернули, не увидели мы ни ребенка, ни следов его крови. Но все это старые фокусы и стоят они немногого.

Третий же проглотил кривой кинжал длиной в человеческую руку. Скоморох этот был сладкоречив и красив собою, но все же от души желал я, чтобы кинжал тот проткнул ему нутро и тем положил конец представлению, ибо ни я, и никто другой не смеет сидеть в присутствии отца моего, ни удалиться прежде него. А он был очень доволен и немало дивился, да и как могло быть иначе, когда живет он в уединении, занимаясь наукою, и не видит, что происходит в мире. Поистине, нехитрые эти штуки так его восхитили, будто неотесанного мужика, что впервые покинул свою деревню.

Затем отбыл он в театр в сопровождении всех придворных своих, вельмож и чиновников, разодетых пышно и пестро. Новый лицедей Луц, чьей славой полнится ныне страна, так растрогал толпу, предивно играя Адама в классической древней и несравненной пиесе «Изгнание из Эдема» (ничего ей подобного в нынешние времена уж не пишут), что все громко рыдали и не раз подымались на ноги, крича, и стояли столь долго, что, казалось, вовеки не кончат рукоплескать. Но тут вошел Иевел, недряхлеющий сводный брат прапрапрапрадеда моего Еноса, поднял брови и стал глядеть вокруг с состраданием, словно бы говоря: «И вот это они называют актерской игрой!» Так делает он всегда и ничего не хвалит, а только лишь старинное и глупое, которого никто, кроме него, не видел; все же современное поносит, называя его пошлым и бездарным, и сам не получает ни от чего удовольствия, и другим не дает. И тут повел он длинную и громкую речь, говоря напыщенно и чванно, о том, каков был театр в былые дни, когда все еще не

измельчало, как ныне, и говорил он: «Пока был жив великий Уциель, вот тогда у нас был Адам! Господи помилуй, когда мы, те, кто видел настоящих актеров, вспоминаем, каким был театр лет четыреста-пятьсот назад...» И тут он весьма расстроился и принялся хвастать и так бесстыдно и оглушительно лгать, что можно было только пожелать, чтобы поскорее он с соизволения божьего оказался среди своих исчезнувших идолов. Сколь скучны и назойливы эти угрюмые беззубые старики, кои живут теперь, как посмотришь, лишь для того, чтобы попрекать нас да превозносить чудеса времен давно забытых, о которых никто, кроме них, не жалеет. Старость почтенна, но подобная привычка ее не украшает. Я бы сказал ему так, если бы такая речь шла моим скудным годам и пушку моей бороды.

Двадцать седьмой день. Сегодня Цуар, один из рабов моих, простерся предо мною, смиренно напоминая мне, что прошло шесть лет с тех пор, как купил я его у его отца. Я призвал моего управителя, и он показал мне, что это так. Человек этот еврей, а посему долее не могу я держать его в рабстве, и я сказал ему, что отныне он свободен. Тут он снова поклонился до земли, говоря: «Господин мой, у меня есть жена и дети». И тогда я, не подумав, едва не сказал: «Забери их». Но управитель мой, пав на колени, вскричал: «О князь, хоть и тяжек мой долг, но должен я исполнить его: когда его купили, не было у него ни жены, ни детей. Твоя милость дала ему жену, а дети его были рождены в рабстве». Был я этим немало смущен, ибо не приходилось мне дотоле решать подобных дел, но сказал: «Раз это так, то да будет так — дай ему денег и одежду, и пусть он уйдет из своего дома один, но хорошо заботься о жене его и чадах, да не будут они проданы и не будут страдать от нужды».

Тут Цуар встал и, поклонившись, ушел согбенный, словно поразило его великое горе. И не было легкости в сердце моем, хотя я поступил по закону. И я был бы рад, если бы мог поступить иначе. Я пошел взглянуть, а страже не велел идти за мной, и увидел, что они обнимают друг друга, но ничего не говорят, и лица их словно окаменели, а на глазах ни единой слезинки, а малютки возятся у их ног, споря из-за пойманной бабочки. Я вернулся к себе, и радость жизни покинула меня, и дивился я этому, ибо они — только рабы, прах под моими ногами. Надо будет над этим еще поразмыслить.

Двадцать восьмой день. Эти бедняги пришли ко мне, и Цуар с отчаянием на лице, которое не вязалось с его

словами, сказал: «Господин мой, я пришел по закону и обычаю объявить, что я люблю моего господина, мою жену и моих детей и отказываюсь от свободы, а потому да будет мое ухо проколото шилом перед судьями, дабы я и близкие мои по этому знаку навек вернулись в рабство, потому что лучше уж эта доля или даже смерть, чем разлука с теми, кто мне дороже хлеба, и солнечного света, и дыхания жизни».

Не знаю, правильно ли я поступил, но сердце мое не могло этого стерпеть, и вот я сказал: «Это суровый закон и жестокий. Я даю свободу всем вам, чтобы совесть моя больше меня не тревожила». Это были ценные рабы, но молю бога, да не раскаюсь я в решении своем, ибо богатство мое так велико, что потеря их — словно утрата самой мелкой монеты.

Пятый месяц, третий день. Не по сердцу мне царевна Сара, внучка родича моего Илии, хоть дом этот древен, богат и славен, и не возьму я ее в жены, если только не принудит меня к тому отец мой. Вновь прибыла она три дня тому назад с большою свитою вельмож и слуг погостить в палатах отца моего, что стоят напротив моего нового дворца и совсем с ним рядом. Девица эта почти мне ровесница, лишь немного постарше, ибо ей только что исполнился шестьдесят один год (что менее приятно, чем если бы ей было пятьдесят девять). Но боже мой, хоть по годам ее надлежит ей быть цветущей и веселой, она старается подражать важности хозяйки дома, и вид у нее серьезный, а кожа землистая. Она хочет показать себя мудрой и ученой и ходит задрав нос, будто бы предаваясь высоким размышлениям. Не дай бог, чтобы зацепилась она носом за древесную ветвь, зане повиснет она на ней, ибо нос ее крючковат и весьма для этого удобен. На голове ее по нынешней моде более волос купленных на базаре, нежели дарованных ей природою. Если бы вошло в моду вот так же увеличивать размеры носа, дарованные нам милостию божией, что бы тогда сделала эта женщина, хотел бы я знать? Куда бы ни направляла она стопы свои, она влачит за собою на веревочке препротивную мохнатую собачонку, а когда садится, то берет ее на колени и ласкает, в холодную же погоду надевает на нее попонку из красного вышитого сукна, дабы не унесла ее простуда или лихорадка какая и не оставила мир в тоске и печали. Да будет проклят день, в который могу я унаследовать ее место и назойливую любовь ее хозяйки. Аминь.

Пятый день. Когда прогуливался я во Дворе Фонтанов, пришли Цуар и жена его Мала и простерлись предо мною, дабы обратиться ко мне с просьбою; и хотела стража разделаться

с ними за то, что посмели они нарушить мое уединение и мои размышления, но я того не дозволил, ибо с тех пор, как проявил я милосердие к этим людям, стала меня заботить судьба их. А просили они о том, чтобы взял я их к себе на службу, и выполнил я их просьбу, хоть и странно мне было простодушие их, что люди столь низкого звания пришли тревожить просьбой своей человека моего сана. Назначил я Малу служить на женской половине, а Цуара приблизил к себе и назначил его начальником над отроками и положил обоим хорошее жалованье, и были они очень благодарны, ибо не ждали и не надеялись на такое счастье.

В полдень видел я, как девица Цилла прошла перед главными вратами дворца моего в сопровождении одного лишь слуги, ибо семья ее не знатна и не богата. Уц, ее прапрадед, весьма учен, но род его ничем не славен. Они идолопоклонники, молятся Ваалу, и потому закон лишает их некоторых прав и привилегий. Девица сия очень красива, красивее даже, чем мнилось мне прежде.

Десятый день. Нынче весь город высыпал на улицы, на стены, на кровли и во все места, откуда далеко видно, дабы насытить глаза свои зрелищем явившихся сюда дикарей из знаменитого племени иавалитов, что живут не в домах, но в шатрах, и бродят беззаконными ордами по великим пустыням, лежащим далеко на северо-востоке между нашей страной и землею Нод. Прибыли они числом двадцать, большие начальники и поменьше, со множеством слуг, все на верблюдах и дромадерах, убранных с варварскою пышностью,— явились, дабы покориться отцу моему и заключить с ним мирный договор: они получат товары, безделушки и орудия для обработки земли, а взамен обещают не разбойничать на дорогах и не трогать наши караваны и наших купцов. Каждые пятьдесят-шестьдесят лет посылают они к нам такое посольство, а потом нарушают договор и снова творят бесчинства. Но не всегда вина за это падает на них. Они обещаются пребывать в областях, для них отведенных, и кормиться мирными ремеслами и земледелием, но агенты, посылаемые править ими, всячески их обманывают и угнетают, переводят их на другие стоянки, не столь хорошие, и отбирают у них плодородные земли и охотничьи угодья, а когда они сопротивляются, то осыпают их ударами — оного же оскорбления они снести не могут, а потому восстают ночью и убивают всех, кто попадает к ним в руки, дабы отомстить за предательство и надменность агентов. И тогда наши армии отправляются в поход опустошать

их жилища, но сие им не удается. Послы, что явились днесь, прогуливались по городу, осматривая его чудеса, но при этом ни восклицаниями и ничем другим не выражали восхищения. Во время аудиенции с обеих сторон произнесено было много любезных речей, и после пира послы были отосланы, одаренные множеством подарков, все больше земледельческими орудиями, кои перекуют они на оружие и восстанут на своих угнетателей. Добрые это были молодцы, видом дикие, ликом яростные. Но племя их и другие такие племена как заноза в боку для моего отца и его совета. У них нет бога, а если мы по доброте сердечной посылаем им миссионера, дабы наставил он их на путь истинный, они его почтительно выслушивают, а потом съедают, и сие мешает воссиять среди них свету веры.

ВТОРОЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА МАФУСАИЛА

Десятый день. Немного потребно времени, дабы люди, умом не блистающие, увлеклись какой-нибудь новинкою. Не прошло и двух лет с тех пор, как опять вспомнили некую древнюю игру в мяч, а уже в ход пошли словечки, заимствованные из ее правил, хотя, поистине, уши людей разумных и тех, кто занят делами более важными, вянут от этой бессмысленной болтовни и болят немилосердно. Если человек обойдет ближнего своего хитростью и извлечет из беды его выгоду, то чернь говорит об обманутом, что его *«осалили»*, а если кто совершит вдруг деяние знаменательное и славное, то говорят про него, что он *«сбил трое ворот»*. И вот с развязной наглостью гнуснейшие сии уродства вторгаются в самую основу речи и обезображивают то, что прежде было стройным и прекрасным. Нынче по приказу отца моего проводилось состязание это на большом дворе его дворца так, как проводили его триста лет тому назад. Девять человек с лодыжками, одетыми в красное, мерялись силами с другими девятью в синих чулках. Некоторые из этих синих стояли в отдалении друг от друга, пригнувшись, и каждый упирался ладонями в колени и зорко смотрел вперед; этих называют «защитниками» и «полевыми», а почему, бог ведает. Я же этого не знаю, да и знать не хочу. Один красноногий стоял, крутя над головой дубину, каковой время от времени стукал по земле, а потом вновь начинал раскручивать, а позади него пригибался синеногий и много плевал на ладони и звался «ловец». А позади этого пригибался тот, кого называли «судья». И одет он был, как все сейчас одеваются,

и что-то царапал на земле палкою, но безо всякого смыслу, насколько я мог понять. И рек он: «Низкий мяч». И засим синеногий пустил с большой силой мяч прямо в того, кто держал дубинку, но не сбил его, ибо не метко прицелился. И тут все те, кто зовется «защитники» и «полевые», поплевали на руки, пригнулись и снова стали зорко смотреть перед собой. А тот, что с дубинкой, не раз и не два позволил метать в себя мяч, но так пригибался и отгибался, что ускользал от удара; все же прочие плевали на руки, а он тем временем старался пришибить судью дубиною своею, но не успевал в том по причине плачевной своей неуклюжести. Но пришел и его час, и успел он в замысле своем и положил судью замертво, чем был я весьма доволен, однако сам он тоже пал на землю, не ускользнув на сей раз от мяча, каковой разбил ему череп к великой моей радости и удовлетворению. Решивши, что сие есть конец, попросил я у отца моего дозволения удалиться и получил оное, хотя те, кто стоял рядом со мной, остались, дабы посмотреть, как все прочие друг друга покалечат. Я же вдоволь насмотрелся на эту забаву и более не пойду ее смотреть, ибо редко наносится удачный удар и потому не хватает игре этой азарта. А кроме того, был там Иевел, и изливал он насмешки на этих нынешних игроков и восхвалял непобедимые команды, которые знавал он триста лет тому назад, ныне все перемершие и сгнившие — хвала Богу, его же деяния всегда во благо!

Двенадцатый день. Слухи, кои вот уже двадцать лет все усиливались, гласся, что глава нашего княжеского рода, отец земных племен, благороднейший, августейший и древнейший Адам (да будет мир с ним!) изъявил волю посетить отца моего в стольном его граде, ныне уже более не слухи, но истина. Приближается уже посольство, несущее весть эту. Велико ликование в городе и радость. Отец мой приказал первому своему министру приготовить все, как должно.

Тринадцатый день. Прибыли нынче доверенные лица и донесли, что посольство остановилось в оазисе Балка в восемнадцати днях пути отсюда на юг.

Четырнадцатый день. Нет в городе другого разговора, кроме как о великих новостях да о посольстве. На восходе солнца отправились в путь посланцы отца моего, пышно одетые, с дарами — везут они с собой и золото, и драгоценные камни, и пряности, и почетные одежды. Отправились они с развевающимися знаменами и под военную музыку, и блестящие ряды их двигались мимо, пока не утомили меня число их и шум. А толпы, что, крича, следовали за ними, и зевак, со-

бравшихся на кровлях, ни один человек сосчитать был бы не в силах. Поистине, великий нынче день.

Пятнадцатый день. Отец мой приказал подновить Пальмовый дворец для посла и его свиты. Восемьсот художников и искусных мастеров будут работать не покладая рук, дабы покрасить его, позолотить и подправить.

Шестнадцатый день. Побывал в музее, дабы обозреть одеяния из фиговых листьев и странных недубленых шкур, кои носили прародители наши в раю в древние времена. А также Огненный меч, бывший в руце ангела. Ныне город безумствует из-за предстоящих событий, и в музей, говорят, пускают лишь малые тысячи из тех множеств, что ежедневно рвутся туда узреть сии реликвии. Дабы мог я видеть, как видят простолюдины, и слышать, как слышат простолюдины, и избавиться от докучных почестей, надлежащих сану моему, когда сам я являю собой зрелище, отправился я туда переодетым в простого мохака[1], не обременив себя ни единым слугою. По обширным анфиладам покоев расхаживали сотни гидов, а за ними следовали сотни любопытных, и толковали они им все собранные здесь чудеса. И заметил я, что гиды эти показывают сокровища свои не наугад, но в строгом порядке, и речь их по застарелой привычке закостенела в неизменной последовательности слов, стала монотонной и лишенной всякого выражения, словно бы ее производила машина. Тот, за которым следовал я, уже четыреста лет занимал этот пост и все это долгое время каждый день отбарабанивал одну и ту же речь, так что ныне не властен уже был он над своим языком. Лишь только начинал он болтать, один Бог мог остановить его, пока речь сама собой не кончалась. Глупая риторика и напыщенность ее некогда, быть может, и звучали внушительно, ныне же, однако, могли только вызвать насмешливый хохот или слезу жалости — до того пресными и безжизненными они стали. Трижды прерывал я этого бедного дряхлого осла, дабы испытать его. И сбылось предугаданное мною: он сбивался и приходилось ему возвращаться обратно и начинать сначала. И было так: молвил он: «Узрите сие грозное оружие, угрюмую реликвию того ужасного дня, еще пылающую тем жадным огнем, что над потемневшими просторами Эдема отбрасывал багровый отблеск...» Я перебил его и задал вопрос о внушительном

[1] Мохак — непереводимо; означает человека выше простого ремесленника, но ниже художника — так тонки были кастовые различия в ту эпоху. Прим. издателя *(М. Т.)*.

экспонате с надписью: «Подобие и изображение Ключа от Райских Врат, оригинал каковой покоится в сокровищнице Каина в дальнем городе Енохе». Дряхлого гида сильно это смутило, и попытался он ответить мне, но не смог и раз, и два. А затем стал вспоминать место, на котором оборвал он заунывную свою речь, но не сумел, и опять заскрипел с самого начала: «Узрите сие грозное оружие, угрюмую реликвию того ужасного дня, еще пылающую тем жадным огнем, что над потемневшими просторами Эдема отбрасывал багровый отблеск...» И дважды еще я перебивал его, и каждый раз возвращался он к своему проклятому: «Узрите сие грозное оружие...» Но тут заметил он по смеху в толпе, что попался в ловушку, и обуял его гнев, и накинулся он на меня, говоря: «Хоть я человек незнатный и невысокий занимаю пост, но не пристало какому-то мохаку, невежливому юнцу, позорить мои седины насмешками». Впервые услышал я бранные слова, и рассердился, и чуть было не сказал: «По закону тот, кто оскорбляет отпрыска царского дома, повинен смерти». Но вовремя удержался и промолчал, решив в надлежащее время отдать его на распятие вместе со всей его семьей.

Мне еще не доводилось видеть ничего подобного любопытству, с коим взирала толпа на Фиговые Листья. А ведь и не листья они вовсе, но лишь их скелеты, ибо мякоть вся давно сгнила и рассыпалась в прах, и уцелели только прожилки. Найдутся хулители и скажут, что всегда будут у нас подлинные райские одеяния, пока не переведутся на земле фиговые деревья и звери, дабы было чем подновлять сии священные сокровища. Я же ничего не скажу, ибо так будет благоразумнее. Но горько мне вспоминать, что в каждом из семи городов выставлен напоказ единственный подлинный и неподдельный Огненный меч, изгнавший наших праотцев из рая. Сие подвигает к сомнению.

Тут прошла мимо прелестная идолопоклонница и затерялась в сомкнувшейся толпе. Я же предался мечтам и грезам и, утратив интерес к чудесам, меня окружавшим, удалился в дом свой.

Двадцатый день. Поскорее бы с божьей помощью прибыло это посольство, ибо народ совсем потерял голову. Весь город занят только разговорами о сем великом событии и приготовлениями к оному. Однако минует еще много дней прежде, нежели надежды эти принесут плоды.

Двадцать седьмой день. Да погибнет потомство Иавала! Да иссохнет рука, которой мало было создать благо-

родный орган и чарующую арфу, и заперла она неугомонного дьявола в недрах ящика, дабы всякие бродяги исторгали из него вопли, крутя рукоятку, и называли их музыкой. Хотя не прошло еще и ста лет, как появилась эта новинка, но уже распространилась она по всем пределам, подобно чуме, и ныне в каждом городе бродяги из далеких стран крутят ручку этого страшного ящика в обществе друга своего обезьяны. Было бы это еще переносимо, если бы играли они разное, но на беду все эти ящики играют одну только песенку — новую песенку, вошедшую в моду лет тридцать назад; а теперь она, пожалуй, выйдет из моды, лишь захлебнувшись в этом нелепом потопе, о коем благочестивые дурни с плохим пищеварением пустословят и пророчествуют время от времени. Говорят, что ожидаемые празднества привлекли в город наш еще больше этих бродяг с ящиками, и стеклось их сюда полных восемьдесят тысяч, и все они без отдыха накручивают один слезливый мотивчик: «Поцелуй, Аггаг, свою мамашу». Поистине не могу я больше этого терпеть. Хоть бы и провалился Аггаг сквозь землю, и этого было бы мне мало, ибо велик мой гнев оттого, что он вообще родился и навлек на нас эту беду.

Второй день шестого месяца года 747. Вчера прибыли посланцы отца моего, а с ними августейшее посольство. И отец мой встретил их торжественно у городских ворот. Процессия была весьма длинна, одеяния диковинны, и зрелище сие тешило глаз. Город весь обезумел от восторга. Не доводилось мне еще видеть такого шума и смятения. Всю ночь напролет каждый дом, каждая улица и все дворцы блестели огнями, и, те, кто пребывал на далеких восточных горах, говорили, что мнилось им, будто не город перед ними, но равнина, усеянная гранеными драгоценностями, кои сверкали и переливались, обворожая взгляд своим сиянием.

Посол сообщил привезенную им весть, и сомнений более не остается. Адам приедет к нам, и срок уже назначен: год 787-й или следующий. Глашатаи возвестили об этом народу, и весь город шумно ликует. Отец мой приказал начать приготовления для надлежащего празднования столь знаменательного события. А теперь начнутся игры и другие развлечения в честь посла, и отец мой объявил о прекращении всяких работ на два месяца, пока будут длиться эти празднества.

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ В «РАДИКАЛЕ» ЗА ЯНВАРЬ 916 ГОДА

«...Когда численность населения достигла пяти миллиардов, земле уже нелегко было прокормить их. Правда, войны, эпидемии и голодные годы приносили время от времени облегчение и уменьшали чудовищную напряженность положения. Поистине благодетельным явился памятный 508 год — год, когда голод, подкрепленный моровой язвой, скосил за девять месяцев сто шестьдесят миллионов человек: немного, конечно, но все же лучше, чем ничего. То же можно сказать и о последующих подобных годах. Однако от века к веку бремя численности населения становилось все более тяжким, все более грозным, и соответственно этому неотвратимо возрастала серьезность положения.

Выйдя из младенческого возраста, люди почти не умирали. Средняя продолжительность жизни равнялась шестистам годам. Колыбели все наполнялись, наполнялись, наполнялись — без отдыха и срока; кладбища практически пустовали, могильщики бездельничали и едва могли прокормить свои семьи. Смертность составляла 2250 человек на миллион. Людей разумных это пугало, легкомысленные хвастали этим! Они вечно сравнивали численность населения в текущем десятилетии с численностью его в предыдущем и восторгались гигантским приростом — как будто он шел на пользу человечеству, которое и так еле-еле вырывало у земли достаточное пропитание.

Но худшее было еще впереди! Естественно, мы надеялись не на благотворное влияние случайных эпидемий и голодных лет, поскольку оно бывало лишь кратковременным, а на спасительную помощь войн и врачей, которая казалась постоянной. Так посмотрим же, что произошло. За последние пятьдесят лет наука уменьшила эффективность врачей ровно наполовину. Ныне врач пользуется только одним смертоносным средством там, где прежде он пускал их в ход десять. Улучшение санитарных условий оздоровило гибельные в прошлом области. Было открыто, что большинство наиболее полезных и неизлечимых болезней вызывается микробами различных видов, и люди научились обезвреживать деятельность этих микробов. В результате желтая лихорадка, черная чума, холера, дифтерит и почти все прочие полезнейшие недуги превратились в забаву, с помощью которой можно не без удовольствия скоротать часок-другой, и полностью утратили всякую ценность для

государства, став не опаснее несварения желудка. Замечательные достижения хирургии усугубили нашу беду. Теперь больной желудок просто иссекается, и человек чувствует себя отлично, не говоря уж о экономии на еде. Если человек лишается зрения или слуха, ему просверливают череп и возвращают утраченное. У него отрезают руки и ноги и заменяют их другими, приобретенными на механическом складе, и он начинает бегать и работать еще лучше, чем прежде. Если потребуется, ему сделают новый нос, новый кишечник, новые кости, новые зубы, стеклянные глаза, серебряный пищевод,— короче говоря, его могут разобрать на составные части и собрать заново, так что он станет вдвое прочнее и крепче. Все это проделывается с применением анестезирующих средств и наркоза, так что ему не грозит ни гангрена, ни боль. Это сделало войну почти бесполезной, так как из ста раненых, которые прежде умерли бы, теперь девяносто девять через месяц возвращаются в строй целехонькие.

Каков же общий итог всей этой борьбы с микробами, санитарии и хирургии? Совершенно ужасающий — смертность *снизилась до 1200 человек на миллион!* И глупцы радуются этому и хвастают этим! А дело обстоит очень серьезно. Если все пойдет так же, то население земного шара будет удваиваться за год. И со временем людям не то что сидеть, но и стоять будет негде.

В чем же выход? Я не знаю. Длительность жизни слишком велика, смертность слишком низка. Среднюю продолжительность жизни следовало бы установить в тридцать пять лет — лишь кратковременный миг,— смертность довести до 20 000—30 000 человек на *миллион.* Но даже и в таком случае численность населения будет удваиваться каждые тридцать пять лет, и со временем оно вновь неимоверно возрастет и поддержание жизни станет затруднительным.

Так воздадим же честь тому, кто этой чести заслуживает: врач подвел нас, но война нас спасла. Правда, число убитых и раненых слишком ничтожно, чтобы оказать существенное влияние на ситуацию, однако нищета и опустошения — следствие войны — уничтожают миллионы и миллионы людей, освобождая место для иммигрантов. Война — грубый друг, но заботливый. Она не дает нашей численности превысить шестьдесят миллиардов и сохраняет жизнь недоедающему человечеству. Большего количества людей земной шар прокормить не может...»

МИР В ГОДУ 920 ПОСЛЕ СОТВОРЕНИЯ

ИЗ ДНЕВНИКА ДАМЫ, СОСТОЯЩЕЙ В ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ РОДСТВА

ПРИНИМАЛА сегодня Безумного Пророка. Он хороший человек, и, по-моему, его ум куда лучше своей репутации. Он получил это прозвище очень давно и совершенно незаслуженно, так как он просто составляет прогнозы, а не пророчествует. Он на это и не претендует. Свои прогнозы он составляет на основании истории и статистики, используя факты прошлого, чтобы предсказать, каким, вероятнее всего, окажется будущее. Прикладная наука — и только. Астроном предсказывает затмение, но это еще не значит, что он выдает себя за пророка. Вот Ной — пророк, и никто не питает большего почтения к нему и к его священному дару, чем этот скромный ученый, составляющий прогнозы и сопоставляющий возможное и вероятное.

Я познакомилась с Безумным Пророком — или Безумным Философом (его называют и так и так),— когда он еще учился в университете в начале третьего века. Тогда ему было лет девятнадцать или двадцать. Я всегда питала к нему дружеские чувства, отчасти, разумеется, потому, что он мой родственник (хотя и дальний), но главное, потому, что он умен и благороден. Он задумал жениться, когда ему было двадцать четыре года и когда, собственно говоря, ни он, ни его избранница не могли позволить себе такую роскошь, как брак, ибо они были бедны и родители их страдали тем же недостатком. Обе семьи были достаточно респектабельны и даже находились в дальнем родстве со знатью, но, как говаривал Адам, «соловья респектабельностью не кормят», и начинать семейную жизнь, располагая только таким капиталом, было бы неразумно. Я посоветовала им подождать, и, конечно, они меня послушались, так как совет особы Первой Крови по обычаю всего человеческого рода был и остается законом. Но это были весьма нетерпеливые птенчики, страстно влюбленные друг в друга, и ждали они ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы удовлетворить лишь самые насущные требования этикета. Мое покровительство доставило юнцу место преподавателя математики в его же университете и сохраняло это место за ним; он работал очень усердно и копил деньги. Бедняжки, они терпели эту, как они выражались, «отсрочку жизни», сколько могли,— но, прождав шестьдесят лет, они все-таки не выдержали и поженились. Она была очаровательным крысенком: стройная,

гибкая, темноглазая, со щечками, как персики, и в прелестных ямочках, шаловливая, веселая, грациозная — настоящее произведение искусства, настоящая поэма. По происхождению она чужестранка, и капелькой благородной крови в своих жилах обязана в конечном счете знатному вельможе, обитавшему в дальнем краю на расстоянии многих меридианов отсюда,— князю Прачкоу. Он — мой потомок через... имя я запамятовала, но во всяком случае, через род моей дочери Регины. Я имею в виду ту ветвь нашего рода, которая произошла от второго брака Регины. Он был троюродным братом... я забыла, как зовут и этого. Имя юной невесты было Красное Облачко — столь же чужеземное, как и ее происхождение. Оно, кажется, считалось наследственным.

Молодые супруги жили в бедности — они бедны и сейчас, но счастливы не менее, чем многие богачи. Настоящей нужды они никогда не знали, так как благодаря моему покровительству он сохранял свое место и даже время от времени получал небольшую прибавку к жалованью. Их мирная жизнь омрачилась только одним горем, которое поразило их в конце первого столетия их союза, но и до сих пор отзывается болью в их сердцах. Шестнадцать их детей погибли во время железнодорожной катастрофы.

Прежде чем прийти ко мне сегодня, Философ осмотрел двигатель, приводимый в действие этой удивительной новой силой — сжиженной мыслью. Двигатель произвел на него глубочайшее впечатление. Он сказал, что не видит причин, которые могли бы помешать этой силе вытеснить пар и электричество, поскольку она во много раз превосходит их по мощности, почти не занимает места и стоит гроши. Вернее, стоит гроши тресту, взявшему на нее патент. Это тот же трест, которому принадлежат все железные дороги и корабли на земном шаре — другими словами, весь мировой транспорт.

«Пять лет назад,— сказал он,— над этой новой силой смеялись невежды, ее отвергали мудрецы, но так бывало со всяким новым изобретением. Так было с леографом, так было с адографом, так было с визгозаикографом, и так будет с каждым новым изобретением до скончания века. И почему люди не научатся делать выводы, только узнав результаты? Казалось бы, опыт должен был их этому научить. Как правило, нелепое на первый взгляд изобретение со временем оказывается весьма и весьма полезным, стоит только внести в него то или иное улучшение. Пять лет назад сжиженная мысль не имела никакой практической пользы и была только экспонатом на Дамской

Выставке Имперской Академии. О промышленном или коммерческом ее применении не могло быть и речи из-за необычайной дороговизны производства, поскольку на этой ранней стадии использовалось только сырье, получаемое от государственных деятелей, судей, ученых, поэтов, философов, редакторов, скульпторов, художников, генералов, адмиралов, изобретателей и инженеров. Однако теперь, как говорит Мафусаил, его научились добывать и из политиков и идиотов, причем он с обычным сарказмом добавляет: «Но это — тавтология, ибо политик и идиот — синонимы».

Я придерживаюсь мнения, что мы только еще приступаем к развитию этой новой таинственной силы. Я убежден, что все известное нам ныне — пустяк по сравнению с тем, что будет открыто за ближайшие десятилетия. Как знать, не окажется ли она знаменитой и горько оплакиваемой Утраченной Силой старых легенд? Вам, милостивейшее сиятельство, как и всему свету, известны эти легенды, но вы не знаете истории. Совсем недавно были прочитаны глиняные таблички, найденные при раскопках древнего города на Двойном Континенте, и, когда перевод будет опубликован, народы мира узнают, что замечательнейший человек, прозванный «Феноменом», который в середине пятого века, выйдя из ничтожества, в течение нескольких лет покорил мир и привел все земные царства под свой державный скипетр, ныне находящийся в руках его сына, в своих гигантских трудах опирался не только на свой колоссальный военный, государственный и административный гений, но и на некую внешнюю силу, хотя его таланты, бесспорно, не имели ни равных себе, ни подобных. Сила эта получила в легендах, романтической литературе и поэзии название Утраченной Силы. Правда, молодой, никому не известный сапожник опустошил Двойной Континент огнем и мечом без помощи этой силы и покорил расположенные там царства, опираясь лишь на собственные дарования и на миллиард солдат, находившихся под командованием миллиона генералов, которых он обучил сам и которые подчинялись только его воле, не ограниченной назойливым вмешательством министерств или законодательных собраний,— покорил, оставив на бранных полях горы убитых и раненых. Однако остальной мир он завоевал, не проливая крови, если не считать одного случая.

Теперь благодаря этим глиняным табличкам тайна открылась. «Феномену» стало известно, что некий Нэйпир, человек незнатный, но весьма ученый, написал в своем завещании, будто им найдено средство, с помощью которого можно в одно

мгновение уничтожить целую армию, но он не откроет своего секрета, ибо война и без того уже достаточно ужасна и он не хочет способствовать тому, чтобы она стала еще более губительной.

Сапожник-император сказал: «Этот человек был глуп — его изобретение вообще уничтожит войну» — и приказал, чтобы ему были доставлены бумаги ученого. Он нашел формулу, выучил ее, а затем сжег все документы. Потом он втайне создал эту Силу и вышел в одиночку сражаться со всеми монархами Восточного полушария, держа ее в кармане. Только одна армия успела выступить против него. Она развернулась в боевом порядке на огромной равнине, и он с расстояния в двенадцать миль взорвал ее так, что от нее остались только несколько пуговиц и обожженных лохмотьев.

Он объявил себя владыкой мира, и власть его была признана единогласно. Как вам известно, его тридцатилетнее царствование было эпохой полного мира, но затем он в результате какой-то несчастной случайности взорвал себя вместе со своим аппаратом и одной из своих столиц, и его грозная тайна погибла вместе с ним. Затем вновь начались ужасные войны, которые продолжаются по сей день в наказание человечеству за его грехи. Но всемирная империя, которую он основал, была порождением мудрости и силы, и сегодня его сын сидит на ее троне так же прочно, как в те дни, когда он только взошел на него много веков тому назад».

Это было очень интересно. Затем он начал объяснять свой «Закон периодических повторений» — а может быть, свой «Закон постоянства среднего интеллектуального уровня»,— но тут нас прервали. Ему была обещана аудиенция у Ее Величия, и придворный чиновник явился сообщить, что эта высокая честь будет оказана ему сейчас.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ БЕСЕДЫ РЕДЖИНАЛЬДА СЕЛЬКИРКА, БЕЗУМНОГО ФИЛОСОФА, С ЕЕ ВЕЛИЧИЕМ, ИСПОЛНЯЮЩЕЙ ОБЯЗАННОСТИ ГЛАВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Наша замечательная цивилизация? Я не спорю против этого эпитета — он правильно ее определяет, но мне решительно не нравится то глубокое и самодовольное восхищение, которое он подразумевает. Все рассказы — и особенно ваш, сиятельнейшая,— показывают, что светлая, мирная, невежественная, ничем не запятнанная цивилизация Эдема стоила тысячи миллионов таких цивилизаций, как наша. Что такое цивилизация, если

взять это слово в точном его значении? В нравственном отношении — это подавление дурных страстей, повышение морального уровня; в духовном — это сокрушение идолов, воцарение Бога; в материальном — хлеб и справедливость для возможно большего числа людей. Такова обычная формула, обычное определение, которое принимается всеми с полным удовлетворением.

Наша цивилизация замечательна некоторыми внешними и мишурными чертами; она замечательна научными и техническими чудесами, замечательна материальной пресыщенностью, которую она называет развитием, прогрессом и другими красивыми словами; замечательна раскрытием сокровенных тайн природы и победами над ее упрямыми законами; замечательна своими неслыханными финансовыми и коммерческими достижениями; замечательна своей жаждой денег и равнодушием к тому, как эти деньги приобретаются; замечательна невероятными размерами частных состояний и щедростью, с которой они жертвуются на учреждения, способствующие развитию общественной культуры; замечательна своей вопиющей нищетой; замечательна неожиданностями, которые преподносит ей эта великая новорожденная — «Организация», являющаяся самым последним и самым могучим созданием торгашеского интеллекта, творящая чудеса на транспорте, на заводах и фабриках, в области связи, собирания новостей, издания книг, журнализма, а также во всем, что касается защиты рабочих, угнетения рабочих, превращения рядовых членов всех национальных партий в покорных овец, закрытия государственной службы для сильных характеров и интеллектов или избрания продажных законодательных собраний, болтливых конгрессов и муниципалитетов, которые грабят свой город и за взятки покровительствуют ворам, проституткам, содержателям игорных притонов и сводникам. Это цивилизация, которая уничтожила простоту и безмятежность жизни, заменила ее спокойствие, ее поэзию, ее светлые романтические мечты и видения денежной лихорадкой, низменными целями, пошлыми желаниями и сном, который не освежает; она придумала множество видов бесполезной роскоши и сделала их необходимостью; она создала тысячи порочных стремлений и не удовлетворяет ни одного из них; она свергла бога и возвела на его престол серебреник.

Религия из сердца переместилась в рот. Так говорит Ной. Было время, когда две секты, разделенные лишь одним волоском доктрины, сражались за этот волосок, убивали, пытали, мучили за него, умирали за него. Такая религия обитала в

сердце. Она была необходима, она жила, она была сутью человека. Кто сражается сейчас за свою религию иначе, чем языком? Ваша цивилизация навлекла на себя потоп. Так сказал Ной, и он готовится».

ОТРЫВОК ИЗ ЛЕКЦИИ

Восемнадцатого числа состоялось ежемесячное заседание Имперского института. Места Сорока Бессмертных за двумя исключениями все были заняты. В этот вечер читал лекцию знаменитый профессор исторических прогнозов. Часть ее он посвятил двум законам Реджинальда Селькирка, чаще называемого «Безумным Философом», а именно — «Закону среднего интеллектуального уровня» и «Закону периодического повторения». После подробного обзора смежных проблем он сказал:

«Я считаю, что законы эти доказаны. Согласно «Закону периодического повторения» ничто не может произойти единократно, все происходит снова, и снова, и снова — монотонно и однообразно. Природа не оригинальна: я хочу сказать — она почти не умеет изобретать новые предметы, новые идеи, новые театральные эффекты. Она обладает великолепнейшим, изумительнейшим и бесконечно разнообразным набором старых приемов, но никогда их не обновляет. Она повторяется, повторяется, повторяется, повторяется. Обратитесь к своей собственной памяти, к своему собственному опыту, и вы убедитесь, что это так. Создав человека, который ее удовлетворил, она остается верной ему, не отступает от него ни при каких обстоятельствах, повторяет его в десятках миллиардов копий. Физически и умственно средний человек всегда одинаков; нет ни малейшей разницы между первым выводком, средним выводком и последним выводком. Если вы спросите: «Но неужели вы и вправду считаете, что все люди одинаковы?», я отвечу — я сказал, что *средний* человек всегда одинаков.

«Но признайте, что некоторые индивиды намного превосходят средний уровень — по крайней мере, в интеллектуальном отношении».

Да, отвечу я, но природа повторяет и *таких* людей. Она повторяет все. Говоря метафорически, она установила общий интеллектуальный уровень человечества, скажем, в шесть футов. Возьмите миллиард человек, поставьте их вплотную друг к другу, и их макушки образуют плоскость, такую же ровную, как крышка стола. Эта плоскость воплощает интеллектуальную

высоту массы, и она неизменна. Там и сям на расстоянии нескольких миль друг от друга над ней примерно на один интеллектуальный дюйм, так сказать, возвышаются отдельные головы — это люди, отличившиеся в науке, юриспруденции, военном искусстве, коммерции и так далее. На площади в пять тысяч квадратных миль вы обнаружите три головы, которые торчат еще на дюйм выше,— это люди, обладающие национальной славой,— и *одну,* которая выше этих голов дюйма на два-три,— голову человека, который (временно) обрел мировую славу. И наконец, где-то в пределах окружности земного шара вы за пятьсот лет ожидания обнаружите одну-единственную величественную голову, которая возвышается над всеми остальными,— это голова писателя, мудреца, художника, мученика, завоевателя,— короче говоря, человека, чья слава достигает звезд и не померкнет до конца времен; голова какого-нибудь колосса, неизмеримо превосходящего все человеческое стадо, какого-нибудь несравнимого и несравненного феномена вроде того, кто колдовством заключенных в нем сил превратил свой сапожный молоток в скипетр всемирной державы. Эта картина показывает вам обычного человека любой национальности; отдельных людей, наделенных более мощным интеллектом и приобретающих поэтому известность; еще более редких людей с еще большим талантом и более длительной славой; а эта последняя голова, одиноко возвышающаяся над просторами веков, воплощает предел того, на что способна Природа.

Изменит ли она эту программу? Нет, до скончания века не изменит. Будет ли она вечно повторять ее? Да. Вечно и неизменно, снова и снова она будет повторять эти градации, всегда в одной и той же пропорции и всегда с регулярностью машины. На каждый миллион людей ровно столько-то однодюймовых знаменитостей, на каждый миллиард — столько-то двухдюймовых знаменитостей и так далее. И всегда один раз в эру — эта возвращающаяся одинокая звезда, не чаще, чем раз в эру, и никогда по две в одну эру.

Если Природе нравится какая-нибудь идея, она следует ей неутомимо. Она создает равнины, она создает холмы, она создает горы и через большие промежутки ставит высокие пики, затем более величественные и редкие — по одному на континент, и наконец, самый величественный — в шесть миль высоты. К той же градации она прибегает и в лошадях: она создает их великое множество, и все они бегают с одинаковой и не такой уж большой быстротой, только некоторые — чуть быстрее; очень редко создает она двух-трех, которые бегают

значительно быстрее, и раз за полстолетия — знаменитость, которая пробегает милю за две минуты. И до конца времен Природа будет повторять эту лошадь каждые пятьдесят лет.

По «Закону периодического повторения» все, что произошло один раз, обязательно произойдет еще раз, и еще раз, и еще раз, и не беспорядочно, а через регулярные промежутки времени, причем каждое явление будет повторяться в своем собственном периоде, а не в чужом, подчиняясь своему собственному закону. Затмение солнца, прохождение Венеры перед солнечным диском, появление и исчезновение комет, ежегодный звездный дождь — все эти явления подсказывают нам, что Природа, которая любит периодические повторения на небесах, это та же Природа, которая управляет делами Земли. Так оценим же этот намек по достоинству.

Есть ли какая-нибудь возможность опровергнуть закон самоубийств? Нет, он установлен. Если такое-то число самоубийств произошло в таком-то городе в прошлом году, примерно такое же число их произойдет и в этом году. И это число будет возрастать пропорционально росту населения год за годом. Если вам укажут численность населения через сто лет, вы сможете точно вычислить, какое количество самоубийств случится в этом далеком году.

Погибнет ли эта замечательная цивилизация? Да, все гибнет. Возникнет ли она опять и будет ли существовать вновь? Да, ибо все, что бы ни случилось, должно случиться снова. И снова, и снова — и так вечно. Потребовалось более восьми веков для подготовки этой цивилизации. Затем она внезапно начала расти и, менее чем за сто лет, превратилась в несравненное чудо. Со временем она погибнет и будет забыта. Пройдут века, и она возникнет вновь, точно такая же, как была: все изобретения, все открытия повторятся в мельчайших подробностях. И снова она погибнет и возникнет через века, и вновь ослепит мир, как ослепляет его сейчас,— вновь совершенная в каждой детали. Таков «Закон периодического повторения».

Возможно даже, что повторятся и *названия* предметов. Разве в былые времена не существовала и не была забыта Наука Исцеления? И разве совсем недавно она не возникла вновь и не принесла с собой свое забытое название? Погибнет ли она снова? Еще не раз, я полагаю, с течением веков. И будет возникать вновь и вновь. А забытая книга «Наука и Здоровье с ключом к Священному Писанию» — разве не получили мы ее снова, просмотренную, исправленную, так что буйство

ее стиля и грамматических конструкций оказалось укрощенной рукой образованного прозелита? И разве не будет она забываться и раз, и два, и двадцать, и вновь возникать через огромные промежутки времени, и вновь ставить в тупик людские умы? В этом можно не сомневаться. Так должно случиться по «Закону периодических повторений»».

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА ЧЕЛОВЕКА С ПОЛОЖЕНИЕМ

Был принят славнейшей, могущественнейшей, всемилостивейшей, благороднейшей Ее Величием Исполняющей Обязанности Главы Человечества, которую я назвал этими ее официальными титулами и коленопреклоненно, смиренно ее поблагодарил; затем, получив разрешение, выраженное мановением руки, поднялся и встал перед престолом. Происходило это в Зале Государей, в том дворце, в котором она и вся Первая Семья живут уж не знаю сколько столетий и который они предпочитают всем остальным. Он по-прежнему остается самым великолепным — и на мой взгляд, самым красивым — дворцом во всей империи. Его золоченые здания занимают целые мили и сияют, точно упавшее на землю солнце. Его парки, сады и леса теряются в голубой дали, и кажется, будто этот рай беспределен. Сто тысяч человек, не считая бригад и дивизий дворцовой гвардии, служат Прародителям и семьям их первых эдеморожденных потомков. И все же дворец этот не кажется таким уж огромным в колоссальной столице, чье население почти невозможно выразить в цифрах и где многие улицы тянутся на двести с лишним миль.

Зал Государей — это великолепная обширная ротонда, которой искуснейшие старые мастера придали сказочную красоту с помощью мраморных статуй, драгоценных камней, золотых украшений и закатного великолепия красок. Здесь монархи всего земного шара в сопровождении знатнейших своих вельмож собираются каждые пятьдесят лет, чтобы поклониться Прародителям человечества. Для этого, разумеется, необходим простор — и простора здесь хватает. Какое, вероятно, дивное зрелище представляет собой это множество черных, белых, желтых и коричневых царей в богатейших чужеземных нарядах! И какое тут раздолье для толмачей! Но сейчас Зал почти пуст — телохранители, камергеры, пажи и все прочие, с надлежащим количеством секретарей, готовых ничего не делать и усердно этим занимающихся.

Наряд Ее Величия напоминал арктические небеса, когда

северное сияние затопляет их трепещущими волнами лилового, малинового и золотого пламени,— и сквозь этот мерцающий, изменчивый сон переливающихся красок пробегали, соединялись и расходились вспышки бесчисленных драгоценностей, то разгораясь, то затухая, как искры в испепеленной бумаге. Позже я с восторгом описал это великолепное зрелище Нанга-Парбату, озлобленному и распущенному эдеморожденному отпрыску Первой Крови, чье дурное сердце совсем переполнилось ненавистью, завистью и злобой, когда давным-давно ему было запрещено являться на глаза Праотцам. Он едко улыбнулся и сказал презрительно:

— Ах, это чванство! А я еще помню дни, когда на всю семью не нашлось бы и одной рубашки.

Я сдержал свое возмущение, так как человеку моего положения не дозволяется возражать эдеморожденным, даже когда он этого хочет, хотя подобное желание в истинно лояльной груди может возникнуть лишь в минуту гнева и тут же бесследно исчезает; но я смиренно просил его избавить меня от подобных слов о Властях Предержащих, ибо мне не подобает их слушать.

— Ну, разумеется,— фыркнул он,— ты же патриот, как и все тебе подобные. А что такое патриот, скажи на милость? Да тот, кто пресмыкается перед Первой Семьей и прославляет императора и правительство, правы они или не правы — и особенно когда они не правы; это называется «стоять за свою страну». Патриотизм... Подделка, пакость, посеребренная детская погремушка, с помощью которой сброд грабителей, конституционных пустозвонов, слабоумных и лицемеров, именуемый имперским правительством, обманывает и прибирает к рукам доверчивых детей — народ. О, патриотизм — это чудная вещь. Адам имел обыкновение называть его «последним приютом негодяя». А знаешь, пустоголовые невежды даже меня называли патриотом. Увы, в этом мире невозможно избежать оскорблений. Пойдем выпьем?

Я чувствовал себя ужасно неловко: прохожие изумленно оглядывались, видя, как Отпрыск Первой Крови в священном одеянии своего сословия (правда, весьма поношенном) фамильярно, будто равного, держит за лацкан человека моего положения. Да и слова его, несомненно, мог расслышать кто угодно, потому что он *упорно* говорил чрезвычайно звучным голосом (будучи, так сказать, слегка под мухой), как я ни старался его успокоить. Чтобы избежать любопытных взглядов, я последовал за ним в «Герб Эдема», где наконец вздохнул

свободно, так как все посетители почтительно встали и удалились с непокрытыми головами.

— Рабы! — рявкнул он.— Погляди на них: они унижаются перед одеждой, перед случайностью рождения — опять посеребренная детская погремушка! О, господи, вот что такое это человечество.— Он скрипуче засмеялся.— Человечество, которое столь высокого мнения о себе!

Он оглядел свое священное одеяние, оторвал висевший на ниточке кусок золотого кружева, задумчиво помял его в руке и бросил собаке, которая с надеждой его обнюхала, а потом, не тронув, разочарованно побрела прочь.

— Вот, во всяком случае, разумное создание, достойное уважения. Я склоняюсь перед ним.— Он запустил пальцы в свою белоснежную гриву и сказал со вздохом.— Что же, когда-то и мы были так же мудры и так же разумны. Я видел те дни.

Вскоре он снова разразился горячей тирадой. На этот раз — по поводу непотизма. Имен он, правда, все-таки не упоминал, но было совершенно ясно, что метит он в Исполняющую Обязанности Главы Человечества, свою бабушку. У меня просто мурашки по коже побежали.

— В этом дворце нет ни одного поста,— говорил он,— которого можно было бы добиться заслугами, нет ни одной богатой синекуры, которая не была бы отдана какому-нибудь слабоумному старикашке только потому, что по случайности рождения он принадлежит к одной из Первых Трех Степеней Родства. Все, что чего-нибудь стоит, отдается Трем Сословиям. И как они цепляются за свои теплые местечки, эти дряхлые развалины! Адам, бывало, вздыхал и говорил: «Они редко умирают и никогда не подают в отставку». Непотизм? Да это просто осиное гнездо непотизма. Она — ах, боже мой! — она не выносит ни прикосновения, ни запаха плебейской плоти. Даже судомойки должны принадлежать к Первой Семье. Третья Степень Родства, удостоверение геральдического департамента, брачные свидетельства всех предков по прямой линии — так сказать, «ирландцев просят не беспокоиться». И какая ирония — у нее-то у самой брачного свидетельства нет!

Я осмелился возразить ему и сказал с упреком:

— Она так и родилась замужней.

— Чушь,— фыркнул он и щелкнул пальцами,— детские сказочки!

Тут он опять принялся обличать непотизм и договорился бог знает до чего. Я мог бы напомнить ему (если бы человеку

моего положения приличествовало говорить подобные вещи), что будь даже эта система плоха, сам он извлек из нее пользы больше, чем кто-либо другой. Ведь без всяких на то прав, кроме происхождения, он два столетия служил во дворце и перепробовал в нисходящем порядке все должности, составляющие священную привилегию Третьей Степени Родства, позоря каждую из них по очереди, пока не докатился до ранга чистильщика сапог. И только когда было обнаружено, что он ухитрился обесчестить и этот пост, от него наконец в отчаянии отреклись и запретили ему появляться во дворце.

Он бранил по очереди все, что мы уважаем и почитаем, а я был вынужден слушать, потому что он очень капризен и мог бы смертельно оскорбиться, если бы я вдруг попросил разрешения уйти. Но в конце концов без всякого предупреждения или предисловия он неожиданно заявил, что ему надоела моя бесконечная болтовня, и указал рукой на дверь. Это было несправедливо, потому что говорил один только он, а я не сказал и трех слов, но я тут же, почтительно пятясь, удалился без всяких возражений, так как рад был расстаться с ним на любых условиях. Через минуту он тоже вышел из трактира и пошел по улице, ни на кого не глядя, а все прохожие расступались перед ним, почтительно кланяясь. Самый неприятный шалопай из всех мне известных — в этом я уверен.

По характеру, по речи, по виду он — полная противоположность своей благородной бабушке. В давние времена, говорят, и она восставала и не желала покориться, но заботы и бремя веков очистили ее сердце для милосердия и кротости, всегда в нем живших, и их благодать освещает ее лицо, и оно прекрасно. Какой честью было увидеть ее еще раз! Я не видел ее с первого дня нового столетия, когда она в блеске иллюминации торжественно показалась народу и по старинному обычаю благословила наступающий век — церемония эта всегда производила глубокое впечатление, но на этот раз она была особенно трогательной, потому что впервые Ее Величие совершала обряд одна.

Все глаза увлажнились при виде пустого места рядом с ней, места, которое, вероятно, больше никогда не будет занято. Восемьдесят лет тому назад по причине все ухудшающегося здоровья Его Верховная Светлость Глава Человечества передал все свои обязанности — но не власть — своей Супруге и с тех пор не принимал прямого участия в управлении делами Первой Семьи, если не считать того, что пятьдесят пять лет назад он ввиду некоторых важнейших обстоятельств удостоил аудиенции императора мира и позволил убедить себя сделать то же

самое тридцать один год спустя. Вот уже три четверти века он живет в полном уединении под строжайшим наблюдением личных врачей, и они с помощью все новых и новых достижений медицины в течение последних пятидесяти лет год за годом поддерживают теплящуюся в нем искру жизни. Это поистине замечательно. Врачи вполне заслуживают того, чтобы их успех был назван чудом. Он обеспечил им мировую славу, а также недурное богатство.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА[1]

...Его истинное состояние не сообщалось широкой публике — во всяком случае, о нем ничего нельзя было узнать из врачебных бюллетеней. Люди, умудренные опытом, умеют учитывать эти бюллетени, поскольку совершенно ясно, что врачу, помышляющему о своем кармане, выгодно время от времени преувеличивать опасность, грозящую знатному пациенту, раз в шестнадцать — двадцать, а затем снискивать восхищение и благодарность всего мира (а также обзаводиться новыми пациентами), доводя его вновь до того состояния, когда он сам кушает ложечкой свою кашку, улыбается бессмысленной улыбкой и что-то бормочет о «моих возлюбленных народах», дабы эти слова затем разносились телеграфом по всей земле, обливались умиленными слезами в газетах и использовались церковью для смягчения сердец и выкачивания новых доброхотных даяний. За все эти десятилетия он ничем не болел, кроме «врачебной болезни»,— об этом мне рассказала помощница одной из дипломированных сиделок. Те из нас, кто еще не совсем ослы, знают, что это за болезнь и кто ее вызывает, как она протекает и какие деньги приносит, а также — какую репутацию. «Врачебная болезнь» существует только для избранных, только для знатных и поражает лишь богатых и знаменитых, а по своей длительности она даст бессмертию десять очков вперед.

Я располагаю точными сведениями, почерпнутыми частным образом у помощницы сиделки, что доктора с самого начала устроили из болезни этого пациента биржевую игру и продавали бюллетени маклерам за неделю вперед — иногда тем, кто играл на опасность, а иногда тем, кто играл на выздоровление. Однажды, когда бумаги стояли на 39, они затеяли тайные переговоры с обеими сторонами сразу, предлагая взвинтить акции до 42 или понизить их до 35 — в зависимости от того, кто больше предложит. Это факт. Мне рассказала об этом помощница си-

[1] Предположительно из дневника Нанга-Парбата *(прим. ред.)*.

делки. Больше дали быки — это она мне тоже сказала. И в бесчисленных других случаях они заранее продавали повышение или понижение, хотя точных цифр она не знала. Отсюда видно, чего стоит бюллетень, когда у больного «врачебная болезнь». Что за (слово неразборчиво) мир!

ДВА ФРАГМЕНТА ИЗ ЗАПРЕЩЕННОЙ КНИГИ, ОЗАГЛАВЛЕННОЙ «ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ», ИЛИ «ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ»

...В РЕЧИ, которую он произнес более пятисот лет назад и которая полностью дошла до нас, он сказал:

«Мы, свободные граждане Великой республики, по праву гордимся ее величием, ее мощью, ее справедливым и кротким правительством, ее великими свободами, ее славным именем, ее незапятнанной историей, ее незагрязненным флагом и тем, что ее руки не угнетали слабых, не были обагрены кровью захватнических войн, что ее гостеприимная дверь распахнута перед изгнанниками всех наций; мы гордимся почтительным уважением, которое питают к ней монархии, окружающие ее со всех сторон, но более всего мы гордимся высоким патриотизмом, который мы унаследовали от наших отцов, который сохранили чистым, с помощью которого завоевали наши свободы и сохраняем их по сей день. Пока жив этот патриотизм, Республике ничто не угрожает, величие ее незыблемо и никаким земным силам ее не одолеть».

Поразмыслите над этими словами. Вопреки всем нашим традициям мы затеваем теперь несправедливую и подлую войну, войну против беспомощного народа, войну, чья цель — гнусный грабеж. Вначале наши сограждане, сохраняя верность тем принципам, в которых они были воспитаны, выступали против нее. Но теперь они отступились от них и требуют совсем иного. Чем же вызвана эта перемена? Всего лишь ловким ходом политика — звонкой фразой, зажигательной фразой, от которой закружились их не способные к критическим размышлениям головы: *«Наша страна и в правом и в неправом!»* Пустая фраза, глупая фраза. Но ее печатала каждая газета, она гремела с церковных кафедр, старший инспектор департамента народного образования приказал повесить этот лозунг в каждой школе, военное министерство начертало ее на государственном флаге. И каждый человек, который выкрикивал ее

недостаточно громко или просто молчал, объявлялся предателем — патриотами считались только те, кто вопил. Чтобы считаться патриотом, надо было непрерывно твердить: «Моя страна и в правом и в неправом» и требовать этой малой войны. Но неужели вы не заметили, что фраза эта оскорбительна для всей нации?

Ибо кто является «страной» при республике? Правительство, в данную минуту стоящее у власти? Но ведь правительство — это только *слуга,* временный слуга, и ему не дано решать, какой путь правый, а какой неправый, кто патриот, а кто нет. Оно обязано подчиняться указаниям, а не давать их. Так что же все-таки «страна»? Газеты? Церковь? Школьные инспектора? Но ведь все они — только незначительная часть страны, а вовсе не она вся; не им принадлежит власть, им принадлежит лишь ничтожная доля этой власти. Их приходится по одному на тысячу, и власть принадлежит именно этим тысячам; именно *эти тысячи* должны решать, какой путь правый, а какой — неправый; именно они должны решать, кто патриот, а кто — нет.

Кто же эти тысячи? Другими словами, кто же составляет «страну»? При монархии страна — это монарх и его семья, при республике — это голос народа. Каждый из вас должен говорить сам за себя, от своего имени и на свою ответственность. И это — великая и святая ответственность, от нее нельзя легкомысленно отмахнуться, поддавшись запугиванию со стороны церкви, газет, правительства или чарам пустой фразы политикана. Каждый сам должен решить для себя, какой путь правый, а какой — неправый, что патриотично, а что нет. Нельзя уклониться от выполнения этого долга и остаться человеком. А выбрать путь против внутреннего убеждения — значит стать подлейшим и бессовестнейшим предателем и по отношению к самому себе и по отношению к своей стране, как бы ни называли тебя люди. Если ты один, вопреки всей нации, выбрал какой-то путь, считая, что путь этот — правый, значит, ты исполнил свой долг и по отношению к себе и по отношению к своей стране — и держи голову высоко! Тебе нечего стыдиться.

Только когда опасность грозит самому существованию республики, человек должен поддерживать свое правительство, даже если оно неправо. Но только в этом случае.

Существованию нашей республики не грозит никакая опасность. И нация продала свою честь за звонкую фразу. Она перерубила надежный якорный канат и плывет по воле волн, отдав свой штурвал в руки пиратов. Глупая фраза нуждалась в

подкреплении, и она обрела достойную пару: «Даже если эта война несправедлива, мы ее уже начали и должны довести до конца: *прекратить ее — значит покрыть себя бесчестием»*. Право, никакой громила не мог бы сказать лучше. Мы не можем прекратить гнусную грабительскую экспедицию потому, что заключить мир с этим маленьким народом, требующим только одного — сохранения своей независимости,— значит покрыть себя бесчестием. Вы забыли изречение Адама — вспомните его, хорошенько над ним поразмыслите. Он сказал: *«Бесславный мир лучше бесчестной войны»*.

Вы посеяли семена, и они дадут всходы.

...Но спасти Великую республику оказалось невозможным. Она прогнила до самой сердцевины. Жажда захватов давнымдавно сделала свое черное дело; топча беспомощных чужеземцев, республика, естественно, научилась с вялым равнодушием смотреть на попрание прав своих собственных граждан; толпы, рукоплескавшие подавлению чужих свобод, дожили до дня, когда им самим пришлось расплачиваться за эту ошибку. Правительство окончательно попало в руки сверхбогачей и их прихлебателей; избирательное право превратилось в простую машину, и они вертели им как хотели. Торгашеский дух заменил мораль, каждый стал лишь патриотом своего кармана. Плутократы, которые вначале только с великой пышностью принимали аристократов из соседних стран и покупали их для своих дочерей, с течением времени сами возжаждали наследственных титулов. Возникло все усиливающееся тяготение к монархическому строю. Сначала об этом говорили шепотом, потом — в полный голос.

Вот тогда-то на Крайнем Юге и появился муж рока, получивший прозвище «Феномена». Армия за армией, держава за державой рассыпались в прах под могучей поступью сапожника, и он продолжал свой победоносный путь на север — все дальше на север. Дремлющая Республика наконец проснулась, но было уже поздно. Она изгнала менял из храма и отдала бразды правления в чистые руки — но все оказалось бесполезным. Чтобы укрепить свою власть, менялы давно уже подкупили половину граждан с помощью солдатских пенсий, превратив некогда благотворную меру в средство изготовления рабов, в надежнейшее орудие тирании — ведь каждый пенсионер имел право голоса, а пенсию получали каждый мужчина и каждая женщина, которые когда-либо были знакомы с солдатом; пенсии начислялись со дня Грехопадения, и орды людей, в жизни

своей не державших в руках оружия, требовали и получили деньги за триста прошедших лет. Завоевания не только не пополняли государственную казну, но с самого начала стали для нее тягчайшей обузой. Пенсии, завоевания и коррупция привели страну к полному банкротству, несмотря на сумасшедшие налоги; государственные кредиты были исчерпаны, арсеналы пусты, страна не готова к войне. Военные и морские училища, так же как и все офицерские посты в армии и флоте, давно стали заповедником менял, а постоянная армия — творение эпохи завоеваний — превратилась в их вотчину.

Армия и флот отказались подчиниться новому конгрессу и новому правительству и насмешливо заявили: «Попробуйте заставьте!» Возразить на это было нечего. Порядочные люди, ничего не понимавшие в мореплавании, вывели в море те корабли, которые не надзирали за завоеванными странами, и утопили их все в честной попытке исполнить свой долг. Штатское ополчение, руководимое штатскими, воодушевленное истинным патриотизмом былых давно забытых времен, кинулось на фронт, вооруженное вилами и охотничьими ружьями,— и регулярная армия оставила от него мокрое место. Ибо менялы под шумок продались сапожнику. Он наделил менял пышными титулами и без единого выстрела взошел на трон Республики.

Вот каким образом Попоатахуалпакатапетл стал нашим господином, а вскоре власть его перешла к его преемнику, носящему то же имя, который до сих пор правит нами через своего вице-короля.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА СИМА ЗА 920 ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

День субботний. Как обычно, никто его не соблюдает. Никто, кроме нашей семьи. Грешники повсюду собираются толпами и предаются веселью. Мужчины, женщины, девушки, юноши — все пьют вино, дерутся, танцуют, играют в азартные игры, хохочут, кричат, поют. И занимаются всякими другими гнусностями — гнусностями, для которых нет слов. А какой шум стоит! Завывают рога, гремят котлы и кастрюльки, ревут медные трубы, гудят и рокочут барабаны — оглохнуть можно. И все это — в день субботний! Подумать только! Отец говорит, что в старое время все было иначе. Когда он был мальчиком, все соблюдали День Господен, никто не грешил, не веселился, не шумел; повсюду царили мир, тишина, спокойствие; богослужение совершалось несколько раз в течение дня — и еще

вечером. Так было лет шестьсот назад. Сравните те времена с этими. И ведь подобная перемена произошла за столь короткий срок, что даже люди еще нестарые хорошо помнят, как все было прежде!

Сегодня этих тварей явилось сюда еще больше, чем обычно,— поглазеть на ковчег, полазать по нему и поиздеваться над ним. Они задают вопросы, а когда им отвечаешь, что это — корабль, они хохочут и спрашивают, откуда же возьмется вода посреди сухой равнины. Когда мы объясняем, что господь ниспошлет воду с небес, чтобы затопить весь мир, они хохочут и говорят: «Расскажи это своей бабушке».

Сегодня опять приезжал Мафусаил. Если он и не самый старый человек в мире, то, во всяком случае, самый старый из знатнейших, и это своеобразное верховенство вызывает у всех почтительный благоговейный трепет: стоит ему где-нибудь появиться, как шум буйного веселья замирает, воцаряется тишина и люди, обнажив головы, кланяются ему с рабским подобострастием и шепчут друг другу, когда он проходит: «Глядите, глядите — вон он идет... ему чуть не тысяча лет... говорят, был знаком с самим Адамом». Он — очень тщеславный старикашка, и сразу видно, до чего все это ему приятно, хотя он и ковыляет мимо, задрав нос и семеня ногами, словно танцует кэк-уок, а сам притворяется, будто размышляет над какими-то высокими материями и ничего вокруг не замечает.

А я знаю, что он очень завистлив, да и мелочен тоже. Пожалуй, мне не следовало бы так говорить, потому что я с ним в родстве через жену — она приходится ему пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнучкой или чем-то в этом роде, и на людях я, конечно, помалкиваю, но почему бы мне и не признаться в этом наедине с моим дневником — ведь это все равно что самому себе сказать. Он завидует и злится из-за ковчега, я в этом убежден. Завидует и злится потому, что построить ковчег поручили не ему, а отцу. Ковчег кажется всем окрестным народам таким чудом, что отец, прежде пребывавший в безвестности, благодаря ему прославился на весь мир, и Мафусаилу завидно. Сначала люди говорили: «Ной? А кто такой этот Ной?», но теперь они сбегаются издалека, лишь бы заполучить его автограф. Мафусаила это раздражает.

Но *ему-то* не приходится сидеть по ночам над изготовлением автографов, как нам. Всем нам — всем восьмерым, так как один отец и десятой части их написать бы не смог из-за старости и ревматизма. У Мафусаила очень скверный характер.

По-моему, он только тогда бывает доволен, когда испортит всем настроение. Он всегда называет моих братьев, меня и наших жен «детьми». И делает это только потому, что видит, как нам это неприятно. Один раз Иафет робко осмелился напомнить ему, что мы уже взрослые мужчины и женщины. Вы бы и за милю услышали, как он фыркнул! Он даже прищурился от презрения, раздвинул сморщенные губы, показав пожелтевшие остатки зубов, и выдавил из себя отвратительный сухой смешок вперемежку с астматическим кашлем, а потом сказал: «Мужчины и женщины — это вы-то? Так сколько же вам лет, почтенные развалины?»

— Нашим женам под восемьдесят, а из нас всех я самый младший — мне весной исполнилось сто лет.

— Восемьдесят — боже! Сто — боже мой! И *женаты!* Боже, боже, боже! Сосунки! Тряпичные куклы! *Женаты!* В дни моей молодости никто и подумать не мог женить таких детей. Чудовищно!

Иафет хотел было напомнить ему, что многие патриархи женились в ранней юности, но он не стал слушать. Вот он всегда так: если приведешь ему неопровержимый довод, он начинает кричать на тебя, и остается только умолкнуть и переменить тему. Спорить с ним нельзя — это сочтут неслыханной непочтительностью. Во всяком случае, не нам, юнцам, ему возражать. Не нам и никому другому. Кроме врача. Врач его не боится и вообще ни к кому не питает почтения. Он говорит, что всякий человек — это только человек, и то, что ему тысяча лет, ничего не меняет — он так человеком и остается.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАПОВЕДИ И МОЛИТВЫ

НИЗШЕЕ ЖИВОТНОЕ[1]

В АВГУСТЕ 1572 года точно то же происходило в Париже и по всей Франции. Но тогда христиане обрушились на христиан. Католики по предварительному сговору напали врасплох на ничего не подозревавших протестантов и истребляли их тысячами, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Произошло это в достопамятный день Святого Варфоломея. Когда радостное известие долетело до Рима, папа и вся католическая церковь вознесли хвалы богу.

В течение нескольких столетий ежегодно сжигались на кострах сотни еретиков, потому что их религиозные взгляды не нравились католической церкви.

Во все века дикари всех стран повседневно и хладнокровно истребляли своих братьев и ближайших соседей и обращали их жен и детей в рабство.

Лицемерие, зависть, злоба, жестокость, мстительность, распутство, насилие, грабеж, мошенничество, поджигательство, двоеженство, супружеские измены, всевозможное угнетение и унижение бедняков и сирых были — да и остаются — весьма распространенными явлениями как среди цивилизованных, так и среди нецивилизованных народов земли.

В течение многих веков проповедовались «всеобщее братство людей» (по воскресеньям) и «патриотизм» (по воскресеньям и в будние дни). А ведь патриотизм *предполагает нечто противоположное всеобщему братству людей.*

Ни один народ, будь он древним или новым, цивилизованным или диким, не признавал равенства между мужчиной и женщиной.

---

[1] Этому отрывку должны были, видимо, предшествовать газетные вырезки о религиозных преследованиях на Крите во время Критского восстания 1897 г. *(Ред.).*

Я изучал характер и склонности так иазываемых «низших животных» и сравнивал их с характером и склонностями человека. Результаты этого сравнения, иа мой взгляд, крайие унизительны для меня. Ибо они вынуждают меня отказаться от моей веры в дарвиновскую теорию происхождения человека от низших животных, так как мне теперь представляется очевидным, что эту теорию следует заменить новой и гораздо более близкой к истиие, назвав ее «теорией нисхождения человека от высших животных» [1].

К этому неприятиому выводу я пришел ие путем догадок или беспочвенных предположений и сопоставлений, ио прибег к тому, что принято иазывать иаучиым методом. Другими словами, я подверг каждую подвертывавшуюся предпосылку критической экспериментальиой проверке и принимал или отвергал ее в соответствии с результатом. Таким образом я выверял и доказывал каждое свое положение прежде, чем переходить к следующему. Опыты ставились в Лондоиском зоологическом саду и потребовали многомесячной кропотливой и утомительной работы.

Прежде чем перейти к конкретному описанию этих опытов, я хочу сделать иесколько замечаний, которые здесь будут уместнее, нежели в дальнейшем. Это — в интересах ясности. Массовые опыты дают мне основания для следующих общих выводов:

1. Человечество представляет собой единый биологический вид. Существуют иекоторые легкие различия — в цвете кожи, сложении, интеллектуальности и так далее, зависящие от климата, среды и т. п.; ио оио тем не менее представляет собой единый самостоятельный вид, который ие следует смешивать ни с каким другим.

2. Четвероиогие также представляют собой самостоятельное семейство. Это семейство также обладает некоторыми внутренними различиями — в цвете, в размерах, в способе питания и прочем, но все же это — единое самостоятельное семейство.

3. Все остальиые семейства — птицы, рыбы, иасекомые, пресмыкающиеся и пр. — тоже более или менее самостоятельны. Они следуют друг за другом. Они — звеиья в цепи, которая тянется от высших животных виизу к человеку, иаходящемуся иа нижнем ее коице.

Некоторые из моих опытов были чрезвычайио любопытны. Изучая литературиые источники, я иаткнулся иа следующий

[1] Писатель имеет в виду моральную деградацию людей в буржуазном обществе *(Ред.)*.

случай: много лет тому назад какие-то охотники в наших прериях устроили охоту на бизонов для развлечения некоего английского графа — и чтобы снабдить его толикой свежего мяса. Охота доставила всем участникам много удовольствия. Они убили семьдесят двух этих степных великанов, съели часть одного из них, а семьдесят две туши бросили разлагаться. Чтобы определить, какова разница между графом и анакондой — при условии, конечно, что такая разница существует,— я приказал пустить в террариум к анаконде семь молодых телят. Благодарное пресмыкающееся тут же задушило одного из них и проглотило его, а потом предалось блаженному отдыху. Змея не выказывала никакого интереса к остальным телятам и не трогала их. Я повторил этот опыт с другими анакондами, и каждый раз все с тем же результатом. Можно считать доказанным следующий факт: разница между графом и анакондой заключается в том, что граф жесток, а анаконда — нет и что граф уничтожает живые существа, не имея в том никакой нужды, чего анаконда никогда не делает. Отсюда, очевидно, можно сделать вывод, что анаконда от графа не происходила. А также — что граф произошел от анаконды, утратив при этом много хороших качеств.

Мне известно, что многие люди, нажившие гораздо больше миллионов, чем они в состоянии были бы когда-нибудь потратить, бешено жаждали наживать новые и готовы были для временного утоления этой жажды отнимать у простодушных и сирых их последние жалкие гроши. Я дал возможность сотням различных диких и домашних животных накапливать большие запасы пищи, но ни одно из них не пожелало этим заняться. Белки, пчелы и некоторые птицы, правда, делали кое-какие запасы — но ровно столько, чтобы хватило до конца зимы, а сверх этого ничего не желали добавлять ни честным путем, ни обманом. Чтобы хоть как-то поддержать гибнущую репутацию, муравей пытался притвориться, будто он делает большие запасы, но я не дал себя провести. Я знаю муравья. Эти опыты убедили меня в том, что между человеком и высшими животными существует следующая разница: он жаден и скуп, а они — нет.

В процессе этих экспериментов я убедился, что человек — единственное животное, которое помнит нанесенные ему обиды и оскорбления, таит в душе злобу и, выждав удобный случай, мстит. Высшим животным мстительность неизвестна.

Петухи обзаводятся гаремами, но лишь с согласия своих наложниц, и, следовательно, в этом нет ничего дурного. Мужчины обзаводятся гаремами, но с помощью грубой силы, поддерживае-

мой возмутительными законами, к составлению которых другой пол не допускается. В этом отношении человек стоит гораздо ниже петуха.

Кошки безнравственны, но они этого не сознают. Человек, нисходя от кошки, сохранил ее распущенность, но к тому же и осознал эту распущенность — то есть лишился того, что оправдывает кошку. Кошка невинна, а человек — нет.

Скабрезность, грубость, непристойность свойственны исключительно человеку; это он их придумал. Среди высших животных нет и следа таких свойств. Эти животные ничего не скрывают они ничего не стыдятся. Человек, существо с грязным умом, одевает свое тело. Он не рискнет войти в гостиную, обнажив хотя бы грудь или спину, настолько он и ему подобные чувствительны ко всякому намеку на непристойность. Человек — это «животное, которое смеется». Но, как указал мистер Дарвин, обезьяны тоже смеются; смеется и австралийский дрозд-пересмешник. Нет, человек — это «животное, которое краснеет». Другие животные не краснеют, да у них и нет на то причин.

В начале этой статьи мы читаем, что несколько дней тому назад «три монаха были сожжены живьем», а настоятель «умерщвлен самым зверским образом». Интересуемся ли мы подробностями? Нет. А то мы узнали бы, что настоятель был изуродован способом, о котором писать не принято. Когда человек — североамериканский индеец, он выдавливает глаза своему пленнику, а когда он — король Иоанн, желающий обезвредить племянника, он пускает в ход раскаленное железо; когда он — фанатик, расправляющийся с еретиками в средние века, он сдирает кожу со своей жертвы и посыпает ей спину солью; в дни Ричарда I он запирает множество еврейских семей в башне и поджигает ее; в эпоху Колумба он хватает семью испанских евреев и... но это не для печати; в современной Англии человека штрафуют на десять шиллингов за то, что он чуть не до смерти избил свою мать стулом, а другого штрафуют на сорок шиллингов за то, что у него нашли четыре фазаньих яйца и он не смог удовлетворительно объяснить, откуда они у него. Из всех животных только человек жесток. Только он причиняет боль потому, что это доставляет ему удовольствие. О высших животных нельзя сказать ничего подобного. Кошка играет с перепуганной мышью, но у нее есть оправдание — она не знает, что причиняет страдания мыши. И кошка умеренна — нечеловечески умеренна: она только пугает мышь, но не делает ей больно; она не выцарапывает ей глаза, не сдирает с нее шкур-

ку, не загоняет ей гвозди под коготки — на человечий манер; когда ей надоедает играть с мышью, она ею завтракает, сразу кладя конец ее мучениям. Человек — жестокое животное. И это отличие принадлежит ему одному.

Высшие животные порой затевают между собой драки, но они никогда не сражаются организованными массами. Человек — единственное животное, которое способно на возмутительнейшее и отвратительнейшее деяние, именуемое войной. Только он способен собрать вокруг себя своих братьев и хладнокровно и невозмутимо истреблять себе подобных. Он — единственное животное, за плату (как гессенцы во время нашей Войны за независимость или юный принц Наполеон в Зулусской войне) отправляющееся помогать в истреблении себе подобных индивидов, которые не причинили ему ни малейшего вреда и с которыми он не ссорился.

Человек — единственное животное, которое лишает своего слабого собрата родины, изгоняет его оттуда или убивает. Человек поступал так всегда. На всем земном шаре не найти и акра земли, который находился бы во власти своего законного собственника: нет, все они цикл за циклом переходили от собственника к собственнику с помощью силы и кровопролития.

Человек — единственный раб. И единственное животное, обращающее в рабство себе подобных. Он всегда был рабом в той или иной форме и всегда в той или иной форме властвовал над другими рабами. В наши дни он находится в рабстве у других людей за деньги и трудится на этих людей; а у этого раба есть свои рабы, которые трудятся на него за меньшую плату. Только высшие животные сами выполняют свою работу и сами себя кормят.

Человек — единственный патриот. Он отгораживается от всех остальных людей в своей собственной стране, под своим собственным флагом, и презирает другие нации, и держит под рукой бесчисленных одетых в мундиры убийц, которые обходятся ему очень дорого,— лишь для того, чтобы отхватывать куски чужой страны и мешать ее жителям посягнуть на его страну. А в промежутках между кампаниями он смывает кровь с рук и трудится во имя «всеобщего братства людей» — трудится языком.

Человек — религиозное животное. Единственное религиозное животное. Единственное животное, исповедующее истинную веру — несколько истинных вер. Он — единственное животное, которое любит ближнего своего, как самого себя, и перерезает ему глотку, если расходится с ним в богословских вопросах. Он

превратил земной шар в кладбище, в поте лица стараясь облегчить путь брата своего к счастью и небесному блаженству. Он занимался этим во времена цезарей, он занимался этим во времена Магомета, он занимался этим во времена инквизиции, он занимался этим века два назад во Франции, он занимался этим в Англии в царствование королевы Марии,— он занимался этим с тех пор, как впервые узрел свет дня, он занимается этим сейчас на Крите (что подтверждается вышеприведенной телеграммой), а завтра будет заниматься этим где-нибудь еще. У высших животных нет религии. И нас учат, что они лишены загробной жизни. Но почему? Это отдает дурным вкусом.

Человек — разумное животное. Так утверждается. На мой взгляд, без всяких оснований. Более того, мои опыты доказали, что он — животное неразумное. Вспомните его историю, кратко изложенную выше. По-моему, совершенно ясно, что уж разумным животным его никак назвать нельзя. Его история — это безумная история маньяка. И главным доводом, опровергающим его претензии на разум, я считаю тот факт, что с такой-то историей за плечами он, ничтоже сумняшеся, объявляет себя самым высшим животным, хотя по его же собственным нормам он — самое низшее.

Наоборот, человек неизлечимо глуп. Он не способен усвоить простейшие вещи, которые с легкостью выучивают другие животные. Я поставил, например, такой опыт: за один час я научил дружить собаку и кошку. Потом я поместил их в одну клетку. Через час я научил их дружить с кроликом. Через два дня мне удалось поместить в ту же клетку лису, белку, гуся и нескольких голубей. И наконец, обезьяну. Они жили мирно и даже полюбили друг друга.

Затем я поместил в соседнюю клетку ирландца-католика из Типперери, и едва он стал более или менее ручным, я подсадил к нему шотландца-пресвитерианца из Абердина. Затем турка из Константинополя, православного грека с Крита, армянина, методиста из дебрей Арканзаса, буддиста из Китая и брамина из Индии. И наконец, полковника Армии Спасения из Уоппинга. После чего я два дня не подходил к клеткам. Когда я явился узнать результаты, в клетке с высшими животными царили мир и согласие, но в другой в беспорядке валялись окровавленные обрывки тюрбанов, фесок и пледов, а также кости и куски мяса — в живых не осталось ни одного из посаженных туда экземпляров. Эти «разумные животные» не согласились по какому-то богословскому вопросу и отправились разрешать его в Высшее Судилище.

Приходится признать, что в истинном благородстве человек безнадежно уступает даже самому подлому из высших животных. Нет никаких сомнений, что он органически не способен сравняться с ними, что он обладает органическим дефектом, который никогда не позволит ему сделать это, ибо дефект этот неотъемлем от него, неисправим и вечен.

Этот дефект — *Нравственное Чувство*. Человек — единственное наделенное им животное. В этом — объяснение его деградации. Именно Нравственное Чувство *дает ему возможность творить зло*. Другого назначения у этого чувства нет. Оно не несет никакой другой функции. И ни для чего иного и не предназначалось. Без него человек не был бы способен поступать дурно. Он сразу поднялся бы до уровня высших животных.

Поскольку Нравственное Чувство имеет только одну цель, одно назначение — дать человеку возможность творить зло,— оно, несомненно, ему не нужно. Так же не нужно, как любая болезнь. Да, собственно говоря, это и есть болезнь. Бешенство — штука довольно скверная, но и оно лучше такого недуга. Бешенство дает человеку возможность проделать то, на что он не способен, пока здоров,— а именно, убить ближнего своего с помощью ядовитого укуса. Бешенство не облагораживает того, кто им заболевает. Нравственное Чувство дает возможность человеку творить зло. И творить его тысячами различных способов. По сравнению с Нравственным Чувством бешенство — безобидная хворь. Следовательно, наличие Нравственного Чувства никого не может облагородить. Так в чем же заключалось проклятие, наложенное на прародителей человечества? А в том, в чем оно и заключалось: человеку навязали Нравственное Чувство, способность различать добро и зло, а вместе с тем по необходимости — и способность творить зло, ибо злодеяние становится злодеянием только в том случае, если совершающий его сознает, что он делает.

Таким образом, я установил, что мы низошли и деградировали от какого-то далекого предка — от какого-нибудь микроскопического создания, которое, быть может, бродило в свое удовольствие по необъятным просторам водяной капли,— и далее от насекомого к насекомому, от животного к животному, от пресмыкающегося к пресмыкающемуся, все ниже и ниже по длинному пути незапятнанной невинности, пока, наконец, не достигли низшей ступени развития и не получили наименования человека. Ниже нас нет ничего. Ничего, кроме француза.

Ниже Нравственного Чувства может быть только Безнравственное Чувство. Французы наделены им. Человек стоит чуть

ниже ангелов. Это — точное определение его местоположения: он находится между ангелами и французами.

С какой стороны ни взгляни, человек представляется довольно-таки жалким созданием, своего рода Британским музеем всяких слабостей и недостатков. Его вечно ремонтируют и подштопывают. Машина, такая же несовершенная, как он, не нашла бы никакого сбыта. Поверх главной его специальности — Нравственного Чувства — громоздятся массы недугов поменьше: такое количество, что, говоря в общем, их можно просто назвать бесчисленными. У высших животных зубы появляются, не причиняя им ни боли, ни неудобств. Человек же обзаводится зубами ценой многомесячной пытки — и к тому же в нежном возрасте, когда он еще не умеет переносить боль. Едва они вырастают, как тут же выпадают, потому что с самого начала были дрянными и не стоили даже одной бессонной ночи. Второй набор некоторое время еще держится, при условии, что его время от времени подправляют с помощью каучука и золота, но надежными бывают только те челюсти, которые изготовляет для человека дантист. Их называют «фальшивыми зубами» — как будто у человека бывают не фальшивые зубы!

В диком состоянии — то есть в естественном состоянии — высшие животные почти не болеют: недуги их не тяжелы, и самым страшным, пожалуй, является старость. Но человек обзаводится болезнями еще во младенчестве и до конца жизни регулярно питается ими. Свинка, корь, коклюш, круп, тонзиллит, дифтерит, скарлатина разумеются сами собой. Затем его жизни начинают поминутно угрожать насморк, кашель, астма, бронхит, чесотка, рак, холера, чахотка, желтая лихорадка, желчные колики, тиф, сенная лихорадка, малярия, сыпи, геморрой, энтерит, несварение, зубная боль, ушная боль, глухота, немота, слепота, грипп, ветряная оспа, коровья оспа, черная оспа, камни в печени, запор, дизентерия, бородавки, прыщи, угри, фурункулы, нарывы, воспаление суставов, мозоли, опухоли, свищи, воспаление легких, размягчение мозга, меланхолия и еще пятнадцать разновидностей безумия, кровавый понос, желтуха, болезни сердца, костей, кожи, скальпа, селезенки, почек, нервов, мозга, крови, а также золотуха, паралич, проказа, невралгия, апоплексия, эпилепсия, головные боли, тринадцать разновидностей ревматизма, сорок шесть разновидностей подагры и весьма внушительный запас неприличных заболеваний, названия которых считаются непечатными. А кроме того... но к чему продолжать список? Да если бы напечатать на человеческом теле самым мелким шрифтом названия средств, предназначен-

ных для того, чтобы выводить эту разболтанную машину из строя, то для них не хватило бы места. Человек — это всего лишь вместилище чумной гнили, предназначенное для пропитания и развлечения мириадов всевозможных бацилл — целых армий, которым приказано губить и гноить его, и каждой армии поручена определенная часть этой работы. Едва он впервые вздохнет, как его уже начинают выслеживать, преследовать, терзать и убивать — без пощады и милосердия, пока он не испустит последнего вздоха.

Посмотрите на некоторые детали его организма. Зачем ему миндалины? Они не исполняют никакой полезной функции; они ни для чего не нужны. Им нечего делать в его горле. Они — просто тайный капкан. У них есть только одно назначение, одна цель — обеспечивать своему обладателю тонзиллит, ангину и тому подобное. А зачем ему слепая кишка? Она ни для чего не нужна, она не несет никакой полезной службы. Это — всего лишь укрывшийся в засаде враг, который выжидает появления случайной виноградной косточки, чтобы с ее помощью устроить гнойный аппендицит. А чему служат мужские соски? С практической точки зрения они бесполезны, а как украшение не выдерживают никакой критики. А зачем мужчине борода? Она не играет никакой полезной роли и причиняет только неудобства; все нации ненавидят ее, все нации истребляют ее с помощью бритвы. Но потому, что она причиняет лишь досадные неудобства, Природа не дает оскудеть ее запасам в организме мужчины со времени достижения им зрелости и до могилы. Никто еще не видел мужчину с лысым подбородком. Но зато его волосы! Это — прекрасное украшение, это — удобство, это — лучшая из защит против некоторых губительных недугов, и человек ценит их больше изумрудов и рубинов. Но именно поэтому Природа столь небрежно закрепляет волосы на его голове, что они, как правило, недолго на ней остаются. Человеческое зрение, обоняние, слух, чувство направления — как они все жалки! Кондор видит падаль за пять миль, человек не способен на это, какой бы подзорной трубой он ни пользовался. Ищейка идет по следу двухдневной давности. Малиновка слышит, как червяк роется в земле. Кошка, увезенная в закрытой корзине за двадцать миль, отыщет дорогу домой через места, которых она прежде никогда не видела.

Некоторые функции, присущие слабому полу, также производят жалчайшее впечатление, если сравнить их с теми же функциями у высших животных. Для женщины такие слова, как менструация, беременность и роды, означают неизреченные

ужасы. У высших же животных эти явления нельзя назвать даже неудобством.

Что касается внешности — взгляните на бенгальского тигра, на этот идеал грации, красоты, физического совершенства и величия. А потом взгляните на человека — на эту жалкую тварь. На это животное в парике, с трепанированным черепом, со слуховой трубкой, с искусственным глазом, с картонным носом, с фарфоровыми зубами, с серебряной гортанью, с деревянной ногой,— на существо, которое с ног до головы состоит из заплаток и штопки. Если на том свете ему не удастся получить обратно всю эту мишуру — каково-то он будет выглядеть?

Но в одном отношении его превосходство бесспорно. Интеллект его — вне сравнений. Тут высшим животным до него далеко. И как любопытно, как интересно, что ни в одном раю не было еще отведено место для этого его единственного неоспоримого достоинства. Даже когда он сам изобретает рай, он не обеспечивает себе там никаких интеллектуальных радостей. Удивительное упущение! Собственно говоря, это означает, что небеса предназначаются только для высших животных. Об этом стоит поразмыслить — и поразмыслить весьма серьезно. И напрашивается весьма мрачный вывод: мы, пожалуй, вовсе не так важны, как нам это всегда казалось.

В СУДЕ ЗВЕРЕЙ

1.

КРОЛИК. Свидетельскими показаниями установлено (1), что кролик отказался добровольно вступить в армию и был завербован насильно и (2) что он дезертировал перед лицом врага накануне сражения. Будучи спрошен, что он может сказать в свое оправдание, прежде чем ему будет вынесен смертный приговор за нарушение военного устава, запрещающего трусость и дезертирство, он сослался на то, что не хотел нарушать устава, но должен был подчиниться высшему закону, который обладает большей силой, чем устав, и аннулирует его. Будучи спрошен, какой закон он имеет в виду, он ответил: «Закон бога, лишающий кролика храбрости».

Решение суда. Покрыть бесчестием перед строем, сорвать с него мундир, прикрепить на грудь дощечку с надписью «трус», отвести к эшафоту и повесить.

2.

ЛЕВ. Свидетельскими показаниями установлено, что лев своей доблестью и беспримерной силой решил исход сражения.

Решение суда. Наградить титулом герцога, воздвигнуть ему статую, написать его имя золотыми буквами в первой строке свитка в храме Славы.

3.

ЛИСА. Свидетельскими показаниями установлено, что ею нарушен божественный закон: «Не укради!» На вопрос, что она может сказать в свое оправдание, она сослалась на то, что должна была подчиниться божественному закону: «Лиса да украдет!»

Решение суда. Пожизненное тюремное заключение.

4.

ЛОШАДЬ. Согласно собранным данным, она провела много суток на птичьем дворе без всякого надзора и все же не поддалась искушению.

Решение суда. Да будет прославлено ее имя; торжественно объявить по всей стране о ее благородном деянии.

5.

ВОЛК. Он уличен в нарушении закона: «Не убий!» В свое оправдание он ссылался на закон своей природы.

Решение суда. Смерть.

6.

БАРАН. Согласно собранным данным, он не раз имел возможность совершить массовые убийства, но не поддался искушению.

Решение суда. Да живет в веках память о его добродетели.

7.

МАШИНА.

Судья: Обвиняемая, доказано, что вы плохо собраны и скверно сконструированы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ответ: Не я себя сконструировала. Не я себя собирала.

Судья: Доказано, что вы двигались, когда вам не следовало двигаться; что вы свернули, когда вам надлежало ехать прямо; что вы продвигались через толпы прохожих с быстротой, запрещенной законом и опасной для общественного спокойствия; что вы распространяете вонь и упорствуете в этом, хотя вам известно, что это непристойно и другие машины так не поступают. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ответ: Я машина. Я рабски подчиняюсь закону моей конструкции и не могу его нарушить ни при каких условиях. Сама по себе я ничего не делаю. Меня приводят в движение внешние силы, сама себя в движение я приводить не способна.

Судья: Вы свободны. Ваше объяснение достаточно. Вы —

жалкое творение, наделенное кое-какими хорошими и кое-какими дурными качествами, но хвалить вас за поведение, проистекающее из первых, и порицать за поведение, проистекающее из вторых, было бы нечестно и несправедливо. То есть по отношению к машине — по отношению к машине.

РАЗУМ БОГА

Он создал все сущее. Нет во вселенной ни одного великого или малого предмета, который не был создан Им. Он сказал про сотворенное Им, что это «хорошо». Это слово покрывает все: оно ставит печать Его одобрения на каждую деталь вселенной; оно хвалит каждую ее деталь. Мы также одобряем и хвалим — нашим языком. Одобряем и хвалим громогласно, с великим пылом — и с осторожностью. Да, с осторожностью. Ибо мы не входим в подробности. Ежедневно мы изливаем потоки неодобрения, хулы, неудовольствия, яростной досады — но не в словах. Нет, нас выдают наши поступки, а не наши слова. Наши слова — это сплошные комплименты, и они обманывают Его. В этом нет никаких сомнений. Они вселяют в него уверенность, что мы одобряем все Его труды.

Во всяком случае, так нам кажется. Многие века мы внушали себе, будто, пряча неприятный факт под грудами льстивой лжи, мы делаем это так незаметно, что Он видит лишь похвалы и пребывает в приятном заблуждении. Но верно ли это? Между собой мы соглашаемся, что дела говорят громче слов, но мы внушили себе, что для Него это не так; мы воображаем, что Его интересуют лишь слова — лишь звуки; что если мы будем выкрикивать эти слова достаточно громко, Он не заметит опровергающих их поступков.

Но — серьезно говоря — неужели кто-нибудь искренне в это верит? Да разве такая уверенность не была бы оскорблением Верховному Разуму? Придет ли кому-нибудь из нас в голову расхваливать матери всех ее отпрысков, в то же время усердно шлепая одного из них? Не опровергнет ли подобный поступок самую красноречивую нашу хвалу? И разве мать будет обманута? Разве не оскорбится она — и с полным на то правом?

А посмотрите, как мы поступаем с Ним. Мы одобряем все Его труды, мы восхваляем все Его труды с горячим восторгом — на словах; и в то же время мы убиваем муху — такое же Его творение, как все прочие, и тем самым включенное в наши бурные восхваления. И мы не просто убиваем муху, мы проделываем это с величайшим раздражением, даже с ненавистью, со

злобной мстительностью; и мы смотрим на нее с презрением и отвращением, хотя только что хвалили ее, одобряли и прославляли. Мы хвалили ее, обращаясь к ее Творцу, а теперь мы своим поступком оскорбили ее Творца. Хвала была нечестной, а поступок — честным; хвала была корыстным лицемерием, а поступок — искренним порывом.

Мы безжалостно уничтожаем мух, а также крыс, блох, змей, болезнетворных микробов и тысячи других существ, которых Он нарек хорошими, которыми был удовлетворен и которых мы вслух красноречиво хвалим и одобряем — нашим языком,— а потом преследуем и злобно уничтожаем в елико возможно большем числе.

Разумеется, это нехорошо, неумно и несправедливо. Это порождает притворство и ложь. Неужели Он будет оскорблен, если мы изменимся и предстанем перед Ним с истиной и на устах, а не только в поступках? Неужели мы не можем доверчиво и без страха изменить наши слова и сказать:

— О Источник Истины, мы лгали и раскаиваемся в этом. Выслушай наше признание в том, что мы чувствовали от начала времен, но по слабости душевной старались скрыть от Тебя: мы смиренно хвалим и прославляем многие Твои труды и благодарны за то, что они есть на Земле — Твоем подножии, но относится это не ко всем из них.

Этого будет достаточно. Перечислять исключения не потребуется.

ФРАНЦУЗЫ И КОМАНЧИ

(Глава, не включенная в окончательный вариант рукописи «Пешком по Европе»)

А ТЕПЕРЬ поговорим о жестокости, дикости и любви к резне. Все эти качества не служат к украшению полуцивилизованных народов земли, но в то же время их едва ли можно назвать недостатками. Они представляют собой естественное порождение социальной системы, и без них эта система не была бы совершенна. В этом отношении между французами, команчами и некоторыми другими народами, стоящими на том же нравственном и социальном уровне, трудно обнаружить значительные различия. Справедливость требует признать, что в одном отношении команчи, несомненно, превосходят французов, а именно: между собой они не дерутся, в то время как французы с незапамятных времен развлекались тем, что резали и жгли друг друга. Из всех мечей мира больше всего французской крови испил фран-

цузский меч. Нет ненависти столь неумолимой, как ненависть француза к своему брату. Ни одна религия не творила таких неслыханных зверств, как кроткая и смиренная религия французов. Впрочем, последнее замечание в данном случае не вполне справедливо, поскольку у команчей нет религии, а следовательно, нет и потребности убивать своего брата, дабы наставить его на путь истинный.

Турки иногда дрались между собой, так же как и другие варварские народы, но истинного совершенства, злобы и несравненной эффективности гражданская война достигла только у двух общественных конгломератов — у французов и у килькеннийских котов[1].

Не думаю, чтобы французы были более жестоки, чем команчи. По-моему, они лишь более изобретательны в своих методах. Если бы это удалось доказать, такой факт свидетельствовал бы о том, что француз стоит выше команча. Французское дворянство установило несколько поразительных и дивных обычаев и в течение тысячи лет сохраняло их благодаря рассудительной кротости народа. К этим обычаям относится право сдать человеку землю в аренду, а потом во время охоты скакать по его полям и не платить за причиненный ущерб. Или запретить тому же человеку окружать свое поле оградой для защиты урожая от посягательства лесных животных, ибо ограды мешали охоте. И право господина держать голубятню и не платить за зерно, поедаемое голубями, а также наказывать любого бедняка, который убил хотя бы одну из этих птиц. И право господина держать мельницу и пекарню и принуждать простолюдина молоть там зерно и печь хлеб за двойную плату. И право господина захватывать имущество вдов и сирот, если глава семьи умирал, не оставив завещания. И право господина забирать пятую часть денег, полученных от продажи земли, находящейся под его юрисдикцией. Но все это — мелкие жестокости; любое полуцивилизованное общество могло бы их изобрести, а потом терпеть. Куда значительнее некоторые другие! А именно, право господина заставлять проработавшего весь день крестьянина сидеть всю ночь у пруда и разгонять лягушек, чье кваканье могло бы потревожить сон господина; право господина вспарывать живот крестьянина и греть в нем свои ноги, если господин устанет и замерзнет во время охоты; и венчающее все droit du seigneur[2] — назовем его по-французски, чтобы не

[1] Два кота, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни только хвосты *(прим. пер.)*.

[2] Имеется в виду так называемое «право первой ночи» *(прим. пер.)*.

загрязнять родного языка. Команчи, пожалуй, могли бы придумать что-нибудь похлеще этих трех последних прав, но вряд ли намного. Однако французская изобретательность достигла непревзойденной высоты в дни революции, когда обнаженных мужчин привязывали к обнаженным женщинам и бросали их в реку. До этого команчи ни за что бы не додумались, так что тут французам, безусловно, принадлежит пальма первенства. Поскольку это произошло менее ста лет назад, у нас есть все основания полагать, что французы не утратили еще своей изобретательности, а возможно, и склонности пускать ее в ход.

В одном отношении французы совершенно недосягаемы. Любовью к резне они поистине наделены свыше. Ни один народ не обладает ею в таких гомерических размерах. За несколько веков французы успели почти полностью монополизировать ее.

Еще задолго до Варфоломеевской ночи они познали радости резни и пристрастились к ним. Однако Варфоломеевская ночь настолько монументальна, что в ее гигантской тени совсем теряются ее многочисленные предшественницы; они видны как бы сквозь туман, так что мы их почти не различаем,— но тем не менее они все-таки были. Если бы кое-какие из них случились в Англии, они, словно затмение, погасили бы солнце ее истории, но здесь, на родине резни, они кажутся столь же естественными и необходимыми, как сыпь на коже прокаженного, и привлекают к себе ровно столько же внимания.

Варфоломеевская ночь, без всякого сомнения, являет собой неподражаемый шедевр, равного которому не знает мир. К ней приложили руку виднейшие люди страны, включая короля и королеву-мать. Случилось это в 1572 году. Причиной послужили какие-то религиозные недоразумения. Француз прежде всего благочестив. И ему мало самому быть благочестивым, он требует, чтобы благочестивым стал и его ближний, а если тот упирается, он убивает его и тем прививает ему благочестие. Да, если его ближний отказывается вести святую жизнь, француз берет топор и обращает упрямца на путь истинный. Француз обожает общество и не желает пребывать на небесах в одиночестве — поэтому он заблаговременно обеспечивает себе компанию в раю. В ту эпоху, о которой я рассказываю, не просто один ближний начал исповедовать не ту религию, но ровно половина всей нации. Это было ужасно. Вожди католической партии были глубоко опечалены столь прискорбным распространением язвы греха и стали держать совет, как лучше ее исцелить. Королева-мать, чья мудрость и святость были безупречны, рекомендовала обычное национальное лекарство — резню. Средство это было одобрено, и резня заказана точно так же, как мы заказываем кухарке обед. Благочестивые труды решили начать в некую августовскую полночь, о чем и были извещены жители различных городов и селений. Приверженцы истинной веры готовили оружие, хранили тайну и ждали, тем временем навещая и принимая у себя своих грешных и ничего не подозревающих ближних, и ничто, казалось, не предвещало приближения роковой ночи. Король вел задушевные беседы с главой грешников, и, если тот был человеком наблюдательным, он, несомненно, обратил внимание на аркебуз, с помощью которого его величество несколько дней спустя изволили ранить его из дворцового окна.

Назначенный час наступил, и рев набата нарушил полночное безмолвие. Праведные были готовы, грешники были захва-

чены врасплох. Мужчин и женщин убивали в их спальнях или на лестницах их домов. Детям разбивали головы о стены. Благочестивые труды продолжались два дня и три ночи. Тела убитых запрудили реку, улицы были завалены трупами, воздух наполнился вонью гниющей плоти людей, которых сгубила их собственная несообразительность,— ведь они были французами, и если бы догадались первыми, то сами устроили бы резню и расправились бы со своими губителями. За эти двое-трое суток во Франции было убито семьдесят тысяч человек, и истинная вера после своего подвига настолько укрепилась, что другая сторона больше уже никогда серьезно не угрожала ее верховенству.

Разумеется, и с тех пор мир видел не одну французскую резню. Весьма длительной и приятной резней оказался Террор. Да и в наше время мы видели не одну такую резню. Упомянем только резню 2 декабря и несколько случившихся в дни Коммуны, в конце франко-прусской войны. Однако ни одной из них французы так не гордятся, как своей несравненной Варфоломеевской ночью.

Самая привлекательная черта французского национального характера, черта, внушающая наибольшую надежду миссионеру,— это восхитительная и чрезвычайная кротость. Мы считаем кроликов кроткими созданиями, но что такое кротость кролика по сравнению с кротостью француза? Найдется ли кролик, который позволил бы, чтобы его в течение тысячи лет непрерывно угнетали, оскорбляли, попирали, и ни разу не попробовал бы укусить своего тирана? Карта Европы усеяна небольшими мужественными общинами, которые вновь и вновь восставали против могучих угнетателей и добивались справедливости. Их трудно даже просто перечислить. Вильгельмы Телли и Уоты Тайлеры в изобилии встречались повсюду — кроме Франции. Однако даже Франция в конце концов восстала — и удовлетворенно вернулась бы в свой крольчатник, получив затрещину и конфетку, если бы только глупый король догадался предложить их. Но делать нужную вещь в нужное время было не в его стиле, так что он упустил удобный случай. Тогда нация сбросила кроличью шкурку и надела другую свою национальную одежду — тигриную шкуру; когда же на нее надвинулись армии всей Европы, она пошла еще дальше и доказала свое мужество, несомненно, удивившись тому, что оно обнаружилось у нее в таком количестве. Наполеон, великий полководец, довел до совершенства воинское искусство французов, а потом, выбрав удобную минуту, вновь напялил на нацию

ее кроличью шкурку, наступил ногой ей на шею, и она восславила его за это. Точно так же обошелся с французами и Наполеон III — к величайшему их удовольствию.

Иностранцы вообще были большим благодеянием для Франции. Великие люди Франции, как правило, бывали иностранного происхождения — наше время также не является исключением,— и все они отлично понимали, как угодить среднему гражданину. Среднему гражданину требуется «слава» — это самое главное; побольше славы, побольше шума, побольше зрелищ, побольше равенства и братства, побольше маскарадов и всякой пышной мишуры; побольше развязности и хвастовства, побольше уверенности в том, что глаза всего мира устремлены на него, что его жена — законодательница мод, а он сам — образец светской любезности, побольше напоминаний о том, что его язык — это придворный язык всех наций и что Париж — это солнце, чей закат погрузил бы землю в интеллектуальный мрак; побольше Vive la République[1] сегодня, Vive le Roi[2] завтра, Vive la Commune[3] послезавтра и Vive черт знает что — послепослезавтра; побольше благородных тирад, подкрепленных бескровными дуэлями, чтобы исцелить его раненую честь; побольше благочестия, непристойности, резни и приветственных кликов — вот что требуется ему от жизни, завершающейся фешенебельными похоронами со священником и фонарем во главе процессии, поддельным генерал-майором на козлах катафалка и вереницей пустых траурных карет, следующих сзади; тогда он, довольный и радостный, воспарит к остальным ангелам поведать о своем шикарном погребении. Все эти атрибуты величия недороги, и умные иностранцы, которые правили Францией, щедро поставляли их нации с большой выгодой для себя.

Как я уже говорил, кротость французов составляет самую прекрасную черту их национального характера, а вскоре станет и самой полезной, ибо с ее помощью наши миссионеры поднимут их, как кролика за уши. Француз слагается из мельчайшей мелочности, какую только можно вообразить, и из величайшего величия[4]. Скрытый в нем тигр — тайный, кровожадный ин-

---

[1] Да здравствует республика (фр.).
[2] Да здравствует король (фр.).
[3] Да здравствует Коммуна (фр.).
[4] Когда д'Эгильон в полночь разослал приказ строптивому французскому парламенту вернуться к исполнению своих обязанностей, 160 членов из 200 мужественно и наотрез отказались покинуть свои постели. Каждый из них решился на этот героический поступок в одиночку и

стинкт резни — позволяет сделать из него после надлежащего подавления и тщательной дрессировки лучшего в мире солдата. Кроличья кротость, которая была воспитана в нем веками покорного приятия несправедливостей и тягчайших оскорблений, помогает ему безропотно переносить эту дрессировку. Его колоссальное тщеславие порождает в нем стремление творить такие чудеса в искусстве, в науке, в политике и в литературе, о которых не мог бы и помыслить никто другой, а его лихорадочное, бурное воображение, беспокойная энергия и настойчивость помогают ему добиться своей цели.

Ну, если я сумел сделать то, что хотел, значит, мне удалось доказать, что француз в некоторых отношениях превосходит китайца, в других равен турку и дагомейцу и едва ли в чем-нибудь заметно уступает команчу. Я от всей души надеялся, что мне это удастся, и мне кажется, я достиг своей цели. Я твердо убежден, что Франция по праву занимает достойное место среди полуцивилизованных народов земного шара.

Я многого жду от Франции и горячо желаю ей скорейшего нравственного и интеллектуального подъема и просвещения. Однако я прекрасно понимаю, что ограниченных и систематических усилий здешней американской колонии, какими бы энергичными, святыми и бескорыстными они ни были, недостаточно для того, чтобы облагодетельствовать ее столь великим даром. Нет, для этого есть только один путь: создать специально обученный корпус светских американских миссионеров, вооруженных официальным званием для их защиты, снабженных ленточкой Почетного Легиона, чтобы сделать их менее заметными и оградить от зависти и излишнего внимания, и оплачиваемых правительством из фондов, образованных с помощью специального налога. Так придем же все, как один, на помощь французу, проникнемся бескорыстной любовью к этому презираемому и униженному звену между человеком и обезьяной, поднимем его и сделаем нашим братом!

опираясь лишь на свое собственное мужество, так как он не мог быть уверен, что все остальные или хотя бы некоторые из них не дрогнут и поступят так же, как и он. Для сравнения вспомните, с какой мелочностью каждая новая правительственная система во Франции старается уничтожить любое историческое напоминание о предшествовавшей ей системе вплоть до названий улиц. Наполеон водрузил на Вандомскую колонну свою статую; последующие системы заменили ее чем-то другим; придя к власти, Коммуна вообще уничтожила колонну; ныне республика восстановила колонну и увенчала ее каменной фигурой, изображающей уж не знаю что — возможно, французское непостоянство *(М. Т.)*.

ПИСЬМО НА ЗЕМЛЮ

Министерство прошений.
Отдел ангела-регистратора. 20 янв.

Эбнеру Скофилду,
торговцу углем.
Буффало (штат Нью-Йорк).

Согласно указанию имею честь уведомить вас, что ваше недавнее исполненное самопожертвования благодеяние было занесено на страницу книги, именуемой *«Золотые деяния человеческие»:* отличие, позволю себе заметить, не просто высокое, но единственное в своем роде.

Касательно ваших молитв за неделю, истекшую девятнадцатого сего месяца, имею честь сообщить вам следующее:

1. О погоде, дабы цены на антрацит поднялись на 15 центов за тонну. Удовлетворено.

2. Об избытке рабочей силы, дабы снизить заработную плату на 10%. Удовлетворено.

3. О падении цен на мягкий уголь, которым торгуют конкуренты. Удовлетворено.

4. О покарании человека или семьи человека, который открыл конкурирующую розничную торговлю углем в Рочестере. Удовлетворено следующим образом: два заболевания дифтеритом с одним смертельным исходом; одно заболевание скарлатиной, которое приведет к глухоте и слабоумию. Примечание: покарания надлежало бы просить для нанимателей этого человека, служащего «Нью-Йорк сентрал рейлрод компани».

5. О ссылке в геенну бесчисленных просителей, ежедневно докучающих вам просьбами о работе или о каком-либо другом одолжении. Передано на новое рассмотрение, поскольку это прошение, видимо, находится в противоречии с другим, вознесенным того же числа, о котором будет сказано ниже.

6. О применении какого-либо вида насильственной смерти к соседу, швырнувшему кирпичом в вашего кота, когда последний распевал на улице серенаду. Отложено для дальнейшего рассмотрения из-за несовместимости с молитвой, вознесенной того же числа, о которой будет сказано ниже.

7. «К черту миссионеров!» Отложено по той же причине, что и предыдущее.

8. Об увеличении прибылей с 22 230 долларов в декабре до 45 000 долларов в январе с поддержанием пропорционального ежемесячного роста таковых в дальнейшем, «что вас полностью

удовлетворит». Молитва удовлетворена; прилагаемое обещание принимается условно.

9. О ниспослании циклона, который уничтожил бы оборудование и затопил бы шахты «Норс Пенсильвания компани». Примечание: ввиду зимнего сезона циклонов на складе не имеется. По требованию они могут быть заменены вполне надежным взрывом рудничного газа.

Вышеперечисленные прошения, будучи наиболее важными, рассматривались по отдельности. 298 прочих молений за неделю, истекшую девятнадцатого сего месяца, подпадающие под рубрику «Особых воздаяний», раздел А, удовлетворены оптом, за исключением того, что из числа 32 молений, исполнение которых требовало наслания немедленной смерти, в 3 случаях таковая была заменена неизлечимой болезнью.

Этим исчерпывается недельное поступление молитв, которые в нашем отделе относятся к категории, именуемой «Тайные моления сердца», и которые по очевидной причине всегда рассматриваются нами в первую очередь.

Остаток недельного поступления прошений подпадает под категорию, именуемую «Публичные молитвы», к каковой мы относим молитвы, произнесенные на молитвенных собраниях, в воскресной школе, на встречах с братьями во Христе, на семейных молебствиях и т. д. Молитвы этой категории расцениваются в зависимости от классификации произносящих их христиан, а именно: 1) христиане, исповедующие свою религию, и 2) христиане, использующие свою религию. Далее они подразделяются и классифицируются согласно размеру, виду и семейству, и в заключение их курс определяется в каратах — от одного до тысячи.

По итогам квартала, закончившегося 31 декабря 1847 г., ваш баланс был следующим:

Общая классификация: христианин, исповедующий свою религию.

Размер: четверть максимума.

Вид: человек высокого духа.

Семейство «А» раздела избранных, подраздел 16.

Курс: 322 чистых карата.

По итогам только что закончившегося квартала — то есть сорок лет спустя — ваш баланс таков:

Общая классификация: христианин, использующий свою религию.

Размер: одна сотая максимума.

Вид: человек-животное.

Семейство «Э» раздела избранных, подраздел 1547.
Курс: 3 чистых карата.

Имею честь обратить ваше внимание на то, что вы, по-видимому, регрессировали.

Возвращаясь к вопросу о ваших публичных молитвах, замечу кстати, что ради ободрения христиан вашего и смежных типов наш отдел имеет обыкновение ниспосылать им много такого, что не было бы ниспослано христианам более высокого типа — отчасти потому, что таковые об этом не просят.

Молитва о благостном смягчении погоды во имя милосердия к нищим и нагим. Отвергнута. Вознесена на молитвенном собрании. Противоречит молитве, означенной в пункте первом настоящего уведомления, каковая является тайным молением сердца. Правила нашего отдела строжайше запрещают ставить публичные молитвы христиан, использующих свою религию, выше тайных молений их сердец.

Молитва о лучших временах и довольстве «для труженика с мозолистыми руками, чей тяжкий и терпеливый труд делает легкой и радостной жизнь тех, кому выпала более счастливая доля, а ему дает право на нашу бдительную и спасительную защиту от обид и притеснений, которые готова чинить ему неуемная алчность, и на нежнейшую заботу наших благодарных сердец». Вознесена на молитвенном собрании. Отказать ввиду противоречия с тайным молением сердца за № 2.

Молитва «да будут те, кто лишает нас желаемого, взысканы небесной милостью, и сами они, и их семьи, ибо сердца наши — свидетели, что земное преуспеяние таковых одаряет нас чистой, и потому совершенной радостью». Вознесена на молитвенном собрании. Отказать ввиду противоречия с тайными молениями сердца за №№ 3 и 4.

«Да не обрекут никого на вечную погибель слова и деяния наши». Вознесена на семейном молебствии. Получена за 15 минут до тайного моления сердца за № 5, которому она явно противоречит. Вам предлагается взять назад одну из этих молитв или внести в них необходимые изменения.

«Помилуй всех, кто чинит вред нам самим и имению нашему». Это включает и соседа, запустившего кирпичом в кота. Вознесена на семейном молебствии. Получена за несколько минут до тайного моления сердца за № 6. Просьба сообщить соответствующее уточнение.

«Поддержи миссионеров в их трудах, самых благородных трудах, доверенных человеку, дабы воссиял свет во всех пределах языческих земель, еще корящих нас ныне своим духовным

мраком». Самочинная молитва, протащенная во время заседания Американского миссионерского совета. Получена почти за 12 часов до тайного моления сердца за № 7. Наш отдел миссионерами не интересуется и не имеет никаких деловых связей с Американским миссионерским советом. Мы были бы рады удовлетворить одну из этих молитв, но обе удовлетворить не можем. Рекомендуем взять назад вознесенную на заседании.

В двадцатый раз обращаем ваше внимание на нежелательность повторения замечания, приложенного к № 8. Шутки, особенно избитые, в молитвах неуместны.

Из 464 отдельных просьб, содержавшихся в ваших публичных молитвах помимо рассмотренных выше, мы удовлетворяем две, отказывая в остальных. Удовлетворяются следующие просьбы: 1) «да будут тучи свершать свое предназначение, 2) а солнце — свое». Собственно, таково и было божественное предначертание, но вам, вероятно, будет лестно узнать, что вы ничем ему не воспрепятствовали. Из 462 отдельных просьб, в которых вам отказано, 61 была произнесена в воскресной школе. В этой связи мне приходится еще раз напомнить вам, что мы не удовлетворяем молитв, возносимых в воскресной школе христианами, использующими свою религию и подпадающими под рубрику, именуемую в нашем отделе «типом Джона Ванемейкера». Мы проводим их по графе «слова» и учитываем, исходя из количества слов, произносимых за определенную единицу времени; зачетный минимум — 3000 слов за четверть минуты. Эксперты воскресных школ обычно без труда выбивают 4200 из 5000 возможных, что приравнивается к двум псалмам и букету, посланным молодой девицей в камеру убийцы в утро казни. Оставшиеся 401 просьба пошли на ветер. Мы сваливаем их в кучу и изготовляем из них противные ветра, чтобы задерживать корабли недостойных людей, но на один порядочный ветер требуется столько этого сырья, что оплачивать его мы не в состоянии.

Теперь я хотел бы добавить несколько слов от себя лично.

Когда люди определенного типа свершают доброе деяние, мы оцениваем его в тысячу раз выше, чем то же деяние, но совершенное хорошим человеком,— принимая во внимание огромные усилия, которых оно стоило. В этом отношении вы стоите гораздо выше своей категории из-за ряда самопожертвований, которые намного превосходили все, чего мы могли от вас ожидать. Много лет назад, когда ваш капитал исчислялся всего ста тысячами долларов и вы послали два доллара своей родственнице, обедневшей вдове, обратившейся к вам за помощью,

многие здесь на небесах утверждали, что этого не может быть, а другие придерживались мнения, что деньги были фальшивыми. Ваша репутация сильно укрепилась после того, как была доказана необоснованность этих подозрений. Года два спустя, когда в ответ на новую просьбу вы послали бедняжке четыре доллара, этому поверили сразу, и долгое время только и разговору было, что об этом событии. Два года спустя, когда умер младший сын вдовы, вы послали шесть долларов, и это деяние окончательно покрыло вас славой. На небесах только и слышно было: «Каков Эбнер-то, а?» Ибо к этому времени вас уже ласково называли здесь «Эбнер». Каждые два-три года вы увеличивали сумму ваших пожертвований на церковь, и ваше имя не сходило с наших уст и согревало наши сердца. Все небеса следят за вами, когда вы по воскресеньям в роскошной карете отправляетесь в церковь; и когда ваша рука опускает пожертвование на тарелку, радостный крик достигает даже багровых стен далекой геенны: «Еще пять центов от Эбнера!»

Но все это не идет ни в какое сравнение с вашим последним благодеянием, когда вдова несколько дней назад прислала вам письмо, сообщая, что может получить место учительницы в отдаленном поселке, но что для поездки туда с двумя оставшимися в живых детьми ей необходимы пятьдесят долларов; и вы, подсчитав чистую прибыль, которую принесли вам за последний месяц ваши три шахты,— 22 230 долларов — и прибавив к этой цифре 45 000 долларов, которые вы рассчитываете получить в этом месяце (хотя вернее было бы поставить 50 000), взяли перо и чековую книжку и послали ей чек на *целых пятнадцать долларов!* Да будет над тобой вечное благословение небес, о великодушное сердце! В обители блаженных все до единого проливали слезы умиления, и, пока все ликовали, жали друг другу руки и обнимались, с сияющего престола раздалось громовое повеление: поскольку деяние это затмевает все известные в истории самопожертвования людей и ангелов, да будет оно занесено на отдельную чистую страницу. Ибо рядом с тягчайшими усилиями, которых оно вам стоило, в ничто превращается мужество десяти тысяч мучеников, взошедших на пылающие костры; и все сказали: «Несомненно, жизнь, приносимая в жертву благородным человеком — десятью тысячами благородных людей,— пустяк в сравнении с пятнадцатью долларами, которые выпустил из своих лап подлейший скаред, какого только видел свет».

Что правда — то правда. Авраам, рыдая, вытряхнул все прежнее содержимое своего лона и вывесил на нем красноречи-

вейший плакатик: «Права заявлены», а Петр, рыдая, сказал: «Мы встретим его факельным шествием!» Клики восторга загремели на небесах, и все здесь возликовали, узнав, что вам суждено попасть сюда. И ад тоже возликовал.

(Подпись)
Ангел-регистратор (печать).

ВОЕННАЯ МОЛИТВА

То было время величайшего волнения и подъема. Вся страна рвалась в бой — шла война, в груди всех и каждого горел священный огонь патриотизма; гремели барабаны, играли оркестры, палили игрушечные пистолеты, пучки ракет со свистом и треском взлетали в воздух; куда ни глянь — вдоль теряющихся вдали крыш и балконов сверкала на солнце зыбкая чаща флагов; каждый день юные добровольцы, веселые и такие красивые в своих новых мундирах, маршировали по широкому проспекту, а их отцы, матери, сестры и невесты срывающимися от счастья голосами приветствовали их на пути; каждый вечер густые толпы народа затаив дыхание внимали какому-нибудь патриоту-оратору, чья речь задевала самые сокровенные струны их души, и то и дело прерывали ее бурей аплодисментов, в то время как слезы текли у них по щекам; в церквах священники убеждали народ верой и правдой служить отечеству и так пылко и красноречиво молили бога войны ниспослать нам помощь в правом деле, что среди слушателей не нашлось бы ни одного, который не был бы растроган до слез. Это было поистине славное, удивительное время, и те немногие опрометчивые люди, которые отваживались неодобрительно отозваться о войне и усомниться в ее справедливости, тотчас получали столь суровую и гневную отповедь, что ради собственной безопасности почитали за благо убраться с глаз долой и помалкивать.

Настало воскресенье — на следующий день войска выступали на фронт; церковь с утра была набита до отказа, здесь же находились и добровольцы, чьи юные лица горели в предвкушении ратных подвигов; мысленно они уже были там — вот они наступают, упорно, все быстрее и решительнее, стремительный натиск, блеск сабель, враг бежит, паника, пороховой дым, яростное преследование, капитуляция! — и вот они снова дома: вернулись с войны закаленные в боях герои, долгожданные и обожаемые, в золотом сиянии победы! С добровольцами сидели рядом их близкие, гордые и счастливые, вызывая зависть друзей и соседей, не имевших братьев и сыновей, которых они

могли бы послать на поле брани добыть отчизне победу или же пасть смертью храбрых. Служба шла своим чередом: священник прочел военную главу из Ветхого завета, потом первую молитву; загудел орган, сотрясая здание; молящиеся поднялись в едином порыве, с бьющимся сердцем и блестящими глазами, и в церкви зазвучал могучий призыв:

Господи, грозно на землю взирающий,
Молнии, громы послушны тебе!

Затем последовала «долгая» молитва. Никто не мог бы припомнить ничего равного ей по страстности и проникновенности чувства и по красоте изложения. Просили в ней больше всего о том, чтобы всеблагой и милосердный отец наш оберегал наших доблестных молодых воинов, был бы им помощью, опорой и поддержкой в их подвигах во имя отчизны; чтобы он благословлял их и охранял в день битвы и в час опасности, держал их в своей деснице, дал им силу и уверенность и сделал непобедимыми в кровавых схватках; чтобы помог он им сокрушить врага, даровал им, их оружию и стране вечный почет и славу...

В эту минуту в церковь вошел какой-то пожилой незнакомец и неторопливо, бесшумной поступью направился по главному проходу к алтарю. Глаза его были устремлены на священника, высокую фигуру облекала одежда, доходившая до пят, и седые волосы пышною гривой падали на плечи, обрамляя изборожденное морщинами лицо, неестественно, даже мертвенно-бледное. Все с недоумением смотрели на него, а он, молча пройдя между скамей, поднялся на кафедру и выжидающе стал рядом со священником. Смежив веки и не догадываясь о присутствии незнакомца, священник продолжал читать свою волнующую молитву и закончил ее страстным призывом: «Благослови наше воинство, даруй нам победу, господи боже наш, отец и защитник земли нашей и оружия!»

Незнакомец дотронулся до его плеча, жестом приказал ему отойти,— что изумленный священник не замедлил исполнить,— и занял его место. Несколько мгновений он сурово оглядывал потрясенных слушателей, и глаза его горели призрачным огнем, потом низким, глухим голосом начал:

— Я — посланец престола, несущий вам слово господне!

Прихожане стояли как громом пораженные; незнакомец если и заметил их испуг, то не обратил на него ни малейшего внимания.

— Всевышний услышал молитву своего слуги, вашего пастыря, и готов ее исполнить, если таково будет ваше желание

после того, кая я, его посланец, разъясню вам ее смысл, точнее — полный ее смысл. Ибо, как и во многих других людских молитвах, вы, сами того не подозревая, просите о неизмеримо большем, чем вам кажется, когда вы молитесь,— если, конечно, вы заранее все не обдумали.

Слуга божий и ваш прочел молитву. Подумал ли он, прежде чем прочитать ее? И одна ли это молитва? Нет, их две: одна — которую он произнес вслух, и другая — которой не произнес. И обе достигли ушей того, кто слышит все просьбы — высказанные и невысказанные. Поразмыслите над этим — и запомните. Если станете просить благословения своим делам и поступкам, будьте осторожны, ибо в эту минуту вы непреднамеренно можете навлечь проклятье на своего соседа. Если вы молитесь о ниспослании дождя, ибо он нужен полям вашим,— тем самым вы, быть может, молите о бедствии для соседа, чья земля не нуждается во влаге и дождь только испортит ему урожай.

Вы слышали молитву вашего слуги — ту ее часть, которую он произнес вслух. Господь послал меня к вам, чтобы я облек в слова другую ее часть — то, о чем пастор и все вы в глубине сердца молча молили его. Не разумея и не думая, о чем молите? Дай бог, чтобы это было так. Вы слышали слова: «Даруй нам победу, господи боже наш!» Этого достаточно. Вся молитва, которую вы произносили здесь вслух, заключена в этих многозначительных словах. Уточнения излишни. Моля о победе, вы молили и о многих не упомянутых вами следствиях, которые сопутствуют победе, должны ей сопутствовать, не могут не сопутствовать. И вот до слуха отца нашего небесного дошла и невысказанная часть молитвы. Он повелел мне облечь ее в слова. Внемлите же!

Господи боже наш, наши юные патриоты, кумиры сердец наших, идут в бой — пребудь с ними! В мыслях мы вместе с ними покидаем покой и тепло дорогих нам очагов и идем громить недругов. Господи боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом, летом — палимые солнцем, зимой — дрожащие от ледяного ветра, вконец отчаявшиеся, тщетно умоляющие тебя

разверзнуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой; ради нас, кто поклоняется тебе, о господи, развей в прах их надежды, сгуби их жизнь, продли их горестные скитания, утяжели их шаг, окропи их путь слезами, обагри белый снег кровью их израненных ног! С любовью и верой мы молим об этом того, кто есть источник любви, верный друг и прибежище для всех страждущих, ищущих его помощи со смиренным сердцем и покаянной душой. Аминь.

(Помолчав немного.) Вы молились об этом; если вы все еще желаете этого — скажите! Посланец всевышнего ждет.

Впоследствии многие утверждали, что это был сумасшедший, ибо речь его была лишена всякого смысла.

КОЕ-ЧТО О РАСКАЯНИИ

Очень любопытная вещь — неправильные ассоциации, вызываемые некоторыми словами. Возьмем, например, слово «раскаяние». Мы без всяких размышлений ассоциируем его исключительно с понятием греха. Мы с детства верим, что раскаиваемся только в плохих поступках, хотя на самом деле мы без конца и трудолюбиво раскаиваемся в совершенных нами хороших поступках. Очень часто, раскаиваясь в грехе, мы проделываем это поверхностно, по обязанности, равнодушно, чисто умозрительно; но когда мы раскаиваемся в хорошем поступке, раскаяние это бывает мучительным, жгучим и изливается прямо из сердца. Очень часто, раскаявшись в грехе, мы прощаем себя и забываем о случившемся. Но, раскаиваясь в хорошем поступке, мы редко обретаем мир душевный и обычно продолжаем терзаться до конца своих дней. И это раскаяние остается вечно юным, сильным, глубоким и деятельным! От всего сердца облагодетельствовав неблагодарного человека, с каким упорством, с какой неизменной энергией раскаиваетесь вы в этом! По сравнению с этим раскаянием раскаяние во грехе — нечто пресное, жалкое и минутное.

Я убежден, что всякий средний человек во всем похож на меня, иначе я не стал бы так обнажать свою сущность. Я говорю — «средний человек» и ограничиваюсь этим, ибо не сомневаюсь, что существуют люди, которые не раскаиваются в своих добрых поступках, даже когда им платят лишь предательством и неблагодарностью. Я считаю, что этой горстке великодушных людей следовало бы находиться на небесах — тут они только путаются под ногами. За свою жизнь я совершил

несколько миллионов грехов. Во многих из них я, возможно, раскаялся, но сейчас уже не помню; в других я собирался раскаяться, но как-то не собрался; и все их я позабыл, за исключением самых последних и двух-трех давнишних. За свою жизнь я совершил одиннадцать хороших поступков. Я помню их все, и четыре из них — с удивительной ясностью. И стоит мне вспомнить любой из этих четырех, как я принимаюсь раскаиваться — что случается не реже пятидесяти двух раз в год. И раскаиваюсь я в них все с той же жгучей горечью, как и в первый раз. Если я просыпаюсь ночью, они уже тут как тут и составляют мне компанию до утра. Ни один из совершенных мною грехов не служил мне так долго, кроме одного. И ни в одном из своих грехов я не раскаивался с таким неизменным пылом и искренностью, как в этих четырех прекрасных и благородных поступках.

Возможно, вы, читающие эти строки, принадлежите к горстке заблудших, место которым — на небесах. В этом случае вы не поймете, о чем я рассказываю, и мои слова вам не понравятся; но они понравятся вашему ближнему, если ему исполнилось пятьдесят лет.

15 августа 1906 г.

[МОЛИТВА О ПРЯНИКЕ]

Я НАЧАЛ ходить в школу четырех с половиной лет. В те времена общественных школ в Миссури не было, зато было две частных школы, где брали за ученье двадцать пять центов в неделю, да и те попробуй получи. Миссис Горр учила малышей в бревенчатом домике на южном конце Главной улицы. Мистер Сэм Кросс занимался с детьми постарше, в доме, обшитом тесом, на горке. Меня отдали в школу миссис Горр, и я даже теперь, через шестьдесят пять с лишним лет, очень ясно помню мой первый день в этом бревенчатом домике, по крайней мере один эпизод этого дня. Я в чем-то провинился, и меня предупредили, чтоб больше я этого не делал и что в следующий раз меня за это накажут. Очень скоро я опять провинился, и миссис Горр велела мне найти прутик и принести его. Я обрадовался, что она выбрала именно меня, так как полагал, что скорей всякого другого сумею найти подходящий для такого случая прутик.

В уличной грязи я разыскал старую щепку от бочарной дубовой клепки дюйма в два шириной, в четверть дюйма

толщиной и с небольшим выгибом с одной стороны. Рядом валялись очень хорошие новые щепки того же сорта, но я взял именно эту, хотя она была совсем гнилая. Я понес ее миссис Горр, отдал и остановился перед ней в кроткой и смиренной позе, которая, по-моему, должна была вызвать сочувствие и снисхождение, но этого не случилось. Она посмотрела на меня и на щепку в равной степени неодобрительно, потом назвала меня полным именем: Сэмюел Ленгхорн Клеменс (вероятно, я еще ни разу не слыхал, чтобы кто-нибудь произносил все эти имена сразу, одно за другим), и сказала, что ей стыдно за меня. Впоследствии я узнал, что если учитель называет ученика полным именем, то это ничего доброго не сулит. Она сказала, что постарается выбрать мальчика, который больше моего смыслит в прутьях, и мне до сих пор становится горько при воспоминании о том, сколько мальчиков просияло от радости, в надежде, что выберут их. За прутом отправился Джим Данлеп, и, когда он принес выбранный им прут, я убедился, что он знаток в этом деле.

Миссис Горр была дама средних лет, уроженка Новой Англии, строго следовавшая всем ее правилам и обычаям. Она всегда начинала уроки молитвой и чтением главы из Нового Завета; к этой главе она давала краткие пояснения. Во время одной из таких пояснительных бесед она остановилась на тексте: «Просите, и дастся вам» — и сказала, что если человек очень хочет чего-нибудь и усердно об этом молится, то его молитва, без сомнения, будет услышана.

Должно быть, я тогда узнал об этом впервые — так меня поразило это сообщение и те приятные перспективы, которые передо мной открывались. Я решил немедленно сделать проверку. Миссис Горр я верил на слово и нисколько не сомневался в результатах. Я помолился и попросил имбирного пряника. Дочь булочника Маргарет Куниимен каждый день приносила в школу целую ковригу имбирного пряника; раньше она ее прятала от нас, но теперь, как только я помолился и поднял глаза, пряник оказался у меня под руками, а она в это время смотрела в другую сторону. Никогда в жизни я так не радовался тому, что моя молитва услышана, и сразу уверовал. Я во многом нуждался, но до сих пор ничего не мог получить; зато теперь, узнав, как это делается, я намеревался вознаградить себя за все лишения и попросить еще чего-нибудь.

Но эта мечта, как и все наши мечты, оказалась тщетной. Дня два или три я молился, полагаю, не меньше, чем кто-либо другой в нашем городе, очень искренне и усердно,— но ничего

из этого не вышло. Даже самая усердная молитва не помогла мне стянуть пряник вторично, и я пришел к заключению, что тому, кто верен своему прянику и не спускает с него глаз, совершенно незачем утруждать себя молитвами.

Что-то в моем поведении встревожило мать: она отвела меня в сторонку и озабоченно стала расспрашивать. Мне не хотелось сознаваться в происшедшей со мной перемене: я боялся причинить боль ее доброму сердцу,— но в конце концов, обливаясь слезами, я признался, что перестал быть христианином. Убитая горем, она спросила меня:

— Почему?

— Я убедился, что я христианин только ради выгоды, и не могу примириться с этой мыслью,— так это низко.

Она прижала меня к груди и стала утешать. Из ее слов я понял, что если я буду продолжать в том же духе, то никогда не останусь в одиночестве.

30 августа 1906 г.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ БЕССИ

Маленькой Бесси скоро три года. Она — славная девочка, не ветреная, не шалунья; она задумчива, углублена в себя, любит поразмышлять то над тем, то над другим и постоянно спрашивает «почему?», стараясь понять, что происходит вокруг. Однажды она спросила:

— Мама, почему повсюду столько боли, страданий и горя? Для чего все это?

Это был несложный вопрос, и мама, не задумываясь, ответила:

— Для нашего же блага, деточка. В своей неисповедимой мудрости бог посылает нам эти испытания, чтобы наставить нас на путь истинный и сделать нас лучше.

— Значит, это *он* посылает страдания?

— Да.

— Все страдания, мама?

— Конечно, дорогая. Ничто не происходит без его воли. Но он посылает их полный любви к нам, желая сделать нас лучше.

— Это странно, мама.

— Странно? Что ты, дорогая! Мне это не кажется странным. Не помню, чтобы кто-нибудь находил это странным. Я думаю, что так должно быть, что это милосердно и мудро.

— Кто же первый стал так думать, мама? Ты?

— Нет, крошка, меня так учили.

— Кто тебя так учил, мама?

— Я уже не помню. Наверно, моя мама или священник. Во всяком случае, каждый знает, что это правильно.

— А мне это кажется странным, мама. Скажи: это бог послал тиф Билли Норрису?

— Да.

— Для чего?

— Как для чего? Чтобы наставить его на путь истинный, чтобы сделать его хорошим мальчиком.

— Но он же умер от тифа, мама. Он не может стать хорошим мальчиком!

— Ах да! Ну, значит, у бога была другая цель. Во всяком случае, это была мудрая цель.

— Что же это была за цель, мама?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Быть может, бог хотел послать испытание родителям Билли.

— Но это нечестно, мама?! Если бог хотел послать испытание *родителям* Билли, зачем же он убил *Билли?*

— Я не знаю. Я могу только сказать тебе, что его цель была мудрой и милосердной.

— Какая цель, мама?

— Он хотел... он хотел наказать родителей Билли. Они, наверно, согрешили и были наказаны.

— Но умер же Билли, мама! Разве это справедливо?

— Конечно справедливо. Бог не делает ничего, что было бы дурно или несправедливо. Сейчас тебе не понять этого, но, когда ты вырастешь большая, тебе будет понятно, что все, что бог делает, мудро и справедливо.

Пауза.

— Мама, это бог обрушил крышу на человека, который выносил из дому больную старушку, когда был пожар?

— Ну да, крошка. Постой! Не спрашивай — зачем, я не знаю. Я знаю одно: он сделал это либо чтобы наставить когонибудь на путь истинный, либо покарать, либо чтобы показать свое могущество.

— А вот когда пьяный ударил вилами ребеночка у миссис Уэлч...

— Это совсем не твое дело! Впрочем, бог, наверно, хотел послать испытание этому ребенку, наставить его на путь истинный.

— Мама, мистер Берджес говорил, что миллионы миллио-

нов маленьких существ нападают на нас и заставляют нас болеть холерой, тифом и еще тысячью болезней. Мама, это бог посылает их?

— Конечно, крошка, конечно. Как же иначе?

— Зачем он посылает их?

— Чтобы наставить нас на путь истинный. Я тебе говорила уже тысячу раз.

— Но это ужасно жестоко, мама! Это глупо! Если бы мне...

— Замолчи, сейчас же замолчи! Ты хочешь, чтобы нас поразило громом?

— Мама, на прошлой неделе колокольню поразило громом, и церковь сгорела. Что, бог хотел наставить церковь на путь истинный?

— *(Устало.)* Не знаю, может быть.

— Молния убила тогда свинью, которая ни в чем не была повинна. Бог хотел наставить эту свинью на путь истинный, мама?

— Дорогая моя, тебе, наверно, пора погулять. Пойди побегай немного.

— Только подумай, мама! Мистер Холлистер сказал, что у каждой птицы, у каждой рыбы, у каждой лягушки или ящерицы, у каждого живого существа есть враг, посланный провидением, чтобы кусать их, преследовать, мучить, убивать, пить их кровь, наставлять на путь истинный, чтобы они стали праведными и богомольными. Это правда, мама? Я потому спрашиваю, что мистер Холлистер смеялся, когда говорил об этом.

— Этот Холлистер безобразник, и я запрещаю тебе слушать, что он говорит.

— Почему же, мама, он так интересно рассказывает, и, по-моему, он старается быть праведным. Он сказал, что осы ловят пауков и замуровывают их в свои подземные норки,— живых пауков, мама! — и там под землей они мучаются много-много дней, а голодные маленькие осы откусывают им ноги и грызут им животики, чтобы пауки научились быть праведными и богомольными, чтобы они возносили богу хвалу за его неизреченную доброту. По-моему, мистер Холлистер добрый человек, просто молодец. Когда я спросила его, стал ли бы он так обращаться с пауками, он сказал, что пусть его черт подерет, если он так поступит, а потом сказал... Мамочка, тебе дурно? Побегу позову кого-нибудь на помощь. Разве можно сидеть в городе в такую жару?

20 марта 1906 г.

[МИСТЕР РОКФЕЛЛЕР И БИБЛИЯ]

Теологические изыскания Джона Рокфеллера-младшего — одно из крупнейших развлечений американской жизни. Каждое воскресенье молодой Рокфеллер толкует какой-нибудь библейский текст в своей школе. Назавтра агентство Ассошиэйтед Пресс и газеты оповещают об этом всю страну, и вся страна смеется. Вся страна смеется, но не подозревает, в своей недогадливости и простоте, что смеется над собой.

Молодому Рокфеллеру, вероятно, лет тридцать пять. Он некрасив, скромен, лишен чувства юмора, искренне доброжелателен и зауряден во всех отношениях. Если бы он мог предъявить публике лишь свои скромные умственные способности вместо миллионов своего отца, его толкование библии осталось бы никому не известным. Но его отец считается самым богатым человеком в мире, и потому теологические кувыркания сына считаются интересными и содержательными. Полагают, что старший Рокфеллер стоит миллиард долларов. Налоги он платит с двух с половиной миллионов. Он — убежденный христианин, христианин-самоучка и в течение многих лет состоит адмиралом воскресной школы в Кливленде, штат Огайо. В течение многих лет он выступает перед своими слушателями и объясняет им, как ему достались его доллары. И все эти годы они слушают его как зачарованные и делят свое благоговейное поклонение между богом и мистером Рокфеллером — с перевесом в пользу последнего. Эти беседы в воскресной школе передаются по телеграфу во все концы нашей страны и читаются с не меньшим удовольствием, чем теологические изыскания его сына.

Я уже сказал, что американцы смеются, слушая, как молодой Рокфеллер толкует библию. Между тем американцам следовало бы знать, что это в точности то самое толкование библии, которое преподносится нам каждое воскресенье с церковной кафедры и преподносилось многим поколениям наших праотцев. Тщетно было бы искать там хоть одну новую мысль (если позволительно вообще говорить о мыслях, когда дело касается теологии). Метод молодого Джона повсеместно принят на церковных кафедрах. Церковь промышляет уже столетия извлечением изящной морали из неприглядных фактов. Аргументы Рокфеллера — это лохмотья одежды, давным-давно изношенной церковниками. Все его рассуждения взяты напрокат

из замшелого реквизита церкви, возраст которого исчисляется столетиями.

Молодой Джон никогда не изучал библию всерьез; он изучал ее с одной-единственной целью: подогнать ее к тем суждениям, которые он усвоил из вторых рук, услышал от своих учителей. По своей оригинальности и свежести его проповеди ничуть не лучше и не хуже проповедей всех других богословов, начиная с папы римского и кончая им самим. Американцы смеются, слушая глубокомысленные и неуклюжие рассуждения молодого Джона о характере и поступках библейского Иосифа, но разве американские священники не истолковывают поступки и характер Иосифа столь же неуклюже и нелепо? Американцам пора бы понять, что, когда они смеются над молодым Джоном, они смеются над собой. Им следовало бы вспомнить, что молодой Джон не первым подмалевывает Иосифа. Той же кистью и той же краской Иосифа малюют, словно на смех, уже целые века.

Я много лет знаю молодого Рокфеллера, ценю его и считаю, что настоящее место для него — это церковная кафедра. Сияние его интеллекта образовало бы тогда нимб над его головой, что было бы как нельзя более кстати. Опасаюсь, впрочем, что ему придется покориться судьбе и наследовать отцу в качестве главы грандиозной «Стандард ойл корпорейшн».

К числу наиболее очаровательных теологических достижений молодого Рокфеллера принадлежит сообщенный им три года назад комментарий — единственно верный и безошибочный комментарий — к увещанию, с которым Христос обратился к юноше, изнемогавшему под бременем богатства и желавшему спасти душу — если к тому представится удобный случай. «Продай имение свое и раздай нищим», — сказал Христос. Молодой Джон комментировал этот текст следующим образом:

«Если что-либо преграждает тебе путь к спасению души — устрани это препятствие, чего бы это тебе ни стоило. Если это деньги — расстанься с ними, отдай их беднякам. Если это имущество — продай его до последнего лоскута и отдай выручку беднякам. Если это воинское честолюбие — покинь военную службу. Если это страсть к человеку, или вещи, или занятию — отрешись от них, чтобы полностью отдаться делу спасения своей души».

Трудно выразиться яснее. Миллионы старшего Рокфеллера и молодого Джона настолько незначащий факт в их жизни, что, конечно, не могут рассматриваться как препятствие на пути к спасению. Таким образом, увещание Христа к ним никакого

отношения не имеет. Одна нью-йоркская газета направила репортеров к шести или семи священникам, чтобы узнать их мнение по этому поводу. За исключением одного, все они признали правильным рассуждение молодого Рокфеллера. Просто не знаю, что бы мы стали делать без священников. Легче было бы обойтись без солнца, без луны — во всяком случае.

Три года тому назад я отправился с молодым Джоном в его воскресную школу и произнес там речь (не на богословскую тему, это было бы проявлением дурного вкуса — я же предпочитаю хороший вкус благочестию). Как выяснилось, каждый, кто произносит речь перед слушателями этой воскресной школы, тем самым становится одним из ее попечителей. И я был удостоен этого звания. На днях я получил извещение, что на послезавтра вечером в церкви назначено собрание попечителей и что меня приглашают посетить собрание и выступить на нем. Если я занят, не угодно ли будет мне написать письмо, которое будет оглашено на собрании?

Я был занят по горло другими делами и потому извинился и послал нижеследующее письмо:

«14 марта 1906 г.

Мистеру Эдуарду М. Футу, председателю собрания.

Уважаемый друг и коллега.

Я искренне желал бы лично присутствовать на собрании попечителей воскресной школы мистера Рокфеллера (среди которых за услуги, оказанные школе, числюсь и я), но, подумав, решил остаться дома. Все дело в Иосифе. Проблема Иосифа может возникнуть в любую минуту, и тогда быть беде, потому что мы с мистером Рокфеллером придерживаемся по этому вопросу разных мнений. Восемь лет тому назад я проанализировал историю Иосифа самым серьезным и исчерпывающим образом в свете сорок седьмой главы книги Бытия и поместил на эту тему в «Норс американ ревью» специальную статью, которая в дальнейшем вошла в XXII том моего собрания сочинений. Я был уверен, что разделался с Иосифом раз и навсегда, что тема исчерпана, и спокойно принялся за другие дела. Каково же было мое горестное изумление, когда я узнал из газет, что мистер Рокфеллер решил снова заняться Иосифом, как видно даже не подозревая, что заниматься им вовсе не следует, поскольку все вопросы, касающиеся Иосифа, мною окончательно разрешены.

То, что мистер Рокфеллер говорит о Иосифе, свидетельствует, что он в Иосифе не разбирается. Отсюда ясно, что он не

читал моей статьи. В этом не может быть сомнения, так как его оценка Иосифа расходится с моей. Ничего подобного не было бы, если бы он прочитал мою статью. Он считает Иосифа невинным агнцем,— это заблуждение. Иосиф был... впрочем, почитайте мою статью, и вы узнаете, кем он был.

На протяжении столетий проблема Иосифа оставалась одной из наиболее запутанных и каверзных. Для всех, только не для меня. Потому что я, в отличие от других богословов, сужу о Иосифе на основании установленных фактов. Они же, ревностно стремясь к заранее намеченной цели, подмалевывают факты. Некоторые факты они закрашивают совсем, а на их место малюют другие, более привлекательные, которые являются плодом их фантазии. Их писания об Иосифе напоминают банковские отчеты, которые выпускает правление банка накануне краха, силясь обмануть ревизоров. Банкиры пытаются скрыть задолженность и вписывают в отчет несуществующие вклады. Не думайте, что я фантазирую. Вот что заявил высокоученый и сведущий доктор Силвермен в позапрошлое воскресенье на страницах «Таймс»:

«Крестьяне, землепашцы и скотоводы, жизнь которых зависит от плодов земли, пострадали от недорода больше всех. Чтобы они не умерли голодной смертью, Иосиф переселил в города всех сельских жителей Египта от границы до границы (книга Бытия, глава сорок седьмая) и дал им пищу. Пока у них были деньги, он брал в уплату деньги; когда денег не стало, он стал брать в залог скот — лошадей, овечьи стада и ослов; когда же их не хватило — то и землю. А власти сами кормили овечьи стада, лошадей и другой скот, который иначе подох бы с голоду.

В дальнейшем земля была возвращена прежним владельцам *(в собственность?)*. Им дали семян, чтобы засеять поля, им дали столько скота, лошадей, овец и пр., сколько им было надобно, и от них потребовали в уплату всего только одну пятую часть урожая и приплода скота, которую они должны были отдавать правительству.

Действия Иосифа показали, что он был государственным мужем и гуманным человеком. Они произвели сильное впечатление на фараона и его советников, и нет ничего удивительного, что Иосиф был назначен вице-королем Египта. Иосиф разбил наголову ростовщиков и спекулянтов, которые испокон веку грабили при неурожае бедный люд, обрекая его на нищенство и голодную смерть. Он взял у нуждающихся их землю и

их скот лишь как залог, а потом возвратил им обратно *(в собственность?)*. За пищу, которую он им предоставлял, он брал с них лишь среднюю рыночную цену. Если бы мудрый Иосиф не озаботился устройством общественных складов, люди потеряли бы свое имущество, вся страна впала бы в нищету и многие тысячи погибли бы, как это уже не раз случалось во времена неурожаев».

Таков банковский отчет доктора Силвермена, изящно составленный, с золоченым бордюром, предназначенный для ревизоров.

А вот что говорится в библии *(курсив мой)*:

«И не было хлеба по всей земле: потому что голод весьма усилился и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская.

Иосиф собрал *все* серебро, какое было в земле Египетской и в земле Ханаанской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараонов.

И серебро истощилось в земле Египетской и в земле Ханаанской. *Все* Египтяне пришли к Иосифу и говорили: дай нам хлеба; зачем нам умирать перед тобою, потому что серебро вышло у нас?

И Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам за скот ваш, если серебро вышло у вас.

И пригоняли они к Иосифу скот свой; и давал им Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за *весь скот их*.

И прошел этот год; и пришли к нему на другой год, и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; *ничего не осталось у нас* пред господином нашим, *кроме тел наших и земель наших*.

Для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? Купи *нас* и *земли наши* за хлеб; и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть и чтобы не опустела земля.

И *купил* Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что *продали* Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. *И досталась земля фараону*.

И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого.

Только земли жрецов не купил, ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посему и не продали земли своей.

И сказал Иосиф народу: *вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу;* вот вам семена, и засевайте землю.

Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону; а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим.

Они сказали, ты спас нам жизнь; да обретем милость в очах господина нашего и да будем рабами фараону.

И поставил Иосиф в закон земле Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая только земли жрецов, которая не принадлежала фараону».

Я не нахожу здесь ни малейшего упоминания о *«залоге»*. Это чистейшая новинка, поскольку речь идет о действиях Иосифа. Приятная новинка, я бы даже сказал утешительная новинка! Но где же основания для нее? Я лично не нахожу ни малейших оснований. Где здесь сказано, что Иосиф давал ссуду этим несчастным крестьянам под залог их земель и скота? Я вижу, что он забрал у них всю их землю до последнего акра и всю скотину до последнего копыта. А откуда следует, что Иосиф брал за прокормление этих злосчастных бедняг «лишь среднюю рыночную цену»? Я лично считаю, что он обобрал их до последнего гроша, до последнего клочка земли, до последней овцы, а потом «по средней рыночной цене» приобрел у народа *его свободу и его права* в обмен на хлеб и цепи рабства. Я вас спрашиваю, существует ли вообще «средняя рыночная цена» или какая бы то ни было цена в золоте, брильянтах, банкнотах или государственных бумагах на драгоценнейшее достояние человека, то достояние, без которого его жизнь лишается всякого смысла,— на его свободу? Иосиф поступил великодушно в отношении духовенства — в этом я ему не могу отказать. Великодушно и политично. Духовенство не забыло этого.

Нет, благодарю вас, благодарю от всей души, но чувствую, что мне лучше остаться дома, потому что я щепетилен, гуманен, вспыльчив, и я не вынесу, если молодой мистер Рокфеллер, которого я так высоко ценю, поднимется на кафедру и примется подмалевывать Иосифа. Примите мои наилучшие пожелания.

Марк Твен,
попечитель воскресной школы».

РЕЛИГИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ КРИТИЧЕСКОГО РАЗУМА

БЫЛ ЛИ МИР СОТВОРЕН ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

«Воскрешение Альфредом Расселом Уоллесом теории о том, что Земля является центром вселенной и единственной обитаемой планетой, вызвало в мире большой интерес».

«ЛИТЕРАРИ ДАЙДЖЕСТ»

«Мы же глубоко убеждены, что человек, живущий на этой крохотной Земле, является по своей сути и возможностям высшим бытием среди всех небожественных существ — средоточием любви Бога и его главной радостью».

ЧИКАГСКИЙ «ИНТЕРИОР» *(ПРЕСВ.).*

КАЖЕТСЯ, я — единственный ученый и богослов, еще не высказавший своего мнения относительно этого крайне важного вопроса: был ли мир сотворен для человека или нет. Я чувствую, что мне пора изложить свою точку зрения.

Я почти разделяю взгляды остальных. Они считают, что мир был сотворен для человека,— я же считаю, что он, возможно, был сотворен для человека. Они приводят доказательства, в основном астрономические, что он был сотворен для человека,— я же считаю, что это всего лишь свидетельства, а не доказательства того, что мир был сотворен для него. Пока еще рано выносить приговор, поскольку нам известны не все данные. Когда же данные эти будут собраны все, они, я полагаю, докажут, что мир был сотворен для человека; но мы не должны торопиться, мы должны терпеливо ждать, чтобы все эти данные были собраны.

Пока, насколько можно судить, астрономия на нашей стороне. Мистер Уоллес совершенно ясно показал это. Он ясно показал две вещи: что мир был сотворен для человека и что вселенная была сотворена для мира — чтобы уравновесить его, знаете ли. С астрономической точки зрения вопрос решен, и решен бесповоротно.

Взглянем теперь на него с точки зрения геологии. Вот тут собраны еще не все данные. Они поступают ежедневно, ежечасно, непрерывно, но само собой разумеется, они поступают с геологической медлительностью и осторожностью, и мы не должны терять терпения, мы не должны выходить из себя, мы должны сохранять спокойствие и ждать. Как бы мы ни волно-

вались, это не заставит геологию торопиться — ничто не в силах заставить геологию торопиться.

Требуется немало времени, чтобы приготовить для человека подходящий мир. Такие вещи за один день не делаются. Некоторые из знаменитых ученых, тщательно проанализировав все геологические данные, пришли к заключению, что наш мир чудовищно стар, и они, возможно, правы, хотя лорд Кельвин не разделяет их мнения. Он придерживается осторожной, консервативной точки зрения, стремится избежать риска и полагает, что мир не так стар, как они думают. Поскольку лорд Кельвин является крупнейшим авторитетом среди ныне живущих ученых, нам, по-моему, следует принять его точку зрения. Он не допускает, что нашему миру более ста миллионов лет. Он считает, что ему сто миллионов лет, но не больше. Лайель считает, что человечество появилось 31 000 лет тому назад, Герберт Спенсер утверждает, что оно появилось 32 000 лет тому назад. Лорд Кельвин согласен со Спенсером.

Отлично. Согласно этим цифрам, потребовалось 99 968 000 лет, чтобы подготовить мир для человека, хотя Творец, несомненно, изнывал от нетерпения поскорее его увидеть и полюбоваться им. Но столь большое предприятие следовало вести обстоятельно, аккуратно и логично. Творец предвидел, что человеку понадобится устрица. Поэтому сперва была проведена подготовка к сотворению устрицы. Но ведь устрицу нельзя сотворить на пустом месте, надо прежде сотворить ее предка. А это так быстро не делается. Сперва необходимо сотворить огромное количество разнообразных беспозвоночных — белемнитов, трилобитов, кармелитов и иезуитов и тому подобную мелочь, а затем бросить их мокнуть в первичном океане, сесть и ждать, что из этого получится. Некоторые принесут только разочарование — белемниты, сталактиты и прочие; из них ничего не выйдет, по истечении девятнадцати миллионов лет, потребных на этот эксперимент, они вымрут и станут ископаемыми. Однако не все будет потеряно, ибо иезуиты придут к финишу и постепенно разовьются в сифонофоры, семафоры и фарфоры. Ну там то да се, одна могучая эра сменяет другую, архейский и кембрийский периоды громоздят в первичных океанах свои величественные горы, и вот в конце концов достигнута первая великая ступень в подготовке мира для человека — создана устрица. Трудно предположить, что устрица способна рассуждать намного логичнее ученых, и поэтому можно считать несомненным, что эта устрица тут же заключила, будто все эти девятнадцать миллионов лет были подготовкой к сотворению именно ее. Да чего

еще и ждать от устрицы? Это ведь наиболее самодовольное создание в мире, если не считать человека. И уж во всяком случае, эта устрица не могла в ту раннюю эпоху знать, что она — лишь один из этапов великого плана и что план этот ею отнюдь не завершается.

После сотворения устрицы на очереди в подготовке мира для человека стала рыба. Рыба — и уголь, чтобы было на чем ее жарить. И вот для разведения рыбы были устроены древние силурийские моря, и в то же время был начат великий труд по сооружению из красного песчаника древних гор высотой в восемьдесят тысяч футов — так сказать, погребов для хранения окаменелостей. Без этого последнего обойтись было никак нельзя, ибо вновь предстояли бесконечные неудачи, бесконечные вымирания — миллионы вымираний,— и было дешевле, да и не так хлопотно, консервировать окаменелости в скалах, вместо того, чтобы вести им учет в конторской книге. Ну, за короткое время не создашь угольных залежей и восемьдесят тысяч вертикальных футов древнего красного песчаника — нет, на это потребовалось двадцать миллионов лет. Во-первых, сооружение угольной залежи — дело чрезвычайно медленное, утомительное и скучное. Приходится выращивать на болотах гигантские леса из древовидных папоротников, тростника, хвощей и тому подобного; затем приходится затапливать их и оставлять гнить под водой; затем приходится поворачивать на них реки, чтобы прикрыть их несколькими слоями ила, а этому илу надо дать время, чтобы он затвердел и превратился в камень; затем сверху приходится выращивать еще один лес, потом его затапливать, накидывать сверху еще один слой ила и ждать, чтобы он затвердел; потом опять лес и опять твердеющий ил, слой за слоем в три мили толщиной: да, правильное изготовление угольных копей — дело мучительно долгое!

В этих занятиях уныло тянутся миллионы лет, а рыбная культура тем временем сохнет и дохнет, так что тошно становится. Вот вы вывели из одной устрицы десять тысяч сортов рыбы, а потом глядь — и оказывается, получились у вас только окаменелости да ископаемые, а живыми и развивающимися осталась только парочка ганоидов, да, может быть, полдюжины астероидов, на которых даже кошка не польстится.

Но это ничего: времени впереди еще много, и они успеют развиться в какое-нибудь изысканное блюдо, прежде чем появится человек, чтобы их есть. Даже на ганоида можно в этом отношении положиться, если его не потребуют к столу раньше, чем через шестьдесят миллионов лет.

К этому моменту время, отведенное на палеозойскую эру, было уже исчерпано, и пришлось перейти к следующему этапу подготовки мира для человека — открыть мезозойскую эру и учредить пресмыкающихся, ибо человеку понадобятся пресмыкающиеся — не для того, чтобы их есть, а для того, чтобы из них развиваться. Поскольку это было самой важной частью плана, времени на нее не пожалели и отвели целых тридцать миллионов лет. Какие тут начались чудеса! Из оставшихся ганоидов, астероидов и алкалоидов благодаря медленному, упорному и тщательному выведению развились колоссальные ящеры, имевшие обыкновение бродить в те отдаленные века по окутанному горячими парами миру, задрав свои змеиные головы на сорок футов вверх и волоча по земле шестьдесят футов тела, за которым еле поспевал бешено хлещущий хвост. От них теперь, увы, не осталось и помину, все они вымерли, за исключением горсточки арканзавров, граждан штата Арканзас, которые томятся среди нас в печальном одиночестве, заброшенные в самые дальние пределы времен.

Да, понадобилось тридцать миллионов лет и двадцать миллионов всяческих пресмыкающихся, чтобы получить такое, которое выдержало бы достаточно долго и развилось бы во что-то другое, продвинув осуществление плана еще на один шаг вперед.

И вот во всем своем непередаваемом величии и красе в мир явился птеродактиль, и вся Природа поняла, что кайнозойский порог остался позади и начинается новая эра, новая стадия подготовки земного шара для человека. Возможно, птеродактиль воображал, будто эти тридцать миллионов лет были потрачены на то, чтобы подготовить его — ведь птеродактиль способен вообразить любую глупость,— но он ошибался. Приготовления велись ради человека. Несомненно, птеродактиль привлек к себе всеобщее внимание, ибо даже самые ненаблюдательные могли заметить, что в нем есть зачатки птицы. Так оно и вышло. А кроме того, и зачатки млекопитающего, только они развились не сразу. Но одного у птеродактиля не отнимешь: по живописности он был подлинным триумфом своего периода; он носил крылья, обладал зубами, был весь какой-то накрахмаленный и вообще являл собой замечательную смесь, нечто вроде весьма отдаленного предвестника киплинговского солдата морской пехоты:

Сапером его не назовешь, и он не матрос уж никак;
Какой-то дурацкий гермафродит — солдат, а также моряк.

С этого момента и примерно еще тридцать миллионов лет приготовления продвигались очень быстро. Из птеродактиля развилась птица; из птицы — кенгуру; из кенгуру — другие сумчатые; из них — мастодонт, мегатерий, гигантский ленивец, ирландский лось и все прочие создания, которых можно использовать для изготовления полезных и поучительных окаменелостей. Но тут началось первое великое оледенение, и они все отступили перед ним, перешли по мосту Берингов пролив, разбрелись по всей Европе и Азии и передохли. Все, за исключением лишь немногих, которым предстояло вести дальнейшую подготовку. Шесть ледниковых периодов с промежутками по два миллиона лет после каждого гоняли этих бедных сирот по всей земле от климата к климату — от тропического зноя на полюсах к арктическим холодам на экваторе, а оттуда назад, и снова обратно, так что они никогда не знали, какая завтра будет погода; а стоило им где-нибудь устроиться, как весь континент проваливался под ними без малейшего предупреждения, и им приходилось спешно меняться местами с рыбами и карабкаться туда, где прежде были моря: и это — промокнув насквозь! А когда все как будто успокаивалось, начинал действовать вулкан и выжигал их из того края, где они только-только обосновались. Они вели эту неустроенную нервную жизнь двадцать пять миллионов лет, то барахтаясь в воде, то носясь по суше и не переставая удивляться, для чего все это делается,— ибо они, конечно, не подозревали, что все это делается, дабы подготовить мир для человека, и что готовить его по-другому нельзя, иначе к прибытию человека он будет недостаточно удобен и гармоничен.

Наконец появилась обезьяна, и тут уже все увидели, что до человека теперь рукой подать. Так оно и получилось. Обезьяна развивалась около пяти миллионов лет, а затем превратилась в человека — если судить по внешнему виду.

Такова история появления человека. Он существует 32 000 лет. То, что потребовалось сто миллионов лет, чтобы приготовить для него мир, является неопровержимым доказательством, что это именно то, для чего его готовили. Думаю, что это так. А впрочем, не знаю. Если бы, например, Эйфелева башня символизировала возраст мира, то мазок краски на венчающем ее острие символизировал бы долю человека в этом возрасте; и кто угодно сразу увидел бы, что башня строилась именно для этого мазка краски. То есть я полагаю, что это сразу видно, а впрочем, не знаю.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД ИИПН

В КАЧЕСТВЕ секретаря Индианаполисского Института Прикладных Наук я был обязан установить обстоятельства предполагаемого открытия Северного полюса и доложить о полученных результатах уважаемому совету.

Для этого я полагал достаточным узнать мнение профессора сравнительной науки и богословия Хайрема Бледсоу, признанного авторитета в этой области, чем и ограничиться.

Я спросил его, полагает ли он, что нам следует счесть это открытие бесспорно установленным и торжественно отметить его наряду с другими достопамятными девятыми годами — 1609, 1809 и 1909,— поставив на одном нарядно убранном плотике человека, изображающего Генри Гудзона, на другом — человека, изображающего Роберта Фултона[1], а на третьем выставив самого доктора Фредерика Кука, как первооткрывателя Северного полюса.

Профессор Бледсоу попросил несколько минут на размышление. Затем он сказал:

— Положительный или отрицательный ответ полностью зависит от ответа на следующий вопрос: является открытие доктора Кука фактом или чудом?

— Почему?

— Потому что, если это чудо, то достаточно будет любого свидетельства, если же это факт, необходимы неопровержимые доказательства.

— Это всегда так?

— О да. Это абсолютный закон. Не допускающий никаких исключений. По этому поводу весьма удачно выразилась «Вестминстерская газета», указав, что, «когда игрок в гольф выигрывает партию рекордным числом ударов, это должно быть засвидетельствовано в его карточке авторитетными подписями. А подписать карточку доктора Кука было некому; разумеется, его подвиг подтверждается свидетельством двух эскимосов, но они были его носильщиками, а в гольфе не принимается свидетельство мальчиков, носящих за игроком его клюшки». Это полностью определяет ситуацию. Если считать подвиг доктора

---

[1] Генри Гудзон (1550—1611) — английский мореплаватель, в 1609 г. открыл и исследовал реку Гудзон, на которой теперь стоит город Нью-Йорк. Роберт Фултон (1765—1815) — создатель первого в мире парохода; первое плавание его «Клермонт» совершил по реке Гудзон в 1809 г. *(прим. ред.)*.

Кука фактом, то свидетельства его двух клюшконосцев недостаточно; если же усмотреть в нем чудо, с избытком хватит и одного клюшконосца.

— Неужели в этом заключается вся разница между фактом и чудом?

— Да, так свидетельствует история — многие века истории. Никогда не случалось чуда, в котором можно было бы усмотреть большое сходство с фактом. Приведу вам пример. Мистер Дженивьер цитирует следующую запись из судового журнала Генри Гудзона, сделанную Гудзоном за четырнадцать месяцев до того, как он открыл реку, названную в его честь:

«Сегодня утром один из матросов увидел за бортом русалку и позвал своих товарищей, и к нему подошел еще матрос, а к тому времени она подплыла к самому кораблю и смотрела на них, не отводя взгляда. Потом ее подхватила волна и перевернула. От пупка вверх ее спина и груди были как у женщины, но величиной она была с мужчину. Кожа у нее очень белая, а волосы длинные и черные. Когда она нырнула, они увидели ее хвост, совсем как у дельфина, и пятнистый, как у макрели. Тех, кто ее видел, зовут Томас Хиллс и Роберт Рейнер».

Заметьте, что для Гудзона это был не факт, но чудо. Почему я так полагаю? Потому что он поверил в него, положившись на простое утверждение двух матросов. Он *знает*, что они видели русалку, так как не говорит, что они *думали*, будто видели ее, а убежденно утверждает, что *они ее видели*. Если это чудо, то утверждения матросов вполне достаточно — более чем достаточно: во всей истории не найти столь доказанного чуда. Но наш современник доктор Эшер считает, что Гудзон записал это происшествие как факт, а потому свидетельство матросов является для него всего лишь свидетельством клюшконосцев, иначе говоря — совершенно недостаточным. Он комментирует: «Возможно, тюлень».

— Так значит, разница...

— Вот именно. Разница между чудом и фактом точно равняется разнице между русалкой и тюленем. Трудно найти для нее лучшее выражение.

— Очень хорошо. А как же мы должны оценить это открытие Северного полюса? Что следует предпринять нашему институту и Обществу имени Роберта Фултона?

— Мне кажется, вот что: если вы хотите исходить из гипотезы, что это чудо, то готовьте свои плотики — доказательств более чем достаточно. Но если вы хотите исходить из гипотезы, что это факт, то подождите возвращения доктора Кука —

дайте ему возможность представить точные доказательства. А до этого мы не имеем права делать какие-либо выводы.

Индианаполис, 3 сентября 1909 г.

Г. Дж. Уокер, *секретарь*.

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА

ГЛАВА I

Вена, 1899

Прошлым летом, когда я возвращался из горного санатория в Вену после курса восстановления аппетита, я оступился в потемках и упал со скалы, и переломал руки, ноги и все остальное, что только можно было сломать, и, к счастью, меня подобрали крестьяне, которые искали осла, и они перенесли меня в ближайшее жилище — один из тех больших приземистых деревенских домов, крытых соломой, с комнатами для всей семьи в мансарде и славным маленьким балкончиком под нависшей крышей, который украшают яркие цветы в ящиках и кошки; в нижнем этаже помещается просторная и светлая гостиная, отделенная перегородкой от коровника, а во дворе перед окнами величественно и эффектно высится гордость и богатство дома — навозная куча. Вы, вероятно, заметили, что это типичная немецкая фраза, она говорит о том, что я успешно овладеваю механикой и духом этого языка и уже могу, раз оседлав одну фразу, ехать на ней, не слезая, целый день.

В миле от моего пристанища в деревне жил коновал, но хирурга там не оказалось. Это сулило неважную перспективу — мой случай был явно хирургический. Тут вспомнили, что в деревне проводит лето некая леди из Бостона, эта леди проповедует Христианскую Науку и может лечить, все что угодно. Послали за ней. Она не решилась выйти из дому на ночь глядя, но велела передать на словах, что это не важно, что никакой спешки нет, что сейчас она применит «заочное лечение», а сама придет утром; пока же она просит меня успокоиться, расположиться поудобнее и, главное, помнить, что со мной ровно ничего не случилось. Я подумал, что здесь какое-то недоразумение.

— Вы ей сказали, что я сверзился со скалы высотой в семьдесят пять футов?

— Да.

— И стукнулся о камень на дне пропасти и отскочил?

— Да.

— И стукнулся о другой камень и опять отскочил?

— Да.

— И стукнулся о третий камень и снова, еще раз отскочил?

— Да.

— И переколол все камни?

— Да.

— Теперь понятно, в чем дело: она думает только о камнях. Почему же вы ей не сказали, что я сам тоже расшибся?

— Я сказала ей все слово в слово, как вы велели: что сейчас от вихра на макушке и до пяток вы представляете собой причудливую цепь из сложных переломов и что раздробленные кости, которые торчат из вас во все стороны, сделали вас похожим на вешалку для шляп.

— И после этого она пожелала мне помнить, что со мной ровным счетом ничего не случилось?

— Да, так она сказала.

— Ничего не понимаю. Мне кажется, что она недостаточно вдумчиво диагносцировала мой случай. Как она выглядела? Как человек, который витает в сфере чистой теории, или же как человек, которому самому случалось падать в пропасть и который в помощь абстрактной науке привлекает доказательства из собственного опыта?

— Bitte? [1]

Понять эту фразу для Stubenmädchen [2] оказалось непосильной задачей: она перед ней спасовала. Продолжать разговор не имело смысла, и я попросил чего-нибудь поесть, и сигару, и выпить чего-нибудь горячего, и корзину, чтобы сложить туда свои ноги,— но на все это получил отказ.

— Почему же?

— Она сказала, что вам ничего не понадобится.

— Но я голоден, я хочу пить, и меня мучает отчаянная боль.

— Она сказала, что у вас будут эти иллюзии, но вы не должны обращать на них никакого внимания. И она особенно просит вас помнить, что таких вещей, как голод, жажда и боль, не существует.

— В самом деле, она об этом просит?

— Так она сказала.

— И при этом она производила впечатление особы вполне контролирующей работу своего умственного механизма?

[1] Как вы сказали? *(нем.)*

[2] Служанка *(нем.)*.

— Bitte?
— Ее оставили резвиться иа свободе или связали?
— Связали? Ее?
— Ладно, спокойиой иочи, можете идти; вы славная девушка, ио для легкой остроумиой беседы ваша мозговая Geschirr[1] иепригодиа. Оставьте меня с моими иллюзиями.

ГЛАВА II

Разумеется, всю ночь я жестоко страдал, по крайней мере я мог об этом догадываться, судя по всем симптомам, но наконец эта иочь миновала, а проповедница Христианской Науки явилась, и я воспрянул духом. Она была средних лет, крупная и костлявая, и прямая, как доска, и у иее было суровое лицо, и решительиая челюсть, и римский клюв, и она была вдовой в третьей степени, и ее звали Фуллер. Мие ие терпелось приступить к делу и получить облегчение, ио оиа была раздражающе медлительиа. Она вытащила булавки, расстегиула крючки, киопки и пуговицы и совлекла с себя все свои иакидки одну за другой; взмахом руки расправила складки и аккуратно развесила все вещи, стянула с рук перчатки, достала из сумки киижку, потом придвииула к кровати стул, не спеша опустилась иа иего, и я высунул язык. Оиа сказала сиисходительно, ио с ледяиым спокойствием:

— Верните его туда, где ему надлежит быть. Нас интересует только дух, а ие его немые слуги.

Я не мог предложить ей свой пульс, потому что сустав был сломан, но она предупредила мои извииеиия и отрицательно мотиула головой, давая поиять, что пульс — это еще одии немой слуга, в котором оиа ие иуждается. Тогда я подумал, что иадо бы рассказать ей о моих симптомах и самочувствии, чтобы она поставила диагиоз, но опять я суиулся невпопад, все это было ей глубоко безразличио,— более того, самое упоминаиие о том, как я себя чувствую, оказалось оскорблеиием языка, нелепым термином.

— Никто ие чувствует,— объясиила она,— чувства вообще нет, поэтому говорить о несуществующем как о существующем — зиачит впасть в противоречие. Материя не имеет существоваиия; существует только дух; дух не может чувствовать боли, ои может только ее вообразить.

— А если все-таки больио...

— Этого ие может быть. То, что иереальио, не может вы-

[1] Оснастка *(нем.)*.

полнять функций, свойственных реальному. Боль нереальна, следовательно, больно быть не может.

Широко взмахнув рукой, чтобы подтвердить акт изгнания иллюзии боли, она напоролась на булавку, торчавшую в ее платье, вскрикнула «ой!» и спокойно продолжала свою беседу:

— Никогда не позволяйте себе говорить о том, как вы себя чувствуете, и не разрешайте другим спрашивать вас о том, как вы себя чувствуете; никогда не признавайте, что вы больны, и не разрешайте другим говорить в вашем присутствии о недугах, или боли, или смерти, или о подобных несуществующих вещах. Такие разговоры только потворствуют духу в его бессмысленных фантазиях.

В этот момент Stubenmädchen наступила кошке на хвост, и кошка завизжала самым нечестивым образом. Я осторожно спросил:

— А мнение кошки о боли имеет ценность?

— Кошка не имеет мнения; мнения порождаются только духом; низшие животные осуждены на вечную бренность и не одарены духом; вне духа мнение невозможно.

— Значит, эта кошка просто вообразила, что ей больно?

— Она не может вообразить боль, потому что воображать свойственно только духу; без духа нет воображения. Кошка не имеет воображения.

— Тогда она испытала реальную боль?

— Я уже сказала вам, что такой вещи, как боль, не существует.

— Это очень странно и любопытно. Хотел бы я знать, что же все-таки произошло с кошкой. Ведь если реальной боли не существует, а кошка лишена способности вообразить воображаемую боль, то, по-видимому, бог в своем милосердии компенсировал кошку, наделив ее какой-то непостижимой эмоцией, которая проявляется всякий раз, когда кошке наступают на хвост, и в этот миг объединяет кошку и христианина в одно общее братство...

Она раздраженно оборвала меня:

— Замолчите! Кошка не чувствует ничего, христианин не чувствует ничего. Ваши бессмысленные и глупые фантазии — профанация и богохульство и могут причинить вам вред. Разумнее, лучше и благочестивее допустить и признать, что таких вещей, как болезнь, или боль, или смерть, не существует.

— Я весь — воображаемые живые мучения, но не думаю, что мне было бы хоть на йоту хуже, будь они реальными. Что мне сделать, чтобы избавиться от них?

— Нет необходимости от них избавляться — они не существуют... Они — иллюзии, порожденные материей, и материя не имеет существования; такой вещи, как материя, не существует.

— Все это звучит как будто правильно и ясно, но сути я все же как-то не улавливаю. Кажется, вот-вот схвачу ее, а она уже ускользнула.

— Объяснитесь.

— Ну, например, если материи не существует, то как может материя что-нибудь порождать?

Ей стало меня так жалко, что она даже чуть не улыбнулась. То есть она непременно улыбнулась бы, если бы существовала такая вещь, как улыбка.

— Ничего нет проще,— сказала она.— Основные принципы Христианской Науки это объясняют, их суть изложена в четырех следующих изречениях, которые говорят сами за себя. Первое: Бог есть все сущее. Второе: Бог есть добро. Добро есть Дух. Третье: Бог, Дух есть все, материя есть ничто. Четвертое: Жизнь, Бог, всемогущее Добро отрицают смерть, зло, грех, болезнь. Вот, теперь вы убедились?

Объяснение показалось мне туманным; оно как-то не разрешало моего затруднения с материей, которая не существует и, однако, порождает иллюзии. Поколебавшись, я спросил:

— Разве... разве это что-нибудь объясняет?

— А разве нет? Даже если прочитать с конца, и тогда объясняет.

Во мне затеплилась искра надежды, и я попросил ее прочитать с конца.

— Прекрасно. Болезнь грех зло смерть отрицают Добро всемогущее Бог жизнь ничто есть материя все есть Дух Бог Дух есть Добро. Добро есть Бог сущее все есть Бог. Ну вот... теперь-то вы понимаете?

— Теперь... теперь, пожалуй, яснее, чем раньше, но все же...

— Ну?

— Нельзя ли прочитать это как-нибудь иначе, другим способом?

— Любым, как вам угодно. Смысл всегда получится один и тот же. Переставляйте слова, как хотите, все равно они будут означать точно то же самое, как если бы они были расположены в любом другом порядке. Ибо это совершенство. Вы можете просто все перетасовать — никакой разницы не будет: все равно выйдет так, как было раньше. Это прозрение гениального

ума. Как мыслительный tour de force[1] оно не имеет себе равных, оно выходит за пределы как простого, конкретного, так и тайного, сокровенного.

— Вот так штучка!

Я сконфузился: слово вырвалось прежде, чем я успел его удержать.

— Что??

...Изумительное построение... сочетание, так сказать, глубочайших мыслей... возвышенных... потря...

— Совершенно верно. Читаете ли вы с конца, или с начала, или перпендикулярно, или под любым заданным углом — эти четыре изречения всегда согласуются по содержанию и всегда одинаково доказательны.

— Да, да... доказательны... Вот теперь мы ближе к делу. По содержанию они действительно согласуются; они согласуются с... с... так или иначе, согласуются; я это заметил. Но что именно они доказывают... я разумею — в частности?

— Это же абсолютно ясно! Они доказывают: первое: Бог — Начало Начал, Жизнь, Истина, Любовь, Душа, Дух, Разум. Это вы понимаете?

— Мм... кажется, да. Продолжайте, пожалуйста.

— Второе: Человек — божественная универсальная идея, индивидуум, совершенный, бессмертный. Это вам ясно?

— Как будто. Что же дальше?

— Третье: Идея — образ в душе; непосредственный объект постижения. И вот она перед вами — божественная тайна Христианской Науки в двух словах. Вы находите в ней хоть одно слабое место?

— Не сказал бы; она кажется неуязвимой.

— Прекрасно. Но это еще не все. Эти три положения образуют научное определение Бессмертного Духа. Дальше мы имеем научное определение Смертной Души. Вот оно. ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ: *Греховность.* Первое: Физическое — страсти и вожделения, страх, порочная воля, гордость, зависть, обман, ненависть, месть, грех, болезнь, смерть.

— Все это нереальные категории, миссис Фуллер, иллюзии, насколько я понимаю?

— Все до единой. ВТОРАЯ СТУПЕНЬ: *Зло исчезает.* Первое: Этическое — честность, привязанность, сострадание, надежда, вера, кротость, воздержание. Это ясно?

— Как божий день.

---

[1] Фокус *(франц.).*

— ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ: *Духовное Спасение.* Первое: Духовное — вера, мудрость, сила, непорочность, прозрение, здоровье, любовь. Вы видите, как все это тщательно продумано и согласовано, как взаимосвязано и антропоморфично. На последней, Третьей Ступени, как мы знаем из откровений Христианской Науки, смертная душа исчезает.

— А не раньше?

— Нет, ни в коем случае,— только тогда, когда будут завершены воспитание и подготовка, необходимые для Третьей Ступени.

— И только тогда, значит, возможно успешно овладеть Христианской Наукой, сознательно к ней приобщиться и возлюбить ее,— так я вас понимаю? Иначе говоря, этого нельзя достичь в течение процессов, происходящих на Второй Ступени, потому что там все еще удерживаются остатки души, а значит — и разума, и поэтому... Но я вас прервал. Вы собирались разъяснить, какие получаются прекрасные результаты, когда Третья Ступень разрушает и развеивает эти остатки. Это очень интересно; пожалуйста, продолжайте.

— Так вот, как я уже говорила, на этой Третьей Ступени смертная душа исчезает. Наука так переворачивает все воспринимаемое телесными чувствами, что мы искренне принимаем в сердца свои евангельское пророчество: «первые будут последними, последние — первыми», и постигаем, что Бог и Его идея могут стать для нас всеобъемлющими,— чем божественное действительно является и по необходимости должно быть.

— Это великолепно. И как старательно и искусно вы подобрали и расположили слова, чтобы подтвердить и обосновать все сказанное вами о могуществе и функциях Третьей Ступени. Вторая, очевидно, могла бы вызвать лишь временную потерю разума, но только Третья способна сделать его отсутствие постоянным. Фраза, построенная под эгидой Второй Ступени, возможно, еще заключала бы в себе что-то вроде смысла, вернее, обманчивое подобие смысла; тогда как волшебная сила Третьей Ступени — и только она! — устраняет этот дефект. Кроме того, несомненно: именно Третья Ступень наделяет Христианскую Науку еще одним замечательным свойством,— я имею в виду ее язык, легкий и плавный, богатый, ритмичный и свободный. Вероятно, на то есть особая причина?

— О да! Бог — Дух, Дух — Бог, почки, печень, разум, ум.

— Теперь мне все понятно.

— В Христианской Науке нет ничего непонятного; потому что Бог — един, Время — едино, Индивидуум — един и может

быть одним из себе подобных — одним из многих, как, например, отдельный человек, отдельная лошадь; в то время как Бог — един, не один из многих, но один-единственный и не имеющий себе равных.

— Это благородные мысли. Я просто горю желанием узнать больше. Скажите, как Христианская Наука объясняет духовное отношение постоянной двойственности к случайному отклонению?

— Христианская Наука переворачивает кажущееся отношение Души и тела,— как астрономия переворачивает человеческое восприятие солнечной системы,— и подчиняет тело Духу. Как Земля вращается вокруг неподвижного Солнца, хотя этому трудно верить, когда мы смотрим на восходящее светило, точно так же и тело — это всего лишь смиренный слуга покоящегося Духа, хотя нашему ограниченному разуму представляется обратное. Но мы этого никогда не поймем, если допустим, что Душа находится в теле или Дух в материи и что человек — часть неодухотворенного мира. Душа есть Бог, неизменный и вечный, а человек сосуществует с Душой и отражает ее, потому что Начало Начал есть Все Сущее, а Все Сущее обнимает Душу — Дух, Дух — Душу, любовь, разум, кости, печень, одного из себе подобных, единственного и не имеющего равных.

— Откуда взялась Христианская Наука? Это божий дар или она появилась невзначай, сама собой?

— В некотором смысле она — божий дар. То есть ее могущество исходит от Бога, но честь открытия этого могущества и его предназначения принадлежит одной американской леди.

— Вот как? Когда же это случилось?

— В тысяча восемьсот шестьдесят шестом году. Это незабвенная дата, когда боль, недуги и смерть навеки исчезли с лица земли. То есть исчезли те иллюзии, которые обозначаются этими словами. Сами же эти вещи вообще никогда не существовали; поэтому, как только было обнаружено, что их нет, они были легко устранены. История этого открытия и его сущность описаны вот в этой книжке, и...

— Книгу написала эта леди?

— Да, книгу написала она сама — всю, от начала до конца. Название книги — «Наука и здоровье, с толкованием библии», потому что леди разъясняет библию; раньше никто ее не понимал. Даже двенадцать апостолов. Я вам прочитаю начало.

Но оказалось, что она забыла очки.

— Ничего, это не важно,— сказала она.— Я помню слова,

ведь все мы, проповедники Христианской Науки, знаем книгу наизусть; в нашей практике это необходимо. Иначе бы мы совершали ошибки и причиняли зло. Итак, слушайте: «В тысяча восемьсот шестьдесят шестом году я открыла Науку метафизического врачевания и назвала ее «Христианской Наукой». Дальше она говорит — и я считаю, что это сказано великолепно: «Посредством Христианской Науки религия и медицина одухотворяются новой божественной природой и сутью, вера и понимание обретают крылья, а мысли общаются непосредственно с Богом»,— это ее слова в точности.

— Очень изящно сказано. И кроме того, это блестящая идея — обручить бога с медициной, а не медицину с гробовщиком, как было раньше; ведь бог и медицина, собственно, уже принадлежат друг другу, будучи основой нашего духовного и физического здоровья. Какие лекарства вы даете при обычных болезнях, например...

— Мы никогда не даем лекарств, ни при каких обстоятельствах! Мы...

— Но, миссис Фуллер, ведь там сказано...

— Меня это совершенно не интересует, и я не хочу об этом говорить.

— Я очень сожалею, если чем-то вас задел, но ваша реплика как будто противоречит...

— В Христианской Науке нет никаких противоречий. Они невозможны, так как наука абсолютна. Иначе и не может быть, ибо ее непосредственный источник — Начало Начал, Всеобъемлющий, а также Душа, кости — один из многих, единственный и не имеющий себе равных. Это одухотворенная математика, очищенная от материального шлака.

— Это я понимаю, но...

— Она зиждется на несокрушимой основе Аподиктического Принципа.

Слово расплющилось о мой череп, пытаясь пробиться сквозь него, и оглушило меня, но, прежде чем я успел задать вопрос о том, какое оно имеет отношение к делу, она уже разъясняла:

— Аподиктический Принцип — это абсолютный принцип Научного Врачевания Духом, верховное Всемогущество, избавляющее сынов и дочерей человеческих от всякого зла, которому подвержена плоть.

— Но, конечно, не от всякого зла, не от всякого разрушения?

— От любого, без исключений; такой вещи, как разрушение, нет. Оно нереально; оно не существует.

— Но без очков ваше слабеющее зрение не позволяет вам...
— Мое зрение не может слабеть; ничто не может слабеть; Дух — владыка, а Дух не допускает упадка.
Она вещала под наитием Третьей Ступени, потому возражать не имело смысла. Я переменил тему и стал опять расспрашивать о Первооткрывательнице.
— Открытие произошло внезапно, как это случилось с Клондайком, или оно долгое время готовилось и обдумывалось, как было с Америкой?
— Ваши сравнения кощунственны — они относятся к низменным вещам... Но оставим это. Я отвечу словами самой Первооткрывательницы: «Бог в своем милосердии много лет готовил меня к тому, чтобы я приняла ниспосланное свыше откровение — абсолютный принцип Научного Врачевания Духом».
— Вот как, много лет? Сколько же?
— Тысячу восемьсот!
— Бог — Дух, Дух — Бог, Бог — добро, истина, кости, почки, один из многих, единственный и не имеющий равных,— это потрясающе!
— У вас есть все основания удивляться, сэр. И однако это чистая правда. В двенадцатой главе Апокалипсиса есть ясное упоминание об этой американской леди, нашей уважаемой и святой Основательнице, и там же есть пророчество о ее приходе; святой Иоанн не мог яснее на нее указать, разве что назвав ее имя.
— Как это невероятно, как удивительно!
— Я приведу ее собственные слова из «Толкования библии»: «В двенадцатой главе Апокалипсиса *есть ясный намек, касающийся нашего, девятнадцатого века»*. Вот — заметили? Запомните хорошенько.
— Но что это значит?
— Слушайте, и вы узнаете. Я опять приведу ее вдохновенные слова: «В откровении святого Иоанна, там где говорится о снятии Шестой Печати, что произошло через шесть тысяч лет после Адама, есть одна знаменательная подробность, *имеющая особое отношение к нашему веку»*. Вот она:

«Глава XII, 1.— И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд».

Это наш Вождь, наша Мать, наша Первооткрывательница Христианской Науки,— что может быть яснее, что может быть несомненнее! И еще обратите внимание на следующее:

«Глава XII, 6.— А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от бога».

— Это Бостон. Я узнаю его. Это грандиозно! Я потрясен! Раньше я совершенно не понимал этих мест; пожалуйста, продолжайте ваши... ваши... доказательства.

— Прекрасно. Слушайте дальше:

«И видел я другого Ангела, сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над его головою была радуга, и лицо его как солнце, и ноги его как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая».

Раскрытая книжка... Просто книжка... что может быть скромнее? Но значение ее так громадно! Вы, вероятно догадались, что это была за книжка?

— Неужели...

— Я держу ее в руках — Христианская Наука!

— Любовь, печень, свет, кости, вера, почки, один из многих, единственный и не имеющий равных,— я не могу прийти в себя от изумления!

— Внимайте красноречивым словам нашей Основательницы: «И тогда голос с неба воззвал: «Пойди возьми раскрытую книжку; возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоем, но в устах твоих будет сладка, как мед». Смертный, склонись перед святым глаголом. Приступи к Божественной Науке. Прочитай ее с начала и до конца. Изучи ее, размышляй над ней. Пригуби ее, она действительно будет сладка на вкус и исцелит тебя, но когда ты переваришь ее и ощутишь горечь, то не ропщи против Истины». Теперь вы знаете историю нашей несравненной и Божественной Святой Науки, сэр, и знаете, что на нашей земле она была только открыта, но происхождение ее божественное. А теперь я оставлю вам книгу и уйду, но вы ни о чем не тревожьтесь,— я буду пользовать вас заочно до тех пор, пока не отойду ко сну.

ГЛАВА III

Под магическим воздействием заочного и очного врачевания, вместе взятых, мои кости стали медленно втягиваться внутрь и пропадать из виду. Это благое дело началось в бодром темпе и шло полным ходом. Мое тело усердно растягивалось и всячески выгибалось, чтобы облегчить восстановительный процесс, и через каждую минуту-две я слышал негромкий щелчок где-то у себя внутри,— и мне было понятно, что в этот миг два конца сломанной кости успешно соединились. Приглушенное пощел-

кивание, и поскрипывание, и скрежетание, и постукивание не прекращалось в течение последующих трех часов; потом все стихло — сломанные кости срослись, все до одной. Остались только вывихи, их было семь, не больше,— вывихи бедер, плечей, колен и шеи,— так что с ними скоро было покончено; один за другим они скользнули в свои суставы с тупым звуком — как будто где-то хлопнула пробка, и я вскочил на ноги весь как новенький, без единого изъяна, если говорить о скелете, и послал за коновалом.

Мне пришлось это сделать из-за насморка и болей в желудке: я не собирался снова доверить их женщине, которой я не знал и в чьей способности лечить простые болезни окончательно разочаровался. У меня были на то веские основания — ведь насморк и боли в желудке были ей вверены с самого начала, так же как и переломы, и она ничуть их не облегчила,— напротив, желудок болел все сильней и сильней, все резче и невыносимей,— теперь, пожалуй, из-за того, что я уже много часов ничего не ел и не пил.

Пришел коновал, очень милый человек, полный рвения и профессионального интереса к больному. Что же касается запаха, который от него исходил, то он был довольно-таки пронзительный: откровенно говоря, от него несло конюшней, и я попробовал тут же договориться с ним о заочном лечении, но это было не по его части, и поэтому из деликатности я не стал настаивать. Он осмотрел мои зубы, прощупал бабки и заявил, что мой возраст и общее состояние позволяют ему прибегнуть к энергичным мерам, поэтому он даст мне кое-чего, чтобы превратить боль в желудке в ящур, а насморк в вертячку, тогда он окажется в своей стихии и ему будет проще простого меня вылечить. Он намешал в бадейке пойла из отрубей и сказал, что полный ковш через каждые два часа вперемежку с микстурой, приготовленной из скипидара с колесной мазью, либо вышибет из меня мои недуги в двадцать четыре часа, либо вызовет разнообразные ощущения другого порядка, которые заставят меня позабыть о своих болезнях. Первую дозу он дал мне сам, а потом ушел, сказав на прощанье, что мне можно есть и пить все, чего мне только ни захочется, в любых количествах. Но я уже больше не был голоден, и пища меня не интересовала.

Я взял книгу о Христианской Науке, оставленную миссис Фуллер, и прочитал половину. Потом выпил полный ковш микстуры и дочитал до конца. Пережитое мною после этого было очень интересно и полно неожиданных открытий. Пока

во мне совершался процесс перехода болей в ящур, а насморка в вертячку, сквозь бурчанье, шипенье, сотрясения и бульканье, сопровождавшие его, я все время ощущал интенсивную борьбу за первенство между пойлом, микстурой и литературой, причем часто я не мог точно определить, которая одерживает верх, и легко мог отличить литературу от двух других, только когда те были порознь, а не смешаны, потому что смесь пойла из отрубей с эклектической микстурой как две капли воды похожа на разбушевавшийся Аподиктический Принцип, и никто на свете не отличил бы их друг от друга. Наконец дело подошло к финишу, все эволюции завершились с полным успехом, но я думаю, что результат мог быть достигнут и при меньшей затрате материалов. Пойло, вероятно, было необходимо, чтобы превратить желудочные боли в ящур, но я уверен, что вертячку ничего не стоило получить от одной только литературы и что вертячка, добытая таким путем, была бы лучшего качества и более стойкая, чем любая выведенная искусственными методами коновала.

Потому что среди всех странных, безумных, непонятных и необъяснимых книг, созданных воображением человека, пальма первенства несомненно принадлежит этой. Она написана в духе безграничной самоуверенности и самодовольства, а ее напор, ее пыл, ее непробиваемая серьезность часто создают иллюзию красноречия, даже когда в словах вы не улавливаете и тени смысла. Существует множество людей, которые воображают, что эта книга им понятна: я это знаю потому, что беседовал с ними; но во всех случаях эти же люди воображали, что болей, недугов и смерти не существует в природе и что в мире вообще нет реальных вещей — фактически не существует ничего, кроме Духа. Это обстоятельство несколько снижает ценность их мнения. Когда эти люди говорят о Христианской Науке, они поступают так, как миссис Фуллер: они выражаются не своими словами, а языком книги; они обрушивают вам на голову эффектную чепуху, и вы только позднее обнаруживаете, что все это не выдумано ими, а просто процитировано; кажется, они знают этот томик наизусть и благоговеют перед ним, как перед святыней,— мне следовало бы сказать: как перед второй библией. Эта книга была явно написана на стадии умственного опустошения, причиненного Третьей Ступенью, и я уверен, что никто, кроме пребывающих на этой Ступени, не мог бы обнаружить в ней хоть каплю смысла. Когда вы читаете ее, вам кажется, что вы слышите бурную, сокрушительную, пророческую речь на непонятном языке, вы постигаете ее дух,

но не то, о чем в ней говорится. Или еще так: вам кажется, что вы слушаете какой-то мощный духовой инструмент — он ревет, полагая, что это мелодия, а те, кто не играет в оркестре, слышат просто воинственный трубный звук,— этот призыв только возбуждает душу, но ничего ей не говорит.

Невозмутимое самодовольство, которым пропитана эта книга, как будто бы отдает божественным происхождением,— оно не сродни ничему земному. Простому смертному несвойственна такая непоколебимая уверенность во всем, чувство такого безграничного превосходства, такое бездумное любование собой. Никогда не предъявляя ничего такого, что можно было бы по праву назвать веским словом «доказательство», а порой даже вовсе ни на что не ссылаясь и ни на чем не основывая свои выводы, она громогласно вещает: Я ДОКАЗАЛА то-то и то-то. Чтобы установить и разъяснить смысл какого-нибудь одного-единственного, еще не растолкованного отрывка из библии, нужен авторитет папы и всех столпов его церкви, нужна огромная затрата времени, труда и размышлений, но автор выше всего этого: она видит всю библию в девственном состоянии и при ничтожной затрате времени и без всякой затраты умственных усилий толкует ее от корки до корки, изменяет и исправляет значения, а затем авторитетно разъясняет их, манипулируя формулами такого же порядка, как «Да будет свет! И стал свет». Впервые с сотворения мира над долами, водами и весями прогромыхал такой невозмутимо самодовольный, беззастенчивый и безапелляционный голос [1].

---

[1] *Январь, 1903.* Любая книга с новой и необычной терминологией при первом чтении почти наверняка оставляет читателя в смятенном и саркастическом состоянии духа. Но теперь, когда за последние два месяца я прилежно изучил специальный словарь «Науки и здоронья», я уже больше не считаю суть этой книги трудной для понимания.— *М. Т.*

P. S. Мудрость, которую я извлек из вышеизложенного, уже оказала мне услугу и в одном случае избавила от неприятностей. Около месяца тому назад я получил из одного университета труд доктора Эдварда Энтони Шпитцка — «Анатомия мозга у различных рас». Я решил, что университету желательно получить мой отзыв об этом труде, был очень польщен оказанным мне вниманием и ответил, что представлю его в ближайшее время. В тот же вечер я бросил изнурительные блуждания в дебрях Христианской Науки и взялся за дело. Я написал одну взволнованную главу и решил кончить отзыв на следующий день, но тут мне пришлось отлучиться на неделю, и скоро меня увлекли совсем другие интересы. И только сегодня, после почти месячного промежутка, я снова вернулся к своей главе о мозге. За это время я обрел новую мудрость и перечитал все написанное мною с великим стыдом. Я понял, что начал эту работу совсем не в том настроении, в каком следовало,— далеко не

Никто не сомневается в том, что дух оказывает на тело громадное влияние; я тоже в этом уверен. С давних времен колдун, толкователь снов, гадалка, знахарь, шарлатан, лекарь-самоучка, образованный врач, месмерист и гипнотизер в своей практике использовали *воображение* клиента. Все они признавали наличие и могущество этой силы. Врачи исцеляют многих больных хлебными пилюлями: они знают, что там, где болезнь порождена фантазией, вера пациента в доктора придаст и хлебным пилюлям целительное свойство.

Вера в доктора. Пожалуй, все дело именно в этом. Да, похоже, что так. Некогда монарх исцелял язвы одним прикосновением царственной руки. Часто он совершал поразительные исцеления. Мог ли сделать то же самое его лакей? Нет, в своем платье не мог. А переодетый королем, мог ли он это сделать? Я думаю, нам не приходится в этом сомневаться. Я думаю, мы можем быть совершенно уверены в том, что в любом случае исцеляло не прикосновение руки короля, а вера больного в чудодейственность этого прикосновения. Подлинные и замечательные исцеления совершались возле святых мощей. Разве

в том спокойном и беспристрастном состоянии духа, которого она вполне заслуживала. На затравку я взял для разбора следующий абзац:

«*Борозды париетальных и окципитальных долей мозга (латеральная поверхность)*.— Постцентральный комплекс.— В полушарии постцентральная и субцентральная борозды соединяются, чтобы образовать непрерывную борозду, достигающую 8,5 *см* длины. Дорсально борозда раздваивается, образуя гирус, обозначенный каудальным концом парацентральной борозды. К каудальному концу парацентральной борозды подходит транспариетальная извилина. Всего от объединенной борозды отходит пять ответвлений. Вадум отделяет ее от париетальной; другой вадум — от центральной».

Каким жалким я чувствую себя сейчас, когда вижу, как я тогда распалился на этот абзац и с каким презрением о нем писал. Я писал, что стиль автора ужасный — тяжеловесный, хаотический, временами безудержный; что вопрос трактуется запутанно и неверно, а это может только поставить читателя в тупик; что недостаток простоты усугубляется бедностью словаря; что автор не знает меры в выражении своих чувств; что, если бы у меня был пес, который пришел бы в такое возбужденное и сумбурное состояние по поводу столь спокойного предмета, как анатомия головного мозга, я бы перестал платить за него налог; и тут я сам разволновался и наговорил кучу резкостей по поводу всей этой собачьей чуши и заявил, что с таким же успехом можно пытаться понять «Науку и здоровье».

Теперь-то я знаю, что меня подвело, и радуюсь тому перерыву, который помешал мне послать отзыв в университет. Я холодею при одной мысли о том, чтó бы обо мне там подумали.— *М. Т.*

нельзя допустить, что любые другие кости подействовали бы на больного точно так же, если бы от него скрыли подмену? Когда я был мальчишкой, в пяти милях от нашего городка жила фермерша, которая прославилась как врачевательница верой,— так она себя называла. Страждущие стекались к ней со всей округи, она возлагала на них руку и говорила: «Веруй; это все, что тебе нужно»; и они уходили, забыв о своей хвори. Она не была религиозной женщиной и не претендовала на обладание какой-то сверхъестественной целительной силой. Она признавала, что исцеления совершает вера больного в нее. Несколько раз она при мне мгновенно излечивала от жестоких зубных болей,— пациенткой была моя мать. В Австрии есть один крестьянин, который на этом ремесле основал целое коммерческое дело и лечит и простых и знатных. Время от времени его сажают в тюрьму за то, что он практикует, не имея диплома, но, когда он оттуда выходит, его дело по-прежнему процветает, потому что лечит он бесспорно успешно, и репутация его ущерба не несет. В Баварии есть человек, который совершил так много исцелений, что ему пришлось бросить свою профессию театрального плотника, чтобы удовлетворить спрос постоянно растущей массы клиентов. Год за годом он творит свои чудеса и уже разбогател. Он не делает вида, что ему помогает религия или какие-то потусторонние силы,— просто, как он считает, в нем есть что-то, что вызывает у пациентов доверие; все дело в этом доверии, а совсем не в какой-то таинственной силе, исходящей от него [1].

За последнюю четверть века в Америке появилось несколько врачующих сект под различными названиями, и все они значительно преуспели в лечении недугов без применения лекарств. Среди них есть Врачевание Духом, Врачевание Верой, Врачевание Молитвой, Врачевание Психической Наукой и Врачевание Христианской Наукой. И совершенно несомненно, что все они совершают чудеса при помощи того же старого, всесильного орудия — воображения больного. Названия разные, хотя в способе лечения никакой разницы нет. Но секты не воздают должного этому орудию: каждая заявляет, что ее метод лечения разнится от методов всех других.

[1] *Январь, 1903.* Мне самому хорошо известно одно «чудесное» исцеление от паралича, который целых два года держал больную в постели, несмотря на все старания лучших нью-йоркских врачей. Странствующий «шарлатан» (так его называли) заходил к ней всего два раза по утрам, он поднял больную с постели и сказал: «Иди!» — И больная пошла. Тем дело и кончилось. Это было сорок два года тому назад. И с тех пор больная ходит.— *М. Т.*

Все они могут похвастаться случаями исцелений, с этим не приходится спорить; Врачевание Верой и Врачевание Молитвой, когда они не приносят пользы, пожалуй, не приносят и вреда, потому что они не запрещают больному прибегать к помощи лекарств, если он того пожелает; другие же запрещают лекарства и заявляют, что они способны вылечить любую болезнь человека, какая только существует на земле, применяя одни духовные средства. Здесь, мне кажется, есть элемент опасности. Я думаю, что они слишком много на себя берут. Доверие публики, пожалуй, повысилось бы, если бы они меньше на себя брали.

Проповедница Христианской Науки не смогла вылечить меня от болей в желудке и насморка, но коновалу это удалось. Это убеждает меня в том, что Христианская Наука слишком много на себя берет. Я думаю, что ей следовало бы оставить внутренние болезни в покое и ограничиться хирургией. Здесь она могла бы развернуться, действуя своими методами.

Коновал потребовал с меня тридцать крейцеров, и я ему заплатил; мало того, я удвоил эту сумму и дал ему шиллинг. Миссис Фуллер прислала длинный счет за ящик костей, починенных в двухстах тридцати четырех местах — один доллар за каждый перелом.

— Кроме Духа, ничего не существует?

— Ничего,— ответила она.— Все остальное несубстанциально, все остальное — воображаемое.

Я дал ей воображаемый чек, а теперь она преследует меня по суду, требуя субстанциальных долларов.

Где же тут логика?

СРЕДИ ДУХОВ

Несколько дней тому назад у нас в городе был спиритический сеанс. Я отправился туда вместе с репортером вечерней газеты. Он сказал мне, что знавал в свое время шулера по имени Гэс Грэхем, которого застрелили на улице в одном городишке в Иллинойсе. Поскольку во всем Сан-Франциско, наверно, не найдется второго человека, знакомого с обстоятельствами этого дела, он хочет «подсунуть ду́хам этого Грэхема — пусть пожуют». (Молодой журналист принадлежит к демократической партии и выражается энергично и неизящно, подобно всем своим коллегам.) Когда сеанс начался, он написал на клочке бумаги имя своего покойного приятеля, тщательно свернул записку и бросил ее в шляпу, в которой уже лежало не менее пятисот подобных документов. Записки вывалили на стол,

и женщина-медиум стала разворачивать их одну за другой и откладывать в сторону, вопрошая:

— Этот дух присутствует? А этот? А этот?

Примерно один раз из пятидесяти в ответ раздавался стук, и тогда, тот, кто подал записку, вставал с места и обращался к усопшему с вопросами. По прошествии некоторого времени какой-то дух ухватил медиума за руку и написал на бумаге: «Гэс Грэхем», причем написал задом наперед. Женщина-медиум немедля принялась рыться в груде записок, отыскивая это имя. Когда она дотронулась до нужной записки, перебрав до того полсотни других, послышался стук: старый шулер узнал свою карту по рубашке. Член проверочной комиссии развернул записку, там стояло: «Гэс Грэхем». Я потребовал, чтобы мне показали записку. Это была записка, поданная моим спутником. Я не особенно удивился: все демократы с дьяволом накоротке. Молодой журналист поднялся со стула и спросил:

— Когда вы умерли? В тысяча восемьсот пятьдесят первом году? В тысяча восемьсот пятьдесят втором? В тысяча восемьсот пятьдесят третьем? В тысяча восемьсот пятьдесят четвертом?

Дух. Тук-тук-тук!

— От чего вы умерли? От холеры? От поноса? От дизентерии? От укуса бешеной собаки? От оспы? Насильственной смертью?

— Тук-тук-тук!

— Вас повесили? Утопили? Зарезали? Застрелили?

— Тук-тук-тук!

— Вы умерли в штате Миссисипи? В Кентукки? В Нью-Йорке? На Сандвичевых островах? В Техасе? В Иллинойсе?

— Тук-тук-тук!

— В округе Адамс? В округе Мэдисон? В округе Рэндолф?

— Тук-тук-тук!

Было ясно, что усопшего шулера голыми руками не возьмешь. Он знал колоду наизусть и ходил с козыря.

В это время из публики вышли два немца, один пожилой, а другой самоуверенный юнец, у которого, как видно, было что-то на уме. Они написали имена на бумажке. Затем юный Оллендорф задал вопрос, звучавший примерно так:

— Ist ein Geist heraus? [1] (Бешеный хохот аудитории.)

Три удара свидетельствовали, что Geist был heraus.

— Wollen sie schreiben? [2] (Снова хохот.)

---

[1] Явился ли дух? *(нем.)*.
[2] Хотите писать? *(нем.)*.

Три удара.

— Fünfzigstollenlinsiwfterowlickterhairowferfrowleineruhackfolderol?

Можете мне не верить, но дух бодро ответствовал «Да!» на этот поразительный вопрос.

Веселье слушателей возрастало с каждым новым вопросом, и их пришлось предупредить, что, если они не перестанут столь легкомысленно себя вести, опыты будут прекращены. Шум утих.

Немецкий дух был, по-видимому, совершеннейшим профаном и не мог ответить на простейшие вопросы. Под конец юный Оллендорф, справившись с какими-то записями, попытался установить, когда этот дух умер. Дух путался и не мог сказать, умер он в 1811 или в 1812 году, что, впрочем, было довольно естественно, учитывая, что с тех пор прошло немало времени. Наконец он остановился на второй дате.

Игра! Юный Оллендорф вскочил на ноги в сильнейшем волнении; он закричал:

— Тамы и шентельмены? Я написал имя человека, который софсем шифой. Тух кофорит, што он умер ф фосемьсот тфенатцатом коту, а он шиф и строф...

Женщина-медиум. Сядьте на место, сэр!

Оллендорф. Нет, я шелаю...

Женщина-медиум. Вы пришли сюда не для того, чтобы произносить речи. Сядьте на место.

(Оллендорф между тем готовится к новой речи.)

Оллендорф. Этот тух опманыфает. Такофо туха софсем не сущестфует.

(Аудитория непрерывно аплодирует и хохочет.)

Женщина-медиум. Сядьте на свое место, сэр, и я сейчас дам объяснение.

И она дала объяснение. В ходе этого объяснения она нанесла юному Оллендорфу удар такой сокрушительной силы, что я нисколько не удивился бы, если бы немец вылетел вон из помещения, проломив стенку на своем пути. Она сказала, что он явился сюда, замыслив в сердце обман, подвох и мошенничество, и что ему навстречу из царства теней вышел дух его же морального уровня. Женщина-медиум была исполнена неподдельного негодования. Она дала понять, что преисподняя кишит низменными личностями вроде юного Оллендорфа и они ждут не дождутся малейшей возможности, чтобы по призыву подобных Оллендорфов выскочить под чужим именем, а потом писать и выстукивать всевозможную ересь и чепуху. (Взрыв хохота и аплодисменты.)

Отважный Оллендорф не сложил оружия и готов был открыть ответный огонь, но аудитория разразилась криками:

— Садись на место! — Нет, продолжай! — Пошел вон! — Говори, мы тебя слушаем! — Стащите его с трибуны! — Держись! — Сматывай удочки! — Не робей, держись!

Женщина-медиум поднялась и заявила, что, если Оллендорф не сядет на место, она покинет зал. Она ни за что не допустит, чтобы ее оскорбляли мошенническими проделками или насмехались над ее религиозными убеждениями. Аудитория утихла, и укрощенный Оллендорф сошел с трибуны.

Второй немец, в свою очередь, вызвал духа, задал ему несколько вопросов по-немецки и сказал, что все ответы правильны. Женщина-медиум сообщила, что не понимает ни слова по-немецки.

В это время какой-то господин подозвал меня к эстраде и спросил, не принадлежу ли я к спиритам? Я сказал, что не принадлежу. Тогда он спросил меня, не являюсь ли я противником спиритизма? Я ответил, что, вероятно, не более, чем другие люди, не верящие в духов, и пояснил, что не могу уверовать в то, чего не понимаю, а то, что я здесь вижу, понять невозможно. Тогда он сказал, что, пожалуй, причина сегодняшней робости духов не во мне; тем не менее для него очевидно, что происходит сильное истечение антагонистических флюидов, — он-то сразу это заметил, его не проведешь, — сильнейшее истечение негативных флюидов как раз с той стороны зала, где я сижу. Я намекнул, что виною, наверно, мой спутник, и добавил, что считаю отъявленным подлецом всякого, кто повинен в истечении этих гнусных негативных флюидов. Мои объяснения, по-видимому, удовлетворили фанатика, и он оставил меня в покое.

У меня был когда-то близкий друг, который, по моим сведениям, отправился в царство духов или к черту в пасть, — словом, в одно из этих мест, и мне захотелось что-нибудь узнать о нем. Но обратиться с грешными земными словами к тени умершего было так жутко, что я долго не мог заставить себя подняться и заявить о своем желании. Наконец я встал, трепеща от волнения, и произнес еле слышным, прерывающимся голосом.

— Здесь ли дух Джона Смита?

(Я не подумал о том, что со Смитами шутки плохи. Стоит позвать одного, и целый легион их бросится из глубин ада, чтобы с вами поздороваться.)

— Трам-трам-тарарам!

Так я и знал! Все племя почивших без покаяния Смитов от Сан-Франциско и до самой преисподней атаковало маленький столик одновременно. Я был озадачен, точнее сказать — ошарашен. Зал, однако, потребовал, чтобы я задавал вопросы, и я спросил:

— От чего вы умерли?

Смиты перечислили все болезни и все несчастные случаи, какие могут стать причиной смерти.

— Где вы умерли?

Они умерли во всех географических пунктах, какие я мог назвать.

— Счастливы ли вы?

Покойные Смиты ответствовали решительно и единодушно:

— Нет!

— Тепло ли там у вас?

Один из грамотеев Смитов завладел рукой медиума и написал: «Нет слов, чтобы выразить, как у нас тепло!»

— Остались ли еще какие-нибудь Смиты в том месте, откуда вы явились?

— Чертова уйма!

Мне почудилось, что тень отвечавшего Смита хихикнула, отпустив эту незатейливую остроту насчет черта и почивших Смитов.

— Сколько Смитов здесь присутствует?

— Восемнадцать миллионов. Очередь тянется отсюда до западной границы Китая.

— Сколько же всего Смитов среди жителей преисподней?

— Подавляющее большинство. Владыка ада решил теперь удобства ради именовать каждого новоприбывшего Смитом. Кто не Смит, должен заявить об этом. Но такие случаи не часты.

— Как называют погибшие души свое мрачное обиталище?

— Смитсоновский институт!

Наконец я набрел на нужного мне Смита — того самого, которого я искал, моего доброго незабвенного друга,— и узнал от него, что он погиб насильственной смертью. Оказывается, жена заговорила его до смерти. Я так и думал. Бедный Смит!

Потом появился еще один Смит. Один из присутствующих сказал, что это его Смит, и стал задавать вопросы. Выяснилось, что и этот Смит погиб насильственной смертью. На земле он исповедовал весьма путаные религиозные взгляды, был помесью универсалиста и унитарианца, но на том свете разобрался в этих вопросах и теперь счастлив. Мы стали расспрашивать его, и добродушный старый пастор охотно вступил с

нами в беседу. Для духа он был просто весельчаком. Сказал, что тело его дематериализовалось, и пуля теперь может пройти через него, не оставив дырки. Дождь тоже мочит его насквозь, но не причиняет ни малейших неприятностей. (Если так, значит, он не чувствует, когда идет дождь, и не может судить об этом.) Он сказал, что то, что мы называем раем и адом, не более чем состояние духа: в раю умершие в хорошем и мирном настроении, а в аду мучаются раскаянием и угрызениями совести. Сказал, что он лично всем доволен, чувствует себя прекрасно. Отказался ответить — был ли он на земле праведником или грешником. (Старый, непромокаемый, дематериализованный проныра! Понял, что я спросил это неспроста, что хочу выяснить, есть ли у меня шансы устроиться не хуже, чем он.) Сказал, что не сидит без дела, учит других и учится сам. Сказал, что у них имеются сферы — степени совершенствования; что он оказывает отличные успехи и уже переведен во вторую сферу. («Полегче, старина, полегче, у тебя в запасе целая вечность»,— сказал я про себя. Он ничего мне не возразил.) Он не сумел ответить, сколько всего насчитывается сфер. (Я лично думаю, что их миллионы. Если человек скачет с одной на другую с такой резвостью, как этот старый универсалист, то, не достигнув еще даже возраста Сезостриса и прочих мумий, он уже пройдет их множество, а в преддверии вечности потеряет им счет. По-моему, старый пастор набирает скорость, не соответствующую ни обстановке, в которой находится, ни запасу времени, которым он располагает.) Сказал, что духи не чувствуют ни жары, ни холода. (Это опровергает мои правоверные представления об аде — о раскаленных сковородках и кипящей смоле.) Сказал, что духи общаются между собой мысленно, языка не имеют; сказал, что деление на мужчин и женщин остается, и тому подобное.

Старый пастор писал нам и беседовал с нами битый час, и по его быстрым толковым ответам было видно, что он не тратит время попусту на том свете. Видно было, что он повсюду сует нос и старается выяснить все, что ему кажется непонятным, а если ему это не удается, то не успокаивается,— он сам нам об этом рассказал,— а ищет какую-нибудь знакомую душу, которая может поделиться с ним своим опытом. Не удивительно, что он в курсе всех дел. Я хотел бы отметить его исключительную любезность и обязательность и пожелать ему, чтобы он преуспевал так же и впредь, пока не усядется на макушке самой высшей сферы и не достигнет таким образом конечного совершенства.

РАССКАЗ КАПИТАНА

В СВОЕ время в ходу было немало россказней, героем которых был старый капитан Джонс с Тихого океана, по прозвищу «Ураган»,— мир праху его! Двое или трое из нас, здесь присутствующих, с ним встречались; я знал его особенно хорошо, потому что сделал с ним четыре рейса. Это был человек весьма замечательный. Он и родился-то на корабле; свое скудное образование он собрал по крохам у товарищей по плаванию,— начав морскую службу на баке, он в конце концов достиг должности капитана. Старый Джонс проплавал больше пятидесяти лет из своих шестидесяти пяти; он избороздил все океаны, видел все страны, и кожу его прокалило солнце всех широт. Если человек полвека пробыл в море, он, естественно, ничего не знает о людях, ничего не знает о белом свете, кроме того, что видел своими глазами; ничего не знает о развитии человеческой мысли, о развитии мировой науки, кроме азбучных истин, да и те, пройдя сквозь призму невежественного ума, затуманились и исказились. Такой человек — просто седое и бородатое дитя. Вот и он, старый Джонс Ураган, был такой — невинный, милый старый младенец. Когда его дух пребывал в покое, он был мягок и кроток, как девушка, когда же в нем кипела ярость, он обращался в ураган,— но даже и это прозвище давало лишь весьма слабое представление о его нраве. Отчаянный храбрец и недюжинный силач, он был страшен в бою. Весь, с головы до пят, он был разукрашен рисунками и надписями, весь в красной и синей татуировке. Я ходил с ним в тот рейс, когда он покрыл татуировкой последнее свободное место — вокруг левой лодыжки. Три дня он ковылял по судну с голой распухшей лодыжкой, и сквозь расплывшееся облачко китайской туши проглядывала надпись, красная и растравленная: «Добродетель вознагр-ся» (больше не хватило места).

Старый Джонс был человеком глубоко верующим, а сквернословил, как торговка рыбой. Он не считал это за грех: ведь приказ, не подкрепленный бранным словом, был бы просто не понят матросами. Он был проницательным исследователем и толкователем библии,— то есть он сам так полагал. Он верил всему, что написано в библии, но обосновывал эту веру каждый раз по-своему, собственными методами. Капитан принадлежал к «передовой» школе мыслителей и объяснял все чудеса законами природы, подобно тем, кто шесть дней сотворения мира превращает в шесть геологических эпох и так далее. Сам того не сознавая, он представлял собой довольно злую карика-

туру на современных ученых теологов. Надо ли говорить, что такой человек, как мой капитан, до страсти любит поспорить и поделиться плодами своих изысканий.

В одном из рейсов у капитана на борту оказался священник; но ему было невдомек, что это священник,— список пассажиров об этом факте не осведомлял. Он очень привязался к преподобному мистеру Питерсу и подолгу с ним беседовал: рассказывал ему анекдоты, смешные случаи, забористые историйки из своей жизни и свою досужую болтовню пересыпал красочным богохульством — это действовало на ум, утомленный унылой серостью бесцветной речи, как освежающий душ. Однажды капитан спросил:

— Питерс, вы когда-нибудь читали библию?

— Мм... читал.

— Верно, не так уж часто, судя по тому, как вы отвечаете. Возьмитесь-ка за нее с усердием и верой, тогда сами убедитесь, что дело того стоит. Только не опускайте рук, а держитесь до конца. Сперва вы ничего не поймете, но мало-помалу все станет на свое место, и тогда уж вас от нее не оторвешь!

— Да, мне приходилось это слышать.

— И так оно и есть. С ней ни одна книга тягаться не может. Она их всех перекроет, Питерс. Есть в ней трудные места, ничего не попишешь, но вы вчитайтесь да пораскиньте мозгами,— а уж когда вы раскусите эти орешки, все станет ясно как божий день.

— И чудеса тоже, капитан?

— Да, сэр. И чудеса. Любое чудо. Ну взять хотя бы эту историю с пророками Ваала; думается мне, вы перед ней спасовали, верно?

— Как сказать, не знаю, но...

— Признайтесь по совести, спасовали. Да оно и понятно. Опыта у вас не хватает, где вам распутать такой клубок! Разве вам это по силам! Хотите, я вам растолкую это дело и покажу, где собака зарыта?

— Конечно, капитан, если это вас не затруднит.

И капитан приступил к рассказу:

— С удовольствием вам все объясню. Сначала, понимаете ли, я все читал и читал, думал и прикидывал — какие они были, эти люди, в старые библейские времена, а уж когда я разобрался, все стало ясно и просто. И вот послушайте, как я по косточкам разложил всю эту историю с Исааком [1] и пророками

---

[1] Имя капитан перепутал сам.— *М. Т.*

Ваала. В древние времена среди знаменитых людей попадались большие ловкачи. Исаак как раз и был таким докой. У него было недостатков сколько угодно, и не мое дело его выгораживать. Он здорово разыграл пророков Ваала, и, пожалуй, по-своему он был прав, если учесть превосходящие силы противника. Я за него не заступаюсь, н одно говорю — никакого чуда не было, и вот это я вам сейчас и докажу, так что вы сами убедитесь.

В то время пророкам приходилось все туже и туже — то есть пророкам Исааковой веры. В общине было четыреста пятьдесят пророков Ваала и всего-навсего один пресвитерианец; конечно, если только Исаак и в самом деле был пресвитерианцем,— по-моему, так был, но в библии про это не сказано. Само собой, пророки Ваала захватили всю клиентуру. Ну, Исааку, надо думать, пришлось круто, но он был настоящий мужчина, и наверняка он ходил по стране и пророчествовал, а сам притворялся, будто дела его хороши; но ничего ему не помогало — где было ему одному со всеми совладать! Скоро ему стало совсем невтерпеж — хоть вешайся; стал он ломать себе голову и так и эдак раскидывать умом. И до чего же он додумался? Он стал намекать, что его противники — и такие, мол, и сякие: ничего определенного не говорил, а как-никак репутацию им подпортил, и все исподтишка. Пошли слухи, и наконец стало это известно самому царю. Вот царь спрашивает Исаака, к чему он вел такие разговоры. И говорит Исаак: «Да нет, я просто так, а вот интересно — могут они вымолить огонь небесный на жертвенник? Может, это и не так уж трудно, ваше величество, а все-таки пусть-ка попробуют. Вот о чем речь». Тут царь очень растревожился, пошел к пророкам Ваала, а они отвечают не задумываясь: был бы только жертвенник, а им-то, мол, это пустяк. И даже намекают, что не мешало бы ему жертвенник застраховать.

Вот на следующее утро сошлись все дети Израиля, и их родители, и прочий народ. По одну сторону толкутся пророки Ваала, так что яблоку упасть негде, а по другую расхаживает взад и вперед Исаак, один-одинешенек, готовится дать бой. Ну, засекли время, Исаак притворился спокойным — ему, мол, все равно — и говорит команде своих противников, что первые подачи за ними. Те взялись дружно за дело, все четыреста пятьдесят стали молиться вокруг жертвенника,— стараются изо всех сил, а сами, конечно, надеются на своего бога. Молятся они час, молятся другой, третий, до самого полудня. А толку нет. Не знают они, с какого конца взяться. Понятно, стыдно им

стало перед народом, и не зря. Как, по-вашему, повел бы тут себя человек порядочный? Молчал бы, верно? Ясное дело. А что сделал Исаак? Он стал смущать пророков Ваала, издеваться над ними на все лады и говорит: «Кричите громче, ваш бог, верно, спит или, может, вышел прогуляться. Громче надо кричать!» — или еще какие-то такие слова, не припомню в точности. Заметьте, я не выгораживаю Исаака, у него были свои недостатки.

Так вот, и после обеда пророки Ваала опять молились повсякому, как только умели, но с неба ни искры не упало. Наконец, уже перед закатом, они вовсе выбились из сил, запросили пощады и ушли с поля.

Ну, а что делает Исаак? Он подходит к жертвеннику и говорит кому-то из своих друзей: «Лейте четыре бочки воды на жертвенник!» Все очень удивились — ведь те-то молились над жертвенником сухим да еще выбеленным известкой. Воду вылили. И говорит он: «Опрокидывайте еще четыре бочки!» Потом говорит: «Давайте еще четыре!» Двенадцать бочек воды, понимаете,— ровным счетом двенадцать. Тут вода заливает жертвенник, льется через край во все стороны и заполняет ров, куда вошли бы две сорокаведерные бочки,— «саты», говорится в библии; я так думаю, что «сата» — это примерно сорокаведерная бочка. Тут, конечно, люди стали одеваться и расходиться,— видно, решили, что он сошел с ума. Не знали они Исаака. Исаак становится на колени и начинает молиться: и плетет он, и плетет — и про язычников в дальних странах, и про родственные церкви, и про государство и страну вообще, и про тех, кто заворачивает делами в правительстве,— ну, словом, выкладывает обычную программу, пока все не утомились и не раздумались каждый о своем; и вот тогда-то, когда никто уже не обращал на него внимания, он вдруг вытаскивает спичку, чиркает ею о подметку, и — пффф! — все вспыхивает ярким пламенем, настоящий пожар! Двенадцать бочек воды, говорите? *Керосина,* сэр, КЕРОСИНА! Вот что это было!

— Керосина, капитан?

— Да, сэр: в стране керосину было хоть залейся! Исаак про это знал. Читайте библию! Пусть вас трудные места не смущают. Не такие уж они трудные, когда как следует пошевелишь мозгами и разберешься, что к чему. Все, что написано в библии,— чистая правда. Надо только с молитвой за неё браться да соображать, как они там работали.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА СТОРМФИЛДА В РАЙ

(Отрывки)

Питерс, посмотри мне в глаза и не пугайся. На небесах я выяснил, что каждый казарк — это сто шестьдесят девять таких миров, как наш. Вот какой груз они вывалили за борт. При падении он смел начисто кучу звезд, точно это были свечки и кто-то их задул. Что касается гонок, то на этом все кончилось. Освободившись от балласта, комета пронеслась мимо меня так, словно я стоял на якоре. С кормы капитан показал мне нос и прокричал:

— Счастливо оставаться! Теперь, может быть, вы пожелаете передать привет вашим близким в Вечных Тропиках?

Потом он натянул на плечо болтавшийся конец подтяжек и пошел прочь, а через каких-нибудь три четверти часа комета уже опять лишь мелькала вдали слабым огоньком. Да, Питерс, я совершил ошибку — дернуло же меня такое сказать! Я, наверно, никогда не перестану жалеть об этом. Я выиграл бы гонки у небесного нахала, если бы только придержал язык.

Но я несколько отвлекся; возвращаюсь к своему рассказу. Теперь ты можешь себе представить мою скорость. И вот после тридцати лет такого путешествия я, повторяю, забеспокоился. Не скажу, что я не получал удовольствия,— нет, я повидал много нового, интересного; а все-таки одному как-то, понимаешь, скучно. И хотелось уж где-нибудь ошвартоваться. Ведь не затем же я пустился в путь, чтобы вечно странствовать! Вначале я был даже рад, что дело затягивается,— я ведь полагал, что меня ждет довольно жаркое местечко, но в конце концов мне стало казаться, что лучше пойти ко всем... словом, куда угодно, чем томиться неизвестностью.

И вот, как-то ночью... там постоянно была ночь, разве что когда я летел мимо какой-нибудь звезды, которая ослепительно сияла на всю вселенную,— уж тут-то, конечно, бывало светло, но через минуту или две я поневоле оставлял ее позади и снова погружался во мрак на целую неделю. Звезды находятся вовсе не так близко друг от друга, как нам это кажется... О чем бишь я?.. Ах да... лечу я однажды ночью и вдруг вижу впереди на горизонте длиннейшую цепь мигающих огней. Чем ближе, тем они все росли и ширились и вскоре стали похожи на гигантские печи.

— Прибыл наконец, ей-богу! — говорю я себе.— И, как следовало ожидать, отнюдь не в рай!

И лишился чувств. Не знаю, сколько времени длился мой обморок,— наверно, долго, потому что, когда я очнулся, тьма рассеялась, светило солнышко и воздух был теплый и ароматный до невозможности. А местность передо мной расстилалась прямо-таки удивительной красоты. То, что я принял за печи, оказалось воротами из сверкающих драгоценных камней высотой во много миль; они были вделаны в стену из чистого золота, которой не было ни конца ни края, ни в правую, ни в левую сторону. К одним из ворот я и понесся как угорелый. Тут только я заметил, что в небе черно от миллионов людей, стремившихся туда же. С каким гулом они мчались по воздуху! И вся небесная твердь кишела людьми, точно муравьями; я думаю, их там было несколько миллиардов.

Я опустился, и толпа повлекла меня к воротам. Когда подошла моя очередь, главный клерк обратился ко мне весьма деловым тоном:

— Ну, быстро! Вы откуда?

— Из Сан-Франциско.

— Сан-Фран..? Как, как?

— Сан-Франциско.

Он с недоуменным видом почесал в затылке, потом говорит:

— Это что, планета?

Надо же такое придумать, Питерс, ей-богу!

— Планета? — говорю я.— Нет, это город. Более того, это величайший, прекраснейший...

— Хватит! — прерывает он.— Здесь не место для разговоров. Городами мы не занимаемся. Откуда вы вообще?

— Ах, прошу прощения,— говорю я.— Запишите: из Калифорнии.

Опять я, Питерс, поставил этого клерка в тупик. На его лице мелькнуло удивление, а потом он резко, с раздражением сказал:

— Я таких планет не знаю. Это что, созвездие?

— О господи! — говорю я.— Какое же это созвездие? Это штат!

— Штатами мы не занимаемся. Скажете ли вы, наконец, откуда вы вообще, вообще, в целом? Все еще не понимаете?

— Ага, теперь сообразил, чего вы хотите. Я из Америки, из Соединенных Штатов Америки.

Верь не верь, Питерс, но и это не помогло. Разрази меня гром, если я вру! Его физиономия ни капельки не изменилась,

все равно как мишень после стрелковых соревнований милиции. Он повернулся к своему помощнику и спрашивает:

— Америка? Это где? Это что такое?

И тот ему поспешно отвечает:

— Такого светила нет.

— Светила? — говорю я.— Да о чем вы, молодой человек, толкуете? Америка — не светило. Это страна, это континент. Ее открыл Колумб. О нем-то вы слышали, надо полагать? Америка, сэр, Америка...

— Молчать! — прикрикнул главный.— Последний раз спрашиваю: откуда вы прибыли?

— Право, не знаю, как еще вам объяснить,— говорю я.— Остается свалить все в одну кучу и сказать, что я из мира.

— Ага,— обрадовался он,— вот это ближе к делу. Из какого же именно мира?

Вот теперь, Питерс, уже не я его, а он меня поставил в тупик. Я смотрю на него, раскрыв рот. И он смотрит на меня, хмурится; потом как вспылит:

— Ну, из какого?

А я говорю:

— Как из какого? Из того, единственного, разумеется.

— Единственного?! Да их миллиарды!.. Следующий!

Это означало, что мне нужно посторониться. Я так и сделал, и какой-то голубой человек с семью головами и одной ногой прыгнул на мое место. А я пошел прогуляться. И только тогда я сообразил, что все мириады существ, толпящихся у ворот, имеют точно такой же вид, как тот голубой человек. Я принялся искать в толпе какое-нибудь знакомое лицо, но ни единого знакомого не нашлось. Я обмозговал свое положение и в конце концов бочком пролез обратно, как говорится, тише воды, ниже травы.

— Ну? — спрашивает меня главный клерк.

— Видите ли, сэр,— говорю я довольно робко,— я никак не соображу, из какого именно я мира. Может быть, вы сами догадаетесь, если я скажу, что это тот мир, который был спасен Христом.

При этом имени он почтительно наклонил голову и кротко сказал:

— Миров, которые спас Христос, столько же, сколько ворот на небесах,— счесть их никому не под силу. В какой астрономической системе находится ваш мир? Это, пожалуй, нам поможет.

— В той, где Солнце, Луна и Марс...— Он только отрицательно мотал головой: никогда, мол, не слыхал таких названий.—...и Нептун, и Уран, и Юпитер...

— Стойте! Минуточку! Юпитер... Юпитер... Кажется, у нас был оттуда человек, лет восемьсот — девятьсот тому назад; но люди из той системы очень редко проходят через наши ворота.

Вдруг он впился в меня глазами так, что я подумал: «Вот сейчас пробуравит насквозь», а затем спрашивает, отчеканивая каждое слово:

— Вы явились сюда прямым путем из вашей системы?

— Да,— ответил я, но все же малость покраснел.

Он очень строго посмотрел на меня.

— Неправда, и здесь не место лгать. Вы отклонились от курса. Как это произошло?

Я опять покраснел и говорю:

— Извините, беру свои слова назад и каюсь. Один раз я вздумал потягаться с кометой, но совсем, совсем чуть-чуть...

— Так, так,— говорит он далеко не сладким голосом.

— И отклонился-то я всего на один румб,— продолжаю я рассказывать,— и вернулся на свой курс в ту же минуту, как окончились гонки.

— Не важно, именно это отклонение и послужило всему причиной. Оно и привело вас к воротам за миллиарды миль от тех, через которые вам надлежало пройти. Если бы вы попали в свои ворота, там про ваш мир все было бы известно и не произошло бы никакой проволочки. Но мы постараемся вас обслужить.

Он повернулся к помощнику и спрашивает:

— В какой системе Юпитер?

— Не помню, сэр,— отвечает тот,— но, кажется, где-то в каком-то пустынном уголке вселенной имеется такая планета, входящая в одну из малых новых систем. Сейчас посмотрю.

У них там висела карта величиной со штат Род-Айленд, он подкатил к ней воздушный шар и полетел вверх. Скоро он скрылся из виду, а через некоторое время вернулся вниз, закусил на скорую руку и снова улетел. Короче говоря, он это повторял два дня, после чего спустился к нам и сказал, что как будто нашел на карте нужную солнечную систему, впрочем не ручается — возможно, это след от мухи. Взяв микроскоп, он опять поднялся вверх. Опасения его, к счастью, не оправдались: он действительно разыскал солнечную систему. Он заста-

вил меня описать подробно нашу планету и указать ее расстояние от Солнца, а потом говорит своему начальнику:

— Теперь я знаю, сэр, о какой планете этот человек толкует. Она имеется на карте и называется Бородавка.

«Не поздоровилось бы тебе,— подумал я,— если бы ты явился на эту планету и назвал ее Бородавкой!»

Ну, тут они меня впустили и сказали, что отныне и навеки я могу считать себя спасенным и не буду больше знать никаких тревог.

Потом они отвернулись от меня и погрузились в свою работу, дескать, со мной все покончено и мое дело в порядке.

Меня это удивило, но я не осмелился заговорить первым и напомнить о себе. Просто, понимаешь, я не мог это сделать: люди заняты по горло, а тут еще заставлять их со мной возиться! Два раза я решал махнуть на все рукой и уйти, но, подумав, как нелепо буду выглядеть в своем обмундировании среди прощенных душ, я пятился назад, на старое место. Разные служащие начали поглядывать на меня, удивляясь, почему я не ухожу. Дольше терпеть это было невозможно. И вот я наконец расхрабрился и сделал знак рукой главному клерку. Он говорит:

— Как, вы еще здесь? Чего вам не хватает?

Я приложил ладони трубкой к его уху и зашептал, чтобы никто не слышал:

— Простите, пожалуйста, не сердитесь, что я словно вмешиваюсь в ваши дела, но не забыли ли вы чего-то?

Он помолчал с минуту и говорит:

— Забыл? Нет, по-моему, ничего.

— А вы подумайте,— говорю я.

Он подумал.

— Нет, кажется, ничего. А в чем дело?

— Посмотрите на меня,— говорю я,— хорошенько посмотрите!

Он посмотрел и спрашивает:

— Ну, что?

— Как что? И вы ничего не замечаете? Если бы я в таком виде появился среди избранных, разве я не обратил бы на себя всеобщее внимание? Разве не показался бы всем странным?

— Я, право, не понимаю, в чем дело,— говорит он.— Чего вам еще надо?

— Как чего? У меня, мой друг, нет ни арфы, ни венца, ни нимба, ни псалтыря, ни пальмовой ветви — словом, ни одного из тех предметов, которые необходимы здесь каждому.

Знаешь, Питерс, как он растерялся? Ты такой растерянной физиономии сроду не видывал. После некоторого молчания он говорит:

— Да вы, оказывается, диковинный субъект, с какой стороны ни взять. Первый раз в жизни слышу о таких вещах!

Я глядел на него, не веря своим ушам.

— Простите,— говорю,— не в обиду вам будь сказано, но как человек, видимо проживший в царствии небесном весьма солидный срок, вы здорово плохо знаете его обычаи.

— Его обычаи! — говорит он.— Любезный друг, небеса велики. В больших империях встречается множество различных обычаев. И в мелких тоже, как вы, несомненно, убедились на карликовом примере Бородавки. Неужели вы воображаете, что я в состоянии изучить все обычаи бесчисленных царствий небесных? У меня при одной этой мысли голова кругом идет! Я знаком с обычаями тех мест, где живут народы, которым предстоит пройти через мои ворота, и, поверьте, с меня хватит, если я сумел уместить в своей голове то, что день и ночь штудирую вот уже тридцать семь миллионов лет. Но воображать, что можно изучить обычаи всего бескрайнего небесного пространства,— нет, это надо быть просто сумасшедшим! Я готов поверить, что странное одеяние, о котором вы толкуете, считается модным в той части рая, где вам полагается пребывать, но в наших местах его отсутствие никого не удивит.

«Ну, раз так, то уж ладно!» — подумал я, попрощался с ним и зашагал прочь. Целый день я шел по огромной канцелярии, надеясь, что вот-вот дойду до конца ее и попаду в рай, но я ошибался: это помещение было построено по небесным масштабам — естественно, оно не могло быть маленьким. Под конец я так устал, что не в силах был двигаться дальше; тогда я присел отдохнуть и начал останавливать каких-то нелепого вида прохожих, пытаясь что-нибудь у них узнать, но ничего не узнал, потому что они не понимали моего языка, а я не понимал ихнего. Я почувствовал нестерпимое одиночество. Такая меня проняла грусть, такая тоска по дому, что я сто раз пожалел, зачем я умер. Ну и, конечно, повернул назад. Назавтра, около полудня, я добрался до места, откуда пустился в путь, подошел к регистратуре и говорю главному клерку:

— Теперь я начинаю понимать: чтобы быть счастливым, надо жить в своем собственном раю!

— Совершенно верно,— говорит он.— Неужели вы думали, что один и тот же рай может удовлетворить всех людей без различия?

— Признаться, да; но теперь я вижу, что это было глупо. Как мне пройти, чтобы попасть в свой район?

Он подозвал помощника, который давеча изучал карту, и тот указал мне направление. Я поблагодарил его и шагнул было прочь, но он остановил меня:

— Подождите минутку; это за много миллионов миль отсюда. Выйдите наружу и станьте вон на тот красный ковер; закройте глаза, задержите дыхание и пожелайте очутиться там.

— Премного благодарен,— сказал я.— Что ж вы не метнули меня туда сразу, как только я прибыл?

— У нас здесь и так забот хватает; ваше дело было подумать и попросить об этом. Прощайте. Мы, вероятно, не увидим вас в нашем краю тысячу веков или около того.

— В таком случае оревуар,— сказал я.

Я вскочил на ковер, задержал дыхание, зажмурил глаза и пожелал очутиться в регистратуре моего района. В следующее мгновение я услышал знакомый голос, выкрикнувший деловито:

— Арфу и псалтырь, пару крыльев и нимб тринадцатый номер для капитана Элп Стормфилда из Сан-Франциско! Выпишите ему пропуск, и пусть войдет.

Я открыл глаза. Верно, угадал: это был один индеец племени пай-ют, которого я знал в округе Туларе, очень славный парень. Я вспомнил, что присутствовал на его похоронах; церемония состояла в том, что покойника сожгли, а другие индейцы натирали себе лица его пеплом и выли, как дикие кошки. Он ужасно обрадовался, увидев меня, и, можешь не сомневаться, я тоже рад был встретить его и почувствовать, что наконец-то попал в настоящий рай.

Насколько хватал глаз, всюду сновали и суетились целые полчища клерков, обряжая тысячи янки, мексиканцев, англичан, арабов и множество разного другого люда. Когда мне дали мое снаряжение, я надел нимб на голову и, взглянув на себя в зеркало, чуть не прыгнул до потолка от счастья.

— Вот это уже похоже на дело,— сказал я.— Теперь все у меня как надо! Покажите, где облако!

Через пятнадцать минут я уже был за милю от этого места, на пути к гряде облаков; со мной шла толпа, наверно в миллион человек. Многие мои спутники пытались лететь, но некоторые упали и расшиблись. Полет вообще ни у кого не получался, поэтому мы решили идти пешком, пока не научимся пользоваться крыльями.

Навстречу нам густо шел народ. У одних в руках были арфы и ничего больше; у других — псалтыри и ничего больше; у третьих — вообще ничего; и вид у них был какой-то жалкий и несчастный. У одного парня остался только нимб, который он нес в руке; вдруг он протягивает его мне и говорит:

— Подержите, пожалуйста, минутку.— И исчезает в толпе.

Я пошел дальше. Какая-то женщина попросила меня подержать ее пальмовую ветвь и тоже скрылась. Потом незнакомая девушка дала мне подержать свою арфу — и, черт возьми, этой тоже не стало; и так далее в том же духе. Скоро я был нагружен, как верблюд. Тут подходит ко мне улыбающийся старый джентльмен и просит подержать его вещи. Я вытер пот с лица и говорю довольно язвительно:

— Покорно прошу меня извинить, почтеннейший, но я не вешалка!

Дальше мне стали попадаться на дороге целые кучи этого добра. Я незаметно избавился и от своей лишней ноши. Я посмотрел по сторонам, и, знаешь, Питерс, все эти тысячные толпы, которые шли вместе со мной, оказались навьюченными, как я был раньше. Встречные, понимаешь, обращались к ним с просьбой подержать их вещи — одну минутку. Мои спутники тоже побросали все это на дорогу, и мы пошли дальше.

Когда я взгромоздился на облако вместе с миллионом других людей, я почувствовал себя на верху блаженства и сказал:

— Ну, значит, обещали не зря. Я уж было начал сомневаться, но теперь мне совершенно ясно, что я в раю!

Я помахал на счастье пальмовой веткой, потом натянул струны арфы и присоединился к оркестру. Питерс, ты не можешь себе представить, какой мы подняли шум! Звучало это здорово, даже мороз по коже подирал, но из-за того, что одновременно играли слишком много разных мотивов, нарушалась общая гармония; вдобавок там собрались многочисленные индейские племена, и их воинственный клич лишал музыку ее прелести. Через некоторое время я перестал играть, решив сделать передышку. Рядом со мной сидел какой-то старичок, довольно симпатичный; я заметил, что он не принимает участия в общем концерте, и стал уговаривать его играть, но он объяснил мне, что по природе застенчив и не решается начинать перед такой большой аудиторией. Слово за слово, старичок признался мне, что он почему-то никогда особенно не любил музыку. По правде сказать, у меня самого появилось такое же чувство, но я ничего не сказал. Мы просидели с ним довольно долго в полном бездействии, но в таком месте никто не обратил

на это внимания. Прошло шестнадцать или семнадцать часов; за это время я и играл, и пел немножко (но все один и тот же мотив, так как других не знал), а потом отложил в сторону арфу и начал обмахиваться пальмовой веткой. И оба мы со старичком часто-часто завздыхали. Наконец он спрашивает:

— Вы разве не знаете какого-нибудь еще мотива, кроме этого, который тренькаете целый день?

— Ни одного,— отвечаю я.

— А вы не могли бы что-нибудь выучить?

— Никоим образом,— говорю я.— Я уже пробовал, да ничего не получилось.

— Слишком долго придется повторять одно и то же. Ведь вы знаете, впереди — вечность!

— Не сыпьте соли мне на раны,— говорю я,— у меня и так настроение испортилось.

Мы долго молчали, потом он спрашивает:

— Вы рады, что попали сюда?

— Дедушка,— говорю я,— буду с вами откровенен. Это не совсем похоже на то представление о блаженстве, которое создалось у меня, когда я входил в церковь.

— Что, если нам смыться отсюда? — предложил он.— Полдня отработали — и хватит!

Я говорю:

— С удовольствием. Еще никогда в жизни мне так не хотелось смениться с вахты, как сейчас.

Ну, мы и пошли. К нашей гряде облаков двигались миллионы счастливых людей, распевая осанну, в то время как миллионы других покидали облако, и вид у них был, уверяю тебя, довольно кислый. Мы взяли курс на новичков, и скоро я попросил кого-то из них подержать мои вещи — одну минутку — и опять стал свободным человеком и почувствовал себя счастливым до неприличия. Тут как раз я наткнулся на старого Сэма Бартлета, который давно умер, и мы с ним остановились побеседовать. Я спросил его:

— Скажи, пожалуйста, так это вечно и будет? Неужели не предвидится никакого разнообразия?

На это он мне ответил:

— Сейчас я тебе все быстро объясню. Люди принимают буквально и образный язык библии и все ее аллегории,— поэтому, являясь сюда, они первым делом требуют себе арфу, нимб и прочее. Если они просят по-хорошему и если их просьбы безобидны и выполнимы, то они не встречают отказа. Им без единого слова выдают всю обмундировку. Они сойдутся, попоют,

поиграют один денек, а потом ты их в хоре больше не увидишь. Они сами приходят к выводу, что это вовсе не райская жизнь, во всяком случае не такая, какую нормальный человек может вытерпеть хотя бы неделю, сохранив рассудок. Наша облачная гряда расположена так, что к старожилам шум отсюда не доносится; значит, никому не мешает, что новичков пускают лезть на облако, где они, кстати сказать, сразу же и вылечиваются.

Заметь себе следующее,— продолжал он,— рай исполнен блаженства и красоты, но жизнь здесь кипит, как нигде. Через день после прибытия у нас никто уже не бездельничает. Петь псалмы и махать пальмовыми ветками целую вечность — очень милое занятие, как его расписывают с церковной кафедры, но на самом деле более глупого способа тратить драгоценное время не придумаешь. Этак легко было бы превратить небесных жителей в сборище чирикающих невежд. В церкви говорят о вечном покое как о чем-то утешительном. Но попробуй испытать этот вечный покой на себе, и сразу почувствуешь, как мучительно будет тянуться время. Поверь, Стормфилд, такой человек, как ты, всю жизнь проведший в непрестанной деятельности, за полгода сошел бы с ума, попав на небо, где совершенно нечего делать. Нет, рай — не место для отдыха; на этот счет можешь не сомневаться!

Я ему говорю:

— Сэм, услышь я это раньше, я бы огорчился, а теперь я рад. Я рад, что попал сюда.

А он спрашивает:

— Капитан, ты небось изрядно устал?

Я говорю:

— Мало сказать, устал, Сэм! Устал как собака!

— Еще бы! Понятно! Ты заслужил крепкий сон,— и сон тебе будет отпущен. Ты заработал хороший аппетит,— и будешь обедать с наслаждением. Здесь, как и на земле, наслаждение надо заслужить честным трудом. Нельзя сперва наслаждаться, а зарабатывать право на это после. Но в раю есть одно отличие: ты сам можешь выбрать себе род занятий; и если будешь работать на совесть, то все силы небесные помогут тебе добиться успеха. Человеку с душой поэта, который в земной жизни был сапожником, не придется здесь тачать сапоги.

— Вот это справедливо и разумно,— сказал я.— Много работы, но лишь такой, какая тебе по душе; и никаких больше мук, никаких страданий...

— Нет, погоди, тут тоже много мук, но они не смертельны. Тут тоже много страданий, но они не вечны. Пойми, счастье

не существует само по себе, оно лишь рождается как противоположность чему-то неприятному. Вот и все. Нет ничего такого, что само по себе являлось бы счастьем,— счастьем оно покажется лишь по контрасту с другим. Как только возникает привычка и притупляется сила контраста — тут и счастью конец, и человеку уже нужно что-то новое. Ну, а на небе много мук и страданий — следовательно, много и контрастов; стало быть, возможности счастья безграничны.

Я говорю:

— Сэм, первый раз слышу про такой сверхразумный рай, но он так же мало похож на представление о рае, которое мне внушали с детских лет, как живая принцесса — на свое восковое изображение.

Первые месяцы я провел болтаясь по царствию небесному, заводя друзей и осматривая окрестности, и наконец поселился в довольно подходящем уголке, чтоб отдохнуть, перед тем как взяться за какое-нибудь дело. Но и там я продолжал заводить знакомства и собирать информацию. Я подолгу беседовал со старым лысым ангелом, которого звали Сэнди Мак-Уильямс. Он был родом откуда-то из Нью-Джерси. Мы проводили вместе много времени. В теплый денек, после обеда, ляжем, бывало, на пригорке под тенью скалы,— курим трубки и разговариваем про всякое. Однажды я спросил его:

— Сэнди, сколько тебе лет?

— Семьдесят два.

— Так я и думал. Сколько же ты лет в раю?

— На рождество будет двадцать семь.

— А сколько тебе было, когда ты вознесся?

— То есть как? Семьдесят два, конечно.

— Ты шутишь?

— Почему шучу?

— Потому что, если тогда тебе было семьдесят два, то, значит, теперь тебе девяносто девять.

— Ничего подобного! Я остался в том же возрасте, в каком сюда явился.

— Вот как! — говорю я.— Кстати, чтоб не забыть, у меня есть к тебе вопрос. Внизу, на земле, я всегда полагал, что в раю мы все будем молодыми, подвижными, веселыми.

— Что ж, если тебе этого хочется, можешь стать молодым. Нужно только пожелать.

— Почему же у тебя не было такого желания?

— Было. У всех бывает. Ты тоже, надо полагать, когда-нибудь попробуешь; но только тебе это скоро надоест.

— Почему?

— Сейчас я тебе объясню. Вот ты всегда был моряком; а каким-нибудь другим делом ты пробовал заниматься?

— Да. Одно время я держал бакалейную лавку на приисках; но это было не по мне, слишком скучно — ни волнения, ни штормов — словом, никакой жизни. Мне казалось, что я наполовину живой, а наполовину мертвый. А я хотел быть или совсем живым, или совсем уж мертвым. Я быстро избавился от лавки и опять ушел в море.

— То-то и оно. Лавочникам такая жизнь нравится, а тебе она не пришлась по вкусу. Оттого, что ты к ней не привык. Ну, а я не привык быть молодым, и мне молодость была ни к чему. Я превратился в крепкого кудрявого красавца, а крылья — крылья у меня стали как у мотылька! Я ходил с парнями на пикники, танцы, вечеринки, пробовал ухаживать за девушками и болтать с ними разный вздор; но все это было напрасно — я чувствовал себя не в своей тарелке, скажу больше — мне это просто осточертело. Чего мне хотелось, так это рано ложиться и рано вставать, и иметь какое-нибудь занятие, и чтобы после работы можно было спокойно сидеть, курить и думать, а не колобродить с оравой пустоголовых мальчишек и девчонок. Ты себе не представляешь, до чего я исстрадался, пока был молодым.

— Сколько времени ты был молодым?

— Всего две недели. Этого мне хватило с избытком. Ох, каким одиноким я себя чувствовал! Понимаешь, после того как я семьдесят два года копил опыт и знания, самые серьезные вопросы, занимавшие этих юнцов, казались мне простыми, как азбука. А слушать их споры — право, это было бы смешно, если б не было так печально! Я до того соскучился по привычному солидному поведению и трезвым речам, что начал примазываться к старикам, но они меня не принимали в свою компанию. По-ихнему, я был никчемный молокосос и выскочка. Двух недель с меня вполне хватило. Я с превеликой радостью снова облысел и стал курить трубку и дремать, как бывало, под тенью дерева или утеса.

— Позволь,— перебил я,— ты хочешь сказать, что тебе будет вечно семьдесят два года?

— Не знаю, и меня это не интересует. Но в одном я уверен: двадцатипятилетним я уж ни за что не сделаюсь. У меня теперь знаний куда больше, чем двадцать семь лет тому назад, и

узнавать новое доставляет мне радость, однако же я как будто не старею. То есть я не старею телом, а ум мой становится старше, делается более крепким, зрелым и служит мне лучше, чем прежде.

Я спросил:

— Если человек приходит сюда девяностолетним, неужели он не переводит стрелку назад?

— Как же, обязательно. Сначала он ставит стрелку на четырнадцать лет. Походит немножко в таком виде, почувствует себя дурак дураком и переведет на двадцать,— но и это не лучше; он пробует тридцать, пятьдесят, восемьдесят, наконец девяносто — и убеждается, что лучше и удобнее всего ему в том возрасте, к которому он наиболее привык. Правда, если разум его начал сдавать, когда ему на земле минуло восемьдесят, то он останавливается на этой цифре. Он выбирает тот возраст, в котором ум его был всего острее, потому что именно тогда ему было приятнее всего жить и вкусы и привычки его стали устойчивыми.

— Ну а если человеку двадцать пять лет, он остается навсегда в этом возрасте, не меняясь даже по внешнему виду?

— Если он глупец, то да. Но если он умен, предприимчив и трудолюбив, то приобретенные им знания и опыт меняют его привычки, мысли и вкусы, и его уже тянет в общество людей постарше возрастом; тогда он дает своему телу постареть на столько лет, сколько надо, чтобы чувствовать себя на месте в новой среде. Так он все совершенствуется и соответственно меняет свой внешний облик, и в конце концов внешне он будет морщинистый и лысый, а внутренне — проницательный и мудрый.

— А как же новорожденные?

— И они так же. Ну и идиотские же представления были у нас на земле касательно всего этого! Мы говорили, что на небе будем вечно юными. Мы не говорили, сколько нам будет лет, над этим мы, пожалуй, не задумывались, во всяком случае не у всех были одинаковые мысли. Когда мне было семь лет, я, наверное, думал, что на небе всем будет двенадцать; когда мне исполнилось двенадцать, я, наверное, думал, что на небе всем будет восемнадцать или двадцать; в сорок я повернул назад: помню, я тогда надеялся, что в раю всем будет лет по тридцать. Ни взрослый, ни ребенок никогда не считают свой собственный возраст самым лучшим — каждому хочется быть или на несколько лет старше, или на несколько лет моложе, и каждый уверяет, что в этом полюбившемся ему возрасте пребывают

все райские жители. Притом каждый хочет, чтобы люди в раю всегда оставались в этом возрасте, не двигаясь с места, да еще получали от этого удовольствие! Ты только представь себе — застыть на месте в раю! Вообрази, какой это был бы рай, если бы его населяли одни семилетние щенки, которые только бы и делали, что катали обручи и играли в камешки! Или неуклюжие, робкие, сентиментальные недоделки девятнадцати лет! Или же только тридцатилетние — здоровые, честолюбивые люди, но прикованные, как несчастные рабы на галерах, к этому возрасту со всеми его недостатками! Подумай, каким унылым и однообразным было бы общество, состоящее из людей одних лет, с одинаковой наружностью, одинаковыми привычками, вкусами, чувствами! Подумай, насколько лучше такого рая оказалась бы земля с ее пестрой смесью типов, лиц и возрастов, с живительной борьбой бесчисленных интересов, не без приятности сталкивающихся в таком разнообразном обществе!

— Слушай, Сэнди,— говорю я,— ты понимаешь, что делаешь?

— Что же я, по-твоему, делаю?

— С одной стороны, описываешь рай как весьма приятное местечко, но, с другой стороны, оказываешь ему плохую услугу.

— Это почему?

— А вот почему. Возьми для примера молодую мать, которая потеряла ребенка, и...

— Ш-ш-ш! — Сэнди поднял палец.— Гляди!

К нам приближалась женщина. Она была средних лет, седая. Шла она медленным шагом, понурив голову и вяло, безжизненно свесив крылья; у нее был очень утомленный вид, и она, бедняжка, плакала. Она прошла вся в слезах и не заметила нас. И тогда Сэнди заговорил тихо, ласково, с жалостью в голосе:

— Она ищет своего ребенка! Нет, похоже, что она уже нашла его. Господи, до чего она изменилась! Но я сразу узнал ее, хоть и не видел двадцать семь лет. Тогда она была молодой матерью, лет двадцати двух, а может, двадцати четырех, цветущая, красивая, милая — роза, да и только! И всем сердцем, всей душой она была привязана к своему ребенку, к маленькой двухлетней дочке. Но дочка умерла, и мать помешалась от горя, буквально помешалась! Единственной утехой для нее была мысль, что она встретится со своим ребенком в загробном мире, «чтобы никогда уже не разлучаться». Эти слова — «чтобы никогда уже не разлучаться» — она твердила непрестанно, и от них ей становилось легко на сердце; да, да, она

просто веселела. Когда я умирал, двадцать семь лет тому назад, она просила меня первым делом найти ее девочку и передать, что она надеется скоро прийти к ней, скоро, очень скоро!

— Какая грустная история, Сэнди!

Некоторое время Сэнди сидел молча, уставившись в землю, и думал; потом произнес этак скорбно:

— И вот она наконец прибыла!

— Ну и что? Рассказывай дальше.

— Стормфилд, возможно, она не нашла своей дочери, но мне лично кажется, что нашла. Да, скорее всего. Я видел такие случаи и раньше. Понимаешь, в ее памяти сохранилась пухленькая крошка, которую она когда-то баюкала. Но здесь ее дочь не захотела оставаться крошкой, она пожелала вырасти, и желание ее исполнилось. За двадцать семь лет, что прошли с тех пор, она изучила самые серьезные науки, какие только существуют, и теперь все учится и учится и узнает все больше и больше. Ей ничто не дорого, кроме науки. Ей бы только заниматься науками да обсуждать грандиозные проблемы с такими же людьми, как она сама.

— Ну и что?

— Как что? Разве ты не понимаешь, Стормфилд? Ее мать знает толк в клюкве, умеет разводить и собирать эти ягоды, варить варенье и продавать его, а больше — ни черта. Теперь она не пара своей дочке, как не пара черепаха райской птице. Бедная мать: она мечтала возиться с малюткой! Мне кажется, что ее постигло разочарование.

— Так что же будет, Сэнди, они так и останутся навеки несчастными в раю?

— Нет, они сблизятся, понемногу приспособятся друг к другу. Но только произойдет это не за год и не за два, а постепенно.

МОРМОНЫ

(Из книги «Налегке»)

Минут через сорок на станции, где меняли наших лошадей, мы попали на ужин к мормонскому «ангелу-мстителю». Насколько мне известно, «ангелы-мстители» — это «святые наших дней», как называют себя мормоны, на которых мормонская церковь возложила постоянную заботу об истреблении нежелательных граждан. Я очень много слышал об этих грозных «ангелах» и об их темных кровавых делах и не без трепета вошел

в дом мормона, у которого нам предстояло поужинать. Но — увы! — вопреки нашим романтическим иллюзиям, он оказался просто-напросто крикливым, вульгарным нахалом и сквернословом! Быть может, он был достаточно кровожаден и вполне оправдывал свое звание «мстителя», но допустимо ли, чтобы в ангеле, хотя бы и мстящем, не было и тени благородства? Можно ли примириться с ангелом в грязной рубашке и без подтяжек? Можно ли уважать ангела, который ржет, как лошадь, и чванится, как морской разбойник?

Были там и другие непристойные личности — собратья нашего хозяина. Среди них выделялся джентльменской наружностью и поведением только один — сын Хибера К. Кимбелла, высокий, стройный молодой человек лет тридцати. Множество неопрятных женщин торопливо сновало по комнате с кофейниками, нарезанным хлебом и другими принадлежностями ужина. Нам сказали, что это жены хозяина — если не все, то некоторые. Так оно, конечно, и было; ибо, будь они служанками, они не потерпели бы такого потока брани и сквернословия по своему адресу даже от ангела с небес, а тем паче от этого исчадия ада.

Таково было наше первое знакомство со «своеобразным институтом» Запада, и, надо сказать, он не очень нам понравился. Мы не стали особенно приглядываться к нему, а спешно отправились в обитель «святых наших дней», цитадель пророков, столицу единственной в Америке абсолютной монархии — в Город Соленого Озера. С наступлением ночи мы нашли пристанище в гостинице «Соленое озеро» и распаковали свои вещи...

Мы пробыли в Солт-Лейк-Сити всего два дня и потому не успели, как положено, вникнуть в систему многоженства, собрать соответствующие фактические данные и сделать нужные выводы, чтобы затем лишний раз привлечь внимание всей нации к этому вопросу. Я очень хотел это сделать. Со всем пылом самонадеянной молодости я жаждал очертя голову ринуться в бой и одержать великую победу — пока не увидел мормонских женщин. Тут я смягчился. Сердце мое оказалось мудрее ума. Оно преисполнилось сострадания к этим убогим, нескладным и до жалости некрасивым созданиям, и, отворотясь, дабы скрыть великодушные слезы, увлажнившие мои глаза, я сказал себе: «Нет! Мужчина, который берет одну из них в жены, проявляет христианское милосердие и достоин не сурового осуждения, а искренних похвал всего человечества; тот же, кто берет в жены шестьдесят из них, совершает деяние

столь высокой и бескорыстной самоотверженности, что народы земли должны обнажать головы перед ним и поклоняться ему в благоговейном молчании»[1].

ГЛАВА XV

Языческий вертеп. — Толки о многоженстве. — Внучка и бабушка. — Курятник для жен в отставке. — Детей надо метить. — Отеческая забота о подкидышах. — Семейная кровать.

Где еще услышишь столько увлекательных рассказов об умерщвлении непокорных язычников? Трудно представить себе что-нибудь более уютное, чем вечерок, который мы провели в Солт-Лейк-Сити, в вертепе одного язычника, покуривая трубки и слушая повесть о том, как Бзртон верхом на коне врезался в толпу умоляющих о пощаде беззащитных людей и, точно собак, расстреливал из пистолета мужчин и женщин. И как Билл Хикмен, «ангел-мститель», застрелил Драуна и Арнолда за то, что они через суд потребовали от него уплаты долга. И как Портер Рокуэл творил свои страшные дела. И как опрометчивые люди, приехав в Юту, порой неодобрительно отзываются о Бригеме Юнге, или о многоженстве, или еще о чем-либо, столь же священном, и уже наутро их находят распростертыми в каком-нибудь глухом переулке, где они терпеливо дожидаются похоронных дрог. Не менее интересно слушать разговоры язычников о многоженстве; тут можно узнать, как некий толстобрюхий боров, старейшина или епископ, женился на девочке — и ему понравилось; женился на ее сестре — понравилось, женился на второй сестре — понравилось, женился на третьей — понравилось, женился на ее матери — понравилось, женился на ее отце, дедушке, прадедушке, а потом, не насытившись, снова явился и попросил еще. И как нередко бойкая одиннадцатилетняя девчонка оказывается любимой женой, а ее собственная почтенная бабушка падает в глазах их общего супруга до последнего ранга и отсылается спать на кухню. И как мормонские женщины потому терпят такое безобразное положение вещей, при котором мать и дочери копошатся в одном гнилом гнезде и молоденькая девушка выше родной матери рангом и имеет бóльшую власть, что, согласно их вероучению, чем больше у человека на земле жен и чем больше он вырастит детей, тем более высокое место всем им уготовано в будущей жизни,—

[1] Краткую историю мормонов и заметку о «Резне на Горном лугу» см. в приложениях А и Б. *(Прим. автора.)*

быть может, не столь высокое, сколь жаркое, но об этом они ничего не говорят.

По словам наших друзей язычников, гарем Бригема Юнга насчитывает от двадцати до тридцати жен. Часть из них будто бы достигла преклонного возраста и уволена с действительной службы, но они хорошо обеспечены и живут с полным комфортом в своем курятнике — или «Львином доме», как его почему-то называют. При каждой жене ее дети, в общей сложности — пятьдесят штук. Когда дети не шумят, в доме царит тишина и порядок. Все домочадцы едят в одной комнате; и, говорят, такая трапеза может служить образцом мирного счастья в семейном кругу. Ни одному из нас не довелось отобедать у мистера Юнга, но один язычник, по фамилии Джонсон, утверждал, что он как-то раз имел удовольствие позавтракать в «Львином доме». Он дал нам яркое описание «переклички» и других предварительных церемоний, а также кровопролитного боя, который разыгрался, когда подали гречневые оладьи. Но он несомненно приукрашивал. Если верить его рассказу, мистер Юнг повторил несколько острых словечек, принадлежавших кое-кому из его «двухлеток», заметив при этом не без гордости, что уже много лет снабжает такого рода материалом один журнал, издаваемый в восточных штатах; потом он пожелал показать мистеру Джонсону того ребенка, который отпустил последнюю удачную остроту, но никак не мог его найти. Он долго рассматривал лица ребят, но безуспешно. В конце концов он отступился и проговорил со вздохом: «Я думал, что признаю этого сорванца, да вот нет, не признал».

Потом, по словам Джонсона, мистер Юнг сказал, что жизнь — печальная, очень печальная штука, «потому что каждый раз, как человек вступает в новый брак, радость его обычно омрачают досадные похороны одной из предыдущих жен». И еще Джонсон рассказывал, что, пока они с мистером Юнгом мило беседовали, явилась одна из его супружниц и потребовала брошку, ссылаясь на то, что, как ей удалось узнать, он подарил брошку номеру шестому, и пусть он не воображает, что такая вопиющая несправедливость сойдет ему с рук без скандала. Мистер Юнг напомнил ей о присутствии постороннего. Миссис Юнг ответила, что, если постороннему не нравятся порядки в их доме, он может выйти вон. Мистер Юнг пообещал ей брошку, и она удалилась. Но через минуту явилась другая миссис Юнг и тоже потребовала брошку. Мистер Юнг начал было усовещевать ее, но миссис Юнг оборвала его на полуслове. Она сказала, что номер шесть получила брошку, а но-

меру одиннадцатому брошка обещана, и «пусть он не увиливает, свои права она знает». Он обещал, и она удалилась. Еще через минуту явились три супружницы, и на голову мистера Юнга обрушился ураган слез, упреков и настойчивых просьб. Им, мол, уже все известно про номер шесть, номер одиннадцать и номер четырнадцать. Мистер Юнг пообещал подарить еще три брошки. Не успели они удалиться, как еще девять супружниц проследовали в комнату, и новый ураган забушевал вокруг пророка и его гостя. Еще девять брошек были обещаны, и воинственные жены проследовали обратно. Затем явилось еще одиннадцать, с плачем, воем и скрежетом зубовным. И снова мир был куплен ценой обещанных брошек.

— Вот вам наглядный пример,— сказал мистер Юнг.— Сами видите, что получается. Можете судить, какая у меня жизнь. Человек не может всегда поступать благоразумно. Забывшись на минуту, я совершил опрометчивый поступок: моей любимой номер шесть — простите, что я так называю ее, другое ее имя выскочило у меня из головы,— я подарил брошку. Она стоила всего-навсего двадцать пять долларов — то есть такова была ее видимая цена,— но я мог бы догадаться, что в конечном счете она обойдется мне много дороже. На ваших глазах цена ее выросла до шестисот пятидесяти долларов, и — увы! — это еще не предел! Ибо по всей территории Юта у меня имеются жены. Существуют десятки моих жен, чьи номера — не говоря уж об именах — я могу вспомнить, только заглянув в семейную библию. Они разбросаны по всем горам и долам моих владений. И заметьте, поголовно все они услышат об этой злополучной брошке и все от первой до последней умрут, но не отступятся. Брошка номера шестого будет стоить мне не двадцать пять, а две с половиной тысячи долларов. К тому же эти бесстыдницы начнут сравнивать подарки, и, если окажется, что одна брошка чуть лучше остальных, они швырнут их мне обратно, и я должен буду заказать новую партию ради сохранения мира в моем семействе. Вы, сэр, вероятно, и не заметили, а ведь все время, пока вы были с моими ребятишками, за каждым вашим движением зорко следили мои слуги. Попытайся вы дать одному из детей монетку, или леденец, или еще какой-нибудь пустяк, вас бы тут же выволокли за дверь,— если только это удалось бы сделать до того, как вы выпустили подарок из рук. Иначе вам надлежало бы в точности так же одарить всех моих детей,— и, зная по опыту, сколь это важно, я сам позаботился бы о том, чтобы никто не остался обделенным. Однажды некий джентльмен подарил одному из моих детей

костяную свистульку — поистине измышление дьявола, которое внушает мне невыразимый ужас, да и вам, сэр, внушало бы, будь у вас в доме без малого сотня детей. Но дело было сделано, а злодей скрылся. Я знал, что мне предстоит, и жаждал мщения. Я выслал отряд ангелов-мстителей, и они погнались за ним в неприступные горы Невады. Но они так и не изловили его...

...Вы, сэр, понятия не имеете, что такое семейная жизнь. Я богат, и все это знают. Я щедр, и все этим пользуются. У меня сильно развит отцовский инстинкт, и всех подкидышей стараются всучить мне. Каждая женщина, которая желает добра своему дитяти, ломает голову над тем, как бы так устроить, чтобы ее сокровище попало в мой дом. Вообразите, сэр, однажды сюда явилась женщина с ребенком, у которого кожа была какая-то странная, словно неживая (да и у матери тоже), и клялась, что ребенок мой, а она моя жена, что я женился на ней в такое-то время, в таком-то месте, но она забыла свой номер, а я, естественно, не запомнил ее имени. Она обратила мое внимание на сходство между ребенком и мною, и в самом деле — он как будто походил на меня,— весьма частый случай в нашей территории; короче говоря, я сунул ребенка в детскую, а женщина ушла. И что же? О тень Орсона Гайда! Когда с ребенка смыли белила, он оказался краснокожим! Нет уж, как хотите, а вы и понятия не имеете, что такое семейная жизнь. Это собачья жизнь, сэр, просто собачья. Беречь деньги — никакой возможности. Я пытался завести один подвенечный наряд на все случаи. Не вышло. Сперва тебя венчают с существом, похожим на обмотанную ситцем жердь, а потом берешь водянку на двух ногах, и нужно наставлять платье остатками лопнувшего воздушного шара. Вот оно как. А счет от прачки (простите мне невольные слезы) — девятьсот восемьдесят четыре штуки белья в неделю! Нет, сэр, в таком хозяйстве, как мое, нечего и мечтать об экономии. Одних люлек сколько нужно — вы только подумайте! А глистогонного! А сиропа от колик! А колец, когда прорезываются зубки! А «папиных часов» для развлечения младенцев! А щеток и тряпок для чистки мебели! А серных спичек, чтобы наглотаться, и осколков стекла, чтобы пораниться! Суммы, затрачиваемой на одно стекло, уж наверно хватило бы на содержание вашей семьи, сэр. Как ни жмись, как ни урезай расходы, не могу я быстро идти в гору, а ведь следовало бы, при моих-то возможностях! Скажу вам прямо, сэр, было время, когда я просто рвал на себе волосы оттого, что тысячи долларов лежат мертвым капиталом в семи-

десяти двух кроватях, на которых спят семьдесят две жены, а не отданы в рост, как полагается; и я взял да и продал всю партию, продал в убыток, сэр, и смастерил одну кровать семи футов длиной и девяноста шести футов шириной. Но это оказалось ошибкой. Я глаз не мог сомкнуть. Мне казалось, что храпят все семьдесят две женщины сразу. Уши не выдерживали. А как это было опасно! Я просто дрожал от страха. Все они одновременно вдыхали воздух, и я прямо видел, как стены втягивались внутрь, а при каждом выдохе они выпячивались наружу, и я слышал, как трещат стропила и скрипит черепица на крыше. Друг мой, примите совет старика, не обременяйте себя большой семьей,— уверяю вас, ни к чему это. Только в маленькой семье, в тесном домашнем кругу вы найдете уют и тот душевный покой, который есть лучшее и наивысшее благо из всех уготованных нам в этом мире и утрату которого нам не возместят ни богатство, ни слава, ни власть, ни величие. Поверьте мне, десять — от силы одиннадцать — жен предостаточно для вас, не переступайте этой границы.

Не знаю почему, но этот Джонсон не внушал мне особенного доверия. Однако слушать его было интересно. И я сомневаюсь, удалось ли бы нам почерпнуть все эти ценные сведения из какого-либо другого источника. Во всяком случае, он выгодно отличался от неразговорчивых мормонов.

ГЛАВА XVI

Мормонская библия. — Доказательства ее божественного происхождения. — Плагиат. — Рассказ Нефи. — Примечательная битва. — Посрамление килкеннийских кошек.

Все знают понаслышке о мормонской библии, но лишь немногие, кроме «избранных», видели ее, а кто и видел, вряд ли потрудился ее прочесть. Я вывез один экземпляр из Солт-Лейк-Сити. По-моему, эта библия — редкостная диковина: сколько претензий, а какая она вялая, сонная! Трудно представить себе более пресную мешанину — хлороформ, а не книга. Если ее написал Джозеф Смит, то он совершил просто чудо — хотя бы тем, что не заснул, сочиняя ее. Если же, как гласит преданье, он только перевел ее с покрытых таинственными письменами древних медных пластинок, которые, по его утверждению, были найдены им под камнем в какой-то глухой местности, тогда перевод этот — тоже чудо, и по той же причине.

Насколько я могу судить, мормонская библия всего лишь бесталанный вымысел, состряпанный по образцу Ветхого завета и

дополненный скучным пересказом евангелия. Автор силился придать своим словам и оборотам речи то необычное, отдающее стариной звучание, которое отличает перевод священного писания на английский язык, сделанный по приказу короля Якова; в итоге получился ублюдок — то современный бойкий язык, то древняя простота и торжественность. Последнее звучит тяжеловесно и натянуто, первое кажется естественным, но рядом с архаической речью — нелепо и смешно. Когда автор чувствует, что у него выходит слишком по-современному,— а это на каждом шагу,— он всовывает какое-нибудь библейское выражение вроде «зело прогневался», «и случилось так» и тому подобное, и дело опять идет на лад. «И случилось так» — его излюбленное словечко. Не будь его, вся библия вышла бы не толще брошюрки.

На титульном листе начертано:

Мормонова книга: отчет, записанный на скрижалях рукой Мормона. Со скрижалей Нефи.

Посему это является сокращенной историей народа Нефи, а также ламанитян; написано для ламанитян, кои суть остатки дома Израиля; а также к иудеям и язычникам; написано в качестве заповеди, а также в духе пророчеств и откровения. Написано и запечатано и скрыто у Бога, дабы не пропало и дабы обнаружилось даром и силой Господа в настоящем толковании; запечатано рукой Морони и скрыто у Бога, дабы обнаружилось в должное время через язычников; в настоящем толковании по дару Господа. А также краткое изложение книги Ефир; она же летопись народа Иареда, каковой рассеялся на лицу земли, когда Бог смешал языки, потому что люди строили башню, чтобы долезть до неба.

«По дару» — это хорошо. Хорошо и «посему», хотя зачем «посему»? Можно бы и проще сказать,— правда, тогда было бы непохоже на библию.

На первой странице читаем:

СВИДЕТЕЛЬСТВО ТРЕХ ОЧЕВИДЦЕВ

Да будет известно всем народам, коленам, языкам и людям, до коих дойдет сей труд, что мы милостью Бога-Отца и Господа нашего Иисуса Христа видели скрижали с этим отчетом, он же есть летопись народа Нефи, а также ламанитян, его братьев, а также народа Иареда, пришедшего от башни, о коей уже была речь; и мы также знаем, что вырезанное на скрижалях переведено даром и силой Господа, ибо глас его воззвал к нам; посему мы знаем доподлинно, что это не вранье. И мы также свидетельствуем, что видели вырезанное на скрижалях и что они явлены были нам силой Божией, а не человеческой. И мы подтверждаем со всем здравомыслием, что ангел Божий сошел с неба и принес и положил пред наши очи, дабы мы узрели и видели скрижали и то, что вырезано на них; и мы знаем, что милостью Бога-Отца и Господа нашего Иисуса Христа мы видели их, и свидетельствуем, что это

правда истинная; и мы дивуемся; но поскольку глас Божий повелел нам возвестить о сем, мы, покорные завету Божию, о сем и свидетельствуем. И мы знаем, что, ежели будем верны во Христе, мы очистим одежды свои от крови всех людей и предстанем непорочными перед Христовым престолом и будем вечно пребывать с ним на небеси. И слава Отцу и Сыну и Святому Духу, кои суть един Бог. Аминь.

Оливер Каудери,
Дэвид Уитмер,
Мартин Гаррис

Есть люди, которым требуются горы доказательств, прежде чем они найдут в себе силы хоть отчасти поверить чему-нибудь, но я, когда человек говорит мне, что он «видел письмена на скрижалях», и — мало того — при этом присутствовал ангел и видел, как он видел, и, вероятно, взял с него надлежащую расписку,— то я уже чувствую, что далеко ушел по пути безоговорочной веры,— пусть даже я никогда и не слыхивал об этом человеке и не знаю ни как зовут ангела, ни какой он национальности.

Далее следует:

А ТАКОЖЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВОСЬМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Да будет известно всем народам, коленам, языкам и людям, до коих дойдет сей труд, что Джозеф Смит-младший, переводчик сего труда, показал нам скрижали, о которых шла речь и которые имеют вид золота; и все до единого листы, переведенные упомянутым Смитом, мы пощупали руками своими; и мы также видели вырезанные письмена, и все они имеют вид старинной работы и редкостного художества. И мы свидетельствуем со всем здравомыслием, что упомянутый Смит показал их нам, ибо мы видели их, и прикинули их вес, и знаем доподлинно, что упомянутый Смит держит означенные скрижали у себя. И мы объявляем миру наши имена, свидетельствуя перед миром о том, что мы видели; и мы не солгали, в чем Бог нам свидетель.

Кристиан Уитмер,
Джейкоб Уитмер,
Питер Уитмер-младший,
Джон Уитмер,
Хайрам Пейдж,
Джозеф Смит-старший,
Хайрем Смит,
Сэмюел Г. Смит

А когда я, уже далеко уйдя по пути безоговорочной веры, натыкаюсь на восьмерых очевидцев, которые сообщают мне — пусть не очень грамотно,— что они не только видели листы, но и «пощупали их», то для меня этого достаточно. Подпишись под этим свидетельством хоть весь род Уитмеров, я и то не проникся бы столь глубокой и несокрушимой верой.

Мормонскую библию составляют пятнадцать «книг», а именно: книга Иакова, Эноса, Харама, Омни, Мосии, Зенифа, Альмы, Хеламана, Ефира, Морони, две книги Мормона и три — Нефи.

В первой книге Нефи имеется плагиат — списанный с Ветхого завета рассказ об исходе из Иерусалима детей Лехи; далее там рассказано о том, как они восемь лет блуждали в пустыне под водительством некоего Нефи, наделенного сверхъестественным даром. В конце концов они достигли «Страны изобилия» и расположились у моря. «По прошествии многих дней» — сказано, правда, по-библейски, но весьма неопределенно — Нефи было повеление свыше построить корабль и «перевезти народ через воды». Он пародировал Ноев ковчег, однако действовал согласно предписанию. Корабль он соорудил в один день, а братья его стояли тут же, насмехаясь над его работой, а кстати и над ним, говоря: «Наш брат глупец, ибо он мыслит, что может построить корабль». Не дожидаясь, пока дерево высохнет, все племя — или народ — назавтра пустилось в плавание. И тут-то обнаружился уголок истинной человеческой природы, о чем Нефи поведал чистосердечно, с библейской откровенностью,— они устроили кутеж! Они,

а также их жены предались веселью, стали плясать, петь и говорить зело непотребно; воистину они вознеслись до крайнего непотребства.

Нефи пытался прекратить это безобразие, но они связали его, и разгульное веселье продолжалось. Но смотрите, как пророк Нефи перехитрил их с помощью невидимых сил:

И вот, после того как они связали меня, так что я двинуться не мог, компас, который был от Господа, перестал работать, посему они не знали, куда вести корабль; и поднялась буря, сделалось великое волнение, и нас отбрасывало назад по водам,— и так три дня; и они очень испугались, опасаясь, чтобы им не утонуть в море; однако же меня не развязали. И на четвертый день ветер, гнавший нас обратно, сделался зело сильным.

И случилось так, что нас чуть было не поглотила пучина морская.

Тогда они развязали его.

И случилось так, что они развязали меня, я взял компас, и он заработал, как я пожелал. И я воззвал к Богу; и когда я воззвал к Богу, тотчас ветры утихли и стала великая тишина.

Обладание компасом, видимо, давало этим древним мореплавателям большое преимущество перед Ноем.

Путь они держали в «землю обетованную» — другого имени они ей не дали. Они благополучно добрались до нее.

Многоженство — недавний догмат мормонской религии, введенный Бригемом Юнгом уже после смерти Джозефа Смита.

До этого многоженство считалось «мерзостью». Вот стих из главы второй книги Иакова в мормонской библии:

И вот говорит Господь: Народ сей погряз в беззаконии; он не разумеет священного писания, ибо он ищет оправдать свое блудодейство ссылками на царя Давида и сына его Соломона; верно, что Давид и Соломон имели множество жен и наложниц, и было сие мерзостью предо мною,— говорит Господь; — посему,— говорит Господь,— я вывел народ сей из земли Иерусалимской, рукою крепкою, дабы взрастить ветвь праведную от плода из чресл Иосифа. Посему я, Господь Бог, не потерплю, чтобы народ сей поступал по-старому.

Однако план не удался — по крайней мере по части современных мормонов,— ибо Бригем «терпит» это. Вот еще стих из той же главы:

Говорю вам, ламанитяне: братья ваши, коих вы ненавидите за их распутство и за язвы, покрывающие их тело, праведнее, чем вы,— ибо они не забыли веления Господа, заповеданного их отцам, чтобы не иметь им жен, кроме одной; и наложниц не иметь им.

Нижеследующий стих (из главы девятой книги Нефи) содержит сведения, вряд ли известные многим:

И случилось так, что Иисус вознесся на небо, толпа рассеялась, и каждый взял свою жену и детей и пошел восвояси.

И случилось так, что наутро, когда толпа собралась, явился Нефи и брат его, которого он воскресил из мертвых, имя ему Тимофей, а также сын его, имя ему Иона, и Мафони, и Мафония, брат его, и Кумен, и Кумenонхи, Иеремия, и Шемнон, и Иона, и Зедекия, и Исаия; сие суть имена учеников, коих избрал Иисус.

Для того чтобы читатель мог убедиться, как эффектно и живописно (по утверждению мормонских апостолов) происходил один из самых трогательных эпизодов в жизни Спасителя — чего по-видимому, никто, кроме них, не заметил,— привожу отрывок из той же книги Нефи:

И случилось так что Иисус обратился к ним и повелел им встать. И они встали с земли, и он сказал им: Благословенны вы за веру вашу. И вот я преисполнен радости. И сказав им эти слова, прослезился, и вся толпа свидетельствует о том, и он брал детей одного за другим, и благословлял их, и молился о них Отцу. И, помолившись, опять прослезился, и говорил к толпе, и сказал им: Взгляните на малых сих. И они взглянули на них и подняли глаза к небу — и увидели небеса отверстыми и ангелов, сходящих прямо с неба, как бы среди пламени; и ангелы сошли на землю и окружили детей, и они были окружены пламенем; и ангелы прислуживали им, и толпа слышала и видела и свидетельствовала о том; и они знают, что свидетельство их истинно, ибо все они видели и слышали, каждый человек в отдельности; а числом их было около двух тысяч пятисот душ; и состояло оно из мужчин, женщин и детей.

А из чего, собственно, оно могло бы еще состоять?

Книга Ефир — это какая-то малопонятная каша «исторического» содержания, все больше про осады и битвы между на-

родами, о которых читатель, вероятно, никогда не слыхал и которые населяли страну, не упомянутую в географии. Был там царь, носивший приметное имя Кориантумр, и воевал он с Шаредом, и с Либом, и с Шизом, и со многими другими на «равнинах Гешлон», и в «долине Гилгал», и в «пустыне Акиш», и в «краю Моран», и на «равнинах Агош», и «Огаф», и «Рама», и в «земле Корихор», и на «горе Комнор», и у «вод Риплианкума» и т. д. и т. п. «И случилось так», что после многих сражений Кориантумр подытожил свои потери, и оказалось, что «были убиты два миллиона сильных воинов, а также их жены и дети» — итого от пяти до шести миллионов,— «и он опечалился в сердце своем». Давно бы так! Тогда он написал Шизу, предлагая прекратить военные действия и уступить свое царство ради спасения народа. Шиз готов был согласиться, но только при одном условии: что Кориантумр предварительно явится к нему и даст отрубить себе голову; но этого условия Кориантумр не принял. Война возобновилась на некоторое время, а потом в течение четырех лет обе стороны собирали войско для решающей схватки, а за сим воспоследовала битва, по-видимому, самая примечательная из всех известных истории — кроме разве сражения килкеннийских кошек, которое она отчасти напоминает. Вот описание военных приготовлений и самой битвы:

7. И тогда они собрали весь народ по всему лицу земли, всех, кто не были убиты, кроме Ефира. И случилось так, что Ефир видел все, что делал народ, и он видел, что те, кто был за Кориантумра, притекали к войску Кориантумра; и все, кто был за Шиза, притекали к войску Шиза; и так в течение четырех лет они собирали народ, дабы собрать всех по всему лицу земли и усилить свою мощь, как только могли ее усилить. И тогда все они собрались вместе, каждый в том войске, в каком пожелал, с женами и детьми; и все мужи, женщины и дети были вооружены оружием войны, щитами, и нагрудниками, и шеломами, и облачены в одежды войны, и они вышли друг против друга на бой; и они бились весь день, но не победили. И когда настала ночь, они утомились и возвратились в свои станы, а возвратясь в свои станы, они подняли вопль и плач великий по убитым воинам своего народа; и такова была сила их стенаний, воплей и криков, что разрывался воздух. И когда настало утро, они снова пошли на бой, и день тот был великий и страшный; но они не победили, и когда опять настала ночь, их крики, жалобы и вопли по убитым воинам своего народа опять разрывали воздух.

8. И случилось так, что Кориантумр вторично написал Шизу, прося его больше не идти на бой, но взять царство и пощадить жизнь народа. Но се — Дух Божий покинул их, и Сатана овладел сердцами народа, ибо отданы они были во власть жестокосердия своего и слепоты своей, дабы погибнуть им; и посему они опять пошли на бой. И сражались они весь тот день, и когда настала ночь, они уснули на мечах своих, и наутро они опять пошли в бой и сражались до ночи; и когда настала ночь,

они опьянели от гнева, как человек пьяяеет от виян; и опять они уснули на мечах своих; и наутро они сражались опять, и к ночи все они пали от меча; и осталось их пятьдесят два из народа Кориантумра и шестьдесят девять из народа Шиза. И спали они в ту ночь на мечах своих, а наутро опять сражались и бились друг с другом, соревнуясь в мощи мечей и щитов; и так весь день; и когда настала ночь, их было тридцать два из народа Шиза и двадцать семь из народа Кориантумра.

9. И случилось так, что они ели и спали и готовились наутро умереть. И были они мужи рослые и крепкие силою мышц. И бились они три часа и, потеряв много крови, обессилели. И когда воины Кориантумра набрались сил, они пустились наутек, но се — Шиз поднялся, и с ним войско его, и он поклялся в гневе своем, что умертвит Кориантумра либо погибнет от меча; и так он преследовал их, к утру настиг, и они опять сражались. И случилось так, что когда все они пали, кроме Кориантумра и Шиза, Шиз обессилел, потеряв много крови. И тогда Кориантумр передохнул слегка, опершись на свой меч, и отрубил Шизу голову. И когда он отрубил Шизу голову, Шиз поднялся на руках, и упал, и, глотнув воздуха, умер. И тогда Кориантумр пал на землю замертво. И Бог сказал Ефиру, говоря: Иди. И он пошел и увидел, что сказанное Господом исполнилось; и он докончил свою летопись; и сотой доли ее я не написал.

Жаль, жаль, что Смит написал так мало и, наполнив предыдущие главы скучнейшей пошлостью, оборвал свой рассказ как раз на том месте, где он, чего доброго, мог бы стать занимательным.

Мормонская библия — глупая книга, и читать ее — нудное занятие, но в ее поучениях нет ничего зловредного. Против изложенного в ней кодекса морали возразить нечего: он «скатан» с Нового завета — даже без ссылки на источник.

А. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ МОРМОНОВ

С основания мормонской общины прошло не больше сорока лет, однако история их была бурной с самых первых шагов своих, и в дальнейшем своем шествии она обещает быть не менее волнующей. Мормоны подвергались преследованиям и гонениям по всей стране, отчего они на долгие годы возненавидели всеми силами души всех «язычников» без разбору. Джозеф Смит, нашедший пресловутую Книгу Мормона и считающийся основоположником их религии, вынужден был из штата в штат перетаскивать свои таинственные медные пластинки и чудодейственные камни, с помощью которых он разбирал письмена, на них начертанные. В конце концов он основал в штате Огайо «церковь», членом которой сделался некий Бригем Юнг. Начались гонения, а с ними и вероотступничество. Бригем твердо держался избранной им веры и работал не покладая рук. Ему удалось приостановить дезертирство. Более того — в самые тяжелые времена он умудрился многих обратить в свою веру. Постепенно он стал пользоваться все бо́льшим влиянием и доверием у братии. Вскоре он сделался одним из двенадцати «апостолов церкви», а затем завоевал еще более влиятельное и высокое положение, став президентом Двенадцати. После того как огайцы поднялись и изгнали мормонов из своего штата, мормоны осели в штате Миссу́ри.

Бригем сопровождал их. Миссурийцы прогнали их, и они отступили в Науву, штат Иллинойс. Там они начали процветать и воздвигли храм с притязанием на архитектурное изящество,— в краю, где кирпичное здание суда с куполом, возвышающимся над железной кровлей, вызывало почтительный трепет, этот храм обратил на себя внимание. Но и здесь мормонов продолжали теснить и преследовать. Не помогали прокламации, в которых Джозеф Смит клеймил и осуждал многоженство, как противоречащее правилам мормонов: обитатели обоих берегов Миссисипи утверждали, что среди мормонов процветает пышным цветом многожеиство, да и многое другое. Бригем вернулся из поездки в Англию, где он основал мормонскую газету и откуда вывез несколько сотен новообращенных. С каждым шагом возрастало его влияние на братию. Затем «язычники» из Миссури и Иллинойса вторглись в Науву и убили Джозефа Смита. Некий мормон по имени Ригдон провозгласил было себя главой мормонской церкви и мормонской общины вместо покойиого Смита; он попробовал даже свои силы в качестве пророка. Однако идущий за ним был сильнее его. Улучив момент, Бригем, все преимущество которого состояло в обладании более острым умом и крепкой волей, свергнул Ригдона с его высокого поста и занял его сам. Больше того — он проклял Ригдона и его приверженцев сложным проклятием, объявил, что его «прорицания» исходили от дьявола, и в заключение предал «лжепророка Сатане на тысячу лет»,— иа такой срок еще иикого не осуждали в Иллинойсе! Народ признал своего властелина. Тотчас подавляющим большинством голосов он избрал Юнга своим президентом и до сего дня относится к иему с беззаветной преданностью. Бригем умел заглядывать вперед — свойство, которым иикто другой из видных мормонов как будто не обладал. Он понял, что лучше податься в пустыню своей волей, нежели ждать, когда их туда оттесият. И вот по его приказу поддаииые его собрали свои скудиые пожитки, обратили спины к домам своим, а лица к пустыне и морозиой февральской иочью, при свете зарева от горящего со всей священной утварью храма, который они подожгли собственноручно, потянулись печальной чередой через Миссисипи. А через несколько дней они расположились лагерем на западной границе штата Айова, и бедность, лишеиия, голод, холод, недуги, тоска и травля сделали свое дело: многие, не выдержав всех этих невзгод, погибли. Что бы там ни говорили, это были настоящие мученики! Те, кто выжил, задержались там еще на два года, в то время как Бригем с небольшим отрядом пересек пустыню и основал город Грейт-Солт-Лейк-Сити (город Великого Соленого Озера), нарочно для этого избрав место, которое *не являлось собственностью ненавистного американского правительства и находилось вне его юрисдикции.* Этот факт не следует забывать. Описанные события относятся к 1847 году. Не успел Бригем со своим иародом поселиться в новом городе, как их постигло еще одно бедствие — кончилась война, и Мексика передала убежище Бригема неприятелю — Соединенным Штатам Америки. В 1849 году мормоиы образовали «свободное и независимое» правительство и объявили себя «Штатом Дезерет», а Бригема Юнга своим президентом. Однако на следующий год конгресс Соедииенных Штатов дал щелчок по их самолюбию, и то же самое сочетание гор, полыни, солончаков и всеобщего запустения превратил в «территорию Юта», но при этом все же назначил Бригема Юнга ее губериатором. В течеиие последующих лет переселенцы волиа за волиой тянулись через пустыни и земли мормоиов в Калифорнию, ио, иесмотря иа это, церковь оставалась иезыблема и

верна своему повелителю и господину. Голод, жажда, нужда и горе, ненависть, презрение и преследования со стороны окружающих не пошатнули мормонов в их вере и преданности своему вождю. Они устояли даже против соблазна золота,— а ведь у скольких народов загубило оно цвет молодежи, выкачало последние соки! Из всех возможных испытаний испытание золотом — самое суровое, и в народе, его выдержавшем, должно быть заложено нечто весьма основательное.

Территория Юта и Грейт-Солт-Лейк-Сити процветали. Перед тем как покинуть Айову, Бригем Юнг напоследок явился в церковь, облачившись в одежды всеми оплакиваемого пророка Смита, и совершил от его лица торжественное рукоположение «президента Бригема Юнга»! Народ с восторгом проглотил это благочестивое мошенничество, и власть Бригема окончательно укрепилась. А затем — и пяти лет не прошло! — он объявил многоженство одним из основных догматов церкви, сославшись на «откровение», которое якобы еще девять лет назад сошло на Джозефа Смита, хотя всем известно, что Джозеф Смит до самой смерти своей боролся с многоженством.

Бригем по скромному началу своей карьеры и постепенному продвижению к великолепию и славе мог равняться с самим Эндрю Джонсоном. Последовательно прошел он все ступени: рядовой мормон, миссионер на родине, миссионер за границей, издатель и редактор, апостол, президент апостольского департамента, глава мормонской общины, наделенный духовной и светской властью; волею неба — преемник Смита, «пророк», «прорицатель», «провидец». Оставалась одна лишь ступень, и он смиренно взошел на нее — объявил себя господом богом!

Ему уготован, так утверждает он, собственный рай после смерти, где он будет богом, жены его — богинями, а дети — князьями и княжнами небесными. Все верные мормоны будут допущены в этот рай вместе со своими семьями и займут там положение соответственно количеству жен и детей, которыми они успели обзавестись. Если кто из верных умрет, не успев нажить жен и детей в количестве, необходимом для того, чтобы пользоваться уважением в загробном мире, кто-нибудь из друзей может взять себе несколько жен во имя покойника и вырастить ему недостающее потомство; все они будут зачтены покойнику и соответственно повысят его в ранге.

Не следует забывать, что мормоны по большей части вербуются среди людей невежественных, наивных, малоразвитых, обладающих ограниченным кругозором; не следует также забывать, что жены мормонов стоят на том же уровне и что дети, рожденные от их союза, вряд ли сильно отличаются от своих родителей; не следует упускать из виду и того, что в течение сорока лет этих несчастных травили — травили без устали, без жалости! Толпа улюлюкала им вслед, избивала их и стреляла по ним; их подвергали проклятиям, презрению и изгнанию; они бежали в глушь, в пустыню, уже изможденные болезнями и голодом, стенаниями нарушая вековую тишину и усеивая долгий путь свой могилами. И все это они претерпели за то лишь, что пожелали жить и верить так, как велела им их совесть. Все это необходимо помнить, и тогда станет понятна та неумирающая ненависть, которую мормоны питают к нашему народу и правительству.

Ненависть эта стала подниматься на дрожжах древней обиды с той самой поры, как мормонский край Юта начал процветать, а церковь богатеть и крепнуть. Бригем в качестве губернатора территории недвусмысленно дал всем понять, что Мормония существует для мормонов.

Соединенные Штаты пытались поправить дело назначением правительственных чиновников из Новой Англии и других антимормонских областей, но Бригем значительно осложнил въезд этих чиновников в территорию, находящуюся под его управлением. Соединенным Штатам пришлось прогнать трехтысячное войско через пустыню, чтобы водворить своих чиновников на предназначенные для них посты. Однако, когда син джентльмены были водворены, толку от них было не больше, чем от каменных идолов. Они издавали законы, на которые никто не обращал внимания и которые не могли быть проведены в жизнь. В стране, где преступления и насилие над личностью совершались на каждом шагу, федеральные судьи заседали лишь на потеху дерзкой толпе, что собиралась поглазеть на них в свободное время, ибо судить было некого, делать было нечего, да и дел-то никаких не велось. Если истцом был «язычник», мормонские присяжные выносили решение, какое им было угодно, с приговором же федерального суда мормоны не считались, и привести его в исполнение не было никакой возможности. Наши президенты слали в Юту одну партию чиновников за другой, и всякий раз результат был один — они мрачно отсиживали какое-то время, день за днем глотая оскорбления, видя кругом угрюмые физиономии и при всякой попытке выполнять свой долг нарываясь на косые взгляды и прямые угрозы,— и наконец либо сдавались и становились жалким орудием мормонов, либо, не выдержав, запуганные вконец, покидали территорию. Если же случайно чиновник оказывался человеком неробкого десятка и ему удавалось показать свою храбрость, тотчас какой-нибудь покладистый президент вроде Бьюкенена или Пирса смещал его с должности и на его место ставил очередное бревно. В 1857 году, в том самом, когда Крэдлбо был судьей, губернатором Юты чуть было не назначили генерала Харни; слово «страх» в сознании этих двоих имело смысл самый абстрактный. Хотя бы потому, что они внесли бы разнообразие в несколько монотонную историю угодливости и беспомощности федеральных властей, приходится пожалеть, что этим двум не суждено было служить одновременно в территории Юта.

Такое положение дел мы застали, когда нам довелось побывать в Юте. Управление территорией проявляло позорную беспомощность, и единственной реальной силой там был Бригом Юнг. Это был абсолютный монарх — монарх, который не считался с нашим президентом, смеялся над нашей армией, когда она осаждала его столицу, и, без малейшего смущения выслушав весть о том, что августейший конгресс Соединенных Штатов торжественно объявил многоженство противозаконным, преспокойно завел себе еще двадцать пять или тридцать жен.

Б. РЕЗНЯ НА ГОРНОМ ЛУГУ

Мормоны мстили и мстят за преследования, коим подвергались и — как они считают — продолжают подвергаться по сей день, ибо самоуправления им так и не дали. Почти забытая ныне «резня на Горном лугу» была делом их рук. История эта в свое время нашумела порядком — по всей стране только и разговоров было, что об этом зверстве. Освежим ее в памяти читателя в общих чертах. Однажды большой обоз переселенцев из Миссури и Арканзаса проследовал через Солт-Лейк-Сити; к обозу присоединилось несколько мормонов из недовольных, в надежде под его прикрытием совершить побег. Этого одного было бы достаточно, чтобы воспламенить гнев мормонских главарей. Но сюда еще присоединилось

то обстоятельство, что переселенцы — сто сорок пять или полтораста ничего не подозревающих душ — ехали из Арканзаса, где незадолго до описываемых событий был убит крупный мормонский миссионер, и из Миссури — штата, о котором мормоны вспоминали как о самом рьяном гонителе первых «святых» в эпоху, когда мормонская община была малочисленна, бедна и не имела друзей. Таким образом, путники не внушали к себе симпатий. И, наконец, в обозе были большие богатства — скот, лошади, мулы и всякое другое имущество,— как же было мормонам, которые во всем стремились подражать древнему израильскому племени, как же было им не схватить «добычу» у неприятеля, когда сам господь бог «предал ее им в руки»?

Итак, говоря словами миссис С. В. Узйт в ее любопытной книге «Мормонский пророк», случилось, что «Бригему Юнгу, Великому и Верховному Государю, иначе говоря — Богу, было «откровение», на основании которого он приказал президенту Дж. С. Хейту, епископу Хигби и Джону Д. Ли (приемный сын Бригема) собрать побольше людей из тех, на кого можно положиться, одеть их индейцами, напасть на проклятых язычников (так говори́лось в «откровении») и сразить всех до единого стрелами Всевышнего, чтобы никто не мог поведать миру, как обстояло дело; если понадобится, привлечь настоящих индейцев в качестве союзников, посулив им часть добычи. Долг свой выполнить точно и без промедления, скот пригнать до наступления зимы, ибо такова воля Всемогущего Господа Бога».

Задание, заключенное в «откровении», было добросовестно выполнено. Большой отряд мормонов, нарядившись индейцами и разрисовав себе лица, нагнал обоз примерно в трехстах милях к югу от Солт-Лейк-Сити и там на него напал. Переселенцы тотчас окопались, превратили свои фургоны в редуты и мужественно и успешно отбивались целых пять дней. Миссурийцев и арканзасцев не очень-то запугаешь жалкой пародией на «свирепых индейцев», прозябающей в Юте! Каждый переселенец готов был сражаться с пятьюстами из них.

На шестой день мормоны решили прибегнуть к военной хитрости. Отступив к верхнему краю «Луга», они переоделись, смыли с себя краску и, вооруженные до зубов, подъехали в фургонах к осажденным переселенцам, подняв белый флаг парламентеров. Увидев белых людей, переселенцы побросали ружья и приветствовали их радостными криками. В ответ на белый флаг, вряд ли даже подозревая всю патетичность своего жеста, они подняли на воздух младенца, одетого в белое.

Во главе этих неожиданных белых «избавителей», стояли президент Хейт и епископ мормонской церкви Джон Д. Ли. О дальнейших действиях этих предводителей мистер Крадлбо (исполнявший в то время обязанности федерального судьи в Юте, а впоследствии — сенатор от Невады) рассказал в своей речи, произнесенной в конгрессе:

«Заявив, что находятся в хороших отношениях с индейцами и что последние настроены весьма свирепо, они предложили свое посредничество, обещав переселенцам походатайствовать за них перед индейцами. Переговоры длились несколько часов, и после (мнимого) совещания с индейцами парламентеры предъявили ультиматум, якобы продиктованный дикарями, согласно которому переселенцам предписывалось всем до единого покинуть лагерь, оставив в нем все, вплоть до оружия. Мормонские же вожди обещали привести военные отряды и конвоировать переселенцев до ближайших поселений. Ради спасения своих семей переселенцы условия приняли. Мормоны удалились, а затем вернулись

с вооруженным отрядом в тридцать или сорок человек. Переселенцы выстроились в колонну; впереди шли женщины и дети, за ними мужчины, и, наконец, шествие замыкала мормонская охрана. Когда в таком порядке они прошли примерно с милю, был дан сигнал — и началось избиение. Почти все мужчины были убиты на месте выстрелом в спину. Только двоим удалось убежать на сто пятьдесят миль в пустыню, но их там нагнали и убили. Женщины и дети, пробежав ярдов двести, были добиты «охраной» и индейцами. Из всего обоза уцелели семнадцать душ — дети, из которых самому старшему не было восьми лет. Так сентября 10-го в год 1857 совершилось одно из самых жестоких, подлых и кровожадных убийств во всей истории нашей родины».

В этой бойне мормоны уничтожили сто двадцать человек.

С неслыханным мужеством открыл судья Крэдлбо заседание суда и призвал Мормонию к ответу за массовое убийство. Какая картина! Суровый ветеран, одинокий, гордый и мужественный, гневно взирающий на мормонских присяжных и аудиторию, состоящую сплошь из мормонов,— он то издевается над ними, то обрушивает на них молнии своей ярости!

Вот что писала «Территориел энтерпрайз» в передовой, посвященной этому событию:

«Он говорил и действовал с неустрашимостью и решительностью, достойной Джексона; но присяжные отказались признать состав преступления и не захотели даже высказаться по отдельным пунктам обвинительного акта; со всех сторон неслись угрозы в адрес судьи и правительственных войск, имеющие целью заставить его отступиться от взятого им курса.

Убедившись в полной бесполезности присяжных, судья распустил их, облив их ядом своего сарказма. Затем, будучи облечен исполнительной властью, он один, без всякой посторонней помощи, принялся за дело. Он допрашивал свидетелей, производил повсеместно аресты и тем внес такое расстройство в ряды «святых», какого они не знали со дня основания мормонской общины. Перепуганные старшины и епископы, по последним сведениям, бежали, спасая шкуру; последовали удивительные разоблачения, и выяснилось, что самые высокие служители церкви замешаны в многочисленных убийствах и ограблениях «язычников», имевших место в последние восемь лет».

Если бы в ту пору губернатором Юты был Харни, Крэдлбо нашел бы у него поддержку, и тогда приведенные им доказательства виновности мормонов в последней бойне, а также во многих ранее совершенных убийствах доставили бы кое-кому из граждан бесплатный гроб и в придачу — случай им воспользоваться. Но в ту пору пост федерального губернатора занимал некий Камминг, который из странного желания щегольнуть объективностью всячески ограждал мормонов от посягательств правосудия. В одном случае он даже выступил в печати с протестом по поводу того, что судья Крэдлбо привлек правительственные войска для выполнения своих задач.

Миссис Уэйт заключает свой в высшей степени интересный отчет о зверской бойне следующим замечанием и кратким обзором улик, отличающимся точностью, достоверностью и четкими формулировками:

«Для тех, кто склонен еще сомневаться в причастности Юнга и его мормонов к этому делу, предлагается настоящий свод улик и обстоятельств, которые не просто указывают на возможность их виновности, но и доказывают эту виновность с полнейшей достоверностью:

1. Показания самих мормонов — участников дела, снятые судьей Крэдлбо в присутствии помощника шерифа Соединенных Штатов Роджерса.

2. Отсутствие какого бы то ни было упоминания об этом деле в отчете, представленном Бригемом Юнгом в качестве инспектора по делам индейцев. Также полное молчание обо всем в церкви, которое было нарушено лишь спустя несколько лет после упомянутых событий.

3. Бегство в горы высокопоставленных представителей как духовной, так и мирской власти мормонов в самом начале следствия, предпринятого по этому делу.

4. Замалчивание всей истории церковным органом «Дезерет ньюс» — единственной газетой, выходившей в ту пору в Юте; когда же газета через несколько месяцев и высказалась по этому поводу, то лишь затем, чтобы отрицать причастность мормонов к совершенным преступлениям.

5. Показания детей, уцелевших после бойни.

6. Тот факт, что на следующий день после резни в ряде мормонских семей появились как дети, так и имущество, принадлежавшее убитым.

7. Показания индейцев, находившихся неподалеку от места резни; показания эти приводятся не только Крэдлбо и Роджерсом, но подтверждаются также и рядом офицеров, а также Дж. Форнеем, который в 1859 году занимал пост инспектора по делам индейцев в территории Юта. Свои показания упомянутым лицам индейцы давали добровольно и неоднократно.

8. Показания капитана 2-го драгунского полка, Р. П. Кембелла, откомандированного весною 1859 года в Санта-Клара для охраны путешественников по дороге в Калифорнию, а также для расследования случаев нападения на них индейцев».

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

[1892 — 1895. Германия. Италия. Англия. Франция]

В ПЕРВОЕ же воскресенье пошел в церковь, а во вторник получил счет на двадцать марок на поддержание церкви. Хватит. Не могу себе позволить исповедание религии за такую цену. Здесь спасение души — для богатых.

Боб Ингерсолл рассказал о пресвитерианском святом, который, отправляясь на экскурсию из рая в ад, заплатил за проезд в оба конца, а потом никому не мог сбыть обратный билет.

В Джайпуре я повторил некоторые опыты сэра Джона Леббока с муравьями и получил сходные результаты. Потом я предпринял собственные опыты. Они показали, что муравьи хорошо ориентируются в сфере духовных интересов. Я соорудил четыре миниатюрных храма: мусульманскую мечеть, индийское свя-

тилище, еврейскую синагогу и христианский собор — и поставил их рядом. Затем я пометил пятнадцать муравьев красной краской и пустил их на волю. Они бегали взад и вперед, глядели на храмы, но не заползали внутрь. Я выпустил еще пятнадцать муравьев, пометив их синей краской. Они вели себя так же, как их красные собратья. Я позолотил и выпустил еще пятнадцать муравьев. Тот же результат. Все сорок пять муравьев суетились, ни на минуту не останавливаясь, подходили ко всем храмам, но не заползали ни в один из них. Я счел доказанным, что избранные мною муравьи не имеют твердых религиозных убеждений; это было необходимой предпосылкой моего следующего, еще более важного эксперимента.

Я положил у входа в каждый храм белую бумажку. На бумажку перед мечетью я положил кусок замазки, перед входом в святилище — немного дегтя, перед входом в синагогу капнул скипидара и перед входом в собор положил кусок сахару. Теперь я выпустил красных муравьев. Они отвергли замазку, деготь и скипидар и набросились на сахар с жадностью и, как мне показалось, с искренним чувством. Я освободил синих; они в точности повторили действия красных. Золотые поступили так же, без единого исключения. Это не оставляло сомнений в том, что муравьи, лишенные определенного вероисповедания, если им предоставить выбор, отдают предпочтение христианской религии перед всякой другой.

Чтобы проверить опыт, я запер муравьев и переместил замазку в собор, сахар же положил в мечеть. Я выпустил сразу всех муравьев, и они толпой ринулись к собору. Я был тронут до глубины души и пошел в соседнюю комнату, чтобы записать этот замечательный опыт. Вернувшись, я увидел, что все муравьи отступились от христианской веры и перешли в магометанство. Я понял, что поспешил с выводами. Мне стало неловко и горько. Уже не столь уверенный в себе, я решил довести опыт до конца. Я положил сахар сперва в третий, потом в четвертый храм. Что же я установил? В какой храм я клал сахар, в тот и устремлялись муравьи. Таким путем я пришел к неопровержимому выводу, что в отношении религии муравей является полной противоположностью человеку. Человек идет в тот храм, где учат истинной вере. Муравей же — в тот, где дают сахар.

Если бы мне поручили сотворить бога, я наделил бы его некоторыми чертами характера и навыками, которых не хватает нынешнему (библейскому) богу.

Он не стал бы выпрашивать у человека похвал и лести и был бы достаточно великодушен, чтобы не требовать их силой. Он должен был бы уважать себя не меньше, чем всякий порядочный человек.

Он не был бы купцом, торгашом. Он не скупал бы льстивые похвалы. Он не выставлял бы на продажу земные радости и вечное блаженство, не торговал бы этим товаром в обмен на молитвы. Я внушил бы ему чувство собственного достоинства, свойственное порядочному человеку.

Он ценил бы лишь такую любовь к себе, которая рождается сама собою в ответ на добро, и пренебрегал бы той, которою по договоренности платят за благодеяния. Искреннее раскаяние в совершенном грехе погашало бы грех навсегда, и от человека, раскаявшегося в глубине души, никто не ждал бы и не требовал словесных просьб о прощении.

В его библии не было бы смертного греха. Он признал бы себя автором и изобретателем греха, а равно автором и изобретателем путей и способов к совершению греха. Он возложил бы всю тяжесть ответственности за совершаемые грехи на того, кто повинен в них, признал бы себя главным и единственным грешником.

Он не был бы завистлив и мелочен. Даже люди презирают в себе эту черту.

Он не был бы хвастлив.

Он скрывал бы, что восторгается самим собою. Он понял бы, что хвалить себя при занимаемом им положении дурно. Он не испытывал бы мстительных чувств; тогда он не произносил бы мстительных речей.

Не было бы никакого ада,— не считая того, в котором мы живем от колыбели до могилы. Не было бы никакого рая,— во всяком случае того, который описан в библиях всех религий.

Он посвятил бы долю своей вечности на раздумье о том, почему он создал человека несчастным, когда мог, тем же усилием, сделать его счастливым. В остающееся время он пополнял бы свои сведения по астрономии.

1898.— В течение многих столетий сатана занимает видное положение духовного главы четырех пятых человечества и политического главы всего человеческого рода; так что нельзя отказать ему в первоклассных организационных способностях. Рядом с ним все наши политики и папы римские — козявки, которых надо рассматривать под микроскопом.

У него нет ни одного оплачиваемого помощника. У его противников — миллион.

Одни поклоняются чинам, другие — героям, третьи — силе, четвертые — богу, из-за этого они спорят между собой,— но все единодушно поклоняются деньгам.

Богу не хватает стойкости характера, твердых убеждений. Ему следует быть католиком, или пресвитерианином, или кем-нибудь, все равно,— но не стараться поспеть сразу повсюду.

Давайте чертыхаться, пока есть время, в раю нам не позволят.

Человек был создан в последний день творения, когда бог уже утомился.

Когда читаешь библию, больше удивляешься неосведомленности бога, нежели его всеведению.

Если бы человека создал человек, он устыдился бы плодов своего труда.

Бог свиреп в Ветхом завете и обаятелен в Новом — доктор Джекиль и мистер Хайд священного романа.

Ничто не поражает так, как чудо,— разве только наивность, с которой его принимают на веру.

Только мертвые имеют свободу слова.

Только мертвым позволено говорить правду.

В Америке, как и повсюду, свобода слова — для мертвых.

Нет ни единого права, принадлежащего человеку, которое не было бы продуктом насилия.

Нет ни единого права, которое было бы незыблемым. Его всегда можно уничтожить при помощи очередного насилия; следовательно, человек не владеет ни единым ненарушимым правом.

Бог представляет насилие (он хитер, ненадежен, злобен).

(О ВЕРЕ И БОГЕ)

Отнюдь не способность рассуждать создает пресвитерианина, баптиста, методиста, католика, магометанина, буддиста или мормона,— писал он много лет спустя,— их создает среда.

Единственным реальным богом я считаю Бытие, которое создало эту величественную вселенную и правит ею... Истинная его сущность начертана ясными словами в истинной Библии — Природе и ее истории.

«Не понимаю, каким образом человек, не лишенный юмора, может быть верующим — разве что он сознательно закроет глаза своего рассудка и будет силой держать их закрытыми».

«Я верю в бога всемогущего.

Я не верю, что он когда-либо посылал через кого-нибудь весть человечеству, ни что он сообщал ее сам изустно, ни что он являлся когда-либо и где-либо в образе, видимом глазам смертных.

Я верю, что Ветхий завет и Новый завет были созданы и записаны человеком и что ни одна строка в них не была подтверждена богом и тем более — продиктована им.

Я считаю, что доброта, справедливость и милосердие божие проявляются в его творениях: я вижу, что они проявляются по отношению ко мне в этой жизни; отсюда я логически заключаю, что они проявятся по отношению ко мне и в грядущей жизни, если она вообще существует.

Я не верю в провидение. Я верю, что вселенная управляется строгими и неизменными законами. Если во время чумы семья одного человека погибла, а семья другого уцелела, это результат действия закона, бог же не вмешивался в такую мелочь, помогая одному или карая другого.

Я не понимаю, каким образом вечные загробные муки могут служить благой цели, и поэтому не верю в них. Может быть, и разумно наказать человека, чтобы он стал лучше; может быть, и разумно уничтожить его совсем, если оказалось, что лучше он стать не может; но вечно поджаривать его только ради удовольствия видеть, как он поджаривается,— это, во всяком случае, неразумно: даже свирепому богу, выдуманному евреями, это зрелище в конце концов надоело бы.

Может быть, загробная жизнь существует, а может быть, и нет. Я глубоко равнодушен к этому вопросу. Если мне суждено

жить снова, то уж наверное для чего-то более разумного, а не для того, чтобы барахтаться вечность в огненном озере за нарушение путаных и противоречивых правил, которые считаются (без доказанных оснований) божественными установлениями. Если же за смертью следует полное уничтожение, то сознавать его я не буду, и, следовательно, это меня совсем не трогает.

Я верю, что моральные законы человеческого общества порождены опытом этого общества. Для того чтобы человек понял, что убийство, воровство и прочее вредны как для совершающего их, так и для страдающего от них общества, не требовалось нисхождения бога на землю.

Если я нарушаю эти законы морали, то не вижу, почему я этим оскорбляю бога — ибо что для него мои оскорбления? С тем же успехом я мог бы попытаться запачкать какую-нибудь планету, швыряя в нее грязью. Мне кажется, что мои преступления и проступки вредны только для меня и для других людей. Подчиняясь этим законам, я не могу радовать бога — как не радуется планета тому, что я не швыряю в нее грязью. (Читая все это, следует помнить, что, по моему глубочайшему убеждению, я получил эти законы только от человека, а совсем не от бога.) Поэтому я не понимаю, с какой стати в будущей жизни меня должны наказывать или награждать за то, что я сделал в этой».

«Зальцбург, 24 сентября 1897. Судя по неприятному колокольному трезвону, можно подумать, что этот городок с населением в 27 600 человек состоит главным образом из церквей. Деньги воплощают труд, пот, усталость. Вот во что обошлись народу эти бесполезные церкви, вот во что обходится ему содержание бесполезных священников и монахов»... «Духовенство и церковь обездоливают народ, распространяя невежество, суеверие и раболепие, а затем обожествляют себя за свой благородный труд, заключающийся в том, что они раздают крохи помощи, извлекая их не из собственных сундуков, а из карманов тех нищих, которых они же и создали».

БИБЛЕЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТАКТИКА

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЖАННЕ Д'АРК...
(Отрывки)

ЖАННА д'Арк, ребенок по годам, невежественная, неграмотная деревенская девочка, никому не известная, без всяких связей, застала свою великую страну в оковах, беспомощно простертую под пятой чужеземца; казна была пуста, солдаты разбежались, умы оцепенели, отвага угасла в сердцах за долгие годы чужеземного ига и междоусобной борьбы, король был запуган, покорился своей участи и готовился бежать за рубеж. Жанна возложила руки на этот труп нации — и он воскрес, поднялся и последовал за ней. Она повела французов от победы к победе, она повернула ход Столетней войны, нанесла смертельный удар английскому могуществу и погибла, заслуженно нося звание ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦЫ ФРАНЦИИ, которое принадлежит ей и поныне.

И вместо награды французский король, которого она возвела на трон, безучастно смотрел, как французские попы схватили благородную девушку — самое невинное, самое прекрасное и удивительное создание, когда-либо являвшееся в мир,— и сожгли ее живою на костре.

ГЛАВА XIV
ЖАННА БОРЕТСЯ ПРОТИВ «ДВЕНАДЦАТИ ЛЖИВЫХ ОБВИНЕНИЙ»

Наступил апрель. Жанна была больна. Она заболела 29 марта, на другой день после окончания третьего судилища,— ей было совсем плохо, когда произошла только что описанная мною сцена в темнице. Это было очень похоже на Кошона: попытаться воспользоваться ее болезненным состоянием.

Разберем некоторые из пунктов нового обвинительного документа, который можно назвать «Двенадцать лживых обвинений».

В первом пункте говорилось, что Жанна утверждала, будто ей обеспечено спасение души. Никогда она не говорила ничего подобного. Там было сказано также, что она отказалась подчиниться Церкви. И это тоже ложь. Она согласилась передать на суд Руанского трибунала все свои дела, кроме тех, которые совершила по божьему велению, выполняя возложенную на нее миссию: эти деяния она согласилась представить только на божий суд. Она отказалась признать Церковью Кошона и его покорных рабов, но была готова предстать пред судом папы или Базельского собора.

В одном из Двенадцати Пунктов утверждалось, будто она, по собственному признанию, угрожала смертью тем, кто ей не повиновался. Это явная ложь. Еще в одном было сказано, что она уверяла, будто все свои поступки совершала по божьему велению; в действительности она сказала: «все то, что делала хорошо»,— эту поправку, как вы помните, она внесла сама.

Еще в одном пункте говорилось, что она называла себя непогрешимой. Никогда она так себя не называла.

Еще один пункт объявлял греховной ее мужскую одежду. Если так, то она имела на то разрешение авторитетных духовных лиц — архиепископа Реймского и всего трибунала в Пуатье.

Пункт десятый ставил ей в вину то, что она заявила о французских симпатиях св. Екатерины и св. Маргариты и о том, что они говорили на французском, а не на английском языке.

Эти Двенадцать Пунктов подлежали одобрению ученых богословов Парижского университета. К вечеру 4 апреля они были переписаны и готовы. Тут Маншон совершил еще один смелый поступок: он написал на полях, что многие из Двенадцати Пунктов приписывают Жанне нечто противоположное тому, что она говорила в действительности. Эта малость не могла иметь значения для Парижского университета; она не повлияла бы на его решение и не вызвала бы его сострадания, если университет был на него способен,— а он явно отбросил его для выполнения своей политической задачи, но все же славный Маншон поступил благородно.

На другой день, 5 апреля, документ был отправлен в Париж. В тот день в Руане царило волнение, по главным улицам ходили возбужденные толпы и все жадно ждали новостей: разнесся слух, что Жанна д'Арк лежит при смерти. Бесконечные заседа-

ния действительно измучили ее, и она захворала. Главари английской партии не на шутку встревожились: а вдруг Жанна умрет, не дождавшись церковного осуждения, и сойдет в могилу незапятнанной? Любовь и жалость народа обратят ее страдания и смерть в мученичество, и после смерти она станет во Франции еще более мощной силой, чем при жизни.

Граф Варвик и английский кардинал Винчестер поспешили в замок и послали за лекарями. Варвик был жестокий и грубый человек, чуждый сострадания. Больная девушка лежала в железной клетке, закованная в цепи,— кажется, это зрелище могло бы удержать от жестоких слов, а Варвик при ней громко сказал лекарям:

— Смотрите, лечите ее хорошенько. Король Англии вовсе не желает, чтобы она умерла своей смертью. Он дорожит ею — ведь он за нее дорого заплатил — и не даст ей умереть иначе как на костре. Ее надо вылечить во что бы то ни стало.

Врачи спросили Жанну, отчего она заболела. Она сказала, что епископ Бовэ прислал ей рыбы,— должно быть, от нее.

Тогда Жан д'Эстивэ стал бранить ее грубыми словами. Он решил, что Жанна обвиняет епископа в попытке отравить ее, а это было ему неприятно. Он был одним из самых раболепных прислужников Кошона и не мог допустить, чтобы Жанна вредила его господину в глазах английского начальства, которое могло расправиться с Кошоном и непременно сделало бы это, если бы заподозрило, что он хочет избавить Жанну от костра, подсыпав ей яду, и таким образом лишить англичан всех выгод, которых они ждали, когда купили Жанну у герцога Бургундского.

У Жанны был сильный жар, и врачи предложили пустить ей кровь. Варвик сказал:

— Только будьте осторожны. Это такая шельма! Она того и гляди убьет себя.

Он боялся, что Жанна, чтобы избежать костра, сорвет с себя повязки и истечет кровью. Врачи все же пустили ей кровь, и ей стало легче.

Впрочем, ненадолго. Жан д'Эстивэ никак не мог успокоиться — так его взбесила жалоба на отравление, которое он усмотрел в ее словах. Вечером он пришел к ней снова и до тех пор угрожал ей, пока лихорадка не возобновилась у нее с прежней силой.

Когда об этом узнал Варвик, он пришел в ярость: опять его добыча готова ускользнуть, и все из-за чрезмерного усердия какого-то дурака. Варвик осыпал д'Эстивэ отборной бранью,—

отличавшейся, по мнению сведущих людей, скорее силой, чем изяществом,— и тот больше не вмешивался.

Жанна хворала более двух недель; наконец ей стало лучше. Она все еще была очень слаба, но уже могла выдержать некоторую дозу преследований без особой опасности для жизни.

Кошон тотчас об этом позаботился. Он созвал некоторых из своих богословов и снова пришел к ней в темницу. Мы с Маншоном пошли тоже, чтоб вести протокол, то есть записывать все, что могло пригодиться Кошону, и опускать все остальное.

При виде Жанны я содрогнулся. От нее осталась одна тень! Мне не верилось, что эта тщедушная, бессильно поникшая фигурка со скорбным лицом была той самой Жанной д'Арк, которая столько раз на моих глазах, полная огня и воодушевления, скакала во главе войска под градом смертоносных ядер...

Теперь, глядя на нее, у меня сжималось сердце.

Но Кошон не смягчился. Он произнес еще одну из своих речей, полных лицемерия и коварства. Он сказал Жанне, что некоторые ее показания подрывают основы религии; видя ее невежество и незнание священного писания, он привел к ней мудрых и сострадательных людей, которые могут наставить ее, если она того пожелает. Он сказал так:

— Мы — служители Церкви, и мы по долгу своему, а также и по внутреннему побуждению готовы сделать для тебя все, что в наших силах, и радеем о спасении твоей души и твоего тела, как радели бы о самых близких или о самих себе. В этом мы лишь следуем примеру нашей святой Церкви, всегда отверзающей свои объятия тем заблудшим овцам, которые пожелали бы вернуться.

Жанна поблагодарила его за эти слова и сказала:

— Я больна и, как видно, близка к смерти. Если богу будет угодно, чтобы я умерла здесь, я прошу дать мне исповедаться и причаститься святых таин и похоронить меня в освященной земле.

Кошон сообразил, что ему представляется удобный случай: ослабев телесно, Жанна устрашилась смерти без покаяния и грядущих мук ада. Значит, теперь легче сломить ее непокорный дух. Он заговорил снова:

— Если ты хочешь причастия, ты должна подчиниться Церкви, как все добрые католики.

Он с нетерпением ждал ее ответа, но ответ показал, что она еще не сдается. Она отвернулась от него и сказала устало:

— Мне нечего больше сказать.

Кошон пришел в сильное раздражение; он угрожающе возвысил голос и сказал, что, чем ближе она к смерти, тем больше должна бы стремиться искупить свои грехи; он снова отверг ее просьбу, раз она не соглашается подчиниться Церкви. Жанна сказала:

— Если я умру в тюрьме, я прошу похоронить меня в освященной земле; если же вы не захотите исполнить мою просьбу, я предаю себя в руки моего Спасителя.

Так продолжалось еще некоторое время, а потом Кошон снова грозно потребовал, чтобы она всецело подчинила суду Церкви все свои деяния. Его угрозы и ярость были напрасны. Жанна ослабела телом, но ее дух оставался духом Жанны д'Арк. Он дал ей силы для мужественного ответа, не раз уже слышанного этими людьми и ненавистного им:

— Будь что будет, а я не скажу и не сделаю ничего иначе, чем уже говорила на суде.

Достойные священнослужители, сменяя друг друга, стали донимать ее рассуждениями, аргументами и цитатами священного писания и при этом постоянно держали перед ней, как приманку для ее алчущей души, причастие и пытались причастием подкупить ее: пусть отдаст свою миссию на суд Церкви, иначе говоря — на их суд. Как будто они-то и представляли Церковь! Но все было напрасно. Я мог бы предсказать им это заранее, если бы меня спросили. Но меня не спрашивали — я был человек маленький.

Они заключили беседу страшной угрозой — угрозой, которая повергает верующего католика в бездну отчаяния:

— Церковь повелевает тебе подчиниться. Если ты ослушаешься, она отступится от тебя, как от язычницы.

Быть отлученной от Церкви! Той высшей силы, которая держит в своих руках судьбу человечества; которая простирает свое могущество за пределы самых дальних созвездий, мерцающих в небе; которая имеет власть над миллионами живущих и миллиардами тех, кто с трепетом ожидает в чистилище искупления или вечной погибели! Если она благоволит к тебе — перед тобой раскрываются врата рая; стоит ей разгневаться — и ты ввергнут в неугасимый огонь ада; власть и мощь ее затмевает мощь земных владык настолько же, насколько мощь земного монарха подавляет какую-нибудь жалкую деревушку. Если от тебя отступился твой король — это означает смерть, и это немало; но быть отлученной от Рима, быть покинутой Церковью? Смерть перед этим — ничто, ибо это означает осуждение на вечную жизнь — но *какую жизнь!*

Я уже видел в своем воображении багровые волны, плещущие в безбрежном море пламени; видел, как тщетно борются с ними и погружаются в них черные сонмы погибших душ. Я знал, что задумавшейся Жанне предстала та же картина, и не сомневался, что ей придется сдаться; я даже желал этого — ведь эти люди способны были выполнить свою угрозу и обречь ее вечным мукам,— да, они были на это способны.

Но ждать этого и надеяться на это было глупостью. Ведь Жанна д'Арк была совсем особенной, непохожей на других. Верность принципу, верность истине, верность своему слову — все это было у нее в крови и было от нее неотделимо. Она не могла изменить свою природу и отступиться от этого. Она была олицетворением верности, воплощением стойкости. Во что она верила — того она держалась до конца, и самый ад не мог бы ее поколебать.

ГЛАВА XVII

НА КРАЮ ГИБЕЛИ ЖАННА ПРЕДСТАЕТ ВО ВСЕМ СВОЕМ ВЕЛИЧИИ

Еще десять дней прошли в ожидании. Именитые богословы Парижского университета, этого кладезя всякой мудрости и учености, все еще судили и рядили относительно «Двенадцати лживых обвинений».

В эти десять дней у меня было мало работы, и я большую часть времени бродил по городу вместе с Ноэлем. Но эти прогулки не доставляли нам радости — так мы были удручены. Над Жанной все больше сгущались грозные тучи. Мы невольно сравнивали свою судьбу с ее судьбой; свободу и свет солнца — с цепями и мраком ее темницы; наш дружный союз — с ее одиночеством; все, что скрашивало нашу жизнь,— с ее жестокими лишениями. Она привыкла к свободе,— а теперь была лишена ее; она выросла на вольном воздухе,— а теперь была заперта день и ночь в железной клетке, как зверь. Она привыкла к свету,— а ее держали во мраке, едва позволявшем различать окружающие предметы. Она привыкла к бесконечному разнообразию звуков, радостной музыке всякой деятельной жизни,— а сейчас слышала одни только мерные шаги часовых. Она любила беседы с товарищами,— теперь ей не с кем было перемолвиться словом. Она любила посмеяться,— но теперь этот смех умолк. Она была рождена для дружбы, для радостного и бодрого труда, движения, деятельности,— а здесь была только

давящая тоска, томительное бездействие, зловещая тишина и безвыходный бесконечный круговорот тяжелых дум, изнуряющих мозг и терзающих сердце. Да, это была смерть заживо. И вот что еще было мучительно. Страдающая женщина нуждается в сочувствии и попечении своих сестер, в тех нежных заботах, которые могут проявить лишь они одни. А Жанна за все долгие месяцы сурового заточения не видела около себя ни одной женщины. Как бы она обрадовалась женскому лицу!

Вот что вам надо представить себе, если вы хотите понять все величие Жанны д'Арк. Вот из какого ада она ежедневно, неделями и месяцами, выходила состязаться в одиночку с наиболее изощренными умами Франции и разрушала самые хитроумные их планы, самые коварные затеи, обнаруживала все их тщательно скрытые ловушки и капканы, вносила замешательство в их ряды, отбивала их атаки и выходила победительницей из каждого боя — неизменно стойкая в своей вере, неизменно верная своему идеалу, не страшась пыток, не страшась костра и отвечая тем, кто грозил ей муками ада: «Будь что будет,— а я стою на своем и не отступлю».

Да, если вы хотите постичь Жанну во всем величии ее души, во всей глубине ее мудрости и ясности ее ума, посмотрите на нее теперь, когда она в полном одиночестве ведет долгий последний бой не только с самыми изощренными умами и величайшей ученостью Франции, но и с самым гнусным обманом, самым подлым предательством и величайшей жестокостью, какие возможны в любой стране — христианской или языческой.

ГЛАВА XVIII
ОСУЖДЕНА, НО НЕ СЛОМЛЕНА

По истечении десяти дней Парижский университет вынес решение по Двенадцати Пунктам. Жанна была признана виновной по всем двенадцати; она должна отречься от своих заблуждений и покаяться или же быть предана светскому суду для наказания.

Решение Университета было, вероятно, принято еще до того, как ему прислали Двенадцать Пунктов, и, однако, для вынесения приговора ему потребовались две недели — с пятого по восемнадцатое. Мне думается, что задержка была вызвана двумя затруднениями:

1. Кто были бесы, являвшиеся Жанне в образе святых?
2. Говорили ли ее святые только на французском языке?

Университет единогласно постановил, что с Жанной беседовали злые духи, и ему надо было это доказать. Так он и сделал. Он выяснил, кто были эти духи, и в обвинительном заключении даже назвал их по именам: Велиал, Сатана и Бегемот. Это мне всегда казалось сомнительным и недостоверным, и вот по какой причине: если бы Университет доподлинно знал, что это были именно эти трое, он не преминул бы похвастать, *каким образом* это стало ему известно, и не ограничился бы одним лишь голословным утверждением. Ведь заставили же Жанну объяснять, почему она *не считает* их за бесов. Мне кажется, что это было бы логично. Позиция ученых мужей представляется мне слабой, и вот почему: они заявили, что Жанне являлись бесы в обличии ангелов; всем известно, что бесы могут принимать такое обличье, и тут Университет был совершенно прав. Но дальше он впадал в противоречие: он утверждал, что *самому ему* дано распознавать природу таких видений, но не признавал этой способности за девушкой, у которой было не меньше ума в голове, чем у любого из университетских светил.

Ученым докторам надо было самим видеть этих духов, чтобы распознать их, и, если Жанна была введена ими в обман, разве это не говорило за то, что и ученые в свою очередь могли ошибиться, ибо их разум и суждения, во всяком случае, не были яснее, чем у нее.

Что касается другой возможной причины затруднения и задержки, то я коснусь ее только мимоходом. Университет постановил, что Жанна кощунствовала, когда утверждала, будто ее святые говорили по-французски, а не по-английски и стояли за французов. Вот что, по-моему, смущало ученых

богословов: они постановили, что Голоса исходили от сатаны и двух его собратьев; но они же постановили также, что эти Голоса не были на стороне французов,— иначе говоря, стояли за англичан; а раз за англичан, значит, их надо считать уже не бесами, а ангелами. Иначе получался конфуз, Университет считался самым мудрым и ученым заведением на свете и ради своей репутации желал быть последовательным. Вот почему он столько дней бился, пытаясь согласовать пункт первый, объявлявший, что Голоса исходили от дьяволов, с пунктом десятым, утверждавшим, что это были ангелы. Но от этих попыток пришлось отказаться. Выход найти не удалось. Так оно осталось и по сей день: по пункту первому Университет признал их дьяволами, а по пункту десятому — ангелами,— и этого расхождения никак не устранить.

Посланцы Университета доставили это решение в Руан, а при нем — письмо к Кошону, щедро расточавшее ему похвалы. Университет восхвалял его за усердие, с каким он стремился уличить женщину, «которая своим ядом отравила умы верующих на всем Западе», и в награду сулил ему «бессмертный венец в небесах».

Только и всего? Венец в небесах? Это что-то уж очень ненадежное,— что называется вексель без передаточной надписи. И ни слова насчет Руанского архиепископства, ради которого Кошон погубил свою душу. Венец в небесах! После всех его тяжких трудов это должно было звучать для него насмешкой. Что ему делать на небесах? У него там не нашлось бы знакомых.

19 мая в архиепископском дворце собралось пятьдесят судей, чтобы решить судьбу Жанны. Некоторые были за то, чтобы немедленно предать ее светскому суду, но большинство хотело еще раз испробовать «кроткое увещевание».

Поэтому двадцать третьего тот же состав суда собрался снова, и Жанна предстала перед ними. Руанский каноник Пьер Морис обратился к Жанне с речью, в которой убеждал ее спасти свою жизнь и душу, отречься от своих заблуждений и подчиниться Церкви. Свою речь он закончил зловещей угрозой: если она будет упорствовать — это означает верную погибель ее души и, очевидно, также и тела. Но Жанна была непреклонна. Она сказала:

— Если бы меня уже осудили и я видела бы перед собой костер и палача, готового поджечь его; если бы я была уже охвачена пламенем,— я и тогда ничего не сказала бы, кроме того, что уже говорила на суде, и с этим я умерла бы.

Воцарилось глубокое молчание, длившееся несколько минут.

БИБЛЕЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТАКТИКА

ПЕРЕМЕНЫ, которым подвергались цивилизация и национальный характер, никогда не проходили без самого активного участия религии. Так было на протяжении всей истории человечества и, без сомнения, будет во все времена. По крайней мере до тех пор, пока человек, путем медленной эволюции, не превратится в нечто действительно прекрасное и возвышенное, на что потребуются еще миллиарды лет.

Христианская библия по существу представляет собой аптеку. Ассортимент ее снадобий остается неизменным, меняются лишь методы их применения. В течение восемнадцати веков эти изменения были едва заметны. Метод оставался аллопатическим — аллопатическим в его самой грубой и жестокой форме. Тупой и невежественный эскулап день и ночь не покладая рук вливал в своего пациента гигантскими, невероятными дозами самые омерзительные лекарства, какие только можно было разыскать на аптекарском складе. Он пускал ему кровь, ставил банки, давал рвотное и слабительное, вызывал слюнотечение, никогда не предоставляя пациенту возможности оправиться от болезни и восстановить природные силы. В состоянии такого духовного недуга он держал его восемнадцать веков, и за все это время пациенту не выпало ни одного светлого дня. Что касается запаса медикаментов, то он всегда состоял поровну из гибельных или расслабляющих ядов и целебных, успокаивающих лекарств. Впрочем, духовный эскулап, исходя из многолетней практики, прибегал всегда лишь к первым и в результате мог нанести своему пациенту один вред. Что он и делал.

Не так давно, уже в нашем столетии, в методах лечения произошли значительные перемены. Правда, это имело место в основном, или, вернее, только в Англии и в Соединенных Штатах. В других странах пациент в наше время либо по-прежнему пользуется средневековыми средствами, либо совсем обходится без врача.

В странах английского языка перемены, наблюдаемые в нашем столетии, были вызваны тем, что пациент взбунтовался против методов лечения; во всяком случае, эскулапом эти перемены предусмотрены не были. Пациент решил лечить себя сам, и эскулап увидел, что количество больных катастрофически падает. Тогда, чтобы не остаться без работы, он решил видоизменить свой метод. Делал он это постепенно, с большой неохотой и лишь в тех случаях, когда обстоятельства вынуждали его. Прежде всего он прекратил ежедневную выдачу ада и вечного проклятия и прописал больному принимать их только через день. Потом он стал применять их все реже и реже. Когда же он ограничился воскресеньями и решил, что на этом можно остановиться, появился гомеопат, заставил его отказаться от ада и вечного проклятия вовсе и ввел вместо них христианскую любовь, утешение, милосердие и сострадание. Уж эти-то всегда имелись в избытке в церковной аптеке, и их золотые этикетки особенно бросались в глаза среди мерзких слабительных, рвотных и ядов, рядом с которыми они красовались на длинных полках. И не фармацевтов надо обвинять в том, что они не применялись,— просто таковы были методы лечения. Для церковного эскулапа, жившего пятьдесят лет назад, все его предшественники на протяжении восемнадцати веков были только знахарями; для современного церковного эскулапа его предшественник, живший пятьдесят лет назад,— такой же знахарь. Чем станет когда-нибудь нынешний церковный эскулап в глазах человека, который сам для себя будет духовным врачом? Если только не остановится и не окажется выдумкой эволюция, которая была реальностью еще в те времена, когда Земля, Солнце и все планеты солнечной системы представляли собой лишь летучую дымку метеорной пыли, то совершенно ясно, какая судьба уготована нынешнему церковному эскулапу.

Методы, к которым прибегают церковники,— весьма любопытны, а история их — занимательна. Во все времена римская церковь имела своих рабов, покупала и продавала их, санкционировала работорговлю, поощряла ее. Долгое время спустя после того, как некоторые христианские народы освободили своих рабов, церковь все еще продолжала владеть ими. Но

разве можно сомневаться в том, что церковь не могла поступать иначе,— ведь все это делалось ею в соответствии с волей господа, а она была его единственным представителем на земле, полномочным и непогрешимым толкователем его библии. Существовало священное писание, которое можно было толковать только так, а не иначе; церковь всегда была права: она лишь поступала так, как предписывала ей библия. Уверенная в своей правоте, церковь на протяжении многих веков ни разу не возвысила голос против рабства. Сегодня мы наконец слышим, что папа римский объявил работорговлю грехом и даже посылает в Африку специальную экспедицию, чтобы приостановить захват новых рабов. Итак, догматы остались те же, изменилась лишь тактика. Почему? Да потому, что человечество решило подправить библию. Сама церковь никогда на это не идет, но она в то же время никогда не упускает случая пристроиться в хвост событий и приписать себе чужие заслуги. Именно так она поступает и в данном случае.

Христианская Англия поддерживала и одобряла рабство в течение 250 лет, а ее святые отцы взирали на это, временами принимая в работорговле активное участие, а временами оставаясь в стороне. Можно, конечно, утверждать, что интересы, которые Англия преследовала в этом деле, были христианскими интересами и что вся работорговля носила чисто христианский характер. Больше чем кто-либо, Англия приложила усилий для того, чтобы возродить работорговлю после долгого застоя, и в конце концов продажа рабов стала как бы христианской монополией, иными словами — оказалась в руках только христианских стран. Английские парламенты поддерживали работорговлю и покровительствовали ей. Два английских короля состояли пайщиками компаний по продаже рабов. Первый английский профессиональный охотник за рабами, Джон Хокинс, память о котором чтут до сих пор, произвел во время своей второй экспедиции такие опустошения, так успешно нападал на туземные деревни, предавая их огню, увеча, уничтожая, захватывая и продавая в рабство их безобидных жителей, что восхищенная королева пожаловала ему звание рыцаря,— то самое звание, которым когда-то награждали наиболее достойных, совершивших подвиги во славу христианства. Новоиспеченный рыцарь с чисто английской откровенностью и грубоватым простодушием начертал на своем гербе коленопреклоненного, закованного в цепи негритянского раба. Деятельность сэра Джона была истинно христианским изобретением, и в течение четверти тысячелетия эта кровавая и страшная монополия

оставалась в руках христиан. С ее помощью разрушали жилища, разлучали семьи, порабощая отдельно мужчин и женщин, разбивали бессчетное число человеческих сердец,— и все это лишь для того, чтобы христианские нации могли процветать и жить в довольстве, чтобы могли строиться христианские церкви, а проповедь кроткого и милосердного Спасителя могла распространиться по всей земле. Хотя прежде этого никто и не подозревал, теперь ясно, что название корабля сэра Джона таило в себе скрытое пророчество. Ведь это судно называлось «Иисус».

Однако настал день, когда один неполноценный английский христианин восстал против рабства. Любопытный факт: когда христианин восстает против укоренившегося зла, это почти всегда христианин неполноценный, принадлежащий к какой-нибудь второстепенной, всеми презираемой секте. Разгорелась ожесточенная борьба, но в конце концов от работорговли пришлось отказаться. Библейские поучения остались, изменилась тактика.

А затем случилась обычная вещь. Посетивший нашу страну англичанин — один из тех, что всегда видят соринку в чужом глазу,— воздел к небу свои набожные ручки, придя в ужас от нашего рабства. Горе его не поддавалось описанию, слова были полны горечи и презрения. Правда, он оплакивал именно наших рабов, которых было менее полутора миллионов, в то время как его Англия по-прежнему имела в своих заморских владениях двенадцать миллионов рабов, но это не умерило его воплей, не остановило его слез, не смягчило сурового осуждения. Тот факт, что каждый раз, когда наши предки пытались избавиться от рабства, именно Англия ставила нам всяческие преграды и разбивала все наши планы, не имел для него никакого значения: ведь все это уже стало достоянием истории и даже не заслуживало упоминания.

Но наконец и мы обратились в другую веру и тоже начали поднимать голос против рабства. Повсюду обнаружились люди с мягким сердцем, в любом уголке страны при желании можно было найти хотя бы мельчайший признак растущей жалости к рабу. В любом уголке — кроме церкви. Правда, в конце концов не выдержала и церковь. Ведь она всегда так поступала. Сначала вела отчаянную и упорную борьбу, а затем делала то же, что и всегда,— старалась ухватиться за хвост событий. Рабство пало. Писание, оправдывавшее его, осталось, изменилась лишь тактика. Вот и все.

На протяжении многих веков существовали ведьмы. Так, во всяком случае, утверждала библия. И именно она приказывала уничтожать их. Поэтому церковь, в течение 800 лет исполнявшая свои обязанности лениво и неохотно, эту свою святую миссию принялась осуществлять всерьез — с помощью виселиц, орудий пытки и пылающих костров. За девять веков повседневной усердной работы церковь засадила в тюрьмы, подвергла пыткам, повесила и сожгла целые армии ведьм, дочиста отмыв весь христианский мир их нечистой кровью.

Но неожиданно стало известно, что никаких ведьм нет и никогда не было. Тут уж не знаешь, смеяться или плакать. Кто же открыл, что ведьм не существует? Может быть, церковники? Нет, эти никогда не делали никаких открытий. В Салеме священник с трогательным упорством продолжал цепляться за священное писание, призывающее уничтожать ведьм, даже после того, как прихожане, решившись на этот раз забыть о библии, со слезами на глазах раскаялись в тех преступлениях и жестокостях, которые их заставили совершить. Священнику хотелось еще крови, еще обличений, еще жестокостей, и именно не осененные святостью прихожане — вот кто остановил его руку. В Шотландии священник убил ведьму уже после того, как суд признал ее невиновной. А когда более сострадательные гражданские власти предложили изъять отвратительные статьи, направленные против ведьм, из свода законов, явились попы и просьбами, слезами и проклятиями пытались вынудить их не делать этого.

Ведьм нет. Но библия, которая признает их существование, остается. Изменилась лишь тактика. Нет никакого адского огня, а библия все пугает им. Оказался небылицей первородный грех, но библия продолжает утверждать, что он есть. Более двухсот статей, каравших смертью, исчезло из свода законов, но библия, породившая их, остается.

Разве не достоин внимания тот факт, что из всего множества библейских изречений, к которым прикасалось уничтожающее перо человека, он ни разу не вычеркнул ни одного доброго и полезного? А если так, значит, можно надеяться, что при дальнейшем развитии просвещения человек в конце концов сумеет придать своей религиозной тактике какое-то подобие благопристойности.

СОЕДИНЕННЫЕ ЛИНЧУЮЩИЕ ШТАТЫ

I

Итак, великий штат Миссури пал! Несколько его сыновей примкнуло к линчевателям, и клеймо позора легло на всех нас. По милости этой горстки его сыновей о нас теперь сложилось определенное мнение, на нас наклеили ярлык: отныне и вовек для жителей всего мира мы — «линчеватели». Ибо люди не станут долго раздумывать — это не в их привычках, они привыкли делать выводы, исходя из какого-то одного факта. Они не скажут: «Миссурийцы восемьдесят лет старались создать себе репутацию почтенных, уважаемых людей, и эти сто линчевателей где-то там, на окраине штата, не настоящие миссурийцы: это ренегаты». Нет, такая здравая мысль не может прийти им в голову; они сделают вывод на основании одного-двух нетипичных образчиков и скажут: «Миссурийцы — это линчеватели!» Люди не умеют размышлять, у них нет ни логики, ни чувства соразмерности. Цифры для них не существуют; они ничего им не говорят, не подсказывают никаких разумных суждений. Люди способны, например, сказать, что Китай безусловно будет весь обращен в христианство, и очень скоро, поскольку каждый день по девять китайцев принимают крещение; при этом они даже не обратят внимания на то, что в Китае ежедневно рождается тридцать три тысячи язычников и что это обстоятельство сводит на нет всю их аргументацию. Люди скажут: «У них там сто линчевателей; значит, миссурийцы — линчеватели». Тот весьма существенный факт, что два с половиной миллиона миссурийцев не принадлежат к числу линчевателей, не может изменить их приговор.

II

О Миссури!

Трагедия произошла близ Пирс-Сити, на юго-западной окраине штата. В воскресенье днем молодая белая женщина вышла одна из церкви и вскоре была найдена убитой. Да, там есть церкви; в мое время вера на Юге была глубже и имела более широкое распространение, чем на Севере, и отличалась, по-моему, большей искренностью, большей мужественностью,— такой, мне кажется, она и осталась. Итак, молодую женщину нашли убитой. И хотя в той округе немало церквей и школ, народ взбунтовался: ленчевали трех негров (из них двух стариков), сожгли пять негритянских хижин и выгнали в лес тридцать негритянских семей.

Я не намерен останавливаться на том, что толкнуло людей на преступление, так как это не имеет никакого отношения к делу; вопрос заключается в следующем: *может ли убийца сам вершить суд?* Вопрос простой и правильный. Если доказано, что убийца нарушил прерогативу закона, воздавая за содеянное ему зло,— тогда и говорить не о чем: тысяча причин не оправдает его. У жителей Пирс-Сити были серьезные причины,— судя по некоторым подробностям, у них была самая серьезная из всех причин,— но не в том дело; они решили сами вершить суд, хотя, по местным законам, их жертву все равно бы повесили, если бы делу был дан обычный ход, ибо в этой округе мало негров и они не занимают высокого положения и недостаточно сильны, чтобы повлиять на присяжных.

Почему линчевание с его варварскими атрибутами стало в некоторых частях нашей страны излюбленным способом возмездия за так называемое «обычное преступление»? Не потому ли, что это ужасное, отвратительное наказание кажется людям более наглядным уроком и более действенным средством устрашения, чем казнь через повешение на тюремном дворе, без свидетелей и без всякого шума? Нормальные люди так, конечно, не думают. Даже малый ребенок не поверил бы этому. Он знает, что все необычное, вызывающее много толков, тотчас находит подражателей, ибо на свете более чем достаточно впечатлительных людей, которые, стоит их немножко раззадорить, теряют последние остатки разума и начинают творить такое, о чем в другое время и помыслить бы не могли. Он знает, что, если кто-то спрыгнет с Бруклинского моста — найдется человек, который последует его примеру; если кто-то решит спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду — найдутся люди, которые захотят сделать то же; если какой-нибудь Джек Потрошитель прославится убийством женщин в темных переулках — у него найдутся подражатели; если человек совершит покушение на короля и газеты протрубят об этом не весь мир — цареубийц появится видимо-невидимо. Даже малому ребенку известно, что достаточно какому-нибудь негру совершить сенсационное преступление и убийство, как это породит брожение в умах многих других негров и повлечет за собой целый ряд тех самых трагедий, которые общество так хочет предотвратить; что каждое из этих преступлений в свою очередь повлечет за собой ряд других, и в результате перечень этих бедствий, вместо того чтобы уменьшаться, будет из года в год расти и расти,— словом, что линчеватели сами злейшие враги своих жен, дочерей и сестер. Ребенку известно и то, что законы, которые мы

сами сочинили, превращают в подражателей не только отдельных людей, но и целые деревни и города, что какое-нибудь линчевание, вызвавшее много толков, неизбежно породит другие линчевания — и тут, и там, и повсюду,— и что со временем это превратится в манию, в моду — моду, которая будет распространяться с каждым годом все шире и шире, захватывая, подобно эпидемии, все новые штаты. Суд Линча уже добрался до Колорадо, до Калифорнии, до Индианы и теперь — до Миссури! Вполне возможно, что я доживу до того дня, когда посреди Юнион-сквера в Нью-Йорке, на глазах у пятидесятитысячной толпы, будут сжигать негра и ни одного представителя закона и порядка не будет поблизости — ни шерифа, ни губернатора, ни полицейского, ни солдата, ни священника.

«Рост линчеваний. В 1900 году было на восемь линчеваний больше, чем в 1899 году, а в этом году, по-видимому, будет еще больше, чем в прошлом. Сейчас едва перевалило за половину года, а мы уже имеем восемьдесят восемь случаев линчеваний, тогда как за весь прошлый год их было сто пятнадцать. Особенно отличаются в этом смысле четыре южных штата — Алабама, Джорджия, Луизиана и Миссисипи. В прошлом году в Алабаме было восемь случаев линчевания, в Джорджии — шестнадцать, в Луизиане — двадцать и в Миссисипи — двадцать. Таким образом, свыше половины линчеваний падает на эти штаты. В этом году в Алабаме уже было девять случаев линчевания, в Джорджии — двенадцать, в Луизиане — одиннадцать, в Миссисипи — тринадцать; опять-таки больше половины общего числа линчеваний по всем Соединенным Штатам» (чикагская «Трибюн»).

Вполне возможно, что рост линчеваний объясняется присущим человеку инстинктом подражания,— этим да еще самой распространенной человеческой слабостью: страхом, как бы тебя не стали сторониться и показывать на тебя пальцем, потому что ты поступаешь не так, как все. Имя этому — Моральная Трусость, и она является доминирующей чертой характера у 9999 человек из каждых десяти тысяч. Я не претендую на это открытие — в глубине души самый тупоумный из нас знает, что это так. История не допустит, чтобы мы забыли или оставили без внимания эту важнейшую черту нашего характера. История настойчиво и не без ехидства напоминает нам, что с сотворения мира все бунты против человеческой подлости и угнетения зачинались одним храбрецом из десяти тысяч, тогда как осталь-

ные робко ждали и медленно, нехотя, под влиянием этого человека и его единомышленников из других десятков тысяч, присоединялись к движению. Аболиционисты это помнят. Втайне общественное мнение уже давно было на их стороне, но каждый боялся во всеуслышание заявить об этом, пока по какому-то намеку не догадался, что его сосед втайне думает так же, как он. Тогда-то и поднялся великий шум. Так всегда бывает. Настанет день, когда так будет в Нью-Йорке и даже в Пенсильвании.

Полагают — и говорят,— что линчевание доставляет людям удовольствие, что народ рад возможности поглазеть на интересное зрелище. Но этого не может быть, опыт доказывает обратное. Люди, живущие в южных штатах, сделаны из того же теста, что и те, которые живут в северных, а подавляющее большинство этих последних — люди добропорядочные и сердечные, и они были бы глубоко, до боли опечалены подобным зрелищем и... пошли бы смотреть и сделали бы вид, что им это очень нравится, если бы считали, что иначе они вызовут неодобрение общества. Такие мы есть — и тут уж ничего не поделаешь. Прочие животные — не такие, но и тут мы ничего не можем поделать. У них отсутствует Моральный Критерий, мы же не можем избавиться от него, не можем продать его хотя бы за бесценок. Моральный Критерий подсказывает нам, чтó есть добро... и как уклониться от добрых деяний, если они непопулярны.

Как я уже говорил, иные считают, что толпа, собирающаяся на линчевание, получает от этого удовольствие. Это, конечно, неправда, этому невозможно поверить. Последнее время стали открыто утверждать — вы не раз могли видеть это в печати,— что до сих пор мы неправильно понимали, какой импульс движет линчевателями; в них-де говорит в эти минуты не чувство мести, а *просто звериная жажда поглазеть на людские страдания*. Если бы это было так, толпы людей, видевших пожар отеля «Виндзор», пришли бы в восторг от тех ужасов, которым они были свидетелями. А разве они восторгались? Подобная мысль никому и в голову не придет, подобное обвинение никто не осмелится бросить. Многие рисковали жизнью, спасая детей и взрослых от гибели. Почему они это делали? Потому что *никто не стал бы порицать их за это*. Ничто не связывало и не ограничивало их — они могли следовать велениям сердца. А почему такие же люди, собравшись в Техасе, Колорадо, Индиане, стоят и смотрят на линчевание, всячески показывая, что это зрелище доставляет им безмерное удовольствие, хотя на сердце

у них печально и тяжело? Почему никто из этой толпы пальцем не двинет, ни единого слова не скажет в знак протеста? Думается мне, только потому, что такой человек оказался бы в меньшинстве: каждый опасается вызвать неодобрение своего соседа,— для рядового человека это хуже ранения или смерти. Стоит распространиться по округе вести о предстоящем линчевании, как люди запрягают лошадей и с женами и детьми мчатся за несколько миль, чтобы посмотреть на это зрелище. В самом ли деле для того, чтобы посмотреть?.. Нет, они едут только потому, что боятся остаться дома: а вдруг кто-нибудь заметит их отсутствие и неодобрительно отзовется о них потом! Вот этому можно поверить, ибо все мы знаем, как мы сами отнеслись бы к такому зрелищу и как бы мы поступили в таких обстоятельствах. Мы не лучше и не храбрее других, и нечего нам это скрывать.

Какой-нибудь Савонарола мог бы одним взглядом усмирить и разогнать толпу линчевателей,— на это способны и Мэрилл и Бэлот[1]. Нет такой толпы, которая не дрогнула бы в присутствии человека, известного своим хладнокровием и мужеством. К тому же толпа линчевателей рада разбежаться, поскольку вы не сыщете в ней и десяти человек, которые не предпочли бы находиться в любом другом месте и, конечно, не были бы здесь, если бы только у них хватило на это храбрости. Еще мальчишкой я видел, как один смельчак язвительно обругал собравшуюся толпу и заставил ее разойтись, а позже, в Неваде, я видел, как один известный головорез заставил двести человек сидеть не шевелясь в горящем доме до тех пор, пока он не разрешил им покинуть помещение. Если человек не трус, он может один ограбить целый пассажирский поезд, а если он трус только наполовину, он может остановить дилижанс и обобрать всех, кто в нем едет.

Выходит, стало быть, что искоренить линчевание можно следующим образом: в каждой общине, зараженной этой бациллой, поселить по храброму человеку, который поощрял бы, поддерживал и извлекал на свет божий глубокое возмущение линчеванием, таящееся — в том можно не сомневаться — во всех сердцах. Тогда эти общины найдут себе более подходящий предмет для подражания, ибо они состоят из людей, которые должны, конечно, чему-то подражать. Но где найти таких храб-

[1] Мэрилл — шериф округа Кэрол, штат Джорджия; Бэлот — шериф из Принстона, штат Индиана. Они обуздывали толпы линчевателей только благодаря тому, что были всем известны как люди непоколебимо мужественные *(прим. автора)*.

рецов? Вот в этом-то и загвоздка, коль скоро на всей земле их едва ли наберется три сотни. Если б нужны были люди, обладающие только физической храбростью, задача решалась бы легко — таких сколько угодно. Когда Хобсон сказал, что ему нужно семь человек добровольцев, которые последовали бы за ним, в сущности, на верную смерть, вызвалось идти четыре тысячи человек, фактически весь флот,— потому что *весь мир одобрил бы это;* и люди это знали. А вот если бы план Хобсона был осмеян и освистан друзьями и товарищами, чьим добрым мнением дорожат матросы,— он не сумел бы набрать и семи человек.

Нет, по зрелом размышлении проект мой никуда не годится. Где взять людей, храбрых духом? Нет у нас материала, из которого выковываются люди с отважною душой, в этом отношении мы нищие. Есть у нас те два шерифа на Юге, которые... но что о них говорить — все равно их не хватит на всю страну; так пусть уж остаются на своих местах и заботятся о собственных общинах.

Если б было у нас еще хотя бы три или четыре шерифа такого склада! Помогло бы это? Думаю, что да. Ведь все мы — подражатели: примеру доблестных шерифов последовали бы другие, быть бесстрашным шерифом стало бы правилом, а на тех, кто не был бы таким, смотрели бы с порицанием, которого все так стремятся избежать; храбрость для человека на этом посту вошла бы в обычай, а отсутствие ее было бы равносильно бесчестью,— так робость новобранца со временем сменяется храбростью. И тогда не будет больше линчеваний, и не будет озверелых толп, и...

Все это очень хорошо, но для всякого дела нужны зачинщики, а откуда мы возьмем этих зачинщиков? По объявлению? Хорошо, дадим объявление.

А пока что — вот другой план. Давайте вернем американских миссионеров из Китая и предложим им посвятить себя борьбе с линчеванием. Поскольку каждый из 1511 находящихся там миссионеров обращает по два китайца в год, тогда как ежедневно на свет появляется по тридцать три тысячи язычников [1], потребуется свыше миллиона лет, чтобы количество об-

[1] Эти цифры не выдуманы, они правильны и достоверны. Источником для них послужили официальные отчеты миссионеров, находящихся в Китае. См. книгу д-ра Моррисона о его путешествии по Китаю; он приводит эти цифры со ссылкой на источники. Несколько лет он был пекинским корреспондентом лондонской «Таймс» и находился в Пекине во время осады *(прим. автора).*

ращенных соответствовало количеству рождающихся и чтобы «христианизация» Китая стала видна невооруженным глазом. Следовательно, если мы можем предложить нашим миссионерам такое же богатое поле деятельности у себя на родине — притом с меньшими затратами и достаточно опасное,— так почему бы им не вернуться домой и не попытать счастья? Это было бы и справедливо и правильно. Китайцы, по всеобщему мнению, чудесный народ — честный, порядочный, трудолюбивый, добрый и все прочее. Оставьте их в покое — они и так достаточно хороши. К тому же ведь почти каждый обращенный рискует заразиться нашей цивилизацией. Не мешало бы нам быть поосторожнее. Не мешало бы хорошенько подумать, прежде чем подвергать себя такому риску,— потому что *стоит сделать Китай цивилизованной страной, и его уже не децивилизуешь*. А мы не думали об этом. Ну так что ж — подумаем сейчас, пока не поздно. Наши миссионеры увидят, что у нас есть для них поле деятельности — и не только для 1511 человек, а для 15011. Пусть прочтут следующую телеграмму и решат, найдется ли у них в Китае что-либо более аппетитное. Телеграмма эта из Техаса:

«Негра подтащили к дереву и вздернули на сук. Под ним навалили кучу дров и хвороста и развели большой костер. *Потом кто-то заметил, что нельзя, чтобы негр подох так быстро; его спустили на землю, тем временем несколько человек отправились в Декстер, мили за две, чтобы добыть керосину.* Костер облили керосином, и дело было доведено до конца».

Мы умоляем миссионеров вернуться и помочь нам в нашей беде. Этого требует их долг патриотов. Наша страна находится сейчас в более бедственном положении, чем Китай; они — наши соотечественники, и родина взывает к ним о помощи в этот час тягчайших испытаний. Они знают, что делать; наш народ — не знает. Они привыкли к издевкам, насмешкам, надругательствам, опасностям; наш город к этому не привык. Им свойственно мученичество, а только человек, готовый на мученичество, способен противостоять толпе линчевателей, способен усмирить ее и заставить разойтись. Они могут спасти свою страну; мы заклинаем их вернуться и спасти ее. Мы просим их еще и еще раз перечитать телеграмму из Техаса, представить себе эту сцену и трезво поразмыслить над ней, потом помножить на 115, прибавить 88, поставить эти 203 человеческих факела в ряд так,

чтобы вокруг каждого было по 600 квадратных футов свободного пространства, где могли бы разместиться 5000 зрителей, христиан-американцев — мужчин, женщин и детей, юношей и девушек. Для большего эффекта пусть они представят себе, что дело происходит ночью, на пологой, постепенно повышающейся равнине, так что столбы расположены по восходящей линии и глаз может охватить всю двадцатичетырехмильную цепь костров из пылающей человеческой плоти. (Если бы мы расположили эти костры на плоской местности, то не могли бы видеть конца цепи, ибо изгиб земной поверхности скрыл бы его от наших глаз.) И вот, когда все будет готово, и спустится тьма, и воцарится внушительное молчание,— не должно быть ни звука, если не считать жалобных стонов ночного ветра да приглушенных всхлипываний несчастных жертв,— пусть все уходящие вдаль, облитые керосином погребальные костры вспыхнут одновременно и пламя вместе с воплями предсмертной муки вознесется прямо к небу, к престолу всевышнего.

Зрителей собралось свыше миллиона человек, свет костров выхватывает из ночи неясные очертания шпилей пяти тысяч церквей. О добрый миссионер, о сострадательный миссионер, покинь Китай, вернись домой и обрати этих христиан!

Думается мне, что если что-либо и может остановить эту эпидемию кровавых безумств,— так это бесстрашные люди, которые способны, не дрогнув, противостоять толпе; и поскольку люди такого рода выковываются только в атмосфере опасности, закаляясь в борьбе с нею, то скорее всего их можно встретить среди миссионеров, которые последний год или два подвизались в Китае. У нас для них непочатый край работы, дела хватит и еще для многих сотен и тысяч, и поле деятельности ширится с каждым днем. Найдем ли мы таких людей? Можно попытаться. Среди 75 миллионов американцев должны же найтись еще Мэриллы и Бэлоты, а по законам, которые мы сами изобрели, каждый пример будет пробуждать дотоле дремавших рыцарей одного с ними великого ордена и выдвигать их в первые ряды.

О ЗАПАХАХ

В ПОСЛЕДНЕМ номере «Индепендент» преподобный Толмедж из Бруклина следующим образом высказывается на тему о запахах:

«У меня есть приятель, добрый христианин; если он сидит в церкви на передней скамье, а в заднюю дверь войдет в это время рабочий, он его сразу учует. Ставить в упрек моему при-

ятелю остроту обоняния не более разумно, нежели пороть пойнтера за то, что нюх у него острее, чем у безмозглого дворового пса. Если бы все церкви стали общедоступными и люди заурядные полностью мешались с незаурядными, то половина христианского мира постоянно страдала бы тошнотой. А если вы намерены подобным образом убить церковь дурными запахами, я не желаю иметь никакого касательства к вашей проповеди евангелия».

У нас есть основания предполагать, что и рабочие люди будут в раю; да еще изрядное число негров, эскимосов, уроженцев Огненной Земли, арабов, несколько индейцев, а возможно — даже испанцы и португальцы. Бог на все способен. Все эти люди будут рядом с нами в раю. Но — увы! — приобретая их общество, мы потеряем общество доктора Толмеджа. А это значит, что мы теряем того, кто мог бы придать небесам больше подлинной «светскости», нежели любой другой смертный, каким только способен пожертвовать Бруклин. И вообще, чем будет вечная радость без доктора? Да, конечно, блаженство, это мы и так отлично знаем, но будет ли оно distinqué[1], будет ли оно recherché[2] без него? Св. Матфея босиком, св. Иеремию с непокрытой головой, в грубом балахоне до пят, св. Себастьяна почти нагого — их-то мы увидим и насладимся этим зрелищем; но не будет ли нам недоставать фрака и лайковых перчаток, и не отвернемся ли мы с чувством горького сожаления, и не скажем ли гостям с Востока: «Это все так, но вам бы хоть краешком глаза взглянуть на Толмеджа из Бруклина!..» Боюсь, что в лучшем мире с нами не будет и «доброго христианина», приятеля мистера Толмеджа. В самом деле, случись ему сидеть, осененному славой престола божия, а ключарю впустить в это время, скажем, Бенджамина Франклина или еще какого-нибудь труженика, этот «приятель» со своими блистательными природными способностями (которые безмерно умножатся благодаря освобождению от оков плоти) учует его с первой же понюшки, немедленно возьмет свою шляпу и откланяется.

По всем внешним признакам преподобный Толмедж сделан из того же теста, что и его ранние предшественники на поприще пастырского служения; и все же сразу чувствуется, что должно быть некое различие между ним и первыми учениками Спасителя. Быть может, дело в том, что ныне, в девятнадцатом веке, доктор Толмедж обладает преимуществами, которых Па-

[1] Достойным *(франц.)*.
[2] Изысканным *(франц.)*.

вел, Петр и другие не имели и не могли иметь. Им не хватало лоска, хороших манер и чувства исключительности, а это волей-неволей бросается в глаза. Они исцеляли самых жалких нищих и ежедневно общались с людьми, от которых разило невыносимо. Если бы предмет настоящих заметок оказался избранным в числе первых — одним из двенадцати апостолов, он бы не пожелал присоединиться к остальным, потому что не в силах был бы вынести запаха рыбы, исходящего от некоторых его товарищей, что явились с берегов моря Галилейского. Он бы сложил с себя полномочия, прибегнув почти к тем же выражениям, какие употреблены в выдержке, приведенной выше. «Учитель,— сказал бы он,— если ты намерен подобным образом убить церковь дурными запахами, я не желаю иметь никакого касательства к проповедям евангелия». Он — ученик, и заблаговременно предупреждает своего учителя; вся беда в том, что он делает это в девятнадцатом веке, а не в первом.

Интересно, есть ли в церкви мистера Толмеджа хор? А если есть, то случается ли ему когда-нибудь опускаться настолько, чтобы петь гимн, так грубо напоминающий о работниках и ремесленниках:

О ты, сын плотника! Прими
Мой малый, скромный труд.

И еще: возможно ли, чтобы за неполные два десятка веков христианский характер от величественного героизма, презиравшего даже костер, крест и топор, пришел к столь жалкой изнеженности, что он склоняется и никнет перед неприятным запахом? Мы не можем этому поверить, вопреки примеру достопочтенного доктора и его приятеля.

ВАЖНАЯ ПЕРЕПИСКА

между мистером Марком Твеном (Сан-Франциско) и его преподобием доктором богословия епископом Беркутом (Нью-Йорк), его преподобием Филлипсом Бруксом (Филадельфия) и его преподобием доктором Каммингсом (Чикаго) касательно замещения вакансии настоятеля собора Милосердия

Я ДАВНО уже с глубоким интересом следил за попытками привлечь вышеупомянутых почтенных священнослужителей — вернее, какого-нибудь одного из них — на должность проповедника в прекрасном сан-францисском храме, носящем название собор Милосердия. Когда же я увидел, что все старания церковного совета ни к чему не приводят, я счел своим долгом вмешаться и собственным влиянием (уж какое там оно ни

есть!) поддержать их благородное дело. При этом я не угодничал перед церковным советом и не преследовал никаких личных целей, о чем достаточно ясно говорит тот факт, что я не состою в числе прихожан собора Милосердия, никогда не беседовал об этом с церковным советом и даже не заикался о своем желании написать священникам. То, что я сделал, я сделал по доброй воле, без просьб с чьей-либо стороны; мои действия продиктованы исключительно альтруистическими побуждениями и симпатией к прихожанам собора Милосердия. Я не жду наград за свои услуги, мне нужна лишь чистая совесть, спокойное сознание, что я наилучшим образом исполнил свой долг.

М.Т.

Между мною и его преподобием доктором Беркутом состоялся следующий обмен письмами.

Мое письмо его преподобию Беркуту:

«Сан-Франциско, март 1865 г.

Дорогой доктор!

Мне стало известно, что Вы телеграфировали церковному совету собора Милосердия свой отказ приехать в Сан-Франциско на пост настоятеля, не согласившись на предложенные Вам условия — 7000 долларов в год; в связи с этим я решил сам обратиться к Вам с письмом. Скажу Вам по секрету (это не для разглашения, пусть никто ничего не знает!), собирайте свои монатки и спешите сюда, я устрою все наилучшим образом. Совет схитрил, он понимал, что Вас 7000 долларов не устроят, но он думал, что Вы назначите свою цену и с Вами можно будет поторговаться. Теперь уж я сам займусь этим делом, растормошу всех священников, в результате Вы здесь за полгода заработаете больше, чем в Нью-Йорке за целый год. Я знаю, как это делается. Со мной считается местное духовенство, особенно его преподобие доктор Вадсворт и его преподобие мистер Стеббинс: я пишу за них проповеди (последнее, впрочем, публике неизвестно, и прошу на сей счет не распространяться!), и я могу в любую минуту подбить их, чтобы все они потребовали прибавки.

Вы будете довольны этим местом. Оно куда привлекательнее всех прочих известных мне мест. Во-первых, здесь грандиозное поле действия: грешников — хоть пруд пруди. Достаточно закинуть сеть, и улов Вам обеспечен; просто удивительно — самая что ни на есть скучная, затасканная проповедь пригонит к Вам не меньше полдюжины кающихся.

Поверьте, Вас ждет весьма оживленная деятельность при очень скромных усилиях с Вашей стороны. Приведу такой пример: однажды я накатал бредовую, бессмысленную проповедь — вряд ли Вы когда-нибудь слышали такую — для священника епископальной церкви, и он сразу выловил семнадцать грешников. Тогда я слегка переделал ее, чтобы годилась для методистов, и его преподобие Томас поймал еще одиннадцать. Недолго думая, я опять на скорую руку переиначил кое-что, и тут уже Стеббинс обратил в свою — унитарианскую — веру несколько человек; я не поленился, перекроил еще разок, и доктор Вадсворт использовал ее столь же успешно, как самые лучшие мои сочинения в этом жанре. И так эта проповедь пропутешествовала из церкви в церковь, каждый раз меняя наряд, дабы соответствовать очередному религиозному климату, пока не обошла наконец весь город. За время ее действия мы выловили в общей сложности сто восемнадцать самых отвратительных грешников, которые катились прямой дорогой в ад.

Работа здесь легкая, это Вы сразу увидите: один из прихожан объявляет, какой будет гимн, другой читает молитву, третий — главу из евангелия, Вам же остается только проповедовать да читать литургию,— вернее, не читать, а петь. Здесь принято петь литургию на католический манер; кстати, это лучше и приятнее, чем когда читают. Насчет пения не бойтесь: заучите простой мотивчик — для этого требуется не больше слуха и музыкального образования, чем для того, чтобы кричать у нас в Нью-Йорке: «Конверты с клеем, че-ты-ре цента две дюжины!» Мне нравится, когда литургию поют. Пускай мелодия несколько однообразна, а результат, глядишь, отличный. Вот ведь все знают, что преподобному Кипу медведь на ухо наступил, а послали же его в Европу учиться пению. Итак, повторяю: делать тут почти нечего, проповеди да литургия — вот и все ваши обязанности; и между нами говоря, доктор, если Вы сумеете использовать мотивы популярных, знакомых песенок, то почти наверняка произведете здесь сенсацию. Мне кажется, я могу спокойно это Вам пообещать. Не сомневаюсь, что, если Вы сумеете внести приятное разнообразие в мелодию литургии, это скорее обратит па себя внимание верующих, чем многие другие Ваши таланты.

Проповедовать здесь проще простого. Тащите сюда бочку Ваших старых, вышедших из моды проповедей,— тут все сойдет.

Черкните мне, Беркут, хотя я с Вами незнаком, а только слышал, что о Вас говорят, все же Вы мне симпатичны. О жа-

лованье не беспокойтесь, я все устрою. Впрочем, о нашей переписке пусть церковный совет не знает. Дело в том, что я не принадлежу к числу прихожан собора, и совету может показаться непонятным, чего ради я так стараюсь; но уверяю Вас, я сейчас совершенно не занят, и для меня это не труд, а удовольствие. Я хочу лишь одного: чтобы Вы получили то, что Вам полагается. И я этого добьюсь! Проверну все на славу, я тертый калач, знаю все ходы и выходы, хотя по моему виду этого, может, и не скажешь. И пусть я не принадлежу к числу так называемых избранных, я очень интересуюсь подобными делами и не намерен стоять в сторонке и равнодушно взирать на то, как люди стараются заманить Вас жалкой суммой в 7000 долларов! Я ответил совету, якобы от Вашего имени, что Вы не согласны меньше чем на 18 000, так как у себя в городе можете получить все 25 000. Я также намекнул совету, что договорился писать Ваши проповеди,— это, мне казалось, произведет хорошее впечатление,— тут ведь, знаете, каждая мелочь играет роль! Итак, собирайтесь в дорогу, все будет хорошо, я не сомневаюсь. Можете даже рубашек не привозить, у меня хватит на двоих. Я человек нежадный, в этом Вы убедитесь: я буду носить Ваши костюмы, а Вы берите, пожалуйста, мои, будем жить, как братья. Если мне кто понравился, так уж понравился, я за него готов в огонь и в воду. Все мои приятели полюбят Вас тоже и примут как старого знакомого. Я Вас всем им представлю, Вам будет с ними хорошо. Они народ надежный. Достаточно Вам будет указать на кого-нибудь: мол, что за несимпатичная личность, и они мгновенно прирежут его.

Спешите к нам, Ваше преподобие! Я Вас буду встречать и привезу прямо к себе домой. Живите у меня сколько Вашей душе угодно, я с Вас ни цента не возьму.

Марк Твен».

Ответ Беркута:

«Нью-Йорк, апрель 1865 г.

Дорогой мой Марк!

Хотя я прежде не слыхал о Вас, но, после того как получил Ваше любезное письмо, мне показалось, что мы с Вами знакомы уже целую вечность. Как хорошо Вы понимаете нас, пахарей на ниве господней, как сочувствуете нашей борьбе за существование. Бог да благословит Вас за Ваши земные дела, Вас ждет награда на том свете. Очень сожалею, что не могу приехать к Вам; теперь я понял, какое счастье для честного труженика поработать в Сан-Франциско. Но судьба решила

иначе, и я подчиняюсь с подобающим смирением. Я не собирался окончательно отказаться от Вашего места, а хотел лишь, выражаясь языком грешников, немного набить себе цену. Такое намерение законно и справедливо, ведь дело касается не только меня одного, но и тех, чья жизнь и благополучие зависят от меня. Возможно, Вы помните, как я однажды ответил церковному совету, перед которым ходатайствовал об увеличении мне жалованья по причине моей многосемейности, а совет отказал, сославшись на евангелие: мол, провидение позаботится о птицах небесных, о юных воронятах. А я ответил с веселой непринужденностью, что в отношении молодых беркутят это нигде не сказано. Я был тогда очень рад своей находчивости и не раз вспоминал о ней, когда бывало невесело на душе и весь мир казался хмурым и безрадостным, даже и сейчас я с удовольствием вспоминаю об этом.

Повторяю, я вовсе не хотел, чтобы мое решение было понято как окончательное, но обстоятельства решили за меня. Я отказался от своего прихода в Балтиморе, где мне очень хорошо платили, и отправился в Нью-Йорк — посмотреть, как там обстоят церковные дела. И представьте, преуспел сверх всяких ожиданий. Я выбрал самые лучшие из своих старых проповедей, которые были давно всеми забыты, и раз в неделю произносил какую-нибудь из них в здешней церкви Благовещения. Дух этих старинных проповедей ожил и заиграл, проникая в сердца верующих, как доброе, старое вино, вливающее новые силы в усталое тело. Успех был невероятный. А когда еще вдобавок пришел призыв из Сан-Франциско, как нельзя более своевременный, акции мои и вовсе поднялись. Все сразу оценили мои достоинства. Представители одной церковной общины предложили мне 10 000 долларов в год, а также решили купить для меня церковь св. Георгия-великомученика в верхней части города или выстроить новый храм — как мне будет угодно. Дорогой Марк, я договорился с ними на этих условиях, ибо знаю, что ни одна из малых птиц не упадет на землю без воли Отца нашего; впрочем, что бы ни случилось, я и сам не пропаду, пока цены на хлопок держатся на нынешнем высоком уровне. Понимаете, я отчасти связан с хлопком, и это одна из причин, почему я не рискую уехать из Нью-Йорка. Я вложил некоторый капитал в хлопок; дело пока новое, и хозяйский глаз необходим.

Впрочем, время летит, Марк, что поделаешь, и мне пора кончать свое послание. «Прощай, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!» Но я такого друга никогда не забуду!

Ваше искреннее участие в моих делах; Ваша замечательная изобретательность, подсказавшая Вам написать церковному совету, чтобы заставить его раскошелиться; Ваша гениальная находчивость, с которой Вы выдали свои письма за мои и, стремясь расположить ко мне церковный совет, заявили, что намерены писать за меня проповеди; Ваша царская щедрость, побудившая Вас предложить мне носить Ваши рубашки и сделать общими остальные предметы туалета, принадлежащие каждому из нас; Ваше сердечное обещание, что Ваши друзья полюбят меня и будут оказывать мне столь исключительные услуги; Ваше радушное приглашение разделить с Вами великолепный особняк — все это вызывает во мне самые нежные чувства, и вызывает не зря, дражайший Марк! Я буду вечно молиться за Вас и сохраню память о Вас в своем благодарном и растроганном сердце.

Еще раз примите, талантливый друг, горячие слова благодарности и наилучшие пожелания от Вашего покорного слуги

его преподобия *доктора Беркута»*.

Здорово пишет, а?

Но когда епископ употребляет недозволенные выражения и развязно признается, что предпринимает какие-то шаги с целью «набить себе цену», не перекладывает ли он с удивительной ловкостью ответственность на плечи смиренного грешника?

И далась же ему на старости лет эта дурацкая острота о птенцах! Если он будет все время ее вспоминать и потому возомнит себя редкостным умником, то чего доброго в скором времени потребует себе такое жалованье, какое разорит любую церковь! Впрочем, раз ему так это нравится и он действительно считает свою шутку великолепной, не стану развеивать его иллюзии, не буду лишать его радости. Между прочим, мне это напомнило статью редактора журнала «Харперс», напечатанную года три тому назад, в которой он просил читателей быть снисходительными к безобидному тщеславию жалких писак, возомнивших себя талантами. Собственные произведения кажутся им бесподобными, говорит редактор и добавляет: «А разве бедняга Мартин Фаркуар Таппер не носится со своими пошлостями, воображая, что это поэзия?! Вот именно! Пусть и епископ носится с шуткой собственного изобретения и воображает ее квинтэссенцией юмора.

Но интересно знать, что это за таинственная церковь св. Георгия-великомученика? Впрочем, епископ не настроен полно-

стью доверять даже св. Георгию-великомученику и подвергать риску благополучие своих птенцов,— он благоразумно ориентируется на хлопок. Пожалуй, он прав. На бога надейся, а сам не плошай.

А каково ваше мнение насчет заключительной части его письма? Не кажется ли вам, что он хватил через край, как говорят в подобных случаях грешники? Неужто вы поверили, что за этими трескучими фразами кроется искренность? Поверили, да? А я вот не знаю: столь сильные прилагательные, чересчур сильные,— иногда мне чудится в них этакий легкий оттенок иронии. Но нет, едва ли! Вероятно, он в самом деле полюбил меня. Зато если бы я убедился, что преподобный юморист упражняется на мне в остроумии, я бы ему больше никогда в жизни не стал писать. Он заявляет, что меня «ждет награда на том свете»,— нет, уж это вовсе не по мне!

Но он обещает молиться за меня. Что ж, для моей персоны нет ничего полезнее, и ему не найти, пожалуй, более благодарного грешника, чем я. По-видимому, я попаду под рубрику «прочие грешники»; конечно, я не лучше любого другого грешника и не вправе претендовать на особое внимание. Сперва они молятся за свою конгрегацию, знаете ли,— весьма энергично; потом — с умеренным пылом — за другие религии; потом за ближайших родственников своей конгрегации; потом за дальних родственников; потом за общину; потом за свой штат; потом за государственных деятелей; потом за Соединенные Штаты; потом за Северную Америку; потом за весь американский континент; потом за Англию, Ирландию и Шотландию, за Францию, Германию и Италию, за Россию, Пруссию и Австрию; потом за жителей Норвегии, Швеции и Тимбукту; за жителей Сатурна, Юпитера и Нью-Джерси; к концу поминают в молитве негров, индусов, турков и китайцев; а когда фонтан милосердия уже окончательно иссякнет и станет сух, как ведро из-под золы, они вытряхивают со дна оставшуюся пыль на нас бедняг, «прочих грешников».

Не очень-то справедливо, правда? Считаясь, в общем, пресвитерианином, я числюсь среди прихожан одной из главных пресвитерианских церквей, и потому мне иногда приходится стоять с благочестивым видом, опустив глаза и положив руки на спинку передней скамьи; некоторое время я сосредоточенно слушаю, затем начинаю переминаться с ноги на ногу, закладываю руки за спину, выпрямляю стан и принимаю торжественный вид; затем скрещиваю руки на груди, выгибаю шею и принимаюсь печально смотреть вперед; потом украдкой погляды-

ваю на священника, перевожу взгляд на публику, становлюсь рассеян — и вдруг ловлю себя на том, что считаю, сколько в церкви кружевных чепцов и сколько плешивых голов; потом начинаю интересоваться, какая часть присутствующих клюет носом, а какая бодро внемлет проповеди; потом лениво пускаюсь в догадки, сумеет ли жужжащая муха, ползущая вверх по стеклу и то и дело соскальзывающая вниз, когда-нибудь добраться до своей цели; в конце концов надоедает и это, и я погружаюсь в тоскливую дрему,— но тут как раз священник доходит до моего ведомства и вновь приводит меня в состояние бодрствования и возрождает во мне надежды добрым словом по адресу несчастных «прочих грешников».

А иной раз мы оказываемся и вовсе забытыми и уходим несолоно хлебавши; в таких случаях я вспоминаю одного маленького мальчика из простой семьи, питавшего страсть к горячим пышкам; как-то у них был гость, и мать сказала мальчику, что он получит все пышки, какие останутся после ужина, если не подойдет к столу и будет вести себя тихо и примерно; мальчик следил за гостем, который с аппетитом уплетал пышки, пока предчувствие в его душе не переросло в ощущение катастрофы, и он закричал: «Вот вам, я так и знал! Я с самого начала знал, что так будет! Чтоб мне не сойти с этого места, если он не жрет сейчас последнюю пышку!»

Но я, однако, не жалуюсь — ведь очень редко индусы, турки и китайцы получают в награду все пышки и оставляют нас, «прочих грешников», голодными. Правда, они нередко засиживаются за столом, и мы порядком устаем в ожидании своей очереди. Ну а что, если поубавить красноречие? Что, если испрашивать отдельное благословение только на свою конгрегацию и свою общину, а потом горячо помолиться за всех остальных, за всю вселенную сразу? Не лучше ли было бы принять за образец простоту, лаконичность, красоту и ясность молитвы «Отче наш»? Впрочем, я, кажется, забираюсь в сферы, не подлежащие моей юрисдикции.

Мои письма его преподобию Филлипсу Бруксу в Филадельфию и его преподобию доктору Каммингсу в Чикаго, с приглашением приехать сюда на пост настоятеля собора Милосердия и с обещанием всяческой помощи, будут опубликованы на будущей неделе вместе с ответами означенных лиц.

Марк Твен.

* *
*

На прошлой неделе я обещал опубликовать в этом номере «Калифорниен» свою переписку с его преподобием Бруксом, проживающем в Филадельфии, и его преподобием доктором Каммингсом, проживающим в Чикаго, но теперь я вынужден просить читателей освободить меня от этого обещания. Я только что получил телеграммы от обоих почтенных священнослужителей, в которых утверждается, что я поступил бы бестактно, если бы напечатал их письма. Эти утверждения подкреплены столь вескими, убедительными, бесспорными доводами, что, хотя прежде это не казалось мне бестактным, теперь я признаю, что в самом деле было бы нетактично печатать их письма. Пользы это особой не принесло бы, а вред был бы большой, ибо это вызвало бы болезненное любопытство у публики к частным делам священнослужителей. Привожу обе телеграммы дословно:

От его преподобия Филлипса Брукса:

Филадельфия, пятница, 12 мая

МИСТЕР МИК ТВАЙН![1] ГОВОРЯТ, ВЫ ОПУБЛИКОВАЛИ ПИСЬМО ЕПИСКОПА БЕРКУТА. ВЫ ПОГУБИТЕ ДУХОВЕНСТВО! МОЕГО НЕ СМЕЙТЕ ПЕЧАТАТЬ. ОБРАЗУМЬТЕСЬ, ОСТАВЬТЕ ВАШУ ЗАТЕЮ, НЕ ВАЛЯЙТЕ ДУРАКА. ПРЕДЛАГАЮ ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Филлипс Брукс.

Хотя я понимаю, что мой долг — сохранить в тайне письмо Брукса, должен все же заявить для сведения публики, что Брукс получает в филадельфийской церкви больше денег и поэтому не считает возможным ехать сюда. А кроме того, он спекулирует нефтью.

М. Т.

От его преподобия доктора Каммингса:

Чикаго, четверг, 11 мая

МИСТЕР МАК-СВАЙН! НЕУЖЕЛИ ВЫ ТАК ГЛУПЫ, ЧТО НАПЕЧАТАЛИ ПИСЬМО ЕПИСКОПА БЕРКУТА? ВОТ ЧЕРТОВЩИНА! МОЕГО НЕ ПЕЧАТАЙТЕ. НЕ ДУРИТЕ, МАЙК. ГОТОВ УПЛАТИТЬ ПЯТЬСОТ ИЛИ ШЕСТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Каммингс.

Я понял, что нетактично предавать огласке письмо доктора Каммингса, но все же нелишне отметить, что он тоже зарабатывает больше и потому не желает ехать в Калифорнию. Кроме того, он в Чикаго спекулирует зерном.

М. Т.

---

[1] Прошу прощения за злосчастный телеграф — он всегда перевирает имена и фамилии.— *М. Т.*

Боюсь, что я поторопился печатать письмо епископа Беркута. Весьма сожалею об этом. Теперь уж нечего ждать, что он предложит мне свой Веский Довод.

ИНОСТРАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Несчастная я жертва своей проклятой привычки навязывать всем непрошеные услуги! Никто меня не просил помогать церковному совету собора Милосердия в подыскании настоятеля; я сам залез в эту историю в порыве дурацкого энтузиазма и сам же накликал беду на свою голову! Тех священников, которых я хотел завербовать, я все равно не завербовал, зато на меня градом посыпались дешевые захолустные проповедники, и я сам испугался содеянного. Боюсь, что я пробудил дух, который мне уже не удастся успокоить. Достаточно процитировать в качестве образца одного из 48 писем, полученных мною из отдаленных мест, чтобы стало понятно, какой интерес вызвала опубликованная мною переписка.

От его преподобия мистера Брауна:

«Замок Саранчи, 1865 г.

Брат Твен! Чувствую, что наконец мне представился случай отплатить хотя бы частично за бесчисленные блага, которые сыпались — сыпались золотым дождем — на мою недостойную голову. Если Вы поможете мне получить место в соборе Милосердия, я дам свое согласие немедленно, и меня удовлетворит любая плата; хоть я и поступлюсь при этом многими земными благами и причиню чудовищное горе моей любящей пастве, но душа моя слышит призыв, и не мне, скромному слуге господнему, отказываться от повиновения. (Клякса, которую Вы видите в этом месте,— от моей слезы!) Скорблю при мысли о том, что придется покинуть возлюбленную паству, простите сентиментальность, мой друг, но я как пастырь заботился о ней многие годы, растил ее, кормил духовной пищей и стриг,— ах и стриг же ее! Не могу продолжать — слезы душат меня. Но я возьму с собора Милосердия меньше любого американского священника, только бы Вы мне исхлопотали это местечко. Посылаю Вам свои проповеди в качестве образцов — несколько специально написанных и несколько взятых из книг, но отредактированных...

Ваш покорнейший слуга *Т. Сент-Мэтью Браун».*

Все они просят место в соборе Милосердия. Все они будут рады жалованью в 7000 долларов в год. Все готовы пожертвовать земными благами, порвать самые дорогие их сердцу связи и покинуть родные места, чтобы сражаться за святую веру в нашем прекрасном храме. Все они убеждены, что могут приносить больше пользы и лучше служить своему владыке, если им позволят расширить поле деятельности. Все они убеждены, что души их не могут больше оставаться взаперти. И они рвутся приехать сюда, чтобы расправить крылья. Но самое ужасное то, что своими глупостями они отравляют жизнь *мне:* шлют свои проповеди *мне,* едут сюда, и являются прямо *ко мне* домой, и сваливают свой багаж *у меня* в прихожей, и занимают силой *мою* спальню, и с бою садятся за *мой* стол, вместо того чтобы досаждать церковному совету собора Милосердия, которому по штату положено быть жертвой! Чего ради они все лезут *ко мне?* Я-то здесь при чем? Да ведь я даже не хожу в эту церковь, и приглашение пасторов на работу имеет ко мне такое же отношение, как к алжирскому бею! Хоть бы они перестали меня мучить! Я влип в эту историю по неосторожности, не подумав, и, если мне удастся благополучно выпутаться, я никогда больше не стану вмешиваться в такие дела, честное слово, не стану!

Я держу нескольких слуг, но все они уже замучены до предела. Моя экономка находится на грани бунта. Вчера она заявила мне: «Скоро я, кажется, вытурю кое-кого из священников!» И так оно и будет. А мне жаль. Разве можно не пожалеть священника, когда видишь, что его «турнули» из твоего дома? Но как мне быть? Я тут беспомощен. Начну заступаться — меня самого вытурят!

Гостящие у меня священники — люди здоровые. Аппетит у них отличный. Никакой особенной пищи они для себя не требуют. Жареные цыплята вполне их устраивают. Но меня тревожит их присутствие: на Миссисипи считается, что пароходу угрожает беда, если на нем окажется одновременно более двух пассажиров духовного звания. В таком случае дюжина их, гостящая в моем доме, может, чего доброго, вызвать землетрясение! Согласно поверью, три священника могут посадить пароход на мель, четыре — утопить, а пять плюс серая кобыла — взорвать. Будь у меня на конюшне серая кобыла, я удрал бы из города, не дожидаясь ночи!

Марк Твен.

ДОБРОЕ СЛОВО САТАНЫ

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Такой опыт был проделан.

Начали поносить сатану, заговорщики один за другим язвительно упрекали, беспощадно бранили его, жестоко обличали,— и наконец доверчивая жертва заговора попала в западню. Она согласилась, что обвинение справедливо, что сатана действительно погряз в пороках, как они говорили; но разве к нему отнеслись справедливо? Грешник есть грешник, и больше ничего; и сатана такой же грешник, как все другие. Почему же все другие спаслись? Неужели только собственными усилиями? Нет, таким образом никто не мог бы спастись. К их слабым усилиям присоединились горячие, взывающие о милости молитвы, которые возносятся ежедневно из всех церквей в христианском мире и из всех сострадательных сердец. А кто молится за сатану? Кто за тысячу восемьсот лет просто, по человечеству, помолился за того из грешников, которому это больше всего потребно,— за нашего собрата, который больше всех нуждается в друге и не имеет ни единого, за того из грешников, который имеет явное и неопровержимое право, чтоб за него молились денно и нощно, по той простой и неоспоримой причине, что он нуждается в этом больше других, как величайший из грешников?

ДОБРОЕ СЛОВО САТАНЫ

От редакции журнала «Харперс уикли»: «Мы имеем основания полагать, что автором публикуемого ниже письма за подписью Сатаны на самом деле является Марк Твен».

Редактору журнала «Харперс уикли».

Дорогой сэр и родственник!

Давайте раз и навсегда прекратим этот пустой разговор. Американское Бюро заграничных христианских миссий ежегодно принимает пожертвования от меня, чего же ради ему отказываться от пожертвований мистера Рокфеллера? Всегда, во все века, три четверти даяний на благотворительные цели составляли «совестные деньги», в чем легко убедиться, обратившись к моим счетным книгам. Это определение можно с успехом применить и к дару мистера Рокфеллера. Вся лавочка Американского Бюро финансируется главным образом из могил. Посмертные дары, если угодно. «Совестные деньги» — признание старых преступлений и сознательное совершение новых: ибо когда покойник занимается благотворительностью, он тем самым грабит своих наследников. Так неужели миссионеры отвергают дары только потому, что жертвователи повинны в старых или новых преступлениях, а чаще всего — и в тех и других?

С вашего разрешения, я продолжу. Обвинение, которое наиболее упорно, злобно и безжалостно выдвигают против мистера Рокфеллера, заключается в том, что его пожертвования навеки, несмываемо запятнаны клятвопреступлением, доказанным разными судебными инстанциями. В моих владениях такое обвинение вызывает у всех улыбку! Ведь в вашем гигантском городе не найдется ни одного богатого человека, который не совершал бы клятвопреступлений каждый год, когда наступает срок платить налоги. Все они с головы до ног покрыты в десять слоев ложью, закованы, так сказать, в прочную броню лжи. Если найдется хоть один богач, неповинный в этом, то я охотно куплю его для своего музея редкостей и уплачу за него, как за динозавра. Вы скажете, что усматриваете в действиях этих богачей не нарушение закона, а лишь ежегодные попытки обойти закон? Что ж, если вам это приятно, можете тешиться тонкостями терминологии, но только до поры до времени! А вот когда вы перекочуете в мои владения, тогда я покажу вам нечто крайне любопытное: весь ад битком набит джентльменами, которые пытались обойти закон! Какому-нибудь откровенному право-

нарушителю нет-нет и удается проскользнуть в рай, но господа, действующие в обход закона,— эти все достаются мне.

Однако вернемся к нашим баранам. Напомню вам, что мои миллионеры-мошенники весьма часто жертвуют деньги в пользу Американского Бюро заграничных христианских миссий, а ведь это деньги, украденные у государства, причитавшиеся ему в уплату налогов, то есть деньги греховные, дьявольские, мои. Значит, и выходит, что это мой дар; иными словами, мое заявление правильно: раз Бюро заграничных христианских миссий каждый день принимает мои пожертвования, чего ради ему отвергать пожертвования мистера Рокфеллера?! Ведь Рокфеллер — что бы там ни говорили разные суды — ничуть не хуже, чем я!

Сатана.

СДЕЛКА С САТАНОЙ

Тут-то ко мне и пришло решение продать душу Сатане. Курс стальных акций упал, то же произошло с другими акциями, лопались самые надежные предприятия. А так как я сам пока представлял собою некоторую ценность, надо было поскорее пускать ее в оборот и сколачивать состояние. Не мешкая долго, я послал письмо местному маклеру мистеру Н. с обстоятельным описанием предлагаемого товара и того, в каком состоянии он находится; встреча с Сатаной была устроена без промедления, с условием, что маклер получит 2,5% комиссионных, но только если сделка состоится.

Задумавшись, я сидел впотьмах и ждал появления Сатаны. Стояла мертвая тишина. Но вот издалека донеслись густые,

низкие удары колокола, возвещающие полночь: бом-м, бом-м, и я поднялся навстречу гостю, внутренне подготовив себя к оглушительному грохоту и серному зловонию, сопровождающим, как я полагал, его приход. Но не было ни грохота, ни зловония. Сквозь запертую дверь бесшумно вошел современный Сатана, точь-в-точь такой, каким мы привыкли видеть его на сцене,— высокий, стройный, легкий, в облегающем трико, шпага на боку, широкий короткий плащ, наброшенный на плечи, удальски заломленная шляпа с поникшим пером, на умном лице тонкая мефистофельская усмешка.

Но он не полыхал алым пламенем, не был пунцовым, отнюдь нет! Он был как какой-то раскаленный добела факел, или столб, или обелиск, бело-огненный с призрачным зеленоватым отливом; он излучал серебристое сияние, каким светят подернутые рябью волны тропического моря, когда луна стоит высоко в безоблачном небе.

Сатана учтиво приветствовал меня своим обычным, таким знакомым поклоном: положив левую руку на эфес шпаги, он правой снял шляпу и плавным жестом описал ею перед собой полукруг. Мы сели. Ах, как он был хорош в этом своем чудесном свечении, до чего шла ему эта новая окраска! Он, должно быть, прочитал восторг на моем лице, озаренном исходящим от него светом, но и бровью не повел,— видно, давно привык к тому впечатлению, какое производил на христиан, вступавших с ним в подобного рода сделки.

...Полчаса за бокалом горячего пунша и разговорами о погоде, перемежавшимися закидыванием удочек с моей стороны и ответами моего гостя вроде: «Нет, такую цену я, пожалуй, дать не смогу», убавили мою застенчивость, я вполне овладел собой и даже отважился несколько утолить мучившее меня любопытство. Я как бы между прочим выразил свое удивление тем, что он совершенно не соответствует нашему о нем представлению, и спросил его, из чего он сделан. Сатана не обиделся и ответил искренне и просто:

— Из радия.

— Ах, вон что! Ну, тогда понятно! — воскликнул я. Действительно, более приятного света для глаза я не встречал. Никакого сравнения с мертвым, холодным электричеством.— Но это значит, что вы, ваше величество, весите около... около...

— Мой рост шесть футов один дюйм, так что, будь я из крови и плоти, я бы весил двести пятнадцать фунтов. Но радий, подобно другим металлам, тяжел,— стало быть, я вешу несколько более девятисот фунтов.

Я вперил в него алчущий взгляд: какое богатство! Какие огромные запасы радия! Девятьсот фунтов,— скажем, по три миллиона за фунт,— это будет... это будет... И тут в моем разгоряченном мозгу родился коварный замысел!

Но Сатана весело рассмеялся:

— Я прочитал вашу мысль! Похитить самого Сатану, создать акционерное общество, выпустить акций на десять миллиардов долларов — на сумму, в три раза превосходящую стоимость основного капитала, наводнить ими весь мир. Как ново! Как оригинально!

Щеки мои вспыхнули так жарко, что серебристое сияние вокруг нас обратилось в малиновую дымку, какою бывают окутаны на закате купола и башни Флоренции и созерцание каковой наполняет сердце пьянящей радостью. Сатана сжалился надо мной и заговорил серьезно и проникновенно, пролив бальзам на мою душу, так что я мало-помалу успокоился и поблагодарил его за высказанное им великодушие. На это он сказал:

— Ваши добрые слова не пропали даром. За любезность я плачу вам любезностью. Знаете ли вы, что за многие века деловых отношений с бедным, злополучным родом людским я впервые встречаю человека, у которого хватило ума сообразить, из какого ценного материала я создан?

Я скромно потупил взор, но внутри у меня все так и пело от удовольствия.

— Да, вы первый это поняли,— продолжал Сатана.— На всем протяжении средних веков я покупал христианские души за баснословные цены: возводил за ночь мосты, соборы — и почти всякий раз, когда имел дело с лицом духовного звания, оказывался в дураках,— это признает история; но время от времени я все-таки отыгрывался на честных мирянах,— это признаю я сам. Однако никто так никогда и не понял, на чем можно по-настоящему разбогатеть. Вы — первый.

Я снова наполнил его бокал и предложил ему еще одну сигару. На сей раз Сатана знал, с чем имеет дело. Он долго рассматривал ее, затем спросил:

— Сколько вы за них платите?

— Два цента за штуку. Но если покупаешь ящиком, обходится дешевле.

Он продолжал изучать сигару, отпуская шепотом замечания, по-видимому соображая что-то.

— Темная, шершавая, хрустящая, неправильной формы, изборождена морщинами, как древесная кора, местами сухой лист скручивается,— в общем, напоминает подпаленную кожу

тех башмаков, что стоят в преисподней перед дверьми каждого номера в воскресное утро.

Сатана вздохнул, вспомнив отчий дом, помолчал минутку, затем вежливо попросил:

— Будьте добры, расскажите подробнее об этом хитроумном снаряде.

— Это изобретение одного видного итальянского государственного деятеля Камилло Кавура. Однажды, погруженный в занятия, он закурил сигару, отложил ее в сторону и забыл про нее. Сигара попала в чернильную лужицу и намокла. Заметив это, Кавур отнес ее на печку подсушить. А когда раскурил снова, сразу почувствовал, что она приобрела какой-то особый вкус. Тогда он...

— А он говорил, какой вкус у нее был раньше?

— Кажется, нет. Но все равно — он вызвал главного химика страны и велел выяснить, откуда взялся этот новый вкус. Тот провел необходимое исследование и пришел к выводу, что особый вкус сообщается сигаре железным купоросом и уксусом, а это, как известно, составные части любых чернил. Кавур, радея о финансах страны, приказал создать новый сорт сигар. И с тех пор этот сорт перед тем, как поступить в продажу, проходит обработку на чернильной фабрике, что удивительным образом сказывается как на чернилах, так и на сигарах. Такова история создания сорта «Кавур», ваше величество, и все это чистая правда, ни капли выдумки.

Сатана принял подарок, коснулся указательным пальцем кончика сигары, отчего она затлелась и потянуло дымом,— но курить не стал, видимо раздумал, и, отложив торпеду на стол, с отменной учтивостью обратился ко мне:

— С вашего позволения, я приберегу ее для Вольтера.

Я был несказанно обрадован и польщен: пусть хоть эта малость свяжет меня с великим человеком, пусть мое имя коснется его слуха даже по такому ничтожному поводу (а в том, что обо мне будет упомянуто, я нисколько не сомневался). Я поскорее достал еще полсотни таких же сигар, чтобы Сатана угостил ими и других великих умерших — Гете, Гомера, Сократа, Конфуция,— но Сатана отверг мой дар, объяснив, что против этих людей он ничего не имеет. Затем он опять погрузился в воспоминания о далеком прошлом и спустя какое-то время сказал:

— Никто тогда и не слыхивал о радии. А впрочем, если бы и слышали, какой толк? Человечество было в неведении относительно радия двадцать миллионов лет, пока не родился возвес-

тивший новую эру девятнадцатый век — век пара и машин, а родился он всего за несколько лет до вас. Девятнадцатый век был чудесным веком, но чудеса его покажутся детской выдумкой по сравнению с тем, что несет двадцатый.

Я спросил его, почему он так думает, и он объяснил мне:

— Дело в том, что энергия была очень дорога, а все действует только с помощью энергии — пароходы, локомотивы, решительно все. Уголь — вот в чем загвоздка! Его надо добывать, без него нет ни пара, ни электричества, и к тому же потери огромные: уголь сжигают, и он исчезает без остатка. Иное дело радий! Моими девятьюстами фунтами можно обогреть весь мир, залить его светом, дать энергию всем кораблям, всем станкам, всем железным дорогам — и не израсходовать при этом и пяти фунтов радия! И тогда...

— Дорогой прародитель! Вот вам моя душа, берите ее, и основываем компанию!

Но Сатана спросил, сколько мне лет, и, узнав, что шестьдесят восемь, вежливо уклонился от моего предложения, вероятно не желая воспользоваться своим очевидным преимуществом. Затем продолжал расхваливать радий: заключенная в нем теплота может за сутки растопить кусок льда, в двадцать четыре раза превосходящий его по весу, и притом количество его ни на йоту не уменьшится; попробуйте поместить на секунду в эту комнату фунт радия — и все в ней обуглится, словно дохнуло адским пламенем, а от человека останется горстка пепла, и так далее, и все в том же духе; но я прервал его:

— Но, ваше величество, вы, — а значит, девятьсот фунтов радия, — сейчас здесь, в этой комнате, а ничуть не жарко, наоборот — самая приятная температура. Я в недоумении.

— Э-э-э, видите ли, — начал он неуверенно, — это секрет, хотя, впрочем, я мог бы вам открыть его, ибо эти дотошные, нестерпимо нахальные химики все равно рано или поздно докопаются до него. Вы, вероятно, знаете, что́ мадам Кюри писала о радии; знаете, как она без устали трудится над тем, чтобы раскрыть его чудесные тайны, выявить их одну за другой. Она говорит: «Вещества, в состав которых входит радий, самопроизвольно испускают свет», — заметьте, никакого угля для получения света; она говорит: «Стеклянный сосуд, содержащий радий, сам собой заряжается электричеством», — обратите внимание, никакого угля, никакой воды, чтобы производить электричество; она говорит: «Радий обладает замечательной способностью освобождать тепло самопроизвольно и в неограниченном

количестве»,— как видите, никакого угля, чтобы приводить в движение машины всего мира. Она просеяла горы урановой руды в поисках радиоактивных веществ, выловила их целых три штуки и дала им названия: один, концентрирующийся в соединениях висмута, был назван полонием; другой, сходный с барием, получил имя радия, третьего нарекли актинием. Она говорит: «Теперь предстоит отделить полоний от висмута, это наиболее трудная задача, мы занимаемся ею уже многие годы». Многие годы, подумайте только — многие годы! Да, так они все работают, эти одержимые, эти люди науки,— копаются, пыхтят, бьются. Вот бы мне для моего хозяйства партию таких старателей. Какая была бы экономия. Подумайте, многие годы! Такие не отступятся. Терпение, вера, надежда, упорство — и так все они, вся их братия, Колумб и прочие. Получив радий, эта женщина открыла новую эру на вашей планете, умножила ваши богатства и стала тем самым в один ряд с Колумбом и равными ему. Она задалась целью отделить полоний от висмута; преуспев в этом, как вы думаете, чего она достигнет?

— Понятия не имею, ваше величество.

— Она еще больше укрепит могущество человека, перед ним откроются величайшие возможности. Я сейчас поясню вам мою мысль, ибо ни вы, ни даже сама мадам Кюри не в состоянии представить себе всю грандиозность ее ближайшего открытия.

— Я весь внимание, ваше величество!

— Полоний в чистом виде, освобожденный от висмута, является тем единственным веществом, которое способно управлять радием, обуздывать его разрушительные силы, укрощать их, держать в повиновении, заставить их служить человеку. Пощупайте мою кожу. Ну, что вы о ней скажете?

— Нежная, шелковистая, прозрачная, тонкая, как желатинная пленка, очень красиво, ваше величество!

— Так это и есть полоний. Все остальное во мне из радия. Если я сброшу с себя верхний покров, земля, охваченная дымом и пламенем, обратится в пепел, а от луны останутся только хлопья, которые рассеются по всей вселенной.

Ужас сковал мне язык, я весь дрожал.

— Теперь вам все должно быть понятно,— продолжал он.— Внутренности мои пожирает огонь, я страдаю невыносимо и обречен страдать вечно, но вам и вашей земле нечего бояться, вы надежно защищены полонием. Тепло — это сила, энергия, но оно приносит пользу, когда умеешь управлять им, регулировать его. Сейчас у вас еще нет власти над радием, но, как

только полоний вложит вам в руку кнут укротителя, радий смирится перед вами. Я могу освобождать энергию, заключенную во мне, и малыми и большими порциями, как мне заблагорассудится. Могу, если захочу, привести в движение механизм дамских часиков или уничтожить целый мир. Помните, как я прикосновением пальца зажег эту нечестивую сигару?

Да, я помнил это.

— Представьте себе, как мала была в тот раз крупица освобожденной энергии! Вам, конечно, известно, что все на свете состоит из юрких, подвижных молекул, все решительно — мебель, камни, железо, лошади, люди,— словом, все, что существует.

— Да, известно.

— Что молекулы разнятся между собой весом и размерами, но нет ни одной, которая была бы так велика, чтобы ее можно было разглядеть в микроскоп?

— Да, известно.

— А знаете ли вы, что молекулы состоят из тысяч свободных, вечно движущихся крохотных частиц, именуемых атомами?

— Да, знаю.

— Что до последнего времени мельчайшим атомом, известным науке, считался атом водорода, который в тысячу раз меньше атомов, идущих на постройку молекул других веществ?

— Знаю.

— Так вот, атом радия, имеющий положительный заряд, в пять тысяч раз меньше атома водорода. Этот неописуемо маленький атом зовется электроном. Моя долголетняя привязанность к вам и к вашим почтенным предкам так велика, что я открою вам тайну, которая доселе была неведома ни одному ученому,— тайну светляков. Слушайте же: свечение в этих жуках производит один-единственный электрон, заключенный в атом полония.

— Сир, я потрясен. Ученые всего мира были бы очень признательны вам за столь ценное сообщение, ведь они бьются над этим открытием уже более двух столетий. Только подумать! Электрон, который в пять тысяч раз меньше невидимого глазом атома, и есть те веселые огоньки, что так красят летнюю ночь!

— И учтите,— продолжал Сатана,— это единственный случай, когда радий существует в чистом виде, без всяких примесей, когда и полоний находится в точно таком же свободном состоянии, и именно это их совместное бытие и производит

столь удивительный и приятный эффект. Представьте себе, что защитная полониевая оболочка лопнула, тогда искра радия вспыхнет, причем всего один раз, и светлячок обратится в пар. Вы очень дорожите этим старым гектографом?

— Нет, ваше величество, не очень, он не мой.

— Тогда я на ваших глазах уничтожу его. Я зажег этого вашего, как его там... Кавура, потратив энергию всего одного электрона, ровно столько, сколько ее заключено в светляке. Сейчас я даю энергию двадцати тысяч электронов.

Мой гость коснулся рукой массивного гектографа, и он разорвался, словно пушечное ядро, так что и мокрого места не осталось. Три минуты в комнате висел густой розовый туман искр, сквозь который неясным пятном маячила фигура Сатаны, затем туман рассеялся и снова заструился лунный свет, яркий и нежный. Сатана сказал:

— Убедились? Радия, заключенного в двадцати тысячах светляков, хватит, чтобы запустить мотор автомобиля на веки вечные. И притом никаких потерь, это горючее неиссякаемо.— И заметил мимоходом: — У себя дома мы используем только радий.

Я был поражен и, понятное дело, заинтересован: ведь в тех палестинах было немало моих родственников и добрых знакомых. Я до сих пор считал — так мне внушили в детстве,— что в качестве горючего там применяют угли и серу. Сатана прочел мою мысль и сказал:

— Угли и сера — таково предание, верно. Но это общее заблуждение. Можно было на худой конец обойтись и углями с серой, но у этого топлива имеется ряд существенных недостатков: грязи много, горит не так чтобы очень жарко, а по воскресеньям просто невозможно было бы поддерживать требуемую температуру; да потом откуда же взять столько угля и серы,— запасов всей вселенной не хватит даже и на половину вечности. Не будь радия, не было бы и преисподней — такой, как полагается.

— Почему?

— Пришлось бы облачать души в какой-то иной материал. И они бы моментально сгорали, ускользая, таким образом, от адских мук. Часа не продержались бы. Что ж тут не понять?

— Теперь понимаю, после вашего объяснения. Я, видите ли, как-то всегда предполагал, что грешники подставляют адскому огню свою естественную плоть, так они изображены на фресках Сикстинской капеллы, на картинках в книгах.

— Да, наши грешники выглядят точно такими, какие они были в жизни, но это на них не плоть, с плотью сталось бы то же, что с вашим гектографом: залп, вспышка, сноп искр — и нет ничего; так что не было бы никакого смысла посылать их в ад на вечные муки. Поверьте, радий — идеальный материал.

— Да, теперь все стало понятно,— сказал я, поеживаясь от предвкушения грядущих неудобств.— Вы правы, сир.

— Еще бы не прав. У меня колоссальный опыт. Да что говорить, вы и сами убедитесь, когда попадете туда.

Он, вероятно, думал, что я сгораю от любопытства, но он просто еще мало меня знал. Он сидел с минуту задумавшись, потом сказал:

— Я решил помочь вам разбогатеть.

От этих слов на душе у меня стало веселее. Я поблагодарил его и весь обратился в слух.

— Вы, быть может, знаете, где находят в Новой Зеландии кости вымершей птицы моа? Их там целая гора высотой в двадцать футов, тысячи и тысячи скелетов. А знаете, где находят клыки мамонтов, населявших землю в ледниковый период? Неподалеку от устья Лены, там на площади в несколько акров их несметное множество, оттуда вот уже пять веков идут китайские караваны с драгоценным грузом. А знаете ли вы о фосфатных залежах у вас на Юге? Они мощными пластами залегают на много миль и представляют собой не что иное, как огромное кладбище гигантских животных, не существующих ныне нигде на земле, и повсюду на вашей планете имеются такие кладбища. Откуда взялся у этих животных инстинкт, который с приближением смерти гонит их всех издыхать в одно место? Это великая тайна природы, даже наука бессильна проникнуть в нее. Но факты таковы, а посему слушайте дальше. В течение вот уже многих миллионов лет существует кладбище светляков.

Полный радужных надежд, я слушал, разинув рот. Сатана сделал мне знак закрыть его и продолжал:

— Это кладбище находится на одном из снежных отрогов Кордильер, в чашевидном углублении величиной примерно с половину этой комнаты. И эта чаша до краев наполнена — как вы думаете, чем? Чистейшим светлячковым радием, пылом и жаром ада. Вот уже многие тысячелетия мириады светляков прилетают туда каждый день, чтобы найти в той чаше смерть, и каждый светлячок приносит с собой дань — свою единственную бессмертную частицу, электрон чистого радия. Скопив-

шейся там энергии достаточно, чтобы залить светом весь мир, снабдить до скончания века топливом все двигатели мира, весь транспорт. Всех денег на земле не хватит, чтобы купить эти сокровища. Итак, вы — мой; радий — ваш. Когда мадам Кюри получит чистый полоний, сделайте себе из него одежду и ступайте за своими сокровищами!

И он исчез, оставив меня в темноте, прервав на полуслове мою благодарственную речь. Чашу, полную радия, я найду по отсвету на небе; и очень скоро: когда эта гениальная женщина во Франции отделит полоний от висмута, я получу в свое распоряжение это незаменимое вещество. Акции продаются. Обращаться к Марку Твену.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

(Отрывки)

Мне пришла в голову мысль потолковать с Сатаной о его поступках, уговорить его стать лучше, добрее. Я напомнил ему о том, что он натворил, и просил его не действовать впредь столь опрометчиво и не губить попусту людей. Я не обвинял его в дурных намерениях, а только просил, чтобы он, перед тем как решиться на что-нибудь, помедлил и поразмыслил, не пострадает ли кто-нибудь от его поступка. Ведь если он перестанет действовать легкомысленно и наобум, будет меньше несчастий. Сатана нисколько не обиделся на мою прямоту, но видно было, что я удивил и рассмешил его. Он сказал:

— Почему ты думаешь, что я действую наобум? Я не поступаю так никогда. Ты хочешь, чтобы я помедлил и подумал о том, к чему приведет мой поступок. Мне этого не требуется. Я всегда точно знаю, к чему он приведет.

— Зачем же ты так поступаешь, Сатана?

— Изволь, я отвечу тебе, а ты постарайся понять, если сумеешь. Ты и тебе подобные — единственные в своем роде существа. Каждый человек — машина для страдания и машина для радостей. Эти два механизма соединены сложной системой соответствий и действуют на основе взаимной связи. Как только первый механизм зарегистрировал удовольствие, второй уже готовит вам боль, несчастье, целый ряд несчастий. У большинства людей жизнь складывается так, что радостей и горя приходится поровну. Там же, где такого равновесия нет, преобладает несчастье. Счастье не преобладает никогда. Встречаются люди, устроенные так, что вся их жизнь подчинена ме-

ханизму страдания. Такой человек от рождения и до смерти совсем не знает счастья. Все служит для него источником страдания, все, что он ни делает, приносит ему боль. Ты, наверно, встречал таких людей? Жизнь для них гибельный дар. Порой за единственный час наслаждения человек платит годами страдания — так он устроен. Разве ты не знаешь об этом? Нужны примеры? Сейчас я тебе их приведу. Что же до жителей вашей деревни, то они для меня просто не существуют. Ты, наверно, это заметил?

Я не хотел быть резким и сказал, что да, у меня складывается такое впечатление.

— Так вот, повторяю: они для меня не существуют. И это вполне естественно. Разница между нами слишком велика. Начать с того, что они лишены разума.

— Лишены разума?

— Да, всякого подобия разума. Когда-нибудь я познакомлю тебя с тем, что человек называет своим разумом, разберу по частям этот хаос, и ты увидишь, что я прав. У меня с людьми нет ничего общего, ни малейшей точки соприкосновения. Их переживания ничтожны и пусты, таковы же их наглые претензии, их тщеславие. Вся их вздорная и нелепая жизнь — не более чем смешок, вздох, гаснущий огонек. Они вовсе лишены чувств, если не считать Нравственного чувства. Сейчас я объясню тебе мою мысль на примере. Вот красный паучок, он не крупнее булавочной головки. Как ты думаешь, может ли слон испытывать к нему интерес, беспокоиться о том, счастлив этот паучок или несчастлив, богат или беден, любит ли его невеста, здорова ли его матушка, пользуется ли он успехом в обществе, справится ли он со своими врагами, поддержат ли его в беде друзья, оправдаются ли его надежды на карьеру, преуспеет ли он на политическом поприще, встретит ли он свой конец в лоне семьи или погибнет одинокий и презираемый всеми на чужбине? Слон никогда не сможет проникнуться этими интересами, они не существуют для него, он не властен сузить себя до их микроскопических размеров. Человек для меня то же, что этот красный паук для слона. Слон ничего не имеет против паука, он с трудом его различает. Я ничего не имею против людей. Слон равнодушен к пауку. Я равнодушен к людям. Слон не возьмет на себя труда вредить пауку,— напротив, если он приметит паука, то, быть может, даже посодействует ему в чем-нибудь, разумеется попутно со своими делами и между прочим. Я не раз помогал людям и никогда не стремился им вредить. Слон живет сто лет, красный паучок один день. Разница

между ними в физической силе, в умственной одаренности и в благородстве чувств может быть выражена разве только астрономическими числами. Добавлю, что расстояние между мною и людьми в этом, как и во всем остальном, неизмеримо шире расстояния, отделяющего слона от крохотного паучка.

Разум человека неуклюж. Уныло, с натугой он сопоставляет элементарные факты, чтобы сделать из них вывод,— не станем говорить, каков этот вывод. Мой разум творит! Подумай, что это означает! Мой разум творит мгновенно, творит все, что ни пожелает, творит из ничего. Творит твердое тело, или жидкость, или цвет — любое, что мне захочется, все, что мне захочется — из пустоты, из того, что зовется движением мысли. Человек находит шелковое волокно, потом изобретает машину, которая прядет из него нить, потом задумывает рисунок, потом трудится в течение многих недель, вышивая его шелковой нитью на ткани. Мне достаточно мысленно представить себе все это сразу, и вот гобелен передо мной, я сотворил его.

Я вызываю мысленно к жизни поэму, музыкальное произведение, партию в шахматы — что угодно,— вот я сотворил их! Мой разум — это разум бессмертного существа, для него нет преград. Мой взор проникает всюду, я вижу во тьме, скала для меня прозрачна. Мне не нужно перелистывать книгу, я постигаю заключенное в ней содержание одним взглядом, сквозь переплет; даже через миллион лет я буду помнить ее наизусть и знать, на какой странице что написано. Я вижу, что думает каждый человек, птица, рыба, насекомое; в природе нет ничего скрытого от меня. Я проникаю в мысли ученого и схватываю в одно мгновение все, что он скопил за шестьдесят лет. Он может позабыть это когда-нибудь, и он позабудет, но я буду помнить вечно.

Сейчас я читаю твои мысли и вижу, что ты понял меня. Что же дальше? Допустим, при известных обстоятельствах слону удалось разглядеть паучка, и он почувствовал к нему симпатию. Полюбить его слон, разумеется, не может: любить можно существа своей породы, своих равных. Любовь ангела возвышенна, божественна — человек не в силах даже отдаленно представить ее себе. Ангел может любить ангела. Человек, на которого падет любовь ангела, будет испепелен ею в одно мгновение. Мы не питаем любви к людям, мы снисходительно равнодушны к ним, подчас случается, что они вызывают у нас симпатию. Ты нравишься мне, мне нравятся твои друзья, мне нравится отец Питер. Ради вас я покровительствую жителям вашей деревни.

Он заметил, что я принял его последние слова за насмешку, и решил пояснить их.

— Я приношу добро жителям вашей деревни, хотя с первого взгляда может показаться, что я врежу им. Люди не умеют различать, что идет им на пользу и что — во вред. Они не разбираются в этом, потому что не знают будущего. То, что я делаю для жителей вашей деревни, даст обильные плоды; иные из этих плодов вы вкусите сами, иные предназначены для грядущих поколений. Никто никогда не узнает, что я переменил течение жизни этих людей, но это так. Есть игра, ты не раз играл в нее со своими друзьями. Вы расставляете кирпичи поблизости один от другого. Вы толкаете первый кирпич; он падает на соседний и валит его, тот сбивает еще один, и так далее, и так далее, пока все кирпичи не повалятся на землю. Так устроена и человеческая жизнь. В младенчестве человек толкает первый кирпич. Дальнейшее следует с железной неотвратимостью. Если бы ты читал будущее, как читаю его я, то увидел бы, как и я, все, что случится далее. Порядок человеческой жизни предопределен первым толчком. Никаких неожиданностей в ней не будет, потому что каждый последующий толчок зависит от предыдущего. Тот, кому доступно такое видение, прозревает весь ход человеческой жизни от колыбели до могилы.

— Разве бог не управляет человеческой жизнью?

— Нет, она предопределена заранее средой и обстоятельствами. Первый поступок человека влечет за собой второй и так далее. Представим себе на минуту, что из чьей-то жизни выпал один из таких неизбежных поступков, самый пустячный. Человек должен был в определенный день, в определенный час, в определенную минуту и секунду,— быть может, речь идет о доле секунды,— пойти к колодцу за водой, но он не пошел. Начиная с этого момента жизнь его должна коренным образом перемениться. До самой его кончины она потечет теперь не по тому руслу, которое было предопределено его первым поступком, но по другому. Если бы он пошел к колодцу за водой, то, быть может, это привело бы его к трону. Он не пошел к колодцу — и вот его ждут бедствия и нищета. Возьмем Колумба. Стоило ему, скажем, в детские годы утратить крохотное, ничтожное звено в цепи поступков, начатых и обусловленных первым его поступком, и вся его жизнь сложилась бы по-иному. Он стал бы священником в итальянской деревушке, умер бы в безвестности, и открытие Америки было бы отсрочено еще на двести лет. Я знаю это наверняка. Не сверши Колумб хоть

одного из миллиарда положенных ему поступков, судьба его переменилась бы. Я рассмотрел миллиард жизненных линий Колумба, и только в одной-единственной из них значится открытие Америки. Люди не понимают, что любой их поступок, крупный или мелкий, все равно одинаково важен в их жизни. Поймать муху, которую вам предназначено поймать, может оказаться не менее существенным для вашей дальнейшей судьбы, чем, скажем...

— Чем покорить царство?

— Да, именно так. Практически, конечно, человек не волен отказаться от поступка, который ему предназначено совершить, этого никогда не бывает. Когда ему кажется, будто он принимает решение, как ему поступить, так или же иначе, то колебания эти составляют в свою очередь звено той же цепи, и решение, которое человек примет, заранее обусловлено. Человек не может порвать свою цепь. Это исключено. Скажу больше, если он задастся подобным намерением, то и это намерение окажется звеном все той же цепи — оно неизбежно должно было зародиться у него в определенный момент, как следствие определенных поступков, относящихся еще к его младенчеству.

Я был подавлен картиной, которую набросал передо мной Сатана.

— Человек осужден на пожизненное заключение,— сказал я грустно,— и не может вырваться на свободу.

— Да, он не в силах освободиться от следствий первого поступка, совершенного им в младенчестве. Но я в силах освободить его.

Я поглядел на Сатану вопросительно.

— Я уже переменил судьбу нескольких человек в вашей деревне.

Прошло несколько дней, и Сатана появился снова. Мы всегда ждали его с нетерпением, с ним жизнь была веселее. Он подошел к нам в лесу, на месте нашей первой встречи. Жадные до развлечений, как все мальчишки, мы попросили его что-нибудь нам показать.

— Что ж! — сказал он.— Я покажу вам историю человеческого рода — то, что вы называете ростом цивилизации. Хотите?

Мы сказали, что хотим.

Мгновенным движением мысли он превратил окружающий лес в Эдем. Авель приносил жертву у алтаря. Появился Каин

с дубиной в руках. Он прошел рядом, как видно не заметив нас, и непременно наступил бы мне на ногу, если бы я ее вовремя не отдернул. Он стал что-то говорить брату на непонятном языке. Тон его становился все более дерзким и угрожающим. Зная, что должно сейчас случиться, мы отвернулись, но услышали тяжкие удары, потом крики и стоны. Наступило молчание. Когда мы снова взглянули в ту сторону, умирающий Авель лежал в луже крови, а Каин стоял над его телом, мстительный и нераскаянный.

Видение исчезло, и вслед за ним длинной чередой потянулись неведомые нам войны, убийства и казни. Затем мы увидели потоп. Ковчег носился по бурным волнам. На горизонте сквозь дождь и туман виднелись высокие горы. Сатана сказал:

— Начало цивилизации оказалось неудачным. Сейчас будет сделан новый зачин.

Сцена переменилась. Мы увидели Ноя, упившегося вином. Потом Сатана показал нам нечестие Содома и Гоморры. Историю с Лотом он назвал «попыткой отыскать на свете хотя бы двух или трех порядочных людей». Потом мы увидели Лота с дочерьми в пещере.

Дальше последовали войны древних иудеев. Они убивали побежденных и истребляли их скот. В живых оставляли только молодых девушек, которые становились добычей победителей.

Мы увидели, как Иапль проскользнула в шатер и вбила колышек в висок спящего гостя. Это было совсем рядом с нами; кровь, брызнувшая из раны, потекла маленьким красным ручейком у наших ног, и мы могли бы, если бы захотели, коснуться ее пальцами.

Перед нами прошли войны египтян, войны греков, войны римлян, вся земля была залита кровью. Римляне коварно обманули карфагенян, мы увидели ужасающее избиение этого отважного народа. Цезарь вторгся в Британию. «Варвары, жившие там, не причинили ему никакого вреда, но он хотел захватить их землю и цивилизовать их вдов и сирот»,— пояснил нам Сатана.

Появилось христианство. Действие перенеслось в Европу. Мы увидели, как на протяжении столетий христианство и цивилизация шагали рука об руку, «оставляя на своем пути голод, опустошение, смерть и другие признаки прогресса»,— как сказал Сатана.

Войны, войны, опять войны и снова войны, по всей Европе, во всем мире. По словам Сатаны, они велись во имя частных династических интересов, иногда же — чтобы подавить народ,

который был слабее других. «Ни разу,— добавил он,— завоеватель не начинал войну с благородной целью. Таких войн в истории человечества не встречается».

— Ну вот,— заключил Сатана,— мы с вами обозрели прогресс человеческого рода вплоть до наших дней. Кто скажет, что он недостоин всяческого удивления? Сейчас мы заглянем в будущее.

Он показал нам сражения, в которых применялись еще более грозные орудия войны и которые были еще ужаснее по числу погубленных жизней.

— Вы можете убедиться,— сказал он,— что человеческий род не останавливается в своем развитии. Каин убил брата дубиной. Древние иудеи убивали мечами и дротиками. Греки и римляне ввели латы и создали воинский строй и полководческое искусство. Христиане изобрели порох и огнестрельное оружие. Через два-три столетия они неизмеримо усовершенствуют свои смертоносные орудия убийства, и весь мир будет вынужден признать, что без помощи христианской цивилизации война осталась бы навсегда детским баловством.

Тут Сатана залился бесчувственнейшим смехом и принялся издеваться над человеческим родом, хоть и знал отлично, как задевают его слова наше самолюбие. Никто, кроме ангела, не станет так вести себя. Страдания для ангелов ничто, они знают о них только понаслышке.

И я и Сеппи не раз уже пытались с осторожностью и в деликатной форме объяснить Сатане, насколько неправилен его взгляд на человечество. Он обычно отмалчивался, и мы принимали его молчание за согласие. Так что эта речь Сатаны была для нас сильным ударом. Наши уговоры, видимо, не произвели на него сколько-нибудь заметного впечатления. Мы были разочарованы и огорчены, подобно миссионерам, проповеди которых остались втуне. Впрочем, мы не обнаружили перед ним своих чувств, понимая, что момент для этого неподходящий.

Сатана смеялся своим жестоким смехом, пока не устал. Потом он сказал:

— Разве это не выдающееся достижение? За последние пять или шесть тысячелетий родились, расцвели и получили общее признание не менее чем пять или шесть цивилизаций. Они сошли за это время со сцены и исчезли, но ни одна так и не сумела изобрести достойный своего величия, простой и толковый способ убивать людей. Кто посмеет обвинить их, что они мало старались? Убийство было любимейшим занятием человеческого рода с самой его колыбели,— но одна лишь христиан-

ская цивилизация добилась сколько-нибудь стоящих результатов. Пройдет два-три столетия, и никто уже не сможет отрицать, что христиане — убийцы самой высокой квалификации, и тогда язычники пойдут на выучку к христианам,— пойдут не за религией, конечно, а за их оружием. Турок и китаец купят у них оружие, чтобы было чем убивать миссионеров и новообращенных христиан.

Тут Сатана снова открыл свой театр, и перед нашими глазами прошли народы многих стран, гигантская процессия, растянувшаяся на два или три столетия человеческой истории, бесчисленные толпы людей, сцепившихся в яростной схватке, тонущих в океанах крови, задыхающихся в черной мгле, которую озаряли лишь сверкающие знамена и багровые вспышки орудийного огня. Гром пушек и предсмертные вопли сраженных бойцов не затихали ни на минуту.

— К чему все это? — спросил Сатана со своим зловещим хохотом.— Решительно ни к чему. Всякий раз человечество возвращается к исходной точке. Уже добрый миллион лет вы уныло размножаетесь и уныло истребляете друг друга. К чему? Ни один мудрец не ответит на мой вопрос. Кто извлекает для себя пользу из всего этого? Только лишь горстка знати и ничтожных самозванных монархов, которые пренебрегают вами и которые сочтут себя оскверненными, если вы прикоснетесь к ним, и захлопнут дверь у вас перед носом, если вы к ним постучитесь. На них вы трудитесь, как рабы, за них вы сражаетесь и умираете (и гордитесь к тому же этим, вместо того чтобы почитать себя опозоренными). Самое существование этих людей — удар по вашему достоинству, хоть вы и боитесь это признать. Они не более чем попрошайки, которых вы из милости содержите, но эти попрошайки взирают на вас, как благотворители на жалких нищих. Они разговаривают с вами, как господин с рабом, и слышат в ответ речь раба, обращенную к господину. Вы не устаете склоняться перед ними, хотя в глубине души — если у вас еще сохранилась душа — презираете себя за это. Первый человек был лицемером и трусом и передал лицемерие и трусость своему потомству. Вот дрожжи, на которых поднялась ваша цивилизация. Так выпьем же, чтобы она процветала и впредь! Выпьем, чтобы она не угасла! Выпьем, чтобы...

ПОСЛЕСЛОВИЕ *

ТВОРЧЕСТВО великого американского сатирика Марка Твена (1835—1910) пользуется огромной популярностью у советского читателя. Мы знаем Твена как талантливого романиста, остроумного рассказчика, очеркиста, отразившего в своих произведениях современную ему американскую действительность, подвергшего беспощадной критике нравы и обычаи буржуазного общества.

Гораздо меньше известен нам Твен как критик религии. Это объясняется тем, что многие атеистические произведения писателя в течение долгого времени оставались неопубликованными, а часть из них увидела свет лишь в последние годы. А между тем Марк Твен представляет собой пример человека, который, несмотря на все попытки близких и знакомых «сделать из него христианина», несмотря на окружавшую обстановку, в которой было не так легко и просто высказывать атеистические идеи, стал страстным критиком религии во всех ее разновидностях. Из опубликованных после смерти писателя биографических материалов Твена мы узнали много нового об его отношении к религии.

Чтобы понять, почему многие свои антирелигиозные произведения Твен завещал опубликовать лишь после смерти, необходимо представить обстановку, в которой он жил и работал.

Детство писателя прошло в маленьком американском городе Ганнибале. В нем господствовали протестантские нравы. Среда, в которой рос Твен, требовала воспитания религиозных добродетелей, строжайшего соблюдения христианских заповедей, безоговорочного отказа от всего, что церковь считала злом. Все это преисполняло Твена скукой и отвращением, которые, «как призраки, таились в глубине его сознания». Пуританский страх господен крепко держал Ганнибал в своей власти: любая детская шалость вызывала здесь подозрения, заповедь «помни день субботний» должна была соблюдаться неукоснительно. Страшными карами угрожали детям, которые нарушали ее, играя по субботам в мяч, отправляясь на речку с удочкой и т. д. Ученики воскресной школы должны были знать наизусть библейские тексты. Твен писал, что прочел всю Библию «к пятнадцати годам».

Иное воспитание будущий писатель получил в семье. Его отец Джон Клеменс не был религиозным человеком. Он принадлежал к «свободомыслящим», «никогда не ходил в церковь, никогда не говорил о рели-

* Послесловие и комментарии составителя.

гии». Большое влияние на будущие взгляды Марка Твена оказал его дядя Джон Кворлз, открыто выступавший против кальвинистского учения о предопределении. Не была примерной христианкой и мать Твена. Она не очень прилежно посещала церковь, «не часто читала Библию».

Все это, вместе взятое, способствовало тому, что, уезжая в 1853 г. из Ганнибала, Марк Твен увозил в своем сердце ненависть к «поповщине». Эта ненависть еще более усилилась, когда он несколько лет спустя прибыл в Европу в качестве корреспондента одной из газет и оказался в Италии, «в самом сердце поповского царства — счастливого, беспечного, самодовольного невежества, суеверий, косности, нищеты, праздности и неизбывной тупой никчемности». Наблюдая жизнь трудового народа Италии, влачившего жалкое, полуголодное существование, писатель возлагал на католическую церковь, утопавшую в роскоши, ответственность за нищету, царившую в стране.

Путь Марка Твена к атеизму не был простым и гладким. Еще в юности усомнившись в религии, он тем не менее долго верил в полезность христианской морали. Он призывал церковь освободить христианство от мишуры, самообмана, фальши и лицемерия. Он стремился убедить людей отказаться от традиционной веры и создать новую, которая способствовала бы развитию цивилизации. К полному отказу от религии его вел путь длительной и трудной борьбы.

В 1870 г. Твен женился на Оливии Лангдон. Она была глубоко религиозной женщиной и стремилась сделать своего мужа «примерным христианином». Твен не хотел разочаровывать ее. Он обещал ей сделать все возможное. Но как это трудно, если «просветляющее чувство веры» не приходило к нему. «Трудно быть христианином по духу»,— писал он в одном из своих писем.

Старания Оливии сделать мужа убежденным христианином давали совсем иной результат. Твен еще и еще раз перечитывает Библию и приходит к выводу, что «книга эта весьма интересна. В ней есть великолепные поэтические места; и несколько неглупых басен; и несколько кровавых исторических хроник; и несколько полезных нравоучений; и множество непристойностей; и невероятное количество лжи».

«Эта Библия составлена в основном из обрывков других, более древних библий, которые отжили свое и рассыпались в прах. Естественно, что она лишена какой бы то ни было оригинальности». Такой вывод Твен делает в «Письмах с Земли». В «Письмах» Твен прямо и откровенно сказал то, что думал о «священной» книге христианства. Он раскрыл противоречия Библии, многочисленные нелепости, обнаруженные на ее страницах, наивные представления о сотворении мира. Писатель основывается на данных современной ему науки, на исследованиях ученых, опровергающих религиозные догмы. «Мир, который открыла наука, слишком велик для библейского бога кочевников»,— писал Твен. В его произведениях можно найти много ссылок на научные открытия, на исследования историков, астрономов, археологов, биологов, геологов и т. п. Достаточно обратиться к яркому памфлету «Был ли мир сотворен для человека?», в котором писатель подвергает язвительной критике утверждения богословов о целесообразности природы. Твен дает «свою» картину развития жизни на земле, в основе которой лежат эволюционные идеи, выдвинутые Дарвином и развитые его последователями. Останавливаясь на развитии органического мира в Архейский и Кембрийский периоды, в Палеозойскую эру, он разоблачает измышления буржуазного ученого Уоллеса, который пытался протащить в науку библейский миф о божественном сотворении мира.

К данным науки писатель прибегает и в других произведениях, в которых он опровергает религиозные представления. Критика Твеном религии — это критика с позиций разума, с позиций знания. Твен облекает свою критику Библии в яркую сатирическую форму. Он высмеивает богословов, проповедующих библейские взгляды, искренне сочувствует христианам, которые верят в эту нелепицу.

Но обстановка в семье писателя складывалась так, что он был лишен возможности высказать свои взгляды открыто. Не желая портить отношений с женой, с друзьями, с издателями, он однажды произнес: «Пусть это будет напечатано после смерти». И «богохульные» произведения Твена были на долгие годы упрятаны в сейф.

Внешне Марк Твен как будто бы ведет жизнь добропорядочного христианина. Он вместе с семьей посещает церковь, перед обедом совершает молитвы, по вечерам слушает молитвы, слушает чтение Библии. Все это тяготит писателя. И он откровенно заявляет: «Я превращаюсь в лицемера. Я не верю в Библию. Мой рассудок не приемлет ее. Я не могу больше сидеть здесь и слушать, считая ее священным словом божьим».

Твен так и не сделался «примерным христианином». Он остался равнодушным к религии. В 1873 г. он говорит о себе как о «глубоко и полностью неверующем человеке». А пять лет спустя признается одному из своих друзей: «Я нисколько не верю в вашу религию. Если мое поведение когда-либо дало повод думать иначе, оно было ложью. Бывали минуты, когда мне почти казалось, что я уверовал, но они быстро проходили».

В неопубликованном отрывке из «Записной книжки», относящемся к 1887 г., Твен указывает, что убеждения его остались такими же, какими были еще в 1860 г., когда он писал брату: «Не понимаю, каким образом человек, не лишенный юмора, может быть верующим — разве что он сознательно закроет глаза своего рассудка и будет силой держать их закрытыми». Примерно в это же время великий сатирик излагает свой символ веры (см. стр. 245—246).

И «Записные книжки» и «Автобиография», полностью не опубликованные до сих пор, имеют огромное значение для понимания взглядов писателя, который всю жизнь не мог сказать открыто свое слово о религии. «Создавая «Автобиографию»,— писал он,— я все время помню о том, что я говорю из могилы, потому что буду мертв прежде, чем книга увидит свет. Но из могилы я говорю охотнее, чем языком живых, и вот по какой причине: я могу это делать свободно...»

Твен завещал публиковать различные части «Автобиографии» через 50, 100, 500 лет. Высказывания о бездоказательности существования Христа, об отвращении к богу и религии, о самом боге как мстительном, кровавом и злобном существе и тому подобное он завещал «никому не показывать на глаза вплоть до 2406 года».

В 1905 г. Твен написал рассказ «Военная молитва». Писатель завещал его опубликовать после смерти, ибо в этом рассказе он сказал правду о религиозной морали, которую «в этом мире может говорить только мертвый».

Рассказ «Путешествие капитана Стормфилда» был начат Твеном в 1866—1867 гг. Но в течение почти 20 лет никто из близких не знал об этом произведении. «Однажды вечером,— писала дочь Твена Сюзанна,— когда мы беседовали в библиотеке, он сказал мне, что думает создать одну книгу и после этого согласен больше ничего не писать, умереть. Затем он сказал, что он уже кое-что написал, чего и сам не ожидал,

и эта книга — единственная, над которой он работал с особенным удовольствием,— заперта внизу в сейфе и не будет опубликована». Эта запись сделана в 1886 г.

Рассказ в значительно урезанном виде вышел в свет в 1907 г., а полностью был опубликован только в 1952 г. В нем писатель касается существа одного из главных догматов христианства — веры в существование потустороннего мира, ада и рая.

Марку Твену даже мертвому не давали говорить о религии. Душеприказчики и дочь писателя Клара Клеменс (Габрилович) при подготовке «Автобиографии» к изданию изымали из нее целые главы. Тексты издаваемых произведений препарировались совершенно произвольно. Так готовились к изданию в США и «Письма с Земли».

В архивах Твена хранится немало произведений, которые до сих пор не опубликованы и о которых мы знаем по незначительным отрывкам и свидетельствам лиц, знакомившихся с архивами писателя. Среди них памфлет «Грандиозная международная процессия», о которой мы можем судить лишь по небольшому отрывку. О его разоблачительной силе можно судить по описанию одного из участников шествия — «христианства». Это «монументальная особа в развевающемся одеянии, пропитанном кровью. Голову венчает колючая золотая корона, на шипы которой насажены головы патриотов, отдавших жизнь за свою родину: буров, «боксеров», филиппинцев. В одной руке христианство держит пращу, в другой — евангелие, раскрытое на тексте: «Помогай ближнему»... Убийство и лицемерие поддерживают христианство под руки. Стяг с девизом: «Возлюби имущество ближнего, как самого себя!» Эмблема — черный флаг».

Критика религии Марком Твеном была неразрывно связана с социально-политическими взглядами писателя, обличавшего империализм и его захватническую политику, расизм и линчевание негров, колониализм и христианских миссионеров. Особенно разящий характер эти обличения носят в таких памфлетах сатирика, как «Соединенные Линчующие Штаты», «Человеку, ходящему во тьме», «Моим критикам-миссионерам» и др.

Американский литературовед Фонер, имевший возможность познакомиться с архивом писателя, сообщил о «длинных» письмах Твена священнику Твичелу, относящихся к началу 900-х годов. (См. *Ф. Фонер.* Марк Твен — социальный критик. ИЛ, Москва, 1961.) Судя по «Письмам с Земли» и другим произведениям, критика религии и церкви, религиозной морали и вероучения христианства принимает в это время у Твена особо резкий характер. Атеизм его становится глубоким, осознанным мировоззрением, критика религии глубоко связывается с раскрытием ее социальной роли. Все это вызвало нескрываемую тревогу и страх у священника Твичела, который, не проявляя заботы о «спасении» писателя от адских мучений после смерти, беспокоится об одном: чтобы мысли Твена не были обнародованы. Он просит писателя отводить душу в письмах.

Не совсем обычна и история опубликования «Писем с Земли» в США.

После смерти Твена в архивах писателя осталось много произведений, которые не увидели света при жизни сатирика. В течение нескольких десятилетий исследователи творчества Твена, занимавшиеся разбором его литературного наследия, опубликовали некоторые из этих произведений, однако большое количество очерков, набросков, заметок остается еще и сейчас неизвестным широкому читателю.

Только три десятилетия спустя после смерти Твена американский литературовед, биограф и исследователь творчества Марка Твена де Вото подготовил к изданию три тома неопубликованных произведений писателя, отобрав их из многих тысяч страниц его наследия. Однако дочь писателя Клара, которой согласно завещанию принадлежало последнее слово при публикации произведений Марка Твена, наотрез отказалась дать разрешение на опубликование вошедших в данное издание «Писем с Земли». Как сообщали газеты, Клара Клеменс, глубоко религиозная женщина, пришла в ужас, когда ознакомилась с «Письмами», в которых Твен со всей страстью сатирика, с присущим ему остроумием подверг беспощадной критике религиозную мораль, разоблачил ханжество христианских богословов, проповедующих «божественные заповеди, обнажил лицемерный характер ветхозаветных и новозаветных поучений. «Письма с Земли», заявила Клара Клеменс, представляют идейные позиции ее отца в извращенном виде.

Клара Клеменс дала согласие на опубликование «Писем с Земли» лишь в 1962 г. В сентябре того же года книга была издана в США. Книга в американском издании состоит из ряда сатирических произведений и отрывков и распадается на две основные части: первая включает в себя «Письма с Земли», «Архив семейства Адама» и «Письмо на Землю», в которых высмеиваются библейские сказания, показывается их нелепость, их противоречие здравому смыслу. Во второй части книги собраны различные, пестрые по тематике материалы, отобранные из неопубликованных рукописей. Большинство из них также содержит в себе критику религии, религиозной морали, церковных вероучений. Некоторые из них были опубликованы ранее. Меньшая часть этих произведений: «Кошачья сказка», «Из английской записной книжки», «Стиль прозы Купера», «Инцидент с Горьким», «Шутливая книга о хорошем тоне», «О Земле», «Золя», «Великая тьма» — не включена нами в данный сборник. Все остальные материалы из этой книги даны нами в переводе И. А. Гуровой.

Считая необходимым дать советскому читателю возможность составить более полное, чем это позволяет американское издание «Писем с Земли», представление об отношении Марка Твена к религии, мы включили в данный сборник также ряд ранее опубликованных в 12-томном Собрании сочинений М. Твена антирелигиозных произведений писателя и отрывки из них.

В сборнике представлены далеко не все атеистические произведения великого сатирика. Но и те рассказы, памфлеты, очерки, с которыми познакомится читатель, позволяют судить о взглядах писателя, его отношении к религии.

Издательство приносит благодарность доктору филологических наук М. О. Мендельсону за ценные замечания, сделанные при подготовке книги к изданию.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА С ЗЕМЛИ

О судьбе этого произведения Твена рассказывается в послесловии к данному сборнику.

Первое письмо было названо писателем «Сотворение человека». Но ввиду того что последующие письма тесно связаны с ним, де Вото, подготовивший это произведение к изданию в США, отбросил заголовок. Одновременно он опустил в конце первого письма шесть строк, так как в рукописи оно обрывается на середине предложения.

Твен оставил некоторые из последующих писем без номеров, а другим дал очень большие номера, показывая тем самым, что сохранилась лишь часть писем Сатаны. В настоящем издании дана порядковая нумерация писем.

На русском языке они публикуются впервые.

АРХИВ СЕМЕЙСТВА АДАМА

В этом произведении Твен использует интересный литературный прием. Он выступает как «переводчик» якобы обнаруженных им документов старейшей человеческой семьи, написанных на адамитском языке.

Фрагменты, опубликованные в «Архиве семейства Адама», были написаны великим сатириком в разное время. Комментатор Твена де Вото в примечаниях и послесловии к американскому изданию «Писем с Земли» указывает, что писатель, называвший себя в одной из неопубликованных работ «епископом нью-джерсийским» и «Отцом Истории», очень интересовался «частным архивом старейшей человеческой семьи» и как «философ» и как «историк». В произведениях писателя нет указаний на то, как этот «архив» попал в его руки. Рукопись осталась незаконченной. По мнению исследователей, она должна была находиться в определенной связи с другой рукописью, озаглавленной «Книга вторая», до сих пор не опубликованной. В этой книге, датированной «тысячелетием спустя со времени смерти Марка Твена», появляются темы, к которым писатель обращался в работах, относящихся к «году 920-му от сотворения мира». Таким образом, можно предполагать, что писатель хотел провести параллель между древнейшей эпохой и позднейшей цивилизацией в США, какой он ее себе представлял.

В настоящем издании «Архив» дополнен «Дневником Адама» и «Дневником Евы», опубликованными в Собрании сочинений Твена (Гослитиздат, 1961 г.).

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ЕВЫ

В марте 1893 г. Марк Твен закончил свой «перевод» «Дневника Адама». В 1905 г. он «перевел» «Дневник Евы» и начал работать над «Автобиографией Евы».

Де Вото пишет, что «Автобиография» причинила немало хлопот «переводчику». В «документах» первого семейства оказалось почти столько же путаницы, сколько в книге Бытия. И сам «Отец Истории», как именует себя Твен, не мог решить, какое из трех «найденных» им в архиве описаний Эдема до грехопадения «подлинно».

При подготовке «Автобиографии» к изданию в США часть текста была опущена. В частности, составитель опустил рассказ о первых днях знакомства Адама и Евы, так как он противоречит тому, что говорится в «Дневниках», а кроме того, он якобы «скучен и сентиментален».

Сохранившиеся в архиве Твена заметки по «непереведенным» частям «Автобиографии Евы» позволяют судить о том, что хотел сказать писатель в дальнейших главах. Он хотел показать, что Ева очень заинтересовалась циклическим возникновением «чудотворного культа» (т. е. религии). «Отец Истории» в свою очередь должен был прийти к выводу, что возникновение такой религии, как «христианская наука», является признаком загнивания общества. Когда люди начинают проповедовать религии подобного рода, цивилизация находится на краю гибели и необходим потоп.

Все эти тексты датируются примерно 1905—1906 гг.

СТРАНИЦА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ЕВЫ, ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА 920

В этом отрывке Твен наиболее отчетливо проводит параллель между временами Евы и эпохой, когда жил и творил писатель. Второе десятилетие X века после сотворения мира очень напоминало «Отцу Истории» первое десятилетие XX века.

«Перевод» отрывка осуществлен примерно в 1906 г.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА МАФУСАИЛА

«Перевод» этого дневника относится к тому периоду, когда Твен занимался историей Англии, готовясь к написанию «Принца и нищего». Именно тогда писатель «обнаружил сходство и соответствие в тюдоровской Англии и допотопном мире». Из этого «сходства» он вывел позднее «Общий закон истории».

В дальнейшем Твен хотел провести аналогию между эпохой Адама и современной писателю Америкой. Помимо этого, ему хотелось высказать свое мнение о потопе, «о котором чересчур благочестивые дураки много болтают и время от времени пророчествуют».

Мафусаил в этом отрывке выступает как критик своего общества. Он говорит о глупости, лицемерии, жестокости окружающего общества, с тревогой относится к установлению рабства. В заметках Твена, касающихся «непереведенных» частей дневника, указывается, что эта тревога

росла так, что в конце концов Мафусаил готов был отвергнуть религиозно-законодательную систему, созданную его народом. Вместе с тем Мафусаил много размышляет над предсказаниями пророков о том, что мир клонится к упадку, идет к своей гибели.

Обращаясь к эпохе Мафусаила, «Отец Истории» обнаруживает в ней много общего с обстановкой в США в последней четверти XIX века. В соответствии с «Законом периодических повторений» история повторяется. Твен считает, что в современную ему эпоху, как и во времена Мафусаила, великая цивилизация достигла той точки своего развития, когда верх начинают брать скрытые разрушительные силы. Они и должны привести цивилизацию к гибели.

ВТОРОЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА МАФУСАИЛА

Марк Твен собирался «перевести» «наблюдения» Мафусаила, касающиеся нравов и обычаев современного ему общества. Однако «перевод» вскоре был брошен. Публикуемый отрывок написан Твеном, по-видимому, в 1876—1878 гг.

МИР В ГОДУ 920 ПОСЛЕ СОТВОРЕНИЯ

Этот раздел тесно связан с предыдущими. Мир уже созрел для гибели, и Ной трудится над ковчегом. В тексте мельком упоминается некий диктатор, который, по-видимому, должен был сыграть немалую роль в последующих «документах» «Архива». К сожалению, Твен не успел их «перевести». Можно предполагать, что диктатор появляется в результате крушения «эксперимента с демократией», якобы имевшем место в V веке и о котором упоминается в дневнике Мафусаила. С другой стороны, как отмечает де Вото, он — «прямое порождение промышленной революции», относимой к VIII веку. Твен полагал, что прогресс науки и техники приведет к крушению цивилизации и в начале XX столетия.

Предположительно рукопись относится к 1906 г.

ДВА ФРАГМЕНТА ИЗ ЗАПРЕЩЕННОЙ КНИГИ, ОЗАГЛАВЛЕННОЙ «ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ, ИЛИ ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ»

В этих отрывках проводится параллель между падением демократии в годы Мафусаила и ожидаемым «Отцом Истории» падением демократии в начале XX века в США.

Многоточия в начале каждого фрагмента принадлежат самому Твену.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА СИМА ЗА 920 ГОД СОТВОРЕНИЯ МИРА

Это последний «перевод» из «Архива семейства Адама», «сделанный» Твеном с адамитского языка. Он относится к 1907 или к 1908 г. Есть данные, указывающие на то, что писатель собирался «переводить» «Архив» и дальше, но не осуществил своего намерения.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАПОВЕДИ И МОЛИТВЫ

Включенные в этот раздел произведения представляют собой наброски, которые Твен делал в последние годы жизни. В архиве писателя

сохранилось немало таких набросков. Некоторые из них остались незаконченными, другие имеют различные варианты.

В публикуемых набросках великий сатирик выступает с резкой критикой религиозной морали, показывает полную моральную деградацию представителей буржуазии, называя их «низшими животными», «благочестивыми лицемерами».

Отрывок «Французы и команчи» является одной из глав, не включенных в книгу «По Европе» (1879 г.).

Рассказ «Письмо на Землю» входил в 12-томное Собрание сочинений Твена под названием «Письмо ангела-хранителя». Для данного сборника он переведен заново.

БЫЛ ЛИ МИР СОТВОРЕН ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

Это один из философских набросков, которые Марк Твен писал в последние годы жизни, работая над книгами «Что такое человек» и «Таинственный незнакомец».

На русском языке публикуется впервые.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД ИИПК

По времени написания относится к 1909 г.

На русском языке публикуется впервые.

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА

Твен в своих очерках неоднократно обращался к религиозному течению «Христианская наука», получившему в конце прошлого столетия широкое распространение в США. В 1903 г. он подготовил книгу о «Христианской науке», в которую вошли все ранее написанные очерки. Книга увидела свет в 1907 г.

Писатель разоблачает основательницу «Христианской науки» Мэри Бейкер-Эдди, которая спекулировала на лечении некоторых заболеваний психики с помощью внушения. Он называл ее «царицей всех шарлатанов и лицемеров».

Необычайно быстрый рост приверженцев нового учения вызывал у Твена опасение, что «Христианская наука» к 1940 г. окажется «правящей силой в республике», т. е. станет государственной религией, что «трест («Христианской науки») ... станет к тому времени самым бесстыдным, самым неразборчивым в средствах политически-религиозным тираном, какого только знало человечество с благословенных лет цивилизации».

Выступления Марка Твена против этой религиозной организации сыграли немалую роль в ее разоблачении.

СРЕДИ ДУХОВ

Рассказ написан в 1866 г. В нем писатель разоблачает спиритизм, получивший распространение в конце прошлого века в буржуазных странах.

Стр. 202. Универсалисты — приверженцы универсалистской церкви, религиозного течения, выдвигающего на первый план исполнение нравственного долга.

Унитарианцы — последователи вероучения одного из протестантских направлений.

Стр. 203. Сезострис — древнеегипетский царь.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА СТОРМФИЛДА В РАЙ

Этот рассказ был впервые опубликован в значительно урезанном виде в 1907 г., а полностью увидел свет только в 1952 г. Он принадлежит к наиболее ярким атеистическим произведениям великого сатирика.

Твен питал особую привязанность к герою рассказа. Его именем он назвал дом, в котором провел последние годы жизни.

В этом произведении он в яркой сатирической форме разоблачил христианские представления о загробном мире, о рае и аде. Он показал рай, который мало чем отличается от земного мира. На небесах тоже нет справедливости, нет равенства, братства. В раю, выдуманном церковниками, обеспечено место не праведникам, а самым отъявленным грешникам. Так стоит ли верить в такой рай?

В настоящем сборнике публикуются отрывки из этого рассказа. Полностью он опубликован в 12-томном Собрании сочинений М. Твена.

МОРМОНЫ

В приводимых отрывках из книги «Налегке» Марк Твен дает описание жизни последователей одной из христианских сект, распространенной главным образом в США. Очень интересны разбор одного из мормонских переложений Библии, очерки по истории этой секты, внутренней ее жизни.

Отрывки печатаются по 12-томному Собранию сочинений Твена.

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

Эти отрывки, объединенные под одним названием, взяты из книги видного американского прогрессивного историка Филиппа С. Фонера «Марк Твен — социальный критик» (Изд. иностр. лит., Москва, 1961). В этой работе автор использует много неопубликованных материалов, выдержек из произведений Твена, хранящихся в архивах писателя в США. Публикуемые здесь отрывки из «Записных книжек» великого сатирика написаны в разное время. Они ярко характеризуют отношение Твена к религии, ее догматике и морали.

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЖАННЕ Д'АРК

Жизнь крестьянской девушки Жанны д'Арк, возглавившей в XV веке борьбу французского народа против английских оккупантов, привлекала внимание многих писателей. Ей посвятили свои произведения такие выдающиеся художники слова, как Вольтер, Шиллер, Анатоль Франс, Бернард Шоу.

Личность Жанны д'Арк, ее необычная судьба заинтересовали и Марка Твена. Писатель работал над романом с большим увлечением. «Из всех моих книг,— писал он впоследствии,— я больше всего люблю «Жанну д'Арк»; это лучшая из них, я это прекрасно знаю...»

В религиозной литературе подвиг этой французской девушки изображался как чудо, совершенное по божественному начертанию. Твен, обратившись к личности Жанны, увидел совсем иное. Не божественная

воля, а любовь к людям, к своему народу, патриотизм, стойкость и отвага руководят поступками героини романа, навсегда вошедшей в историю Франции.

В романе о Жанне д'Арк Марк Твен выступает как обличитель католической церкви, инквизиции, кровавых злодеяний служителей религии. С огромной силой с помощью художественных средств он воссоздает картину одного из самых чудовищных злодеяний католических церковников.

Печатается по тексту, опубликованному в 12-томном Собрании сочинений писателя.

БИБЛЕЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТАКТИКА

Год написания неизвестен. Впервые напечатано в 1923 г.

Стр. 260. Джон Хокинс (1532—1595) — английский адмирал и работорговец; трижды плавал к берегам Гвинеи, откуда вывозил негров на продажу; был пожалован гербом, а позднее — рыцарским званием.

Стр. 261. ...неполноценный христианин...— Очевидно, имеется в виду Уильям Уилберфорс (1759—1831), евангелист по вероисповеданию, возглавивший парламентскую борьбу за отмену работорговли.

Стр. 262. Салем — город в штате Массачусетс, особенно прославившийся «ведьмовскими процессами».

Печатается по тексту 12-томного Собрания сочинений Твена.

СОЕДИНЕННЫЕ ЛИНЧУЮЩИЕ ШТАТЫ

Памфлет был написан в 1901 г., впервые напечатан в 1923 г. Поводом для его написания послужила вспышка расового разгула, резкое увеличение случаев линчевания в США. Твен выступает как страстный обличитель расизма, кровавого изуверства в «процветающем» американском государстве.

Стр. 267. Савонарола (1542—1598) — итальянский монах-доминиканец, обличитель церковных и политических нравов. Был сожжен на костре как еретик.

Стр. 268. Хобсон Ричмонд Пирсон — офицер флота США, во время испано-американской войны 1898 г. затопивший угольное судно «Мерримак» у входа в бухту Сантьяго (Куба) в надежде запереть в бухте испанский флот.

Печатается по тексту, опубликованному в Собрании сочинений Марка Твена.

ВАЖНАЯ ПЕРЕПИСКА

Это яркое публицистическое произведение написано в 1865 г. Твен обличает духовенство в вымышленной переписке со священниками из Нью-Йорка, Филадельфии и Чикаго по поводу вакансии в Сан-Францисском соборе Милосердия.

В «Важной переписке» писатель рисует выразительные портреты современных ему американских «дельцов церкви», делающих бизнес на религии и опережающих по прибылям самых удачливых бизнесменов.

В настоящем сборнике печатается по тексту, опубликованному в Собрании сочинений Твена.

ДОБРОЕ СЛОВО САТАНЫ

Написано в 1905 г.

Стр. 286. Рокфеллер Джон Д. (1839—1937) — нефтяной магнат, основатель одной из крупнейших корпораций США — «Стандарт ойл».

Стр. 286. «Совестные деньги» — деньги, которые вносят (обычно анонимно) в государственное казначейство лица, ранее незаконно присвоившие какие-то суммы или уклонившиеся от уплаты налогов.

Печатается по тексту Собрания сочинений Твена.

СДЕЛКА С САТАНОЙ

Печатается по тексту, опубликованному в 12-томном Собрании сочинений Марка Твена.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Это произведение Твена впервые опубликовано в 1916 г. Биографы писателя рассказывают, что поводом для его написания явилась найденная Твеном в 1867 г. в одной из нью-йоркских библиотек «любопытная книжка» — апокрифы Нового завета издания 1621 г. В апокрифах шла речь о различных чудесах, творимых Христом. События, описываемые в этой книге, были воскрешены в «Таинственном незнакомце», но главным действующим лицом стал не Христос, а его антипод Сатана, существо «протестующее». Место действия было перенесено в австрийскую деревню Эзельдорф, а все события — во времена средневековья.

Содержание повести представляет собой синтез наблюдений Марка Твена над жизнью современного ему общества. Произведение написано в форме философской сказки. Главное действующее лицо — Сатана — лишено конкретной характеристики. У Сатаны остается лишь человеческое имя — Филипп Траум. Он выступает в повести как смелый и справедливый обличитель, и уже одно это — вызов христианскому вероучению.

...Майским утром среди детей, наслушавшихся рассказов о духах, ведьмах и вурдалаках, появляется красивый чужой мальчик. Он обнаруживает чудесные способности читать вслух невысказанные мысли, выполнять любое желание своих новых друзей, одним дуновением превращать воду в лед. На вопрос, кто он, незнакомец отвечает, что он ангел, и начинает лепить из глины живых крошечных человечков. Затем называет свое имя — Сатана. Юному Сатане шестнадцать тысяч лет. Он племянник согрешившего Сатаны и принадлежит к безгрешной ветви этой семьи. Сатана видел сотворение мира и человека, знал Самсона и Цезаря, ад и рай, может вызвать бурю, землетрясение, сотворить живое и умертвить его. Твеновский Сатана раскрывает стены тюрьмы перед своим спутником — мальчиком Теодором и показывает ему камеру, где пытают человека. Ребенок ужасается — какое зверство! «Нет,— говорит Сатана,— это человеческое дело, вы не можете оскорблять зверей злоупотреблением этого слова... Никогда животное не совершает жестокого поступка; это привилегия тех, кто обладает моралью».

Устами Сатаны Твен прежде всего обличает жестокость собственника. Он показывает детям современную фабрику как образец «человеческой жестокости». Усталые, измученные и голодные рабочие — полумертвые от истощения и тяжкой работы мужчины, женщины, дети —

задыхаются в раскаленной атмосфере и клубах пыли. Указывая на них, Сатана восклицает: «И это мораль? Собственники богаты и благочестивы, но плата, которую они дают этим своим бедным братьям и сестрам, едва достаточна для того, чтобы бедняки не умерли с голоду». Сатана как будто видит перед собой совершенно реальную картину условий труда на предприятиях США конца XIX века, когда говорит: «Их заставляют работать по четырнадцать часов в сутки круглый год, с шести утра до восьми часов вечера, и маленьких и взрослых. А от фабрики до тех хлевов, где живут рабочие, четыре мили ходу в один конец; ежедневно, изо дня в день, из года в год, в дождь и грязь, снег и бурю они должны совершать этот путь. На отдых и сон у них остается четыре часа в сутки. Они теснятся по три семьи в одной клетушке, в ужасающей грязи и вони, заболевают и мрут скопом. В чем же их вина, что они терпят такие жестокие муки? Ни в чем, разве только в том, что они родились на свет как люди... А ведь владелец фабрики обладает Нравственным Чувством, следуя которому он должен отличать добро от зла,— и вот какой результат. Люди воображают, что они лучше собак. Ах, какая это лишенная логики и рассудка порода! И какая подлая, какая подлая!»

В Индии, куда Сатана переносит своих спутников, он творит чудо: из семени, только что зарытого в землю, мгновенно выращивает чудесное дерево, покрытое бананами, виноградом, абрикосами, грушами, вишнями и т. д. Весть о чуде быстро распространяется в селении. Люди наполняют корзины плодами. А дерево неистощимо: новые плоды тут же вырастают на ветвях, и снова наполняются корзины. Но вот появляется «иностранец в белом костюме и с пробковым шлемом на голове» и сердито кричит: «Убирайтесь прочь! Пошли вон, собаки! Дерево растет на моей земле и является моей собственностью!» В этом иностранце нетрудно узнать современного колонизатора.

Христианские предания изображали Сатану «врагом рода человеческого». Марк Твен изображает Сатану врагом эксплуататоров, превращая его в друга эксплуатируемых и гонимых. Он соединяет в образе Сатаны свои представления о свободе мысли, независимости суждений, уме, красоте, ловкости, а самое главное — о справедливости. И все отрицающий Сатана в конце повести проклинает этот несправедливо устроенный человеческий мир.

«Таинственный незнакомец» — произведение, продиктованное теми же самыми мыслями и чувствами, которые заставили Твена перед смертью записать: «Найти Америку было замечательно, но было бы еще замечательнее потерять ее...»

В «Таинственном незнакомце» Марк Твен поразительно верно предсказал будущее своей родины: «...Подавляющее большинство людей, как находящихся в первобытном состоянии, так и цивилизованных, в глубине души своей добры и не хотят никому причинять боль; но перед лицом агрессивного, безжалостного меньшинства они не осмеливаются отстаивать свои взгляды. Подумайте только: одно доброе по натуре существо шпионит за другим добрым существом, добиваясь от него преданного служения злу, которое омерзительно для них обоих... Пройдет немного времени, и вы увидите такое удивительное зрелище: ораторов погонят с трибун камнями, и толпы изуверов кинутся душить свободу слова, хотя в тайниках души эти люди по-прежнему останутся заодно с теми, в кого полетят их камни,— только вслух сказать об этом они не посмеют. И вот уже целая нация, включая церковь и все остальное, охвачена военной истерией и, надрываясь от истошных криков, чинит самосуд над всяким честным гражданином, дерзнувшим открыть рот;

и вскоре ни один рот больше не открывается. Затем государственные деятели начнут сочинять грубые фальшивки, перекладывая вину на народ той страны, которая подверглась нападению, и люди охотно примут такую ложь, усыпляющую совесть, и будут усердно твердить ее, не желая слушать никаких опровержений. И так, мало-помалу, каждый человек сумеет убедить себя, что эта война — справедливая, и будет радоваться, что, поддавшись столь чудовищному самообману, он стал теперь, слава богу, спать спокойнее».

В настоящее издание включены отрывки из повести «Таинственный незнакомец». Это произведение полностью опубликовано в Собрании сочинений Твена.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА С ЗЕМЛИ

Перевод И. Гуровой

Письмо Сатаны . . . 12
Письмо второе . . . 13
Письмо третье . . . 19
Письмо четвертое . . . 24
Письмо пятое . . . 27
Письмо шестое . . . 29
Письмо седьмое . . . 33
Письмо восьмое . . . 40
Письмо девятое . . . 45
Письмо десятое . . . 46
Письмо одиннадцатое . . . 52

АРХИВ СЕМЕЙСТВА АДАМА

Дневник Адама *(Фрагменты). Перевод Т. Озерской* . . . 59
Дневник Евы *(Перевод с оригинала). Перевод Т. Озерской* . . . 71
Из дневника Адама *(Фрагмент). Перевод Т. Озерской* . . . 82
После грехопадения . . . 86
Сорок лет спустя . . . 88
У могилы Евы . . . —
Отрывок из автобиографии Евы. *Перевод И. Гуровой* . . . —
Отрывки из дневника Евы, включенные в ее автобиографию. *Перевод И. Гуровой* . . . 92
Страница из автобиографии Евы, год от сотворения мира 920. *Перевод И. Гуровой* . . . 99
Дневник Мафусаила. *Перевод И. Гуровой* . . . 100
Первый отрывок . . . —
Второй отрывок из дневника Мафусаила . . . 105
Отрывок из статьи в «Радикале» за январь 916 года. *Перевод И. Гуровой* . . . 110
Мир в году 920 после сотворения. *Перевод И. Гуровой* . . . 112
Из дневника дамы, состоящей в Третьей Степени Родства. *Перевод И. Гуровой* . . . —
Извлечение из беседы Реджинальда Селкирка, Безумного Философа, с Ее Величием, Исполняющей Обязанности Главы Человечества. *Перевод И. Гуровой* . . . 115
Отрывок из лекции. *Перевод И. Гуровой* . . . 117

Отрывок из дневника человека с положением. *Перевод И. Гуровой* . . . 120
Отрывок из дневника. *Перевод И. Гуровой* . . . 124
Два фрагмента из запрещенной книги, озаглавленной «Взгляд на историю, или Общий очерк истории». *Перевод И. Гуровой* . 125
Отрывок из дневника Сима за 920 год от сотворения мира. *Перевод И. Гуровой* . . . 128

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАПОВЕДИ И МОЛИТВЫ

Низшее животное. *Перевод И. Гуровой* . . . 133
В суде аверей. *Перевод И. Гуровой* . . . 142
Разум бога. *Перевод И. Гуровой* . . . 144
Французы и команчи *(Глава, не включенная в окончательный вариант рукописи «Пешком по Европе»). Перевод И. Гуровой* . 145
Письмо на Землю. *Перевод И. Гуровой* . . . 152
Военная молитва. *Перевод Т. Кудрявцевой* . . . 157
Кое-что о раскаянии. *Перевод И. Гуровой* . . . 160
[Молитва о прянике]. *Перевод Н. Дарузес* . . . 161
Любознательная Бесси. *Перевод А. Старцева* . . . 163
[Мистер Рокфеллер и Библия]. *Перевод А. Старцева* . . . 166

РЕЛИГИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ КРИТИЧЕСКОГО РАЗУМА

Был ли мир сотворен для человека? *Перевод И. Гуровой* . . . 175
Официальный доклад Иипн. *Перевод И. Гуровой* . . . 180
Христианская наука. *Перевод Т. Рузской* . . . 182
Глава I . . . —
Глава II . . . 184
Глава III . . . 192
Глава IV . . . 196
Среди духов. *Перевод А. Старцева* . . . 198
Рассказ капитана. *Перевод Т. Рузской* . . . 204
Путешествие капитана Стормфилда в рай. *(Отрывки.) Перевод В. Лимановской* . . . 208
Мормоны *(из книги «Налегке»). Перевод В. Топер* . . . 222
Глава XV. Языческий вертеп.— Толки о многоженстве.— Внучка и бабушка.— Курятник для жен в отставке.— Детей надо метить.— Отеческая забота о подкидышах.— Семейная кровать . . . 224
Глава XVI. Мормонская библия.— Доказательства ее божественного происхождения.— Плагиат.— Рассказ Нефи.— Примечательная битва.— Посрамление килкеннийских кошек . . . 229
Свидетельство трех очевидцев . . . 230
А также свидетельство восьми очевидцев . . . 231

А. Краткий очерк истории мормонов 235
Б. Резня на Горном лугу 238
Из «Записных книжек» [*1892—1895. Германия. Италия. Англия. Франция*]. *Перевод А. Старцева* 241
(О вере и боге). *Перевод И. Гуровой* 245

БИБЛЕЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТАКТИКА

Личные воспоминания о Жанне д'Арк... *(Отрывки.) Перевод З. Александровой* 249
Глава XIV. Жанна борется против «Двенадцати лживых обвинений» . . . . —
Глава XVII. На краю гибели Жанна предстает во всем своем величии 254
Глава XVIII. Осуждена, но не сломлена 255
Библейские поучения и религиозная тактика. *Перевод Э. Боровика* 258
Соединенные Линчующие Штаты. *Перевод Т. Кудрявцевой* . . 263
О запахах. *Перевод С. Маркеша* 270
Важная переписка. *Перевод В. Лимановской* 272

ДОБРОЕ СЛОВО САТАНЫ

Из «Автобиографии». *Перевод Н. Дарузес* 285
Доброе слово Сатаны. *Перевод В. Лимановской* 286
Сделка с Сатаной. *Перевод М. Литвиновой* 287
Таинственный незнакомец. *(Отрывки.) Перевод А. Старцева* . . 296
Послесловие 304
Комментарии и примечания 309

Твен Марк.
ПИСЬМА С ЗЕМЛИ. М., Политиздат, 1964.
320 с. с илл.

И (Амер.)

Составитель *Ф. И. Гаркавенко*
Редактор *А. Белов*
Художник *В. Горяев*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *Т. Климова*

Подписано в печать с матриц 8 июня 1964 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Физ. печ. л. 20. Условн. печ. л. 18,20.
Учетно-изд. л. 17,52. Тираж 140 тыс. экз.
Заказ № 2299. Цена 68 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.